Еремей ПАРНОВ

9

Еремей
ПАРНОВ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДЕВЯТЫЙ

Пылающие скалы

Проснись, Фамагуста

КТЕРРА
МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П18

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Парнов Е. И.

П18 Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9: Пылающие скалы; Проснись, Фамагуста: Повести. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 368 с.

ISBN 5-300-02347-7 (т. 9)
ISBN 5-300-01818-X

Еремей Парнов — известный российский писатель, публицист, ученый и путешественник, автор научно-фантастических, приключенческих, исторических и детективных произведений, пользующихся неизменным успехом у читателя.

В девятый том Собрания сочинений включены повести «Пылающие скалы» и «Проснись, Фамагуста».

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02347-7 (т. 9)
ISBN 5-300-01818-X

© Е. И. Парнов, 1998
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

Пылающие скалы

Повесть

I

Еще вчера влачить жизнь далее казалось невмоготу, и банальная мысль о неизбежности смерти, обычно сжимавшая сердце, ласкала воображение. А утром все чудесным образом переменилось. Невзирая на недосып и тревожное обмирание в груди на последних секундах душного утреннего забытья. Вопреки образу, возникшему в ярко освещенной ванной, когда Светлана Андреевна, рассеянно наложив питательный крем, встретила взгляд гостьи из Зазеркалья. На фоне сверкающего в беспощадном люминесцентном озарении голубого кафеля она выглядела особенно жалко, бедная гостья, потерпевшая очередное кораблекрушение. Но ведь живая — свободная и живая. Выброшенная на дикий берег милосердной волной, она не потонула в пучине, чтобы очнуться в однокомнатной голой квартирке, затерявшейся среди однотипных кварталов Беляева, и попробовать — еще раз! — начать с нуля.

— А, провались оно все... — отчетливо и со вкусом процедила Светлана Андреевна, ощутив прилив веселой злости. Кощунственно смыв драгоценную мазь водой из-под крана, она сорвала бигуди, наскоро, едва не выдирая пряди, расчесала все еще золотые венецианские волосы и подчернила ресницы. Голубой тон помог несколько сгладить предательские морщинки, зеленый — выгодно подчеркнуть хризолитную чистоту вечно молодых — да будет так вовеки и присно! — завлекательных глаз. Да, вопреки всему настроение ползло вверх, как ртуть в термометре, выходящем из тени. Свой бесподобный, в мелкую клеточку костюмчик Светлана Андреевна надела, уже мурлыча какую-то песенку. Тронув хрустальной пробкой виски, она оглядела пустую комнату, где, кроме раскладушки, цветного телевизора и чемодана в углу, решительно ничего не было, и поставила изысканный флакон «Нины Риччи» на подоконник. Между кораллом с Мальдивского архипелага и горшком, в котором отчаянно боролось за жизнь подернутое голубоватой пыльцой колонхое, излечивающее несметное число болезней.

Вздрогнув от разбойничьего свиста закипевшего чайника, Светлана Андреевна бросилась в кухню, чтобы наскоро про-

глотить чашку кофе. Пока это было мало-мальски обжитое помещение. Здесь она изредка готовила, а чаще ела всухомятку. Здесь же читала, включив поворотный светильник, а иногда и работала по вечерам. Для этого стоял в готовности на разделочном столике футляр с бинокулярным микроскопом, приспособленным для микросъемки.

Старший научный сотрудник и кандидат наук, Светлана Андреевна Рунова была автором сорока печатных работ и двух (в соавторстве) монографий. Но не о статьях в толстых академических журналах, не о солидных с золотым тиснением книгах думала она, глотая горячий кофе и без особой охоты жуя бутерброд с пересохшим ломтиком сыра. С сегодняшнего утра ей стало всепоглощающе жаль себя. В первый раз с того дня, когда шесть месяцев назад разбился на острых житейских рифах ее второй брак. И в этом обжигающем, все затопившем чувстве, в солевом приливе его мнился призрак скорого освобождения. Как легко было расстаться с вещами, налаженным бытом. Каким трудным и долгим оказалось расставание с памятью, с пустотой и тупым оцепенением одноликих бессмысленных дней. Только бы не разреветься, подумала Светлана Андреевна, неосознанно оберегая свой виртуозный макияж. Скорее на улицу, на люди, на свежий воздух!

Презрев вечно занятый лифт, она сбежала с четырнадцатого этажа и полетела, едва касаясь земли, к автобусной остановке. Стройная, длинноногая, в отличных туфельках из невесомой испанской кожи, она ощущала себя каравеллой, готовой вырваться на простор из темного, до смерти надоевшего дока. Да, именно так, разумеется, не отдавая себе в том отчета, чувствовала себя эта привлекательная женщина, искусно лавируя без потери темпа среди вечно спешащей толпы. Помимо стереотипов романтики и прочно застрявших в сердце осколочков детства у Светланы Андреевны было неоспоримое право мерить себя морскими категориями. Что там ни говори, но она четыре раза пересекла экватор на исследовательских судах и в глубине души считала себя настоящим морским волком. По крайней мере об этом свидетельствовал диплом, подписанный богом морей Нептуном, висевший в кухне над холодильником «Розенлев».

Бросив взгляд на очередь под навесом и краем глаза выхватив в застрявшем у светофора потоке машину с зеленым огоньком, Рунова метнулась наперехват. Она знала, что сегодня ей будет везти во всем, и, не задумываясь, рванула дверцу притормозившего таксомотора.

— В центр! — бросила, плюхнувшись на заднее сиденье, и без особой надобности вынула из сумочки перламутровую пудреницу.

Впрочем, была надобность, да еще какая! Овальное зеркальце, несмотря на всевидящий дневной свет, проявило по-

хвальную благосклонность к своей немного взбалмошной, ветреной, но, в общем-то, прелестной хозяйке.

Подъезжая к цели, Светлана Андреевна излучала спокойствие и доброжелательную уверенность в своем обаянии и интеллекте. Это не было результатом какого-то волевого усилия, скорее данью привычке. Тем более что дело предстояло если и не пустяковое, то и не настолько серьезное, чтобы ради него лезть из кожи. В Институте океанической флоры и фауны она знала почти каждого. Одних по совместным экспедициям, других по всевозможным конференциям, симпозиумам, ученым советам. Работая на геологическом факультете МГУ, Светлана Андреевна так или иначе была причастна к деятельности многих научных учреждений. Ее тематика — простейшие водоросли — затрагивала интересы самых различных специалистов: геологов, океанологов, биологов. Особую актуальность она приобрела в последние годы, когда стали создаваться плантации в море и резко расширился фронт исследований в области аквакультуры — промышленного освоения и воспроизводства океанских даров.

Такси свернуло с грохочущего Ленинского проспекта в тенистый переулок и остановилось у двухэтажного дома с колоннами, полускрытого частой порослью старых лип. Волнующе остро повеяло только что распустившимися листочками. Жизнерадостно блестели лужи на свежеполитом, порядком растрескавшемся асфальте. Напитанные светом капли дрожали на чугунных пиках ограды. Скользнув бочком в растворенную калитку и осторожно ступая по мокрому гравию, Светлана Андреевна обогнула торчащие из-под земли грибы вентиляционных устройств. Дабы миновать бесконечные институтские коридоры с их хитроумно запутанной системой переходов, подъемов и спусков, где ничего не стоило «зацепиться языком» с кем-нибудь из приятелей и сгинуть до конца рабочего дня, она решила войти с бокового подъезда. Спустившись в лабораторный цоколь и выйдя оттуда к парадной лестнице, можно было сразу подняться на второй этаж, к директорскому кабинету, где священнодействовал, пока академик Двурогих жарился под тропическим солнцем на «Витязе», его зам по науке Федя Слепцов.

— У Федора Васильевича совещание, — отставив маникюр, мгновенно отреагировала молоденькая секретарша.

— Надеюсь, я не очень опоздала, — бросила Рунова и, с отрешенной улыбкой пройдя приемную, распахнула дверь.

Совещания не было, хотя шла оживленная беседа, в коей участвовали новоиспеченный доктор Гена Софронов и пожилой, порядком облысевший мужчина, чье помятое, отмеченное клеймом вечного недовольства лицо показалось Светлане знакомым.

— Незваных гостей принимаете? — Победно вскинув голову и слегка подбоченясь, она остановилась на пороге.

— О чем речь? — С заметно преувеличенным радушием Федор Васильевич выскользнул из-за стола и, разгоняя рукой папиросный дым, шагнул навстречу. Софронов неуверенно приподнялся и отошел зачем-то к окну. Только лысый остался сидеть, замкнувшись в своей непроницаемой неприязни.

— Привет! — Светлана Андреевна слегка присела, повернувшись на носках, отчего плиссированная юбка, взметнувшись колоколом, послушно прильнула к ногам. — Рада видеть тебя, — благосклонно кивнула Федору Васильевичу. — Я ненадолго. — Она сама выбрала место, энергично выдвинув стул на самую середину, что помешало Федору Васильевичу возвратиться к вожделенному креслу, и он, помявшись, устроился за столом ученого совета.

— Да у нас, в сущности, все, — пожал плечами Софронов и поманил за собой лысого. — Зайдем на минутку ко мне, а там поедем в гостиницу.

— Кто это? — спросила Рунова, когда дверь медленно и бесшумно закрылась.

— Банкетов из Дальневосточного центра Академии наук. Приехал выбивать реактивы.

— Очень кстати, — удовлетворенно кивнула Светлана Андреевна. — Я к тебе, собственно, почти по этому поводу.

— Тебе нужны реактивы?! — несказанно удивился он.

— Нет, разумеется, а вот Дальний Восток мне действительно нужен. Хочу поработать на биостанции... Не возражаешь?

— Какой может быть разговор! Только вот...

— Не за ваш счет, можешь не опасаться. — Светлана Андреевна позволила себе пренебрежительную гримаску. — Факультет дает мне командировку.

— Это замечательно, — Федор Васильевич попытался изобразить восторг, — но мы располагаем очень ограниченным количеством мест, сама знаешь. Что, если вам напрямую связаться с Владивостоком? Уверен, что Московскому университету они не откажут.

— Зачем говорить об университете, когда дело касается меня лично? — сухо, с нажимом спросила Рунова. — Либо оторви местечко от себя, либо верни этого... Банкетова. Пока не поздно.

— Он ничего не решает, — досадливо поморщился Слепцов. — А тебе что, очень хочется?

— Надо, Федя. Слышал такое слово?

— Ох Светик-цветик. — Слепцов решил переменить тактику. — Взгляни на ситуацию моими глазами. Приезжает роскошная женщина, учти, что я отчетливо вижу тебя там, так сказать, на природе. Загорелую, взрывоопасную, в бикини... Ведь все мужики перебесятся. Работа к чертям собачьим полетит.

— Сволочь ты, Федор, — холодно бросила Светлана Андреевна, доставая пачку «Ронхила». — Дай спичку!

— Прошу. — Слепцов услужливо клацнул электронной зажигалкой. — За что ты меня так?

— Я ведь все равно поеду. — Она оставила вопрос без внимания. — Так или иначе, но я буду на станции. — И, выдержав сосредоточенную паузу, заключила: — На крайний случай Дима Северьянов поможет.

— Дима? — озадаченно поднял брови Федор Васильевич.

— Почему нет? — Рунова знала, что удар достиг цели. Напомнив про Северьянова, который безумно был нужен Федору, она прозрачно намекнула на весь их спаянный клан, на обостренную чувствительность всех и каждого к неписаным законам взаимовыручки.

— Передавай ему привет, — озабоченно кивнул Федор Васильевич, в мгновение ока сообразив, сколь многое может быть потеряно из-за какого-то пустяка. — Все же, думается, мне это дело проще решить, чем Диме?

— И я так сперва думала, пока ты меня не огорошил.

— Это чем же? — Он осторожно коснулся ее руки, в которой дымилась догоравшая сигарета, и хитро прищурил глаз.

— Гнусными намеками. — Она мгновенно приняла условия игры, сведя все к шутке. — Вы, мужики, только об одном и думаете. Что, я не знаю, сколько там всяких лаборанточек-практиканточек? Старой бабы в бикини он испугался! Фу!

— Ну, прости. — Он бережно высвободил дымящийся фильтр из ее тонких, безупречно ухоженных пальцев. — На следующей неделе вылететь сможешь? — спросил вкрадчиво и, встретив просиявший взгляд, снисходительно усмехнулся. — Тогда заказывай билеты.

— Это уже разговор! Благодарю. — Она потянулась за сумкой, небрежно брошенной на зеленое сукно стола. А ты постарел, — уронила не без злорадства.

— Тут не то что постареешь, — он машинально огладил красиво седеющую голову, — того и гляди, ноги протянуть можно. Забот полон рот.

— Ну, всего тебе лучшего, Федя.

— Постой. — Он попытался удержать ее, чтобы окончательно сгладить наметившуюся было трещину. — Как жизнь?

— Как всегда, превосходно. А у тебя?

— Никакой жизни. — Он непритворно вздохнул. — Мышиная возня.

— Все потому, что на Олимп лезешь. — Она показала глазами на знаменитое кресло академика, сделанное из оленьих рогов. — Мудрее надо быть, дружок. По-настоящему иные люди отбрыкиваются от власти.

— Какое там, — махнул рукой Федор Васильевич. — Надо бы комфорт достойный тебе обеспечить? — Он перевел разговор в другое русло. — Не в палатке же прозябать.

— Как-нибудь сама о себе позабочусь.

— Зачем же сама? Аль мы не рыцари, не кавалеры. Сегодня же позвоню, и все будет тип-топ, в надлежащем виде.

— Не беспокойся, я могу и в палатке.

— Ты же у нас геологиня! Жаль, Неймарк завтра летит, а то был бы славный попутчик. Ведь там пока доберешься...

— Александр Матвеевич? — Рунова обрадовалась, что Неймарк — видный генетик и удивительно добрый человек, которого она искренне уважала, тоже собирается на биостанцию. — Великий истребитель!

— Что? — не понял Слепцов.

— Так, глупое прозвище. — Ее глаза чуть затуманились приятным воспоминанием. — Как-то за один сезон он выпотрошил семь тысяч морских ежей... Ножницами!

— Мне бы его заботы, — проворчал Слепцов.

— О да! — неопределенно откликнулась Светлана Андреевна.

— Один вопрос под занавес. — Федор Васильевич услужливо приоткрыл дверь. — Можно?

— Давай. — Она равнодушно пожала плечами.

— Скажи честно: на кой ляд тебе все это надо?

— Заработалась, врачи советуют.

— А может быть, тебе поехать куда-нибудь на курорт, могу по старой памяти помочь с путевкой. Кстати, наклевывается хороший вариант.

II

Когда Евгения Владимировича Доровского избрали членом-корреспондентом Академии наук по Сибирскому отделению, всем стало понятно, что наступила полоса перемен. К сожалению, вполне предсказуемых. Доровский еще пытался темнить, уговаривал сотрудников подождать, уверяя, что, как бы ни сложилась его судьба, проблемную лабораторию он никогда не оставит. Возможно, на первых порах он и сам так думал, хотя маловероятно, ибо всегда держал нос по ветру и не терял чувства реальности. Насчет его переезда в Новосибирск иллюзий быть не могло. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовал сам факт избрания московского доктора наук. В Академгородке уже давно не ощущалось недостатка в специалистах. На занятую Доровским вакансию претендовало по меньшей мере трое не менее достойных сибиряков. Но переезд переездом, а какую-то опорную точку Евгению Владимировичу могли и оставить. Вдруг надумает вернуться лет эдак через пять—десять?

Но эту наивную версию, выдвинутую неистощимым оптимистом Ровниным, напрочь разбил Кирилл Ланской:

— Что положено Юпитеру, то не положено быку. Шеф всего лишь членкор, а не полный академик и тем более не светило. И вообще для нас, бедных соискателей-мэнээсов, даже пять лет равносильны вечности, — отрезал он, стоя на лестничной площадке в окружении наиболее доверенных лиц. — Я, например, намеревался защититься в будущем году. И что же мне теперь делать? Ждать у моря погоды?

— Зачем ждать? — меланхолично возразил тучный завитой, как барашек, Марлен Ровнин. — Будем пахать, а там, глядишь, образуется.

— Не образуется. — Ланской присел на ящик с песком. В косых лучах солнца его чеканный профиль четким силуэтом обозначился на дверце пожарного крана. — Пришлют новую метлу, и все полетит вверх тормашками. Новая тематика, новые хоздоговоры. Не забывайте, что большинство из нас не на госбюджете.

— На договорах, — удрученно вздохнула Тамара Данилова, прозванная за успехи в спортивном плавании Рыбой.

— Не в том суть, — уточнил Володя Орлов — монументальный красавец с неподвижным, слегка одутловатым лицом. Он заканчивал аспирантуру и мог позволить себе не слишком задумываться о будущем. — Мне, например, после защиты почти гарантирована основная тематика. Только что толку? Шеф-то у нас тю-тю! У кого спросить, под кого работать? Если защищусь, буду рвать когти.

— Куда? — полюбопытствовала Тамара.

— Была бы шея, ярмо найдется... Не в том закавыка. Беда в другом, братцы-кролики. С отъездом Евгения Владимировича рушится наше маленькое, но такое уютное гнездышко. Мне достоверно известно, что лабораторию разделят. Директор лелеет идею укрепить базу. Да и Крючко не прочь отхватить себе кусок пожирнее. Пока придет новый хозяин, останутся рожки да ножки. Это я вам точно говорю! — Он многозначительно поднял палец. — Скоро сами увидите.

— Я тоже слышала насчет подмосковной базы, — подтвердила Томка. — Директор давно подкапывается под шефа. Дескать, мы — отраслевой институт и нужна практическая отдача, а не академические исследования.

— Прямое восстановление железа — академическое исследование? — недоверчиво хмыкнул Ровнин.

— Так когда оно появилось, твое прямое восстановление? — отмахнулся Орлов. — Без году неделя. Если хочешь знать, Евгений Владимирович только потому и взял вас с Кирой, что обозначилась выигрышная тематика, непосредственно связанная с производством. Под нее он столько себе

натаскал, что другому на целую жизнь хватит. Помяните мое слово, он потянет вас за собой.

— Дудки, — невесело усмехнулся Ланской. — Мне членкорство не светит.

— А я бы поехал на пару годиков, чем черт не шутит, — вздохнул Марлен Ровнин. — Второго такого шефа не скоро сыщешь, что там ни говори. И защититься в Академгородке легче. Ведь так?

— Брось, Малик, — лениво поморщился Орлов. — Много ли внимания уделял тебе наш шустрик? Так, сплошное порхание, две-три минуты на ходу. Вон он, твой шеф. — Володя кивнул на Ланского. — Сколько бы ты ни наработал на своих трубках, все равно без Киры науки на диссертацию не надоишь. Куда тебе от него деться?

— Некуда, — невозмутимо признал Ровнин. — А разве нельзя наезжать? Подумаешь, четыре часа полета!

— Во дает! — восхитился Орлов, картинно сунув руки в карманы жилетки. — Можно подумать, что тебя уже ангажировали. Ну-ка, давай, сознавайся.

— Почему нет? — попытался отшутиться Ровнин. — Я и вещички собрал: сундуки, чемоданы, узлы.

— А твои малышки? — всплеснула руками напрочь лишенная критического начала Тамара. — А музыка?

— Н-не до м-музыки, — заикаясь, подвел итоги аспирант Пальминов. — П-перерыв кончился. П-по стойлам п-пора.

— Не суетись, — зевнул Володя Орлов. — Пойду-ка отмечусь в журнале: съездить кое-куда требуется.

После ухода Орлова и Пальминова компания распалась. Марлен ушел добывать спирт для стеклодува, согласившегося наконец сделать кварцевую трубку с диафрагмой для металлической сетки. В обычном цилиндре сетка при нагревании корежилась, и железная руда просыпалась на органический восстановитель.

— Сходим после работы в бассейн? — предложила Тамара, роясь в карманах своего некогда белого, прожженного химикалиями халата.

— Не, Том, неохота.

— Что так?

— Настроения нет.

— Ты что, расстроился? Брось, пойдем лучше поплаваем. Сразу полегчает.

— Поплавай, Рыбка. — Ланской досадливо дернул щекой. — У меня теперь иные заботы.

Он вернулся в лабораторию и прошел прямо к стенду, где под тягой собиралась его с Маликом установка. Предложенный ими новый способ восстановления был до ужаса прост, хотя и перечеркивал всю многовековую металлургическую практику. Вместо того чтобы пережигать твердое топливо на кокс, а затем

выплавлять с его помощью чугун в доменной печи, Ланской предложил восстанавливать руду сразу до железа летучими продуктами термического разложения. Эти сложенные в основном из углерода и водорода высокомолекулярные соединения создавали во много раз большую концентрацию восстановителя, чем традиционная окись углерода. Термодинамические расчеты давали такую скорость реакции, что процесс можно было вести при существенно более низких, чем в домне, температурах. Выигрыш во времени, силах и средствах получался такой, что дух захватывало. Вместо чудовищных домен, работающих по рецептам, известным еще в доисторические времена, предлагался химический реактор, построенный по всем канонам современной науки. И это лишь на первых порах, потому что уже вырисовывались принципы совершенно новой, безотходной технологии с комплексным использованием драгоценного топлива, запасы которого на Земле, к сожалению, невосполнимы.

Неудивительно, что Доровский, переживавший длительный творческий застой, ухватился за идею обеими руками.

— Ребята, не знаю, как у вас, но у меня в жизни не было ничего более интересного! — заявил он своим вчерашним студентам. — Беру вас обоих младшими научными. Защиту гарантирую максимум через два года. Мы с вами такое дело закрутим! Такое дело! Хватит до конца наших дней!

«Определенно хватит», — мысленно усмехнулся Ланской, вспоминая тот разговор, перевернувший его и Малика жизни, косую и неразборчивую резолюцию шефа поперек заявления. Обещанный срок истекал, а они все еще сидели на своей ставке, и впереди ничего, кроме непочатого края работы, не маячило. Идея была настолько радикальной, что металлурги просто не принимали ее всерьез, не давая себе труда даже оценить принципиальную новизну. Впрочем, встречи и беседы с металлургами отнюдь не прошли бесследно. Прямым восстановлением, хотя и на вполне традиционной основе, занимались многие, что позволило молодым химикам сравнительно быстро отработать собственную схему. Кое-что обстоятельный Марлен добросовестно передрал, кое-что склонный к полетам фантазии Кирилл изменил и удачно дополнил. Так и возник этот упрятанный под тягу реактор из кварцевого стекла, охваченный цилиндром нагревательной печи. Все здесь было сделано их руками. Настырный, умеющий впиваться, как клещ, Ровнин выбил оборудование, выпросил и отладил аппаратуру. Даже баллон с аргоном для продувания приволок на четвертый этаж на своем горбу. И, ни на йоту не отступая от небрежно набросанной Ланским схемы, подсоединил склянки Тищенко, трубку с медной стружкой и все, что потребно для очищения инертного газа. Кирилл настаивал на безупречной химической аранжировке и после долгих мучений получил ее. Марлен достал идеальные термопары из платины и платино-

родия, дававшие точность до одного градуса, подсоединил сверкающие всеми красками спектра стеклянные цилиндры анализатора исходящих газов, подключил индукционный мостик, чутко регистрирующий восстановление окиси железа до магнитных соединений и губчатого металла.

Сначала, чтобы получить строгую химию, работали на чистых реактивах класса ч.д.а.[1]. Прокрутили весь спектр органики: углеводороды, спирты, кетоны, кислоты. Восстанавливалось отлично. Поднесенный к пробе магнит всякий раз обрастал колючим ежиком. Реакция шла даже при пятистах градусах.

Потом перешли к руде Курской магнитной аномалии, попробовали торф, эстонские сланцы, бурый уголь. Горячие смоляные пары и тут безотказно окрашивали красную землю в серый и черный цвета. Триумф был настолько полным, что не хотелось думать о следующем этапе. Кирилл догадывался, что нормально измельченная руда поведет себя иначе, чем порошок, и придется ломать голову над золой, над фосфором, над серой. Современной промышленности, как там ни верти, не нужен грязный доисторический металл. А ведь так упоительно было взять его в руки! Ланской никогда не забудет, как, обхватив друга борцовским захватом, пустился в пляс, обрушивая со штативов стекло, когда, расколов прогоревшую трубку, они неожиданно для себя извлекли ноздреватый металлический ком, чем-то похожий на останки ворвавшегося в земную атмосферу метеорита. Такое железо все еще находят археологи в углях первобытных костров. И никому на свете нет дела, что впервые в истории оно получено с помощью одних лишь летучих газов, о чем с абсолютной достоверностью свидетельствовала нетронутая зола в чашке аналитических весов. Пойдет ли процесс дальше или все утечет в песок, но этой минуты Кирилл никогда не забудет. Пусть никто даже не узнает о том, но именно тогда он осознал приближение совершенно новой эпохи, которая окончательно похоронит железный и бронзовый века. Идиотские завихрения, помрачение воспаленных умов. Едва ли Марлен переживал случившееся столь глубоко и полно. Скорее всего, ему достаточно было простого сознания, что все получилось, как надо. Кириллу он верил безоговорочно, и, если тот скакал от радости, он и подавно сомнениями себя не отягощал.

Да, все получилось как надо. С чисто химической стороны идея себя полностью оправдала. Практически цель была столь же далека, столь же недостижима, как и в начале пути. Нужно было строить полузаводской стенд, переходить к исследованию больших масс реагентов, но для этого не было ни средств, ни возможностей. Пока Марлен обивал пороги приемных и каби-

[1] Чистое для анализа.

нетов, на всю катушку эксплуатируя многосторонние связи шефа, Кирилл собирал заслуженный урожай. Статьи за подписью Е. В. Доровского, К. И. Ланского, М. Б. Ровнина спустя год появились в журналах «Химия твердого топлива», «Заводская лаборатория» и «Торфяная промышленность». Какой-никакой, а все же заявочный столбик. Притом необходимая предпосылка к защите. Они сами поставили фамилию шефа на первое место, чему, кстати, благоприятствовал алфавитный порядок, и он подписал, почти не глядя, принял как должное.

— Вот что, ребята, — сказал он однажды, мимолетно проглядывая очередную статью, — надо подавать заявку на изобретение... А то растащат, чего доброго, по крупицам, потом иди доказывай.

— Надо бы хоть проверить в заводских условиях, — попробовал было если не возразить, то предостеречь Ланской.

— И проверим! — с присущей ему беспечной скоропалительностью заверил Евгений Владимирович. — Пока заявка будет блуждать по бюрократическим лабиринтам, построим установку и все должным образом прокрутим. Ведь учтите, что первой реакцией комитета будет отказ. Мы, конечно, пошлем свои возражения, и пойдет писать контора. Так зачем время терять?

Ланской молчаливо признал абсолютную правоту шефа, хотя тот и действовал, как арап.

— И в самом деле, — заметил потом Малик, — почему мы должны быть лучше других?

— Что же, принимаем условия игры. Единственное утешение, что она придумана не нами, — бравируя благопристойным цинизмом, заключил Ланской.

— Значит, сделаешь, Кира?

Он только плечом дернул в ответ. Кому же еще было считать, составлять графики, выводить формулы и конструировать обтекаемые, почти ритуальные фразы? Малик пробивал оборудование, гнал анализы, опыты, шеф бросал на ходу идеи. Притом ни тот ни другой не могли бы взять даже табличного интеграла, а на эмпирическую зависимость, извлеченную из десятка-другого точек, взирали как на откровение. Само собой выходило, что обобщать материал приходилось ему. За то и держали его, за то и холили, смотря сквозь пальцы на эмоциональные всплески и скачки настроения. Засев на неделю в патентную библиотеку, Кирилл не без трепета набросал предварительную болванку, которую шеф без лишних слов утвердил как основной вариант. Лишь формулу изобретения немножко подправил, добавив к словам «твердые топлива» еще и «жидкие».

— Но мы же не пробовали нефть! — вспыхнул Ланской.

— Разницы нет, — с привычным апломбом разъяснил Доровский. — И здесь и там работают летучие. Мы с чистыми

углеводородами экспериментировали? А что такое нефть, если не смесь углеводородов?

И опять шеф попал в самое яблочко. Все-таки он был незаурядным ученым. Так нахраписто действовать можно, лишь точно зная, чего хочешь. У природы бесчисленное количество всевозможных закономерностей, поэтому ничего не стоит потонуть в бескрылом, ползучем эмпиризме. Только подлинному мыслителю дано сразу, еще до опыта, различить основную, единственно необходимую взаимосвязь. Установить количественную закономерность может, по сути, каждый. Предвидеть новое качество — удел избранных. С таким мозгом нужно родиться.

Рассеянно пропуская сквозь пальцы кремнийорганический шланг, по которому в склянки Тищенко медленно пробулькивался аргон, Ланской вынужден был признать, что был несправедлив к Доровскому. Поддавался нахлынувшему чувству обиды и раздражения и все видел в черном свете. Нет, им с Ровниным есть за что благодарить шефа. Разве не он, пусть, как всегда, походя и в самой неподобающей обстановке, продиктовал Марлену план исследований? Перечень соединений, охватывающих весь органический мир? Пусть Доровский далеко не ангел и вполне от мира сего, но ученый он, безусловно, незаурядный. Обидно лишь, что ради академического звания, к которому стремился столько лет, он готов пожертвовать темой, наконец, судьбами вверившихся ему людей. Его, Кирилла, судьбой. До слез обидно. Но кто бы оказался лучше на месте Доровского? Слишком велик соблазн. И вообще мир не рушится, и все остается по-прежнему, только осложняется и обретает нервирующую неопределенность. И еще Кирилл подумал о том, что пожилому человеку не так-то просто сняться с насиженного места, расстаться, может быть, на долгое время с семьей и начать все сызнова, где-то далеко от дома, среди суровой природы и незнакомых людей. Окупает ли заманчивый титул и сопряженные с ним блага подобную жертву? Не нам судить. Шеф просто-таки отважный мужик, коли решился на такое на седьмом десятке. Пусть недруги, коих немало, зовут его за глаза авантюристом. Никакой он не авантюрист, а чертовски жадный до жизни и уверенный в себе трудяга. Он слишком за многое хватается, и вполне понятно, что ничему не способен отдать себя целиком. Остается лишь удивляться быстроте, с которой он вникает в самое существо очередной проблемы. Если и присутствует здесь авантюрная жилка, то она скорее на пользу делу, нежели во вред. Не всем же быть осторожными праведниками. Кто-то обязательно должен очертя голову лезть на рожон, прорубая просеку для идущих сзади.

За окном незаметно стемнело. Ланской включил люминесцентные трубки под потолком. Глянув на часы — рабочий день

давно кончился, — вырубил напряжение, затем завернул до предела редуктор баллона. Установка, которую они, отлаживая автоматику, уже вторую неделю гоняли вхолостую, перестала гудеть и булькать. Погасли неоновые глазки всевозможных релейных устройств. Вернулись на нуль стрелки приборов и самописцы потенциометров. От трубчатой печи, однако, исходил еще устойчивый жар, припахивающий разогретой изоляцией и железом. Пока кожух не охладится, уходить было рискованно, и Кирилл принялся разбирать журнальные оттиски, прикидывая, хватит ли материала на полновесную диссертацию. В свете недавних событий следовало форсировать защиту. Пока шеф еще на месте, нужно выжать из него все, что только возможно. Публикаций и материала было, пожалуй, достаточно, но явно недоставало теоретического обоснования процесса, чтобы выставить работу на соискание химической степени. Замахиваться без полупромышленного опробования на технические науки было тоже рискованно, не говоря уж о том, что это не очень устраивало самого Кирилла, мечтавшего посвятить себя теоретической физхимии.

Вот и говори после этого, что научно-технический прогресс не зависит от судеб отдельных личностей. Еще как зависит, несмотря на всю свою безусловную объективность. Оставалось одно: подналечь на теорию. А Малику оставить железо. Пусть отправляется на поклон к рабочему классу. Без установки — труба.

Кирилл улыбнулся при мысли, что по первой прикидке главной деталью установки как раз и станет труба из лучшей инструментальной стали, где рудные частицы будут плясать в закрученном вихре горячих газов.

«Работать, чтобы жить, или жить, чтобы работать?» — задал себе Ланской сакраментальный вопрос и не нашел однозначного ответа. В принципе он принимал оба варианта. Как ни мудри, а вперед продвигаться надо. Стрела времени подгоняет.

Бережно прижимая к заметно выпиравшему животику кварцевый цилиндр с припаянными по торцам вакуумными кранами, в лабораторию ворвался запыхавшийся Марлен.

— Красотища! — Шумно отдуваясь, он отодвинул штатив с пробирками и опустил сверкающее матовыми прожилками сооружение на стол. — То, что надо!

— Не подкачал дядя Ваня, — одобрил Кирилл, любуясь игрой света в молочной глубине стекла. Диафрагма была врезана точно посередке, создавая нужное сужение для газовой струи. — Мастер. Второго такого днем с огнем не сыщешь.

— Еле на ногах стоит, а горелку ведет, что твой рейсфедер. — Ровнин локтем отер лицо.

— Своими руками губим человека.

— Я что-то не встречал стеклодува, который бы сделал тебе за так. Да еще без очереди. Не мы первые, не мы последние.

— Удобная философия, — вздохнул Ланской. — Но вещица действительно загляденье! — Он попробовал трехходовой кран. — Как по маслу... Поставим?

— А чего тянуть? — с готовностью согласился Малик.

Они подняли раму вытяжного шкафа и принялись методично отсоединять ведущие к реактору шланги и провода.

— Не остыла еще, — ненароком притронувшись к кожуху печи, Кирилл привычно схватился за мочку уха. — Опять дотемна провозимся.

— Не на дядю вкалываем, — отозвался Ровнин. Он все еще не мог отдышаться, и его широкая грудь ходуном ходила под облегающей тканью халата.

Следя краем глаза, как мелькают, мимолетно и бережно касаясь всевозможных трубок и клемм, его полные короткопалые руки, Ланской вновь поймал себя на мысли, что более немузыкальных лап еще не создавала природа. Глядя на них, трудно было поверить, что Малик почти ежедневно упражняется на скрипке, а порой и подхалтуривает по старой памяти с дружками лабухами на вечерах или свадьбах. Играл он всегда с закрытыми глазами, мучительно гримасничая и шумно дыша носом. Безропотно меняя почти игрушечную скрипочку, коли была такая нужда, на здоровенный контрабас, он обладал редчайшим даром заражать других своей по-детски открытой непосредственной радостью. Право, смешно и трогательно было следить, как, окончательно выдохшись под конец вечеринки, он начинал подпевать и пританцовывать, не жалея ни струн, ни смычка. И неизвестно, что над чем преобладало у Малика в такие минуты: то ли упоение бесшабашным весельем, то ли вовсе не лишняя в семейном бюджете четвертная. Как-никак, старшая дочка уже таскала в музыкальную школу нотную папку довоенных времен, и в доме подумывали о покупке пианино.

Предоставив подвод новой трубки приятелю, ибо у Малика это всегда получалось ловчее, Кирилл подумал о том, что человеческие устремления столь же неоднозначны, как и сами люди. Здесь ничего нельзя выделить в виде чистой субстанции. А все богатство внешних проявлений для постороннего глаза не более чем простые модели, никак не отражающие скрытой глубины поразительно запутанного лабиринта души.

Зная свойства отдельных углеводородов, мы и то не решаемся говорить о нефти, вернее, о нефтях, таких многоликих и разных. Но человек, люди — это вообще неисчерпаемый космос, и только сердце, его безотказная интуиция не дают заблудиться среди звездных мерцающих точек, где каждое слово, каждый поступок — сигнал.

«Кому и о чем? — спросил себя Кирилл. — Интересно, люблю ли я Малика? — привычно разматывалась нить мысли. — Или просто привык к нему? Ведь иногда он так раздражает... А он? Как он относится ко мне? Какую отводит роль в нашем взаимовыгодном симбиозе?»

III

Начальник биостанции Сергей Астахов ждал Светлану Андреевну на перроне. Рядом с ним, обтекаемые спешащими пассажирами, сидели на рюкзаках, набитых консервными банками, двое парней в затрапезных джинсовых костюмах. Один из них, по виду еще совсем мальчик, локтем прижимал к себе связку удилищ, зачем-то обернутых бумажной спиралью. В руках у другого была гитара, заляпанная переводными отпечатками поющих красавиц. Посасывая пустой мундштучок, он лениво пощипывал струны. Заунывная прерывистая мелодия вспыхивала и гасла в сутолоке владивостокского вокзала, словно проблеск далекого маяка.

После взаимных представлений и коротких рукопожатий повисло неловкое молчание.

— Можно рассчитывать на уху? — спросила Рунова, тронув удочки ноготком, покрытым жемчужным лаком.

— Это хроматографические колонки, — почему-то смутившись, пояснил Астахов. Его некрасивое веснушчатое лицо полыхнуло мгновенным румянцем. — А насчет ухи не сомневайтесь, Светлана Андреевна, — будет.

— Это вы не сомневайтесь! — Она небрежно кивнула на притороченный к чемодану прозрачный пластиковый чехол, в котором лежало пневматическое ружье для подводной охоты. — Как там у вас насчет видимости?

— Прозрачность воды обычно хорошая. — Астахов с сомнением взглянул на затянутое пеленой небо, откуда вместе с моросью изливался оловянный, давящий глаза свет. — Разве что тайфун нахлынет...

— Тайфун? — Рунова слегка приуныла, явственно представив себе сотрясающий палатку порывистый ветер и белую, как сыворотка, морскую воду, в которой болтаются рыжие лохмы размочаленных водорослей. — И надолго?

— Как когда, — откликнулся гитарист, поправив висевшую за спиной соломенную шляпу. — Бывает, и на неделю зарядит.

— Жаль, — огорчилась она. — Терпеть не могу мутную воду.

— В большие ливни такое бывает, — прищурив глаз, гитарист запрокинул голову. — Того и гляди, хлынет... Пресная вода-то долго лежит мертвым слоем. Не смешивается, что

твой керосин. Живой материал будем поставлять, невзирая на погоду, — бесшабашно осклабился он.

— Это как же? — не поняла Рунова.

— Потому как на дне всегда тишь да благодать.

— Саша Беркут у нас старшина водолазов, — пояснил Астахов. — Ежели чего обещал — железобетонно.

— Очень тронута. — Рунова обласкала взглядом Сашу Беркута. — Жаль только, что продукция у меня особого рода.

— Это точно! — обрадовался Астахов. — Микропродукция! Зато можно взять с любого образца: хоть с морской звезды, хоть с ракушки или камня. Да что там звезда! Я однажды смеха ради сам себя лезвием скребанул после купания, и что вы думаете?.. Три новых вида диатомовых водорослей!

— Так вы тоже альголог? — удивилась Рунова.

— В том-то и дело! — Сергей Астахов опять покраснел и заморгал белесыми ресницами. — Представляете, как я обрадовался, когда узнал, что вы едете?

— Я тоже очень рада, Сережа, — с чувством произнесла Рунова. — Мы с вами славно поработаем... Но когда же поезд, друзья. Опаздывает на двадцать минут!

Наконец подошла электричка, выплеснув на платформу нагруженных вещами людей. Поджидавшая поезд толпа с такими же чемоданами, кошелками и рюкзаками неохотно раздалась, чтобы с удвоенным напором хлынуть затем в еще надышанные вагоны. Вопреки суете и темпераментному натиску посадки, места хватило всем. Светлана Андреевна и ее спутники удобно расположились на двух скамейках, рассовав тяжелую поклажу по верхним металлическим полкам.

Едва электричка тронулась, как в окно ударили мелкие заостренные движением капли. От сизых сопок и хмурых, поросших осокой лугов, чуть искаженных косой, дрожащей на стекле клинописью, повеяло суровым языческим покоем.

— Вот и началось, — вздохнула Светлана Андреевна. Она раскрыла приготовленную для дороги книжку и, заложив ногу за ногу, попыталась углубиться в чтение. Но мысль скользила по поверхности строк, а глаза то и дело отвлекались к окну, проникаясь тихой грустью дождя и вечной тоской размытых туманом необжитых просторов.

Поймав себя на том, что второй раз читает одну и ту же страницу, Рунова захлопнула книгу. Она давно разгадала целительную власть пространства, но всякий раз удивлялась, как поразительно скоро тонули и притуплялись самые мучительные заботы. Время и то растворялось в дорожной скуке, отдаляя до неразличимой малости еще недавно занимавший все поле зрения образ. Жаль лишь, на себя самое никак нельзя было взглянуть в такой перевернутый бинокль, чтобы раз и навсегда убедиться в собственной незначительности. В ничтожности потерь и эфемерности обретений.

Дважды побывав замужем, но так и не изведав того самозабвенного чувства, которого так ждала еще со школьных лет, Светлана Андреевна дала себе зарок больше не попадаться. «Семь и четыре», — прикинула она оба срока, уже заранее зная, что они сольются в памяти в одиннадцать непрерывных лет безрадостного существования, невзирая на длительный промежуток, который пришелся на дальние морские походы. Люди, с которыми она так неразумно поторопилась связать жизнь, были, в сущности, совсем не плохими. По крайней мере не чудовищами, от которых следовало бежать очертя голову. Но разве виновата она, хоть и корила себя, обзывая моральным уродом? Повинна разве в том, что семейный совершенно обыденный быт день за днем разъедал ее душу невыносимым отвращением? Сверхчеловеческая мечта, заливавшая слезами и кровью всю мировую поэзию, пленительная ложь, которую не уставали сладко нашептывать кинофильмы и книги, — все обернулось волчьим капканом. Любовная лодка и впрямь разбилась о быт, как гениально прочувствовал поэт за минуту до рокового выстрела.

Светлана Андреевна и сама в иные мгновения была готова умереть, а если не умереть — она безумно этого боялась, — то напрочь стереть память, как стирают записанные на магнитной ленте слова.

По счастью, «неудачный эксперимент номер два», как назвала она потом свою вторую попытку, излечил от опасных крайностей и порожденных романтическим ослеплением иллюзий. Право, это была настоящая шоковая терапия, но Светлана Андреевна имела все основания благодарить судьбу за такой урок.

Когда она, не без мучительной внутренней борьбы, объявила мужу, что покидает его, тот сначала схватился за сердце, затем разрыдался и пополз по полу, исступленно ловя и целуя ее ноги. Ей стало страшно до нервной дрожи. Она испытывала настолько мучительное ощущение вины и жалости, что втайне дрогнула. Было до омерзения стыдно за свою бесчувственность, черствость и за это его унижение, пятнавшее их обоих. Она была готова на все, чтобы только он перестал ползать. До сих пор непонятно, какая сила помогла ей тогда устоять. Ночь прошла в обоюдной тяжелой бессоннице, с питьем капель и курением на балконе, когда весь город спит и в темных окнах противоположного дома слепо таращится безнадежный рассвет. Им обоим он принес головную боль, наполненное скрытой тоской отчуждение и трезвость, глухую к своему и чужому страданию. И хотя Светлана никогда не пробовала снотворного, она совершенно точно знала, что именно так дает знать о себе успокаивающее похмелье. Она уходила из своего, нет, из его дома, как уходят из жизни. Не к неведомому любовнику, в чем он ревниво подозревал ее, а именно в

никуда, в белый свет, чтобы забиться в укромную щель, отлежаться, прийти в себя, зализать раны.

И когда она уже стояла у распахнутой двери, а к ее ногам, как сиротливые щенки, жались чемодан и футляр с микроскопом, ей дано было испить свою чашу до дна.

— Может, оставишь? — спросил он, держа ее неживые руки в своих. — Ведь скоро очередь на машину подойдет... — И дабы стало понятнее, о чем говорит, сжал ей пальцы так, что она почувствовала боль от кольца. И эта боль, а совсем не слова, подсказала Светлане, что он говорит о фамильном бриллианте, оставшемся ей от матери.

Она задохнулась, прислонилась, чтобы не упасть, к косяку и медленно, как тесную перчатку, стащила перстенек. Крикнуть: «Нет!», послать ко всем чертям не смогла — язык окаменел и не ворочался. Как в замедленной съемке, сняла, опустила в распахнутую ладонь и шагнула через порог, толкнув каблуком тут же захлопнувшуюся дверь. Только гулкое эхо прокатилось по затянутым сеткой пролетам. До конца сыгранная, хоть и при пустом зале, королевская роль. Отзвук оваций на лестничных клетках.

Как она ненавидела себя за то, что не швырнула колечко прямо в лицо! Как себя презирала за то, что она такая, как есть, и уже не переменится до самой могилы. Роняя злые слезинки, отворачивая слепое, так подурневшее лицо от редких прохожих, она думала тем ранним и знобким утром о лисе, которая, чтобы вырваться из капкана, отгрызла собственную лапу. Отвлекала себя этим образом, искала оправдания перед собственным беспощадным судом, отдаленно зная уже, что не только уцелела, но и вылечилась раз и навсегда.

Рунова очнулась от дремы, когда поезд уже стоял, и ее спутники стаскивали с полок гремящие жестяными банками рюкзаки. Глянув в зеркальце и оставшись недовольной помятым лицом, поднялась и направилась к выходу, преодолевая покалывание в затекшей ноге.

Обесцвеченное, низко нависающее небо едва прорисовывалось раздуваемыми ветром облачными оборками. В воздухе явственно ощущался электрический привкус близкой грозы. Сеял холодный надоедливый дождь. Утрамбованная, посыпанная шлаком земля жирно блестела под фонарями, которые покачивал задувающий с разных сторон ветер. Астахов провел Рунову через пути к одноколейной ветке, где уже сидели на узлах местные жители. Состав стоял в тупике, ожидая сердито попыхивающий паровозик-«кукушку», набиравший воду.

Объявили посадку. Люди, подхватив мешки и сумки, навострились на штурм. Едва «кукушка», подцепив пяток совершенно игрушечных вагончиков, тронулась с места, дети, а за ними и взрослые побежали вдоль пути по рыхлому, закапанному мазутом песку, который ничем не напоминал о близости

океана. Как-то само собой получилось, что вещи Светланы Андреевны забрал и без того обремененный поклажей Беркут. Взамен ей досталась гитара и хрупкое хроматографическое стекло. Опасаясь за свои каблуки, она отошла в сторону в полной уверенности, что ее энергичные попутчики не останутся без места. Уже в пути выяснилось, что далеко не все осаждавшие крошечный состав люди мечтали стать его пассажирами. Многих просто привлекал всегда открытый буфет. Окрестные жители смотрели на поезд как на передвижной продмаг. Остановки поэтому длились долго, а в проходе не прекращалась сутолока.

Устав от дороги и мельтешения, Рунова приникла к окну. Проплывавший навстречу первобытный, нетронутый мир одновременно пугал и притягивал ее. Словно угадывая чувства Светланы Андреевны, Сережа Астахов немного приспустил раму. В застойную духоту вагона ударила прохладная тугая струя.

Кончилось импульсивное бегство в неведомое. Она едет работать и поэтому просто-таки обязана взять себя в руки. Только сосредоточившись на самом главном, она сумеет вернуть порядком притупившийся интерес к делу, без чего заниматься наукой безнравственно и бесполезно.

«Я просто пошлая дура, — выбранила она себя. — Как это меня только угораздило заклиниться на мелочах, на самокопании, отгородиться от мира скорлупкой высосанных из пальца проблем? Да нет у меня никаких проблем! Я вырвалась и совершенно свободна. Какая я все-таки молодчина!»

На полустанок прибыли уже в сумерках, когда вокруг станционных фонарей стригли висевшую в воздухе морось летучие мыши.

Ребята деловито разобрали вещи и бодро зашагали по шпалам мимо бесконечных груд песка, угля и сложенных штабелями шпал. Мокрый ветер слепил глаза колючей пылью. Явственно пахло битумом и креозотом.

Отворачивая лицо, Светлана Андреевна увидела, как в промежутке между бараками сверкнули зажженные фары.

— Вот и наш «уазик», — обрадовался Беркут, поправляя лямки тяжеленного рюкзака.

Микроавтобус, ныряя в песчаных волнах, сопровождал их довольно долго, пока не вырулил на дощатую дорожку, пересекающую пути.

Потом началась скачка по едва спрофилированному грейдеру. Машина, дребезжа всеми частями, прыгала на ухабах. Оглушительно стрелял в поддон гравий. С журчанием и плеском расступались взбаламученные лужи и глинистые, взбухшие от дождей ручьи.

Светлана давно не чувствовала себя настолько отвратительно, как теперь, в этом душном несгораемом шкафу, скре-

жещущем всеми своими металлическими сочленениями. Назойливый до головокружения запах отработанного бензина не позволял забыться. Борясь с подступающей тошнотой, она сидела напряженная, как пружина, вцепившись в горячие поручни.

— Давно у вас дожди? — заставила себя, чтобы отвлечься, обратиться к водителю.

— Дня три.

— А море мутное?

Он только пожал плечами. Что ему море, когда приходится гонять по таким дорогам? Быстро темнело. Красноватый, как вполнакала, свет фар тоскливо метался по каменным грудам, вырывая из темноты медные осыпи глины. Дорога, обогнув сопки, порой выскакивала на берег. И море тогда плескалось у самых колес. Неподвижное, густо-синее, утопающее в ночи. Не верилось, что это почти тропическое Японское море, широко и свободно уходящее в Тихий океан. Да и не до моря ей было, бедняжке, не до его прохладных, как вечность, глубин.

IV

Владимир Орлов присел на скамью в тени зацветающего каштана и еще раз внимательно прочитал предварительный отзыв оппонента. Несмотря на обнадеживающий вывод о том, что диссертация отвечает всем требованиям, а диссертант заслуживает искомой степени, здесь было о чем поразмыслить. Доброжелательный и до мозга костей корректный профессор Герберов нащупал-таки больную точку. Он явно остался недоволен анализом степени точности эксперимента. Да и смешно было бы ждать чего-то иного. Старая, хоть и надежная, установка, отставшая от современного экспериментального уровня методика. От этого не спрячешься. Ни за какими хитроумными формулами. Спасибо, конечно, Кире Ланскому, он здорово сумел приукрасить теоретическими изысками скучноватые, надо признать, таблицы и графики. Это и Герберов отмечает.

Орлов торопливо перелистал соединенные скрепкой страницы и выхватил глазами уже знакомый абзац, где говорилось о блестящем владении диссертантом методом термодинамического анализа. Лестные выражения типа «оригинальный подход», «способность к широким обобщениям», «теоретическая смелость» и т. п. определенно уравновешивали деликатно отмеченные погрешности. Вернее, «слабости», как предпочитал изъясняться тактичный Герберов, подразумевая под этим если и не коренные, то по крайней мере существенные недостатки. Орлов мысленно видоизменил формулировку: «Несмотря на указанные существенные недостатки, молодому ученому уда-

лось...» Господи, какой ужас! Никто бы и слушать не стал о том, что там еще удалось молодому ученому. Нет, Герберов определенно знал цену словам. «Отдельные слабости» — это вещь, почти палочка-выручалочка. Даже вызывает симпатию. Кандидату наук вовсе не обязательно быть корифеем. Отнюдь. Корифеев сплошь и рядом заваливают. Публично хвалят, а молча бросают черные шары. И поделом им. Всяк сверчок знай свой шесток. «Справился?» — «Проявил?» — «Невзирая на отдельные слабости, показал способности к самостоятельной научной работе?» Вот и прекрасно. Потихоньку можно лезть дальше в большую науку.

Орлов спрятал отзыв и удовлетворенно погладил новенький с замком-шифром «дипломат». Важнейший этап на тернистом, осложненном всяческими формальностями пути к защите удалось благополучно преодолеть. Теперь настала очередь реферата. Почти все необходимые на такой случай документы уже лежали в кармане, а адресок типографии, где при хорошем отношении набор делали в три дня, обещал выдать приятель.

Сцепив на затылке пальцы, Володя Орлов блаженно откинулся и устремил глаза к небу. Пронзительная бездонная синева приятно убаюкивала. Бархатные шмели деловито жужжали вокруг изысканных многоярусных свечек. Ласковое солнечное сияние то вспыхивало, то меркло, дробясь в лабиринте безупречно очерченных медовых на просвет листьев.

Наверное, больше всего он любил университет за эти уединенные аллеи. В дальних поездках ему прежде всего вспоминались дорожки в траве, качающиеся под ветром бутоны алых и желтых тюльпанов и радуга, которая вечно дрожала в ликующих струях, с треском рвущихся из бронзовых мундштуков. На ступеньках щебетали студенточки в легких блузках. В бассейнах, где сквозь фонтанную рябь ослепительно блестела брошенная туристами мелочь, беспечно барахтались пацаны, оглашая жизнерадостными воплями горячий, стеклянистыми слоями перетекающий воздух. Дремали над газетами пенсионеры.

Пусть совсем рядом чадил расплавленный асфальт, и потоки машин жгли горючее у светофоров, но здесь нежно дышала сирень, навевая ощущение праздника и покоя.

Круговорот жизни. Обманчивый и вечно юный прилив...

Предзащитные заботы не позволяли, как ни жаль, прохлаждаться. На сей раз душа была абсолютно глуха к соблазнам и прелестям мира.

Предъявив вахтерше порядком истрепанное временное удостоверение, Владимир торопливо пробежался по книжным киоскам, затерянным среди мраморных колонн и пилонов. Шестого номера журнала «Нефтехимия» со своей статьей он так и не обнаружил. По-видимому, задерживался тираж. На-

звание статьи, впрочем, уже значилось и в списке опубликованных работ, и в подготовленной для печати рукописи реферата.

Лифта пришлось дожидаться довольно долго. Когда же наконец после бесконечных метаний светового квадратика по указателю этажей двери разъехались, Орлов столкнулся с Анастасией Михайловной Лебедевой. Лифт, разумеется, ушел вверх без него.

— Ну-ка, ну-ка, дайте на вас посмотреть! — Лебедева радушно протянула руку. — Наслышана о ваших успехах. Как же! — Мило улыбаясь, отчего обозначились ямочки на щеках, она увлекла аспиранта в сторонку.

— Да какие там успехи, — небрежно отмахнулся Володя, не скрывая удовольствия. — Просто, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, выхожу на финишную прямую... Между прочим, рассчитываю на ваш отзыв, Анастасия Михайловна. — Он благонравно потупился. — Так что позвольте прислать реферат.

— Присылайте, присылайте, — певуче протянула она, все с той же шутливо-оживленной улыбкой поправив заколки в уложенной короной косе. — Хоть вы и коварный изменщик, отзыв я вам, так уж и быть, напишу.

— Почему же обязательно изменщик? — попытался подыграть он. — А если человек мучается?

— Человек, может, и мучается, но это не повод для исчезновения. Вы подумали над моим предложением?

— Еще как!

— И решили тишком переметнуться к Герберову?

— Анастасия Михайловна! — Орлов беспомощно уронил руки. — От вас нет тайн! Но, клянусь вам, мне лично Петр Григорьевич ничего не говорил.

— Скажет-скажет, — Лебедева кивком ответила на приветствие пробежавших мимо студентов. — Вчера он определенно дал понять, что имеет на вас виды.

— Приятная неожиданность! — растерянно пролепетал Володя, подхваченный жаркой волной. — Это что, серьезно?

Судя по всему, его тайные ожидания оправдывались.

— По-моему, вполне! Насколько я знаю, Герберов слов на ветер не бросает. А вы в самом деле не в курсе?

— Не то чтобы абсолютно, — он на секунду смешался, — но определенного разговора у нас никогда не было... Хотя я, признаться, рассчитывал.

— Ой ли? — Анастасия Михайловна недоверчиво прищурилась. — Не хотите ли уверить меня в существовании телепатии?

— Честное слово!.. Шефу я, правда, говорил, что хотел бы после защиты попасть к Петру Григорьевичу, но не более.

— Возможно, это и сработало. — Она понимающе опустила веки. — Но главную роль сыграла, конечно же, диссерта-

ция. Петр Григорьевич хвалил вас... Так что от всей души поздравляю, хотя мое предложение все еще остается в силе. Может, передумаете? — Она весело рассмеялась.

— Как с вами легко, Анастасия Михайловна! — непроизвольно вырвалось у Владимира. — Поверьте, я был бы счастлив работать на кафедре. Вы, Корват, весь ваш коллектив. — Он растроганно вздохнул, подыскивая слова. — Я уж не говорю о том, что это огромная честь... Работать в университете, где все такое родное: библиотека, даже фонтан и тюльпаны вокруг... И вообще... Я ведь вам стольким обязан. Вы знаете шефа. Он сразу бросает в свободное плавание: хочешь — барахтайся, хочешь — иди на дно. И если я все же не утонул...

— Пустое, — Лебедева поспешила прервать чувствительные излияния. — Я понимаю, что вы все хорошо взвесили и лишь из деликатности не решились сказать «нет».

— Не только из деликатности, — буркнул, потупившись, Орлов. — Мне, конечно, очень стыдно, но обманывать вас не могу. Я некоторым образом оттягивал время, Анастасия Михайловна. Мне очень хотелось, хоть я сразу понял, что едва ли потяну.

— Похвальная скромность.

— Нет, правда. Я и сейчас немного жалею. Блестящее ведь предложение! Другие всю жизнь ждут... Но, как ни прискорбно, не про мою честь. Тут же полностью перестроиться надо. Начать с азов. Такое не по мне, я-то себя знаю. Коксование, спекаемость, вспучиваемость — не Бог весть что, конечно, но зато мое, привычное. Я и к Герберову навострился только поэтому. Своя тема, как-никак, привычная лямка.

— А ведь вы правы. — Лебедева не стала спорить и, погасив улыбку, с пристальным интересом взглянула на стоявшего перед ней молодого человека. — Знаете, Володя, вы меня очень тронули. Я рада, что у нас с вами состоялся такой разговор. Желаю вам всяческой удачи.

— Мне, право, неловко, Анастасия Михайловна. — Он задержал ее руку. — Вы не подумайте, что я как бы про запас приберегал, на крайний случай... Аспирантура кончается, шеф ушел и все такое прочее. Если и были такие мысли, то не в них суть. Главное в том, что я даже не понял, чего хочет Корват. Состояние вещества на больших глубинах, капилляры, критические явления — это же темный лес! Лично я только одного человека знаю, который был бы способен так, втемную, кинуться в совершенно новую область.

— И кто же это? — Лебедева выжидательно вскинула голову.

— Вы Киру Ланского не знаете?

— Вроде бы не слыхала. — Она слегка прищурилась, перебирая в уме. — Нет, не слыхала.

— В нашей лаборатории работает. Поговорите с ним, он не такой, как другие. Гениальный парень, хоть и без царя в голове.

— Тоже химик?

— Физхимик чистой воды. Именно такой, как вам надо. Он тоже, грешный, остался у разбитого корыта. Даже хуже, чем у разбитого.

— Это как же понять?

— Защита не светит, Анастасия Михайловна.

— Почему? — Лебедева, когда что-то ее действительно заинтересовывало, сразу становилась подчеркнуто строгой. Перестав подтрунивать, она задавала вопросы сухо и жестко.

— Долго рассказывать, пусть уж лучше он сам.

— И все-таки, в двух словах.

— Если в двух, то тема недиссертабельная. Переворот в металлургической промышленности.

— Что-то я об этом уже слышала. — Она сосредоточенно прикусила губу. — Кажется, прямое восстановление? Очередной вольт Доровского?

— Ланской и еще один парень сами пришли к шефу с этой темой. Корпеть над ней можно всю жизнь, а защититься, как вы понимаете, трудно. У нас ведь привыкли к диссертациям тихим, смирным, от сих до сих. С наполеоновскими планами на ученый совет лезут только отчаянные ребята.

— Это вы хорошо заметили.

— Разве не правда?

— Он, что же, идеалист? Фанатик? Не от мира сего?

— Нет, я бы этого не сказал... Да и на отчаянного Кира никак не смахивает. Наверное, будет поворачивать в чисто химическом плане. Он же совершенно гениально сечет термодинамику... Ну и темку он себе откопал! Это же надо!

— И вы полагаете, что он сможет бросить ее?

— Тему-то?.. Кто его знает, по правде говоря. Но как бы там ни было, работу ему так или иначе подыскивать придется. Без Доровского все их железо сгорит голубым огнем.

— И вы ему нисколько не завидуете, Володя?

— Я? Завидую?! — Орлов изумленно раскрыл глаза. — Да что вы, Анастасия Михайловна! Мне жаль его! Он же себе цены не знает.

— А вы знаете?

— Знаю. — Он сокрушенно вздохнул, давая понять, что продолжает воспринимать беседу в шутливом ключе. И поэтому трезво смотрю на вещи. Кандидат наук и старший научный сотрудник — вот мой потолок. Мне нечего зарывать в землю, и я поэтому из всех журавлей всегда выбираю синицу.

— Значит, все к лучшему, — взглянув на часы, подвела итог Лебедева. — Корвату, насколько я понимаю, нужен со-

трудник несколько иного плана... Пусть ваш приятель позвонит мне как-нибудь вечерком.

— Как-нибудь? — то ли переспросил, то ли просто повторил Владимир, почувствовав в изменившемся тоне Анастасии Михайловны обидное для него разочарование.

— Да, недельки через две, если можно. Завтра я уезжаю в командировку.

Лебедева не знала, что уже через три дня совершенно забудет о Кирилле Ланском.

V

Ровнин отвез Катю в музыкальную школу, доставил младшенькую Маринку в детский сад и уж только потом отправился в Институт металлургических проблем. Да и то не прямо, потому что по пути ему предстояло завернуть на станцию техобслуживания за тосолом и крестовиной. Полтора часа ожидания и пренебрежительная ухмылка механика, вынесшего дефицит, окончательно испортили настроение. А тут еще выкинул очередной фортель «жигуленок», одряхлевший на беспорочной службе у прежних владельцев. Несмотря на свежий аккумулятор и свечи «Чемпион», машину удалось завести только с шестой попытки.

День определенно не слаживался. Это стало ясно со всей определенностью, когда малоприветливая секретарша сообщила Марлену, что завсектором внедоменных процессов Громков застрял у руководства и придется поэтому обождать. Сколько времени потратил он зря, пока вышел на этого неуловимого Громкова, и тот после многочисленных телефонных звонков назвал наконец определенный день и час! И вот, пожалуйста...

— Вы не разрешите, так сказать, между делом осмотреть установку? — обратился он к секретарше, промаявшись над уже кем-то почти решенным кроссвордом в «Огоньке».

— Не знаю, право. — Женщина отчужденно поджала губы. — Алексей Валерьянович ничего не говорил...

— Какая жалость! — Марлен отличался завидной настырностью и славился умением отыскивать подходы к самым неприступным характерам. — А мне так он определенно обещал... Я столько слышал про вашу лабораторию! — пустил он пробный шар.

Робко наметившийся процесс сближения был нарушен явлением Громкова. Стремительно пролетев мимо стеллажей с чертежами и всевозможной технической документацией и не удостоив Ровнина взглядом, он скрылся за дверью, прорезанной в разделявшей помещение перегородке.

Громков поднял на вошедшего невыразительные с водянистой голубизной глаза, неопределенным жестом пригласил

сесть и тут же уткнулся в лежащие перед ним бумаги. В одной из стопок, придавленной металлической с косым зеркальным шлифом болванкой, Марлен углядел и свое ледериновое сокровище. Он сразу догадался, что болванка имеет непосредственное отношение к делу, которым занимался Громков. Надо будет и им с Ланским переплавить свой порошок в такой вот тяжеловесный слиток, дабы давить потом на психику вечно занятого начальства. Как там ни верти, а готовая продукция убеждает красноречивее всяких слов, не говоря уже о графиках и формулах, углубляться в которые никто не хочет. Громков выглядел примерно так, как и представлял себе Малик. Сравнительно молодой, но уже какой-то безвозвратный, заматеревший, облаченный в невидимую броню элитарности. В своей фанерной выгородке он восседал, как на троне. Электронный телефон со множеством маленьких кнопок, наручные часы с калькулятором, где кнопочки были вовсе микроскопическими, даже оправа очков — все наглядно свидетельствовало о личной причастности к самым последним достижениям технической мысли. Украдкой оглядевшись, Ровнин обратил внимание на висевший на плечиках блейзер с пышным гербом неведомого государства, чем-то неуловимо напоминавший ливрею.

От ребят, которые, собственно, и вывели его на Громкова, Малик знал, что тот приходится зятем директору ИМЕПа, академику, чем в немалой степени и объяснялся взлет доселе ничем не примечательного научного клерка.

Проникаясь все большей неприязнью к хозяину кабинета, Ровнин уже с откровенной насмешкой следил за этим позером в тонкой поплиновой сорочке с небрежно засученными рукавами и приспущенным галстуком. Проглядывая письма с грифами главков и министерств, он капризно выпячивал нижнюю губу, озабоченно играл мускулами лица и брезгливо отшвыривал прочитанное в сторонку. Словом, вершил высший, не подлежащий обжалованию суд.

Малик жалел, что связался с подобным субъектом, и ничего хорошего для себя не ждал. Надо было пресечь контакты в самом начале, а он, святая простота, настырничал, обрывал телефон чуть ли не целый месяц. Вот и дозвонился.

Расправившись с бумагами, Громков потянулся к соседней стопке и, не глядя, извлек из самой ее середины отчет. Присутствие заинтересованного лица ничуть не сказалось на совершенно автоматическом движении его рук.

— Поглядим, чего вы там намудрили, — пробубнил он, привычно разгладив ладонью титульный лист, и очертил фамилии авторов желтым от никотина ногтем. — Ланской, это кто?

— Мой коллега.

— Случайно не родственник Павла Ниловича из Госплана.

— Едва ли! — Ровнин нетерпеливо поежился.

— Кандидат? Доктор? — продолжал свои обстоятельные расспросы Громков. — Значит, такой же мэнээс? Что-то больно много у вас науки для мэнээсов, братцы-кролики. Сплошные дифференциальные уравнения. — Алексей Валерьянович небрежно перелистал страницы. — Я-то о них после института и думать забыл, чего и вам советую. В нашем деле математика одно украшательство. Правильно говорю? — Он глянул на Ровнина поверх очков и тем же незаинтересованным движением откинул еще стопку страниц. — Важно что? Суть! — наставительно разобъяснил, подняв указующий перст. — Согласен?

— Согласен, — через силу выдавил из себя Марлен.

— Ну и молоток, — удовлетворенно цыкнул зубом Громков. — Это что, установка? — спросил он, разглаживая завернувшийся лист, на котором, щедро приляпанная резиновым, еще сохранившим специфический запах клеем, красовалась фотография реактора, сработанного непревзойденной горелкой дяди Вани. — Жидковато.

— Первая прикидочная модель, — прочистив враз пересохшее горло, возразил Малик. — Не она важна, а принцип.

— К принципу мы еще вернемся, — жестко отсек Алексей Валерьянович. — Вы лучше скажите мне, чем отличается ваш реактор от предложенного еще десять лет назад мною и Бессом?

— Чем отличается? — по-школярски переспросил Ровнин, теряя почву под ногами. — У нас, как вы видите, вихревая камера, где газы закручиваются в турбулентный поток. — Он привстал, указывая соответствующий узел на чертеже. — Но мы, собственно, и не претендуем на оригинальность аппаратурного оформления. Новизна, повторяю, в принципе.

— «Новизна»! — фыркнул с коротким смешком Громков. — Вихревые камеры были еще до царя Гороха. Я сознательно отказался от них ради «кипящего слоя». Надеюсь, вам известно, что это такое?

— А как же, Алексей Валерьянович. У нас есть все ваши статьи. Мы ссылаемся на них в списке литературы.

— Тогда вы должны знать, почему мы выбрали для рудно-топливных окатышей именно «кипящий слой», и не городить отсебятину.

— Но мы-то не делаем окатышей, — незаметно для себя Ровнин повысил голос. — В том-то и существо нашего метода, что руда и топливо нагреваются раздельно.

— Ром отдельно, баба отдельно? — Алексей Валерьянович издал негромкий, но явно осуждающий посвист. — Знаете, как одного спросили, любит ли он ромовую бабу?.. Все человечество вот уже десять тысяч лет греет совместно, а у них, изволите видеть, по разделениям. А на кой?

— Так в этом же вся суть! Восстановление идет в основном за счет самой активной составляющей топлива — летучих продуктов.

— Значит, во всем мире живут одни дураки? Значит, одни вы с этим... с Ланским самые умные?

— Ну почему?..

— Не знаю почему, но так получается. На всех коксохимических заводах стараются поскорее выгнать эти ваши летучие, чтобы получить кондиционное топливо, а вы с ними носитесь как с писаной торбой. Оригинальничаете?

— Неужели не ясно, что речь идет о принципиально ином подходе к химизму металлургических процессов? — Отчаявшись пробиться сквозь глухую стену непонимания, Ровнин выхватил свой отчет и лихорадочно бросился отыскивать сравнительную таблицу, с предельной полнотой демонстрирующую преимущества высокомолекулярных восстановителей. — Это конкретная цепочка реакций, которыми можно управлять, как угодно.

— Ничего у вас не получится. — Громков, казалось, никак не прореагировал на таблицу. Но, войдя в раж, Малик этого уже не замечал.

— Вот оно где, комплексное использование! — яростно наступал он, вскочив с места. — Причем грамотное, выверенное до мелочей! Химия, к вашему сведению, наука точная.

— А кто возражает? — Тон Алексея Валерьяновича внезапно сделался примирительным, почти задушевным. — Занимайтесь себе своей химией сколько хотите.

— То есть как? — опешил Марлен.

— Очень просто, — недоуменно развел руками Громков. — Собственно, от меня-то вам чего надо?

Ровнин, не находя слов для ответа, задохнулся, беззвучно раскрыл рот и опустился на стул.

— Ко мне-то вы зачем пожаловали? — продолжал допытываться Громков.

— С кем же еще посоветоваться? — удивленно заморгал Малик, отирая вспотевший лоб. — И установку вашу, Алексей Валерьянович, своими руками пощупать очень хотелось.

— Для какой же, любопытно узнать, надобности? Вам, как я понимаю, наше направление не приглянулось.

— Мы собираемся потихоньку переходить к полузаводской, а это, сами знаете, новое качество. Тут ваш опыт особенно драгоценен.

— Кто бы мог подумать, — Громков насмешливо поскреб подбородок. — А вы, собственно, у кого работаете?

— В проблемной лаборатории Доровского.

— Это который членкором в Новосибирск уехал? Ничего не скажешь, ловкач!

— Почему ловкач. У него имя!

— Разве я в осуждение?.. И во сколько же оценивает Доровский ваш титанический труд?

— Как везде.

— Положим, не везде, но с шефом вам явно не подфартило. Как дальше-то жить планируете?.. Небось заявку на свой сногсшибательный принцип оформить не догадались?

— Почему? Подали.

— И публикации есть?

— Три статьи.

— Молодцы, расторопными оказались. Только бесполезно это все без прикрытия. Жалко мне вас, братцы. Мало того что из вздорной затеи ничего путного не получится, так вас еще и сожрут с потрохами. Жизнь, она беспощадна.

— Получится! — с полной уверенностью заявил Марлен. — Уже получилось. Вы взгляните, полный баланс. Мы даем кокс и окисленную органику, пригодную для дальнейшей переработки. И, конечно, само собой разумеется, даем металл...

— Вот именно даем! — снисходительно кивнул Громков. — Цыплят по осени считают. Пока, если что и выходит у вас, так это в трубочке, а вернее сказать — в пробирке. Начнете осваивать крупные габариты, сразу узнаете, почем фунт лиха. Мы с Бессом все зубы съели, пока вышли на полупромышленный стенд. Альфред Себастьянович два инфаркта на нем заработал. Наукой заниматься — не в бирюльки играть, братцы-затейнички.

Ровнин понимал, что в поучениях Алексея Валерьяновича, кроме издевательского огульного отрицания, была известная доля правды. Но изначальное недоброжелательство и, главное, менторский брюзжаще-снисходительный тон не позволяли принять даже ничтожную ее частичку. Недостойная подлинного исследователя речь, как казалось Ровнину, бросала сомнительную тень и на чужой опыт, представлявшийся сплошь враждебным и лживым.

Марлен готов был спорить с Громковым до посинения и по любому поводу. Поэтому лучше всего было уйти без промедления.

— Вы извините меня, — процедил он, придвигая к себе отчет, — но я не знаю Альфреда Себастьяновича Бесса, хоть и сочувствую его печальной участи. На мой взгляд, инфаркты стоит хватать лишь за настоящее дело, а так лучше поберечь здоровье на радость близким.

VI

Светлана Андреевна пробудилась от солнечного луча, пробившегося сквозь неплотно сдвинутые шторы. Она всласть потянулась, не размыкая век, спустила ногу и, почувствовав

шелковистый олений ворс, вдруг поняла, что счастлива. И тут же вскочила, едва не перевернув раскладушку. Поскорее распахнуть шторы. Море ударило в глаза переливчатой зеркальной чешуей. Крохотный домик из гладкого некрашеного дерева и стекла насквозь пронзило туманными струями света. Лучшего дома не было в целом мире. Рунова не уставала благословлять Астахова за то, что он уступил ей это небесное, это морское, это удивительно солнечное бунгало. Все здесь, до самой ничтожной мелочи, ласкало взгляд. Раздвижная стеклянная дверь и раздвижные окна от пола до потолка. Плоская, с небольшим наклоном толевая крыша. Открытая веранда с широким навесом. Вокруг маньчжурские дубы и папоротники, поросшие алыми розетками огневиков. Внизу полузатопленная, насквозь проржавевшая баржа, служившая причалом. Бунгало прилепилось как раз в том месте, где кончался склон сопки и начинался обрыв.

Они приехали сюда уже ночью. Астахов зажег карманный фонарик и отпер дверь. Руновой показалось, что она повисла в космическом пространстве.

— А это ничего, что вы здесь, как в аквариуме, видны со всех сторон? — спросила она, любуясь игрой светляков.

— Но ведь и мне все видно... Наконец-то я дома! Только здесь по-настоящему и могу дышать.

Светлана знала уже, что он сам спроектировал и построил это милое крохотное жилище, состоящее из «аквариума» и миниатюрного душа за узенькой дверцей в задней стене. Все было продумано до мельчайших деталей. Просмоленная в несколько слоев крыша, выдерживающая любой тайфун. Скрытая электропроводка. Свайный, укрепленный камнями фундамент. Душевая цистерна. И широкая затененная эта веранда, куда можно вынести шезлонг, откуда сквозь узорную прорезь листвы видна вся бухта. Астахов буквально вылизывал бунгало, как кошка любимого котенка. Общему замыслу отвечали и аскетически-благородные детали внутреннего убранства.

Тонкие пластины розового дальневосточного кедра понизу стены, оленья шкура на полу и позеленевший бронзовый подсвечник в виде дельфина — вот и все украшения. Впрочем, украшения ли?

— Человек должен постоянно видеть открытую душу дерева, — объяснил Астахов. — Дерево — лучший из материалов. Оно красиво само по себе, своей теплотой и строгой функциональностью. Нет ничего благороднее дерева. Утром сами увидите, какой узор. Трудно оторваться.

Вспомнив теперь этот восторженный панегирик, Светлана засмеялась и села на теплый пол, чтобы разглядеть каждую мелочь. Розовый отполированный кедр действительно притягивал взгляд. Глаза отдыхали от ярких красок моря, листвы и

неба, от слепящих вспышек на расплавленной воде. А на оленью шкуру будет приятно прилечь в жару, когда так раздражает натянутая ткань шезлонга. Подсвечник же просто необходим после одиннадцати часов, когда выключают движок. В этом Рунова уже успела убедиться. Она живо припомнила, как скатывались мутные стеариновые слезы на позеленевшую морду дельфина и фантастические бабочки эскадрильями летели на шаткое пламя свечи.

Светлана увидела этих бабочек в первые же минуты, когда Астахов вынес свечу на веранду. Казалось, что это сон. Цветастая восточная легенда.

Какие-то невероятные шелкопряды и бражники, огромные, как летучие мыши, совки с хищными желтыми глазищами на крыльях, ночной павлиний глаз и болезненно-зеленые парусники с длинными вуалевыми хвостами. Это был яростный напор, ликующий праздник. Только в тропиках она видела нечто подобное.

Треск и шелест крыльев наполнили бунгало. На стенах, на полу, на спинах людей ширились разноцветные мозаики. Словно все бабочки мира слетелись сюда, чтобы принять участие в импровизированном торжестве. И хотя все чертовски устали с дороги и мечтали как следует выспаться, как-то само собой получилось, что пиршество затянулось почти до рассвета. Вину за столь грубое нарушение режима единогласно возложили на Неймарка, который заявился приветствовать гостью с букетиком полевых цветов и бутылкой портвейна.

— Вообще-то у нас на станции сухой закон, — сказал Астахов. — Но сегодня по случаю приезда и знакомства можно. Немного.

После портвейна пили сладкий и крепкий вьетнамский ликер, а затем отыскали еще какое-то красное вино. Бабочки кружились в вечно изменчивом узоре калейдоскопа, падали на головы и в стаканы. Увидев индигово-изумрудную, с переливчатыми, как перламутр, хвостатыми крыльями красавицу, Рунова осторожно поймала ее и вынесла наружу. Море тихо и свободно дышало в непроницаемой темноте. Но горизонт дымился синим, как от электросварки, светом. Наполненною холодной фосфорической пылью, скользил над водой прожекторный луч. Он медленным циркулем обвел бухту, на миг залил лунным сиянием кроны дубов, бунгало и нестерпимой звездой ударил в глаза. Ночная гостья, как завороженная, сидела на ладони, крепко вцепившись мохнатыми лапками в палец. Только дрожали чуткие антенны перистых усиков. Светлана стряхнула ее. Бабочка вспыхнула на миг, как серебряная фольга, и полетела прочь, вдогонку за призрачным светом.

— Это какое-то наваждение, — сказал Неймарк, неслышно появившись на веранде. — Сначала я тоже, позабыв про

своих морских ежей, помешался на этих жутких бабочках. А потом узнал, что они столь же обычны в этих местах, как наши августовские траурницы, казавшиеся мне в детстве самыми большими и красивыми в мире.

На том и закончился длинный-предлинный день. Светлана проспала от силы часа четыре, но проснулась совершенно отдохнувшая. Она уже не помнила, когда прежде ей так нетерпеливо и остро хотелось жить. И смеяться хотелось. Но более всего — есть. Критически осмотрев остатки вчерашнего пиршества, она нашла подсохшую корочку черного хлеба и с наслаждением впилась в нее зубами. «Крепкими молодыми зубами», — подумалось ей.

Она накинула ситцевый сарафан, нашла полиэтиленовый мешочек и побросала в него алюминиевую посуду. Потом постояла, вся облитая солнцем, на веранде и вдруг, почти неожиданно для себя, спрыгнула и понеслась вниз по крутому склону, взрывая суглинок.

Опомнилась от захватывающего дух полета сквозь ломкие папоротники только на прибрежной гальке. Здесь было тенисто и сыро. От гладких обкатанных камней тянуло холодком. На баржу вели выбеленные непогодой и солнцем мостки. Но прежде чем ступить на их шаткие скрипучие доски, Светлана взглянула вниз и тихо вскрикнула, увидев у самых ног морскую звезду. Пухлая, как подушечка для игл, она застыла в кристальной воде, муарово переливаясь густой, обрызганной оранжевыми пятнышками лазурью. Море клокотало изощренной палитрой жизни, щедро выплескивая ее на берег. Среди гниющего плавника и похожей на обрезки папиросной бумаги морской травы валялись вдоль самой кромки тишайшего прибоя ржавые высушенные звезды, хрупкие панцири ежей, хрустящие под ногой вороненые раковины с перламутровым отблеском небытия. Разделенные ничтожной пядью воды, они были так близки, жизнь и смерть, и так необратимо отличны цветами фамильных флагов. Жизнь ждала за демаркационной линией пенных кружев. В вечном омуте, притягивающем и пугающем невиданной прозрачностью. Далеко в глубину уходили неподвижные ленты водорослей, и голубоватые смутные тени мальков, изредка посверкивая жестяным брюшком, сновали вдоль борта.

Позабыв миски и кружки на берегу, Светлана перескочила на баржу, бросила на ржавый кнехт сарафанчик и ласточкой ушла в неподвижную зеленоватую глубину, пронизанную до самого дна колышущейся солнечной сетью.

Еще не осознав ледяного ожога, она преисполнилась ликующей уверенности, что и завтра, и послезавтра — всегда не умолкнет в ней этот упоительный зов.

Плыть и знать, что молодость не кончается и все повинуется, все удается. Ты частица бессмертной стихии, яркая бле-

стка неразрывного целого, и тебя увлекает течение в ослепительный круговорот. Каждым биением пульса, всем кровотоком ты отзываешься на вечную эту игру. Ныряя до боли в ушах. Вырываясь с последним выдохом к небу. И вне памяти, узнаешь, принимаешь, сливаешься с невыразимой той многоликостью, что настигает повсюду. Вскрик чайки, покачивающейся на неподвижно раскрытых крыльях. Полет пузырьков из уголка твоих губ к ртутному зеркалу над головой. Скользкое касание водорослей. Горечь океанской соли. Запах йода и пены, мылко плеснувшей в лицо.

И лишь потому, что все это есть и вечно пребудет, ты постигаешь и помнишь себя. Свои ловкие руки и плечо, рассекающее волны, длинные ноги и тела дельфиний извив.

С холодной дрожью пришло отрезвление. Когда же Светлана Андреевна спохватилась, что оставила резиновую шапочку в чемодане и ее золотистую косу размочалил океанский рассол, эйфория растаяла без следа. Но осталось ощущение бодрости и, после растирания махровым полотенцем, солнечного жара в груди.

Теперь работать, сказала она себе, до беспамятства, до остановки движка.

VII

Ночь сгорела в полете навстречу солнцу. Помятая и невыспавшаяся, с головной болью, пульсирующей в левом виске, сошла Анастасия Михайловна с трапа в аэропорту Улан-Батора. Невиданной яркости небо едва не ослепило ее. Она и вообразить не могла такую захватывающую дух беспредельность. В безвоздушной сверкающей пустоте снежно серебрились тонко прорисованные завитки облаков. И как неправдоподобно высоко были разметаны они над лесистыми, мягко очерченными зубцами возвышенностей!

В аэропорту, завивая воронками пыль, гулял сухой и холодный ветер. Но невесомые пенные шапки, вместо того чтобы величественно проплывать над зачарованной планетой, пугающе зависли в лазури, пятная неподвижными темно-фиолетовыми лоскутами теней первобытную степь.

Неуверенно пошатываясь и не переставая изумленно оглядываться, Лебедева побрела к аэровокзалу. Высматривавший ее второй секретарь из аппарата экономического советника безошибочно распознал свою подопечную. Взяв у Анастасии Михайловны паспорт, а заодно и дорожную сумку на урчащих колесиках, он играючи проделал необходимые формальности. Она и оглянуться не успела, как очутилась на стоянке машин, где, нетерпеливо прохаживаясь возле серой «Волги», изнывал Дмитрий Васильевич Северьянов.

— А вот и ты наконец, — отметил он, поспешно распахивая дверцу. — Давай в темпе, на двенадцать назначено совещание.

— Вы поезжайте, — кивнул второй секретарь, — а я подожду багаж. — Он предупредительно передал Лебедевой ее сумку.

— Это тебе, — спохватился Северьянов и сунул ей небрежно завернутый в газету букет тюльпанов. Плюхнувшись рядом с водителем, он положил на колени пухлую папку с документацией и нетерпеливо расстегнул «молнию». — Первый раз тут? — спросил, не оборачиваясь.

— Первый. — Она расправила юбку и, благодарно улыбнувшись, помахала рукой встречавшему ее молодому сотруднику посольства. — Ах, какое небо в Монголии! Былинное, вещее...

— Да-да, здесь есть на что полюбоваться, — пробормотал Дмитрий Васильевич, уткнувшись в отпечатанные на ротапринте таблицы. — Жаль только, времени нет. Я кое-какой материальчик для тебя приготовил.

— Ты просто неподражаем, Дима. — Лебедева сделала возмущенное лицо. — Разве можно так с места в карьер? Мне же нужно себя в порядок привести, переодеться хотя бы...

— И так хороша будешь, — сварливо откликнулся Северьянов. — Подумаешь, генеральша!

— Вот именно, — вздохнула Лебедева, и при мысли о том, что не смогла предупредить мужа, служившего в отдаленном округе, о своем внезапном отъезде, она вновь ощутила тревожную досаду.

— Ты чего? — обернулся Северьянов, поймав в зеркальце водителя ее приунывший, растерянный взгляд.

— Да как-то все у нас наперекосяк! — Анастасия Михайловна сжала в сердцах кулачки. — Две ночи подряд вызванивала и без толку... Может, учения у них или еще что?.. Пришлось телеграмму послать.

— Значит, все в порядке. Телеграмма дойдет.

— Много ты понимаешь, — вздохнула Лебедева. Она отчетливо представила себе, как, вернувшись с учений в необжитую, вечно пустующую квартиру, Павел найдет ее телеграмму. Голодный, усталый, он, конечно же, сразу позвонит домой: все ли в порядке, здоровы ли дети и как они ощущают себя в отсутствие нерадивых предков. А как ощущают? Скверно.

— Разве это нормально? — пожаловалась она. — И сами не живем, и детей калечим.

— Телефонный разговор мы тебе устроим, — безошибочно сориентировался в сложной ситуации Северьянов. — А уж как вам далее жить, разберетесь дома.

— Правда? — просияла Лебедева. — Пожалуйста, Дим!

— Да хоть сразу после совещания. — Он посмотрел на часы, прикинув разницу в поясах. — Или вечером... Говори сколько хочешь. Фирма за расходами не постоит.

— И не думай! — запротестовала она. — Я женщина состоятельная. Вот только поменяю чеки и...

— Брось, — досадливо прервал Северьянов. — И вообще, Тася, кончай свою бабскую канитель. У всех семьи, у всех проблемы, и все как-то улаживается. Пора перестраивать мозг на рабочую волну. Времени на самокопания и прочую акклиматизацию нам не отпущено. Учти. Тридцать минут на душ я уж как-нибудь для тебя урву, а больше ни-ни.

— Ты в своем стиле!

— Естественно, в своем, в чьем же еще?.. Прогляди на досуге. — Он передал ей через плечо свернувшиеся в трубку страницы. — Оно полезнее, чем в окно-то таращиться.

— Димуля! И в кого ты только уродился такой! — Приободренная Анастасия Михайловна обнаружила подколотый к тексту фотоснимок. — Из космоса?

Зная о том, что, заняв ответственный пост в СЭВе, Северьянов большую часть года проводит в разъездах, она не принимала его нарочитую грубоватость всерьез. Корча из себя деловитого сухаря, бюрократа, он, скорее всего, пытался прикрыть собственную неустроенность и саморазлад. Впрочем, он и в молодости частенько валял дурака, стремясь выглядеть прожженным циником, которому все нипочем. Возможно, обманывал этим сам себя, но, скорее всего, маскировал болезненно обостренную уязвимость.

Лебедевой, хотя мучившая ее головная боль унялась, не хотелось зарываться, вот так с ходу окунаться в работу. Здесь, в машине, это было и бесполезно, и обидно. В приспущенное окно рвался тугой ароматный ветер, от которого в радостном предчувствии сжималось сердце. Мелькали украшенные затейливым орнаментом белые войлочные юрты, осыпанные прошлогодней лиственничной хвоей лесистые склоны, галечные излуки, где по колено в бурной воде застыли, как из бронзы отлитые, кони.

— Безумно интересно! — Анастасия Михайловна с наслаждением вдохнула горьковатую струю. — Полынью пахнет...

— Если будешь паинькой, свезу тебя в Гоби, — пообещал Северьянов, — свежего кумыса отведать.

— Да пила я кумыс... А что за совещание, Дим? Ты не шутишь?

— Не до шуток, мать! — Он демонстративно постучал по циферблату. — Венгры и чехи уже ожидают нас в холле. Про монголов и наших ребят я уж и не говорю.

— Но к чему такая спешка?

— Так вышло, я не нарочно. Завтра утром улетаем на юг.

— Ну и темпы у вас, Дмитрий Васильевич! А я-то думала, дура, что сумею передохнуть в золотой и дремотной Азии. — Она по-прежнему не воспринимала его торопливость всерьез. — А меня с собой берете?

— Естественно, если ты, конечно, не против.

— Я целиком и полностью за, хотя не знаю, какой от этого будет толк. Ведь ваша геологическая премудрость для меня темный лес.

— Не придуривайся, Тася! Двадцать лет в этом варишься. — Северьянов явно был не расположен шутить. — Газом запахло, понимаешь?

— Да ну! — Только теперь она поняла, что Дима нервничает всерьез. — Неужели нашли?

— Если бы! Бродим где-то возле, как в игре «горячо—холодно», а в руки не дается. Ты хоть понимаешь, что значит для Монголии газ в этом районе? С его сказочными запасами руд?

— Догадываюсь, Дмитрий Васильевич, потому что совершенно случайно слыхала, сколько вы ухлопали на разведку. — Отвернувшись от окна, она затенила, чтоб не отблескивал, снимок с белыми уголками масштабной сетки. — Так нашли или нет? Я в самом деле в этом не разбираюсь.

— В чем ты не разбираешься? — Северьянов тяжело повернулся и бесцеремонно выхватил фотографию. — Вот последний шедевр космической съемки. — Он очертил замкнутый контур. — Видишь, как четко отбиваются границы?

— Ну-ка дай. — Лебедева повернула снимок к себе. Теперь она легко различила размытое темное пятно, оконтуренное более светлыми участками. — На мишень похоже.

— Мишень! Только какая мишень? В «яблочке» определенно ничего нет. Зато все сходится на том, что месторождение следует искать где-то тут, на окраине, в «молоке», так сказать.

— И в чем проблема.

— В том, что это сотни и сотни километров. Если бурить вслепую, можно канителиться до морковкина заговенья. Улавливаешь?

— Не совсем. — Анастасия Михайловна задумчиво поправила волосы. — Если я не ошибаюсь, газосъемка и геофизика подтвердили ваше предположение?

— Полностью, но мы по-прежнему топчемся на одном месте.

— Тогда я совсем ничего не понимаю! Ведь минуту назад ты сказал, что запахло? Это как же понимать?

— Вот ты о чем! — догадался Северьянов. — Смотри сюда. — Он поймал на лету выскользнувший фотоснимок. — Здесь, — последовал энергичный щелчок по темному пятну, — обычные латеритовые породы, словом, сплошной крас-

ноцвет, а тут, где мы, собственно, ковыряемся, сероцветные толщи. Словно чертик из коробки. Теперь усекла?

— Ты полагаешь, это не случайно? — Лебедева озадаченно помассировала висок, вновь ощутив приближение боли. — Думаешь, есть связь?

— А чем черт не шутит? Скажи мне, отчего красноцвет переходит в сероцвет, и я, возможно, пойму, где следует искать газ. В природе все жестко взаимосвязано, спутано в плотный клубок.

— Ты слишком плохо думаешь о природе. Она значительно изощреннее, чем это кажется вам, геологам.

— Ты ругаться сюда приехала?

— Я же не утверждаю, что геология не наука, — улыбнулась Анастасия Михайловна, припомнив давний их ожесточенный спор. — Но это не точная наука, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не обольщайся, Дима. Твой эмпирический интуитивизм может никуда и не привести.

— А я верю, — упрямо тряхнул головой Дмитрий Васильевич. — Верхний мел определенно дышит газом, и это как-то связано с превращением красноцветных пород.

— С восстановлением, — поправила Лебедева.

— Что ты сказала? — насторожился Северьянов.

— Я сказала, что трехвалентное железо восстанавливается до двухвалентного, и это, на мой взгляд, никак не связано с присутствием газа.

— Мое дело сформулировать задачу, а дальше делай что хочешь. Лишь бы выдала результат. Ваша химическая ахинея не для меня.

— Весьма лестно, конечно, но это ты зря. Физико-химический анализ — штука до ужаса прозаичная. В Москве ли, в Улан-Баторе, даже на Гавайских островах он даст одну и ту же цифирь.

— А что мне с нее? Мне идея важна, осмысление, можно сказать, геологического процесса.

— В самом деле? — Анастасия Михайловна позволила себе лукаво прищуриться. — Тогда не мечи икру. Дай мне почувствовать себя человеком. Не торопи меня, Дима. Когда будет надо, я сама попрошусь в поле. Пока поживу тут, освоюсь, осмыслю, как тебе мечтается, — словом, изучу материал.

— Мне каждый день дорог.

— Именно поэтому.

— А как же Гоби? Аймак? Нас ведь ждут. Грандиозный сабантуй небось затевается...

— Летите, пируйте. И вообще — не втягивай меня в свои геологические авантюры. Подлинная наука не терпит суеты. Она требует сосредоточенности.

— Очень мило. Вот уж не знал, что ты стала такой. Одно слово, дамочка с норовом. — Было похоже, что он сдался.

— Да, я такая. Генеральша! У меня, Дима, муж генерал... Нам долго еще?

— Скоро будем на месте, — откликнулся молчавший всю дорогу шофер.

— А как насчет поесть в монгольской столице? — поинтересовалась Лебедева, закрепляя одержанную победу. — Чего-нибудь оригинального? — Она уже знала, что без стакана горячего чая головной боли не одолеть.

— Есть свои проблемы, — задумчиво откликнулся Северьянов. — Впрочем, у тебя в гостинице вполне респектабельный ресторан. Акклиматизируйся хоть там для начала, — мстительно акцентировал он и демонстративно отвернулся.

Анастасия Михайловна вновь с интересом приникла к окошку. Машина как раз въезжала на широкий мост через своенравную Толу, взбухшую от талых снегов. Впереди открывалась ничем не примечательная панорама стандартных городских кварталов с типовыми домами, строительными кранами и асфальтированными, заполненными народом улицами.

Лишь однажды промелькнула в разъеме между многоэтажными постройками чешуйчатая, с загнутыми углами крыша.

— Ой, что это? — радостно вскрикнула Лебедева, успев схватить глазом какие-то пестрые устрашающие личины и колючие драконьи хребты.

— Музей, — односложно ответил шофер.

— Бывший дворец государственного оракула, — пояснил Северьянов и вдруг добавил просительно: — Но на совещании ты все-таки появись.

VIII

Сквозь сон Рунова слышала, как пробили склянки в домике водолазов. Она долго следила, как ползут по стенам лунные тени. Потом окна стали понемногу светлеть, и обозначились узорно вырезанные листья дуба. Накопившаяся усталость сладкой ломотой ощущалась в теле, но спать не хотелось.

Она нехотя вылезла из спального мешка, натянула просохший за ночь купальник и ступила на мокрые от обильной росы доски веранды. Над водой еще висела дымка. Нарисованный на фасаде лабораторного корпуса огромный красный кальмар, обвивающий химическую колбу, — герб станции, едва угадывался темным расплывчатым силуэтом.

До начала «торжища», как называли здесь разбор собранных водолазами морепродуктов, оставалось еще два часа. Нужно было успеть искупаться и закончить просмотр альбома Сережи Астахова, описавшего четыреста видов диатомей. Фо-

тографии он сделал отличные, но в определении, особенно по части систематики, допустил множество досадных ошибок. Умолчать о них Рунова никак не могла и потому вся исстрадалась, подыскивая наиболее деликатные, щадящие самолюбие формулировки. Сережа ей нравился. Он был чутким и совестливым парнем, прекрасным руководителем, добрым товарищем и все такое. И руки у него были золотые, и терпение завидное. Словом, все при нем. Недоставало лишь самой малости: эрудиции и таланта, но на весах науки эта малость решала все. «А может, не все?» — спрашивала себя Светлана Андреевна. Ведь столько посредственностей достигли на ее глазах высших ученых степеней! Знавала она и таких деятелей, которые во всем, что хоть чуточку выходило за узенькие рамки специализации, выказывали себя обыкновенными примитивами. Зато в своих тщательно выгороженных научных сотах достигали завидных высот.

Научный сотрудник — профессия массовая. Нечего удивляться, что среди ученых не так много по-настоящему умных людей. Как бы этого хотелось. И вообще ум и талант понятия, часто не совпадающие, а эрудиция — дело наживное, хватило б терпения. Но ведь есть же, черт возьми, нечто такое, что сразу бросается в глаза? То, что отличает настоящую повесть от убогой жвачки, настоящую научную работу от оформленных по всем правилам, но никому не нужных сообщений, заполонивших научную периодику?

«Нет, Сережа, в сущности, ничем не хуже многих, — убеждала себя Рунова. — И вообще, кто дал мне право судить его высшим судом?» — спрашивала она отстраненно, сознавая в глубине, что есть у нее такое право, как есть оно у каждого подлинного профессионала, который не только владеет всеми приемами ремесла, но и гордится им.

Налив в рукомойник воды из дождевой кадки и ополоснув лицо, Светлана Андреевна окончательно решила, что ограничит свой отзыв только конкретными поправками. И чтобы избавиться поскорее от нависшего гнета, решила пренебречь утренним купанием. Поставила чайник, схватила непрочитанные листы и прилегла на оленью шкуру. Ласковое шелковистое касание лишний раз напомнило ей, сколь многим обязана она хозяину этого дома.

Снимки, выполненные с увеличением до полутора тысяч, были наклеены лишь на одной стороне листа. Переворачивая страницу за страницей, Рунова то и дело встречала карандашные наброски на чистой стороне. По ним можно было проследить всю эволюцию бунгало. От первого замысла и фантастической программы-максимум до тщательно разработанных чертежей того самого милого домика из дерева и стекла, который янтарной капелькой повис над голубым полукругом бухты.

Творчество неотделимо и от чисто механической работы. Исследователь не только отыскивает новое, сравнивает, анализирует, сопоставляет, он еще и возится с микроскопом, меняет стеклышки на предметном столике и нажимает кнопку спускового тросика фотоаппарата. А потом вырезает из отпечатанных фотографий нужный объект и приклеивает его на страницу альбома. Одни, тихо посвистывая, думают в такие минуты о футболе или рыбной ловле, другие рассказывают анекдоты или спорят по поводу летающих тарелок, а этот Астахов разрабатывал проект бунгало.

«Может быть, он просто взялся не за свое дело? — подумала Рунова, исправляя очередное латинское наименование. — И его истинное призвание совсем в другом? В той же архитектуре?»

Большинство видов, описанных Сергеем как новые, были известны. Сверившись с записями, Светлана Андреевна привела соответствующие ссылки. Делала она это почти механически, любуясь, наверное, в тысячный раз простотой и математической изощренностью форм.

Она не задавалась вопросом, почему, например, ее любимые диатомеи двигаются по принципу танковой гусеницы. Ответить на это было попросту некому. И все же любопытно, что живая природа предусмотрела такой вариант. Вообще изощренность эволюции, ее изысканное эстетство воистину беспредельны. Все, что выдумал человеческий гений, давно уже разработано на испытательных полигонах природы. Впрочем, человек — это тоже часть природы, звено в одной из ее эволюционных цепей. Лишь эта банальная истина утешает исследователя, созерцающего постоянное торжество великого и слепого соперника. Слепого? Как знать... Может быть, нам лишь кажется, что у природы нет конечных целей. Мы прошли ничтожный участок бесконечного пути, но судим уже о всей дороге.

Рунова управилась с работой за какую-нибудь минуту до склянок. Прислушиваясь к разлившемуся над бухтой ледяному клекоту меди, она удовлетворенно потянулась. Пусть ценой отказа от купания и физзарядки, но все же свалила с себя эту ношу, успела. Можно было, конечно, обойтись и без жертв, тем более что никто никаких сроков Светлане Андреевне не назначал. Ей также вовсе не вменялось в обязанности участвовать в «торжище», потому что материал для исследования она собирала в море сама. Что ж, тем возвышеннее было ее торжество, тем чище радость освобождения. Жаль только, что не испытывала она ни радости, ни торжества. Так, влачилась себе по течению, шевеля для вида плавниками.

Неторопливо, с безмятежной легкостью человека, исполнившего свой долг, она обошла сопку и по крутой деревянной лестнице спустилась на берег. Водолазы в мокро блестящих

гидрокостюмах уже сваливали собранную на дне живность в огороженный камнями бассейн. Зрелище было, конечно, захватывающее. Аскетичная суша не знает таких насыщенных сочных красок, какими переливалась на мелководье лениво усыпающая добыча. Вспыхивая каплями солнца, кишели в едином клубке пунцовые пульсирующие асцидии и васильковые анемоны, всевозможные голотурии, судорожно меняющие свой колер осьминоги, и сиреневые, карминно-красные, муарово-черные морские звезды, заламывая лучи, беспомощно шевелили рядами оранжевых присосок. Казалось, это корчится в предсмертной страде, безмолвно моля о пощаде, сама непостижимая природа.

Растаяла дымка, обнажив прокатанный лист неподвижной воды. Синими тенями обозначились острова на горизонте. Заповедная бухта равнодушно платила пустячную дань человеку за свое спокойствие, за мириады жизней, мелькающих в вечном круговороте.

Со смешанным чувством интереса и легкой брезгливости Рунова наблюдала за коллегами, которые, как придирчивые хозяйки где-нибудь на одесском привозе, копались в груде живности.

Бесспорным вожаком этой несколько комичной в своей повседневной увлеченности братии был Александр Матвеевич Неймарк. В старомодных, так называемых семейных трусах он заходил по колено в воду и вынимал садки с ежами. Прежде чем бросить очередную жертву в эмалированное ведро, которое почтительно держала на весу лаборантка, он опасливо катал ее в ладонях, словно печеную картофелину, критически оглядывая с разных сторон и всегда неожиданно, но с поразительной точностью швырял через плечо. При этом он смешно приседал, ополаскивая резиновые перчатки, и зачем-то хлопал себя по голому животу.

Это было настолько смешно, что Рунова всякий раз отворачивалась, до боли прикусив нижнюю губу.

Прислушиваясь к жестяному стуку падающих ежей, она сделала несколько быстрых соскобов со звезд и голотурий. На этом ее роль в «торжище» была исчерпана.

Пока Неймарк переодевался в укромной тени маньчжурских орехов, Светлана отобрала для себя сетку с крупными, покрытыми разноцветной мозаикой обрастаний мидиями. Ополоснув их для верности с мостков, она зашагала прямиком по камням к зеленой времянке.

— Неплохо устроились. — Рунова с интересом оглядела лабораторный стол, щедро заставленный стеклом, микроскопы, ручную центрифугу, компрессор и прочее оборудование. О такой лаборатории можно только мечтать.

— О да! — с готовностью согласился профессор. — Недаром я езжу сюда уже четвертый сезон. Жаль, правда, что

более сложные приборы — ультрацентрифуги, спектрографы и дозиметрические устройства находятся, как вы знаете, в лабораторном корпусе. — Он махнул рукой в сторону сопки. — Это не так удобно, но ничего не поделаешь. Налетит очередной тайфун, и от моего домика не останется и следа. Ну как, приступим?

Неймарк наполнил чашу Петри свежей морской водой, включил продувку, затем бросил туда нетронутый ястычок.

— Позвольте, дражайшая? — Он опустил чашку на предметный столик.

— Икра, — удовлетворенно отметила Рунова, различив плотные сомкнутые ряды полупрозрачных шариков.

— Да свершится таинство. — Неймарк поспешно взрезал несколько ежей и рассмотрел пробы под микроскопом. — А вот и молоки. — Наполнив содержимым пипетку, он осторожно внес ее в чашу Петри.

В поле зрения Светланы Андреевны появилась огромная труба с черными полосами, оттеняющими ртутно сверкающий канал. Прямо на глазах, в считанные секунды с икринками начали происходить удивительные превращения. Сначала на их поверхности вспухли какие-то бугорки, но вскоре разгладились, после чего вокруг каждого зародыша новой жизни образовалось нечто вроде нимба. Рунова догадалась, что видит защитную оболочку, оберегающую оплодотворенную икру от новых сперматозоидов.

— Для природы достаточно, чтобы оплодотворились, развились и, превратившись во взрослых ежей, дали потомство всего две икринки, — прокомментировал Неймарк. — Лично мне, чтобы добиться хорошей статистики, нужно, чтобы оплодотворилось как можно больше. По счастью, это же требуется и тем, кто работает над воспроизводством морской фауны. Чем выше процент оплодотворенных, тем, естественно, быстрее пополняется убыль выловленных животных. В море этот процент низок. Природа слепа.

— Интересно, Александр Матвеевич! — Рунова оторвалась от микроскопа и выключила освещение. — Я начинаю жалеть, что ушла от живой природы в ископаемые.

— Вам ли сетовать на судьбу, чаровница? Да одна ваша Атлантида стоит всех загубленных нами ежей!

— Ах, они настоящее чудо, эти ваши ежи! До чего благодарный объект. Вот уж никак не думала...

— Объект действительно уникальный. — Сев на любимого конька, Неймарк принялся увлеченно жестикулировать. — Для современной генетики морской еж почти то же, что горох для Менделя или мушка дрозофила для Моргана.

— Это связано со специализацией клеток? Расскажите, Александр Матвеевич, я ведь только понаслышке знаю. Зарылась в геологию, перестала следить за литературой...

— Не прибедняйтесь, милочка. Мне попадались кое-какие ваши работы. О том, что величайшей победой науки нашего века явилась принципиальная расшифровка генетического кода, вы, разумеется, осведомлены?

— Об этом осведомлена, — улыбнулась Рунова.

— Про то, что нуклеиновые кислоты открыли новую эру, знаете? Знаете... Однако, несмотря на то что в принципе мы научились синтезировать белки, далеко не на все «почему?» удается дать ответ. Никто, например, не может сказать сегодня, как и в какой момент клетки в организме делаются разными. Действительно, после оплодотворения клетка начинает делиться. Геометрическое удвоение как будто бы должно было привести к появлению миллионов одинаковых клеток. Но на самом деле получается совсем иное. Клетки в какой-то момент, то ли сами по себе, то ли под влиянием неизвестной команды, вдруг начинают приобретать специализацию. Одни группы клеток, грубо говоря, образуют глаза, другие — сердце, третьи — пальцы. Вот пока и все, очаровательная, что я могу вам сказать.

— Но почему вам нужны именно морские ежи?

— По многим причинам. Во-первых, уридин, содержащий радиоактивную метку углерод-14, особенно легко проникает в их клетки. Во-вторых, а может быть, именно это обстоятельство и явилось определяющим, еж дает до восьми миллионов икринок.

За дощатой стеной послышались переборы гитары.

— Кому-то неймется, — сердито пробурчал Неймарк. — Ведь, как-никак, рабочий день.

— Не будьте столь строги, профессор. Вспомните свою молодость.

— А я и не забываю. Мы, прекраснейшая, были иными.

— Это вам теперь так кажется. Тоже небось на гитарах бренчали. И за барышнями ухаживали. Или нет?

— Не знаю, — буркнул Неймарк. — Может, вы и правы.

— Нет, правы, пожалуй, вы. Ведь через вашу юность прошла война. Поэтому вы целиком и полностью правы, милый и добрый Александр Матвеевич. Только не мне об этом судить. Никак себя не найду, вот в чем дело... Да шучу я, шучу, — взмахнула руками Светлана Андреевна, увидев озадаченно вытянувшееся лицо Неймарка. — Не обращайте внимания на бабьи капризы... Не стану вам больше мешать. — Она решительно поднялась и взяла сетку с мидиями, от которой осталась на линолеумном полу соленая лужа. — У меня тоже дела. Поручено хорошенько провялить этих товарищей.

— Зачем?

— Это пока секрет. Вечером узнаете.

Возле бунгало она застала Сережу Астахова, который тянул телефонную проводку.

— Вечером сможете говорить с кем хотите! — Он потряс над головой новеньким аппаратом.

— Так уж и с кем хочу? — усмехнулась Рунова.

— Конечно! Ведь десять точек... пока.

— Я прочла вашу работу, Сережа. — Светлана Андреевна швырнула мидий на веранду и вытерла руки лопухом. — Весьма впечатляющий свод, да, весьма... Что же касается фотографий, то они абсолютно неподражаемы. Ничего подобного я в жизни своей не видела. — Она перевела дыхание и как бы вскользь уронила: — Но есть и ошибки. Я их все скрупулезнейшим образом перечислила... Уж извините за «ловлю блох».

— Что вы, Светлана Андреевна! — И без того оживленный Астахов возликовал еще больше. — Не знаю, как вас и благодарить!..

— Праздник, значит, не отменяется?

— Ни в коем разе. Можно будет даже припоздниться немного. Все равно синоптики на завтра погоды не обещают.

Пунцовое солнце уже клонилось к закату, недобро пылая в горячих струях тумана, когда Рунова наведалась к своим распотрошенным мидиям. Вываленные на спиленный пень, служивший ей лабораторным столом, и облепленные мухами, они пребывали в самой поре. Даже слезу прошибало от специфического благоухания.

Море под остывающим солнечным шаром сделалось сизым. Сверху отлично было видно дно: нежно-малахитовые пятна песка, грязно-зеленые пучки зостеры, желтые, как кучи осенних листьев, кусты пупырчатых саргассов, и черные камни, и бумажная сечка сухих водорослей — вся сказочная мозаика недобро присмиревшей стихии.

У берега вода выглядела темно-изумрудной, как сумрачный зрак в глубине замшелого колодца, но чем дальше, тем светлее становился ее серо-голубой отблеск, простроченный зеркальными лентами. У бухты Паллады море уже дымилось клочьями серо-сизого флера. Черной прозеленью старинных медяков выступали из этой мглы горы с ржавыми пролысинами глинистых осыпей.

С заходом солнца начался долгожданный лов чилима — самая увлекательная охота на свете. Прямо из раздвижного окна бунгало Астахов выбросил вниз кабель в резиновой изоляции, который давал питание мощной лампе с огромным рефлектором. Лампу опустили в воду, и праздничный аквариумный свет ударил в висящую над дном сетку, в которой уже лежали мидии с изысканным душком. И, словно бабочки вокруг свечи, закружились в электрической воде сильфидоподобные существа. Саламандры заплясали в огне. Они носились, рыжеватые, почти красные, в сквозном свете, и глаза их сверкали, как стоп-сигналы ночных машин. Привлеченные светом

и запахом мидий, спешили они из зарослей подводной травы. И этот парад был столь же великолепен, как и парад бабочек. Только на бабочек всем, в сущности, было уже наплевать — пригляделись. Зато за метанием чилимов, как издавна зовут в этих местах креветок, ловцы следили с напряженным ожиданием, нетерпеливо и плотоядно.

Светлана Андреевна поражалась их изобилию. При дневном свете креветки выглядели не слишком заманчиво: грязно-зеленые, как зостера, с зелено-коричневыми пижамными полосами вдоль тела. Если добавить к этому, что они имели обыкновение стоять в траве почти вертикально, то становилось понятно, почему их мало кому удавалось увидеть днем. Но зато ночью, под фонарем...

Когда в световом круге появлялось сразу несколько чилимов, Беркут с Астаховым резко дергали мокрую натянутую веревку, и тяжелый четырехугольник снасти быстро шел вверх. Перегибаясь через трухлявый, обугленный борт баржи, они нетерпеливо заглядывали в сеть, с которой сбегали струйки. С застекленных ячеек неуклюже срывались присосавшиеся звезды. А в сетке среди ржавых железяк груза и осколков раковин прыгали зеленоватые, колючие на ощупь чилимы. Будто майские жуки, бьющиеся в стекла дачной веранды, сухо пощелкивали они в эмалированном ведре. И с каждым разом их становилось все больше.

Но в одиннадцать часов, в самый разгар лова, выключили движок и лампа угасла. Кто-то, кажется, это был «умственный мальчик», приволок автомобильную фару. Дрожащими от нетерпения руками Беркут загнул медную проволоку и прыгнул в черную рубку ботика.

Путаясь и чертыхаясь, он успел подсоединить провод к клеммам аккумулятора. И вновь вспыхнула под рефлектором золотая непроницаемая глубь, где заплясали живые искры чилимов. Охота продолжалась, пока не набралось полное ведро. Наиболее отчаянные креветки прыгали через край.

Захваченная общим азартом, Светлана Андреевна отважно ползала на коленях по ржавой, с давным-давно сгнившим деревянным настилом палубе, собирая колючих беглянок.

— Весь улов сегодня в пользу гостей! — долетел до нее смеющийся голос из темноты. — Только не забудьте, что чилимов надо варить в морской воде.

Решительно отвергнув помощь Астахова и «умственного мальчика», она сама подхватила ведро с уловом и полезла в гору. Неймарк, зачерпнув за бортом воды, кинулся вслед, карабкаясь по заросшему травой обрыву.

Костер развели за бунгало. Тревожные метеорологические признаки не обманули. Резкие порывы ветра, которых не замечали внизу, стремились задуть пламя. В лицо летели пыль и холодные капли. Чтобы побыстрее зажглись дрова, Сергей

бросил в огонь куски толя. Смоляное коптящее пламя малиновыми отблесками залоснилось на мокрых лицах. Вырвало из мглы блестящие листья волнующихся дубов. Кое-как костер все же разгорелся, и можно было ставить ведро. Вернее, подвешивать. Но как? Об этом второпях никто не подумал В конце концов Сергей догадался продеть через дужку длинную палку. За один конец ее ухватился «умственный мальчик», другой после недолгого размышления подхватил Неймарк. Так, превратившись в козлы, они и держали ведро над огнем. Соленая вода долго не закипала. В самый критический момент хлынул дождь. Тайфун не тайфун, а непогода разгулялась вовсю. Но никто так и не осмелился уйти от костра. Наконец ведро забурлило. Неистовое пиршество происходило при свече, в шатком огоньке которой потрескивали опаленные крылья бабочек. Оранжевые, с красными полосами, теплые и сочные чилимы показались Руновой умопомрачительно вкусными.

— Мороженые креветки, которых мы покупаем в магазинах, не могут дать даже представления о вкусе чилимов, сваренных в морской воде, — заметил, отдуваясь, Неймарк.

— Вот блюдо, которое все съедают всегда до конца. Сколько бы ни было этих самых чилимов и как бы ни был сыт человек, — подвел итог Сергей.

Словно в байдарку, проскользнула Рунова в отверстие спального мешка и зажмурилась, ощущая блаженную истому во всем теле.

Скользил меловой луч прожектора. На стене бунгало рисовались лунные узоры дубовой кроны. Уютно стучал по трижды просмоленной крыше дождь. Пахло морем, теплым деревом и сладкой шелухой чилима, до утра оставшейся на столе.

А сон все не шел... Не было покоя в мыслях. Не возвращалась беззаботная радость первых счастливых ночей.

«Что же это со мной, какого рожна мне еще надо?» — тосковала она, прислушиваясь к звону цикад, упоенно забывших про дождь.

IX

Ланской и Ровнин не уставали дивиться широте и могуществу связей Евгения Владимировича Доровского. Он позвонил в лабораторию, как всегда, неожиданно, перед концом рабочего дня.

— С нашим шефом не соскучишься! — не то осуждающе, не то одобрительно вздохнул Кирилл, вешая трубку. — Надо ехать.

Звонок оторвал его от затягивающих, как шахматный этюд, поисков общей формулы для подсчета термодинамических потенциалов реакции с углеводородами-гомологами.

— Сейчас? — не отрывая глаз от шкалы газометра, вяло спросил Малик — он заканчивал как раз серию опытов с цикланами.

Как всегда, срочно.

Ехать куда-то в дождь из ярко освещенной лаборатории, где было так тепло и просторно, не очень хотелось. Вот уже две недели, как они работали здесь только вдвоем. Володя Орлов перешел на химфак к Герберову, а Томка-Рыба пребывала где-то на сборах пловцов. Первые дни без привычного трепа было скучновато. Зато эксперимент сразу набрал оптимальный темп.

— Шеф звонил? — напомнил Марлен, увидев, что Кира вновь лунатически потянулся к подсчетам.

— Кто же еще? — Ланской с сожалением отложил шариковую ручку. — В самый интересный момент! Только-только начало вырисовываться... Боюсь упустить. Может, ты один съездишь?

— А куда?

— В гостиницу «Россия», — небрежно повел бровью Кирилл. — Там, понимаешь, сейчас директор того самого металлургического комбината. С ним Михаил Владимирович насчет нас договорился...

Эффект был полный.

— Вот это да! — Марлен даже озадаченно присвистнул. От одной лишь мысли о том, что заместитель председателя Госплана говорил про их дела с директором крупнейшего металлургического комбината, захватывало дух. — А ты меня часом не разыгрываешь, старик?

— Очень надо! И вообще, не понимаю, чего это ты так всполошился? Все в этом мире просто, старик. — Бросив халат на табуретку, он снял с вешалки кожаную куртку. Конечно, и речи быть не могло о том, чтобы не поехать на подобное рандеву.

— Легко сказать, просто! — Малик критически оглядел темные и липкие от смол пальцы. — Лично у меня от такой простоты дух захватывает. — Он отключил установку и вырубил тягу.

— И напрасно. Родственный фактор имеет первостепенное значение! Подчас успех дела определяют личные контакты. Кто с кем ходит в сауну, играет в теннис или попивает водочку на природе...

— Ну, шеф молодчага! И сам ведь, что любопытно, без всякой просьбы!

— Как же!.. Я ему всю плешь проел насчет полузаводской модели. Но на такой вариант, признаюсь, даже я не рассчитывал.

— А директор, он чего? — спешно отключив контакты, продолжал выспрашивать подробности Ровнин. — Будет строить?

— Я-то откуда знаю... Согласился переговорить, и на том спасибо.

— Попробовал бы не согласиться!

— Не скажи, — выпятив губы, медленно покачал головой Кирилл. — Он сам себе голова. Депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда — все при нем.

— Не имеет значения! — Ровнин принялся методично отмывать ногти. — Госплан, старик...

— Да брось ты! — Ланской досадливо поморщился. — Ты еще уши намыль, — усмехнулся он покровительственно. — Ишь загорелся! Чему, дура, радуешься? Девяносто шансов из ста за то, что он пошлет нас куда подальше. Очень мы нужны ему с нашей вихревой камерой... Финансирование опять же, а у него план, государственный, кстати, небось министр каждую неделю звонит...

— Так ты едешь? — не обращая внимания на насмешки, спросил Марлен. — Если нет, то дай я запишу фамилию и номер комнаты.

— Я бы не поехал, — с расстановкой объяснил Ланской, — если бы не знал тебя, Малик, но, коль скоро я имею счастье наблюдать за твоими завихрениями почти восемь лет, мне не остается другого выбора. Я еду, хоть и оставил свой зонтик дома.

— И превосходно. У меня зонт есть. Как-нибудь уместимся.

Как это часто случалось в последние годы, удушливая жара в одночасье сменилась затяжным ненастьем. Температура упала до десяти градусов, и зарядили тусклые, надоедливые дожди. Долгожданные такси с зелеными огоньками с вызывающей скоростью проносились мимо стоянок. Ланской и Ровнин успели основательно вымокнуть, пока им не подвернулся попутный «левак».

Поспешно забравшись внутрь, они вытерли мокрые лица и примолкли.

Прислушиваясь к натужному повизгиванию «дворников», никак не справлявшихся с наплывом пузырящихся вод, Ланской философски размышлял о капризах судьбы. За последний месяц они с Маликом видели шефа лишь дважды, да и то урывками. Один раз он назначил встречу в вестибюле Госкомитета по науке и технике, где шло заседание какой-то комиссии, другой — в ампирном закутке Дома ученых. На счастье, Доровский обладал даром полностью абстрагироваться от окружающей действительности, сосредоточиваясь только на том, что ему ловко подсовывали в данный момент аспиранты и прочие соискатели. Впрочем, читал он, как правило, по диагонали, с удивительной быстротой переключаясь с одной темы на другую, в зависимости от упорства и умения осаждавших. Оставалось лишь удивляться, как он ухитрялся в та-

ких условиях замечать ошибки, повторы и прочие слабости. А он замечал, не гнушаясь вносить поправки даже в библиографию, в которую официальные оппоненты и те редко заглядывали.

Не составили исключения и обе последние встречи в прокуренных коридорах, на глазах у людей. Несмотря на явно неподходящую обстановку, Евгений Владимирович успел просмотреть весь материал и, судя по вполне резонным замечаниям, нащупать уязвимые места.

— В расчетах не напутали? — спросил он, подписывая очередную статью, и внимательно взглянул поверх очков на Кирилла. — С формулами тоже все в порядке? Мне ведь продираться сквозь ваши дифференциальные уравнения недосуг... Смотрите, ребята, я на вас полностью полагаюсь.

— Все верно, — растроганный очередным знаком благоволения, поспешно заверил Ровнин. В термодинамике он разбирался еще меньше. Несмотря на то, что все формулы были аккуратно вписаны его рукой.

— Я проверял, — подтвердил Ланской. — Но вообще-то, Евгений Владимирович, давно назрела надобность капитально заняться темой, — не удержался он от шпильки. — Требуется кропотливая мозговая атака и, хоть мы ценим ваше доверие, деловая критика.

Против ожидания, шеф не вспылил, хоть и отличался почти что детской обидчивостью.

— Разве я не понимаю, ребята? — сокрушенно вздохнул Евгений Владимирович. — Только и вы попытайтесь меня понять. Видите, что происходит? Я же себе совершенно не принадлежу... Но ничего, авось все скоро наладится.

Ланской внутренне содрогнулся от этого «авось». Особых надежд на отрадные перемены возлагать, разумеется, не приходилось. Он действительно видел, как Доровского, который работал по совместительству на кафедре и заседал в многочисленных комиссиях и ученых советах, рвали на части. Это было настолько привычно, что считалось вполне нормальным, чуть ли не само собой разумеющимся. Неотвратимо надвигающийся переезд лишь обострил и ускорил заведенное течение событий.

Но теперь, помимо коловращения привычных обязанностей, в жизни Евгения Владимировича возникла новая заманчивая стезя, влекущая на академические высоты. Сотрудники лаборатории, а вместе с ними и Кирилл, с растущим удивлением наблюдали, с каким откровенным упоением шеф играет, и это было самое точное слово, в свое членкорство. Как осваивает, радуясь каждой мелочи, новое положение с его почетными обязанностями и лестными привилегиями. Злые языки нашептывали, что он чуть ли не в пляс пустился, когда узнал, что ему полагается пусть весьма скромный, но все-таки фонд,

предназначенный для выписки зарубежных научных изданий. И вообще, чего только не говорили про нового члена-корреспондента, столь ловко оставившего за кормой стольких потенциальных кандидатов. На то и существует завистливая молва, чтобы повсюду сопутствовать успеху. Для нее безразлично, когда он являет свой лучезарный лик: в победном взлете молодости или на склоне лет, когда уместнее подводить итоги, нежели строить планы на будущее.

Вопреки вполне понятной тревоге за собственную судьбу, Кирилл не мог осудить шефа, хотя и не упускал случая подбавить к общему шушуканью насчет «изменника» насмешливое словечко. Более того, он был единственным, кто в глубине души полностью понимал Евгения Владимировича и, следовательно, оправдывал... Мысленно ставя себя на его место, Кирилл, хоть и не без усмешки, приходил к лестному для самолюбия выводу, что поступил бы точно так же. Одного он не мог простить судьбе: срока. Время для жизненных перемен было выбрано чертовски неудачно.

«Почему не через годик, а именно сейчас, когда так важна каждая минута? — вновь и вновь задавался он совершенно бессмысленным вопросом.

И знал, что нельзя, потому что шеф, исчисляя оставшиеся годы, не принимал его, Киру Ланского, в расчет, и вообще случай капризен и всякий раз по-новому выбрасывает свои кости.

Кирилл покосился на посапывающего рядом Малика. Его мясистое лицо было сосредоточенно и странно подвижно. Гневно шевелились кустистые брови, отчетливо выпирали на вечно румяных щеках энергичные желваки, и раздувались, резко выбрасывая воздух, крупные ноздри. Все отчетливо вылепленные черты словно следовали в своем движении потаенному ритму.

«Проигрывает какую-нибудь скрипичную пьеску, — решил Кирилл. — Ему и горя мало. Живет сегодняшним днем».

Марлен, уйдя в себя, действительно слышал музыку. Именно слышал, а не играл, потому что был без остатка захвачен чистотой и математическим совершенством гармонии. Если бы его спросили вдруг, что это было, он, пожалуй, затруднился ответить точно. Возможно, юный Моцарт, а вернее всего, Бах... Музыка не играла в настоящий момент самодовлеющей роли, но лишь сопровождала развитие мысли и настроения. Он не любил терзать себя долгосрочными планами и, даже обдумывая альтернативные решения, уходил от тупиков, полагаясь на счастливый случай, который, когда возникнет такая надобность, не замедлит себя проявить. Разделяя распространенное заблуждение, Малик как бы изначально полагал, что имя его навеки занесено в некий надмирный список любимчиков. Повинуясь волшебной па-

лочке, жизнь выстраивалась в ожидаемый ряд. Старшая получила первую четверку по химии — прекрасно, младшая делает успехи в сольфеджио — так и должно быть, жене прибавили пятнадцать рублей зарплаты — значит, прибавят еще, подвернулся по дешевке раздолбанный «Бехштейн» — починит по старой дружбе знакомый настройщик, и так каждодневно. В отличие от Кирилла, постоянно сжигавшего свой единственно сущий сегодняшний день во имя вожделенного завтра, Малик и от работы получал одни только радости. Составленная шефом программа себя оправдывала, установка выдавала по семь-восемь проб за смену, результаты прекрасно укладывались в хитроумные формулы Киры — о чем тогда горевать? Вот и сейчас Евгений Владимирович устроил встречу с директором крупнейшего металлургического завода, депутатом, Героем Труда. Разве это не удача? Не счастливый шанс, который другие ловят — не могут поймать годами! Напрасно Кира сомневается в том, что из этой затеи выйдет толк, нагромождая выдуманные сложности. Опасения почти никогда не оправдываются. Зато нечаянная удача подстерегает ищущего на каждом шагу. Это мировая закономерность, проявляющая себя в звуках, в музыке. Путь от сомнения к нежданной радости перерастает в знакомую тему, разворачивается в некую партитуру, которую легче услышать, чем прочитать с листа.

Директор комбината Порфирий Кузьмич Логвинов встретил молодых научных сотрудников радушно и, что называется, запросто: в шлепанцах и без пиджака.

— Кофейку не желаете? — предложил Порфирий Кузьмич. — Или чаю? Я, признаться, на чаек перешел. — Он привычно скользнул ладонью по левой стороне груди. — Мотор барахлить начал. Оно и понятно, шестой десяток разменял.

— А коньяк? — тонко улыбнулся Кирилл. — Помогает?

— Для снятия стресса, так сказать, и сосуды, говорят, расширяются... Так чай или кофе?

— Я исключительно за чай, — инстинктивно подлаживаясь под Логвинова, высказался Малик.

— Мне, если можно, кофе, — попросил Кирилл.

— Отчего же? — Логвинов сделал по телефону заказ. — Итак, молодые люди. — Он вытер губы бумажной салфеткой и выжидательно сцепил пальцы. — Чем могу служить?

— Видите ли, Порфирий Кузьмич, — сделал осторожный заход Кирилл, — нам срочно нужна ваша помощь. Дело в том, что мы под руководством члена-корреспондента Евгения Владимировича Доровского...

— Знаю Доровского, — предпочел прямой разговор Логвинов. — И о ваших хлопотах более-менее осведомлен. От меня лично вам что требуется? Конкретно?

— Создать и опробовать в заводских условиях установку, — собравшись с духом, выпалил Ланской.

— Не больше и не меньше? — улыбнулся директор. — Тема госбюджетная?

— Поисковая.

— Проект имеется? Чертежи?

— Пока вот. — Марлен извлек из портфеля копию заявки и кальку с эскизами. — Для начала.

— Не густо. — Порфирий Кузьмич неторопливо раскрыл футляр и надел очки.

— А это рядовой образец конечной продукции. — Малик стыдливо положил на стол ноздреватый цилиндрик губки. — Следовало бы, конечно, провести плавку, но у нас нет подходящей печи...

Логвинов небрежно подбросил образец на ладони.

— Небось читали про то, как крестьян где-то заставляли плавить чугун в глиняных горшках? — Он неодобрительно покачал головой. — Ничего из этой затеи не выйдет. Мартышкин труд, химики.

— Почему? — обменявшись мгновенным взглядом с Маликом, вкрадчиво спросил Кирилл.

— Да потому, что вся дрянь, которая сидела в руде и топливе, перешла в ваше, с позволения сказать, железо.

— Только не в топливе, — запальчиво возразил Кирилл. — Мы греем раздельно, поэтому рудного слоя достигают лишь газы, летучие.

— А сера и фосфор, по-вашему, не летят? — Логвинов сочувственно пожевал губами. — Очень жаль, но чего-то вы, по-видимому, недопонимаете, молодые люди.

— Как же так, Порфирий Кузьмич? — растерялся Ланской. — Это же принципиально новый процесс. — Он жалко улыбнулся. — Посмотрите, какие энергетические выгоды! Мы можем восстанавливать чем угодно, углеводородами, спиртами, хоть уксусной кислотой...

— Допустим, — Логвинов пробежал глазами заявку. — Принцип я еще из предыдущего разговора уловил. Неожиданно, даже остроумно, не спорю... Но какой с этого толк?

— То есть как? — опешил Кирилл, окончательно теряя почву под ногами.

— Да на кой ляд мне ваши орешки. — Сердитым жестом Логвинов смахнул со скатерти губку, которая пулей ударилась в экран телевизора. Малик даже голову втянул в плечи с испуга, но экран устоял. — Что я с ними буду делать, люди добрые? Для мартена не годится, для электрометаллургии — тоже. Куда их девать, скажите на милость?

Малик с мольбой и надеждой уставился на друга.

— Но так же нельзя рассуждать, — облизывая пересохшее небо, процедил сквозь зубы Кирилл. Внутренне собрав-

шись, он попытался обуздать беспорядочно скачущие мысли. — Новый процесс вы хотите уложить в прокрустово ложе традиционной технологии. Некорректно получается, Порфирий Кузьмич.

— Что? — с веселым удивлением воскликнул Логвинов. — Прокрустово ложе?! Да вы хоть знаете, что такое современный металлургический комбинат?.. Нет, как вам это нравится, прокрустово ложе! — Он плеснул себе в стакан минеральной воды. — Вы что, хотите вообще отказаться от основного цикла? Назад в первобытную дикость?

— Вперед, в безотходную химическую металлургию, — упорно стоял на своем Кирилл.

— Думаете, вам дадут под это свидетельство? — неожиданно спросил Логвинов, тяжело придавив заявку широкой кистью.

— Надеемся, — дернул плечом Кирилл.

— Дадут, — протянул Малик. — Куда они денутся?

— Не знаю, куда кто денется, но свидетельства вы не получите.

— Почему? — настороженно встрепенулся Ланской.

— А вот помяните мое слово!

Возникшее напряжение несколько разрядила официантка в кружевном передничке и наколке. Бесшумно расставив стаканы и чашки, она убрала со стола пустую бутылку и кокетливо улыбнулась Логвинову:

— Я вам еще вафелек свежих захватила.

— Спасибо, девулечка, получи. Так на чем мы остановились? — спросил, пробуя с ложечки горячий чай, Логвинов, когда девушка упорхнула.

— Я говорю о том, что наш процесс преждевременно сопоставлять с существующим, — совладав с собой, отчеканил Кирилл. — Чтобы выявить плюсы и минусы, нам нужно выйти на полузаводской масштаб, Порфирий Кузьмич. Только за этим мы к вам и обратились, отнюдь не посягая на ее величество металлургию.

— Логично, — подумав, признал директор, но тут же поправился: — Однако не совсем. Во-первых, я вижу пока сплошные минусы и никаких плюсов, — загнул палец. — А во-вторых, не могу не печься о престиже родного завода. Да нас с вами засмеют, дорогие хлопцы! Это же все равно что деревенские прялки на «Трехгорке» установить. Даже хуже! Любой поиск имеет право на существование, если видна конечная цель. Понимаете вы меня?

— Понимаем, — изо всех сил стараясь держаться спокойно, заверил Кирилл. — А у нас она как, вообще не просматривается?

— Опять двадцать пять! — обреченно махнул рукой Логвинов. — Я ему про Фому, а он про Ерему. О чем можно

балакать, когда нет перспективы получить качественный металл? Мы не купцы-охотнорядцы, чтобы палить ассигнации из одного любопытства.

— Разве нельзя выжечь вредные примеси с помощью электрометаллургии? — Кирилл незаметно для себя дробно постукивал по ковру подошвой. — Я уж не говорю о том, что наш способ позволяет обогащать руду, причем задарма, за счет газов, образующихся при коксовании. Насколько я знаю, их, за редким исключением, даже не улавливают, сжигают.

— Обогащать? Это что, ваша, так сказать, программа-минимум? Последний рубеж отступления?

— Допустим.

— Тогда вообще говорить не о чем. — Логвинов заглянул в заявку. — Вы, если не ошибаюсь, дробите руду почти до порошка, а мне в домне такого не требуется. Вот вам и задарма!.. Пойдем, однако, далее. Я, например, никак не принимаю ваш выпад по адресу коксохимии. Если газ еще где-то жгут, то за это судить надо. И вообще, хлопцы, куда вы глядите: в прошлое или в будущее? Замахнулись вроде на большое, а кончили чем?

— В будущее мы смотрим, в будущее! — не сдержавшись, выкрикнул Кирилл. — Это вы, Порфирий Кузьмич, упорно стараетесь ткнуть нас носом в остывший след. Если вы действительно не видите принципиальных новшеств, то тогда говорить, ваша правда, не о чем.

— О принципиальных новшествах рассуждать, на мой взгляд, преждевременно. Скажем лучше, потенциальных...

— Пусть потенциальных, — согласился Кирилл. — Если они налицо, помогите нам продолжить эксперимент. Это единственный способ получить ответ на все вопросы. Я уверен, что дело пойдет, и мы сумеем довести свой чисто химический цикл до качественного металла.

— И я уверен, — с веселым озорством поднял подстаканник Марлен. — Уж вы помогите, Порфирий Кузьмич! Будущее само не приходит. Его нужно постепенно готовить, растить. Вы еще помянете нас добром.

— Дети, — фыркнул Логвинов. — Чисто дети. Ну что мне с вами делать? — Он задумался, подперев кулаком тяжелый раздвоенный подбородок. — Давайте договоримся следующим образом. Вы разработаете подробный проект — расчеты, синьки и все такое... Можете?

— Можем! — с готовностью вскочил Марлен.

— Вот и ладно. Документацию пришлете на мое имя, а там видно будет. — Логвинов озабоченно заглянул в записную книжку, явно давая понять, что аудиенция окончена.

На том и расстались.

— Не густо, — почесал макушку Кирилл, стоя в ожидании такси под козырьком южного подъезда.

— И на том спасибо, — успокоительно заметил Малик. — Мы же фактически с голыми руками приперлись.

— Он нас и отчихвостил по первое число. Ничего не скажешь, цепкий мужик. Бьет наповал — в самое солнечное сплетение... А я еще глупость сморозил с этой серой и фосфором. Они определенно возгоняются при пиролизе. Кристаллическая сера уже при комнатной температуре парит... Нечего сказать, химики! — подосадовал Кирилл. — Неприятно.

— Что в лоб, что по лбу. Не вижу принципиальной разницы. Вполне достаточно того, что вредные примеси имеются в руде. Мы и сами знаем, что почем. Флюсы всякие и прочая металлургия. Мы уже битые-перебитые.

— Неудобно вышло. Он на меня, как на щенка, поглядел, когда я эту глупость сморозил.

— Ничего, рассосется.

— Значит, так. — Ланской решительно тряхнул головой. — Хватит валять дурака. С завтрашнего дня делаем полный баланс по сере и фосфору: руда, топливо, отходящие газы, металл. Дашь задание лаборанткам.

— Легко сказать, дашь задание! — приуныл Малик. — Попробуй...

— Это твои проблемы, — холодно оборвал Кирилл. — Раскрывай зонт, кажется, такси.

Дома Кирилла ждала открытка от Томки-Рыбы. Она жила в палаточном лагере аквалангистов в Приморье, взахлеб хвалила подводную охоту и приглашала его приехать в отпуск.

«Почему бы нет? — решил он. — Идеальное место, где можно продумать все до конца. Океан, уединение, кристальная ясность».

Он еще раз перечитал корявые торопливые строчки. Каменные окуни, камбала, волосатые крабы — от этого сладко щемило сердце. Но более всего привлекало название места, где находился лагерь, — бухта Идола. Оно пробуждало жгучие грезы детства. Вспоминались любимые книги: «Остров сокровищ», «Робинзон Крузо», «Миклухо-Маклай»... Как давно он не перечитывал их!

Кирилл вытащил из-под дивана брезентовый чехол с пневматическим ружьем. Любовно протер замшей оксидированную, покрытую тончайшей пленкой смазки поверхность, проверил, как заточены гарпунные наконечники. Остановка была за малым. Авиабилет Москва—Владивосток—Москва стоил, наверное, рублей триста, не меньше. Срочно требовалось придумать нечто оригинальное. Особо ломать голову, впрочем, не приходилось. Поиски оптимального варианта так или иначе сводились к беспощадной дилемме: либо продать двухтомник Бердслея, либо занять у кого-нибудь под будущие гонорары в реферативном журнале.

Третьего, как утверждает латинская мудрость, увы, не дано.

X

Побывав в павильоне у Неймарка, Светлана Андреевна пришла к выводу, что ежи, особенно дисковидные, являются живыми накопителями марганца. Иначе откуда у них этот густо-фиолетовый, с тяжелым металлическим блеском оттенок?

— Вполне возможно, — без особого энтузиазма встретил гипотезу Александр Матвеевич. — Это нетрудно проверить, но меня, очаровательница, ежи интересуют лишь постольку поскольку... Сугубо утилитарно. А вы займитесь, займитесь.

Она занялась. И не только из чистого любопытства. Железомарганцевые конкреции, чьи тяжелые ядра залегают на большой глубине в самых разных точках Мирового океана, давно привлекали ее внимание. Нераскрытая тайна их образования, может быть, и не связана с деятельностью диатомей, однако руководство кафедры даже специально нацеливало Рунову на эту проблему, обещавшую приобрести огромное народно-хозяйственное значение. Судя по зарубежным публикациям, промышленной добычей конкреций, содержащих, кроме всего, вольфрам, молибден и другие ценнейшие элементы, всерьез заинтересовались самые крупные металлургические концерны.

Словом, неожиданное предположение могло пролить на загадку добавочный лучик света.

— Дисковидных видимо-невидимо в бухте с малоприятным названием Холерная, — навел ее на цель Беркут. — Видите вон ту сопку? — спросил он, показывая на зеленый гребень, поросший скрюченными дубками. — К ней ведет тропинка. Она огибает сопку, спускается в небольшой распадок и вновь забирается на гору, ту, дальнюю, голубую. Оттуда видна бухта. Спускайтесь прямо по склону. Так выйдет короче. Только снимайте с себя клещей...

Об этих клещах — переносчиках энцефалита — Светлана слышала еще в Москве. Дело, конечно, не очень веселое. Но случаи энцефалита были довольно редки, и она особенно не беспокоилась, хотя чувствовала к клещам понятное отвращение. Она пошла в сопки, взяв лишь кусок хлеба с солью, флягу с водой и неизменный «комплект номер один»: ласты и маску со шноркелем[1]. Сначала дорога была ясно видна. Черная колея со следами протекторов и оленьих копыт вела в рощу широколистного маньчжурского дуба. Мутное небо неожиданно прояснилось, и зеленый распадок ожил. В папоротниках и высокой полыни заскрипели цикады, затрещали кузнечики и сверчки. Все засверкало, запахло буйно и остро, как в день творения. Радужными нитями обозначались фермы

[1] Дыхательная трубка.

хитроумных паучьих конструкций. Огромные мохнатые крестовики живее стали укутывать в серебристые коконы пестрых бабочек.

В тени прохладной рощи ее одолели какие-то рыжие широколапые мушки с недоразвитыми крыльями. Сначала Светлана приняла их за клещей и стала отдирать от шеи обеими руками. Это даже вынудило ее остановиться. Но борьба была неравной. Успокоившись и сообразив, что мелкие мушки все же существенно отличаются от клещей, она перестала обращать на них внимание. Дорога пошла по болотцу. В черных жирных ямках тускло блестела мазутоподобная вода. Прыгая с кочки на кочку, Светлана поняла, что заблудилась. Кроме оленей, тут вряд ли кто до нее проходил. Очевидно, тропа осталась слева. Но олений путь вел на вершину сопки самым коротким путем, и она не придумала ничего лучше, как полезть прямо в гору.

Ветер дул здесь с неистовой силой. Волокна тумана неслись мимо и гибкими прядями струились над плоскими, как на японских картинах, верхушками деревьев.

Море зеленело далеко внизу. Памятуя наставление Беркута, Светлана осторожно стала спускаться почти по отвесному склону. Ветер постепенно утих, облачный туман остался вверху, да и спуск сделался более пологим. Но тут она вновь обнаружила, что окружавшее великолепное разнотравье очень напоминает болото. Огромные осокори чередовались с невидимыми ямами неизвестной глубины. Под ногами журчал ручей, который тоже никак не удавалось разглядеть.

На кочках росли гигантская осока, тускло-золотые лилии и невиданные ирисы: синие, фиолетовые, черно-лиловые.

Звук ручья говорил о том, что он прыгает по камням. Она нащупывала эти камни ногой и перескакивала с них на ближайшие кочки, которые, как ее когда-то учили, были единственно надежными на болотах. К этому времени иллюзии, что именно этот путь ведет к Холерной бухте, начали рассеиваться. Спуск опять сделался почти отвесным. Идти сразу стало легче, потому что на такой крутизне не удержится ни одно болото. Действительно, вскоре ручей обнажился во всей каменной красе, а кочки сменились привычными папоротниками и лещиной. С трех сторон высились синие горы, а впереди бухали еще невидимые сверху валы. Это тоже внушало подозрение. На широкой песчаной полосе волны должны ласково и полого накатываться. Только теперь Светлане стало окончательно ясно, что она ушла в сторону от бухты, где, по отзывам, был самый лучший на земле пляж. Против ожидания, она не огорчилась. Полной грудью вдыхала ветер с моря, пила глазами очарование волнистых далей.

За мертвым, искореженным дубом пошли каменные нагромождения. Ручей тут вырывался на волю и как-то боком сте-

кал в море. Гранитная стена в этом месте была черной и влажной. В трещинах росли какие-то причудливые создания с холодными мясистыми листьями голубого и розового цвета.

Две сопки сближались здесь и каменным хаосом обрывались вниз. Это там бухали и свистели волны. С пушечным грохотом разбивались они об осклизлые камни и опадали в базальтовую ловушку, сгущаясь из тумана и пены в малахитовую воронку, которая со свистом разглаживалась, превращаясь в смиренную черно-серебряную воду. Но не успевала эта вода просочиться сквозь каменные нагромождения и заплеснуть в сумрак базальтовых арок, как налетала другая, курящаяся холодным туманом, еще более яростная волна. И все опять повторялось. От начала мира и до скончания веков.

Лишь в отлив море отступало, обнажая широкую полосу отмели, и мелкие крабы с шелестом падали в каменные трещины.

В камнях Светлана нашла олений скелет. Солнце и соленая вода сделали его невесомым и хрупким. Он рассыпался при первом прикосновении.

Светлана с жадностью съела хлеб, запила водой, показавшейся упоительно сладкой, и попыталась определиться.

Очевидно, желанная бухта лежала или справа, или слева от грота. По воде туда ничего бы не стоило добраться. Разумеется, в отлив. Теперь же подобная попытка могла кончиться весьма плачевно.

Однажды ее мытарило в море в таком же каменном мешке. Она вырвалась оттуда с закрытыми глазами, так как маску разбило о скалы и острые осколки комариными жалами прилипли к лицу. Было то на Черном море, на фоне куда менее величественных декораций. Вспоминался и еще один случай, на берегу Аравийского моря, когда ей едва удалось вырваться из подводного каньона.

Оставался только один путь — через сопки.

Продравшись сквозь последнюю заградительную полосу осоки, Светлана спустилась в совершенно пустынную бухту. Только след от чьей-то палатки, какой-то обгорелый столб и раковины от печеных мидий напоминали о том, что на земле есть люди. В море широко и лениво вливался ручей. Справа от него берег был каменистый, слева — песчаный. Вдоль линии прибоя тянулась темная полоса выбросов. Чего только там не было! Скрюченные ленты высохшей морской капусты, рыжие мочалки саргассов, филигранные, как купола мусульманских мавзолеев, скелеты ежей и до неузнаваемости преображенный морем хлам — следы цивилизации.

Из любопытства она разгребла кедами кучу, обнаружив самые разнообразные предметы. Здесь были высушенные морские животные, стреляные гильзы, деревянные, источенные

червями обломки, обрывки сетей. Все перемалывало, все нивелировало море.

Пористые куски пенопласта и белые ноздреватые камни столь живо напомнили Светлане Андреевне буханку хлеба, что горячая спазма больно сдавила горло. До станции отсюда было часа полтора ходу, не меньше. Зато в камнях вдоль устья ручья находилась колония морских ежей. Недолго думая, Светлана вошла в воду и набрала полный полиэтиленовый мешочек. Добрую половину она выпотрошила, вылизывая оранжевые мазки. Остальных, сделав соскоб, выбросила обратно. Микроскопические порции икры голода не укротили. Поплавав немного в маске, Светлана вынесла на берег с полдюжины мидий Грея. Это был уже провиант посолидней. Если черноморская мидия весит обычно граммов пятьдесят, то эти исполины бывают и в два, и в три килограмма.

Светлана всегда ела мидии сырыми и не собиралась делать исключений для моллюсков Грея. За это ей и пришлось изведать всю горечь познания, причем в самом прямом смысле слова. Черное море наполовину опреснено. Его соленость редко превышает восемнадцать промилле. Соленость Японского моря в два раза выше. Это средняя соленость Мирового океана. Поэтому содержащаяся в черноморской ракушке вода лишь подчеркивает пикантность блюда, тогда как теперь после первой же съеденной гигантской мидии Светлана ощутила пожар в груди. Бросившись к ручью и рухнув перед ним на колени, она погрузилась с головой в холодную, кристально чистую воду, но, сколько ни пила, сколько ни полоскала горло, жжение не проходило.

До биостанции Светлана добралась к самому ужину. Она еле держалась на ногах и мечтала только о том, чтобы поскорее залезть в спальный мешок. Острота голода притупилась, и можно было ограничиться стаканом сладкого кипятка. Но когда она, миновав столовую и лаборатории, поднималась на свою сопку, ее окликнул Сережа Астахов:

— А я вас поджидаю, Светлана Андреевна! Секретарь райкома приехал, — указал он на стоявший на дороге «газик». — По вашу душу. Будет разговор.

На веранде их встретил плотный мужчина с красным, обветренным лицом и выгоревшими волосами.

— Наливайко, — представился он, крепко пожав Светлане руку. — Вы уж извините, что мы тут без вас распорядились.

— Превосходно распорядились! — засмеялась Светлана, с удовольствием озирая накрытый стол, увенчанный горой дымящегося чилима на дюралевом подносе. — Я не заставлю ждать...

Обрушив на себя весь запас нагревшейся за день воды из душевого бака, она наскоро причесалась, не прибегая к косме-

тике, облачилась в хризолитовое вечернее платье, которое на всякий случай захватила с собой из Москвы, и с показной скромностью явила себя гостям.

— Это я понимаю! — оценил Петр Федорович. — Что скажешь, профессор? — обратился он к припоздавшему Неймарку. — Кинозвезда! — И уже совершенно будничным тоном объявил: — Значит, план такой. Завтра вы все прибываете ко мне, и мы отправляемся в Приморский. Потом переночуем и с утра поедем по району. Я очень рассчитываю на вас, товарищи. У нас же обширные планы: гребешок, мидия, устрицы, о возрождении трепангового промысла подумываем... А ребята какие? Энтузиасты, герои, одно слово — марикультурщики!

— Как-как? — улыбнулась Светлана. — Марикультурщики?

— Что? — подмигнул ей Петр Федорович. — Переиначили на свой лад иностранное слово! Ничего! Главное, что они очень гордятся новой своей профессией. Требуют даже создать свой отраслевой профсоюз... И ведь будет когда-нибудь такой, непременно будет!.. Пока же им нужно помочь, дорогие мои ученые. Они ж в собственном соку варятся, своим умом до всего доходят. Вы уж подскажите им, что к чему.

— Это прямая наша обязанность, — сказал Неймарк.

— Мало трепанга осталось, — вздохнул Петр Федорович. — И гребешка мало. Вот мы поедем, я покажу вам гору гребешковых раковин. Все, что осталось от богатейшей банки. А растет медленно. Годовалая ракушка — с трехкопеечную монету. Ну, мне пора собираться. Надо в совхоз заехать, парторг в отпуск просится. Значит, до завтра?

— Не беспокойтесь, я все приберу, — запротестовала Светлана, заметив, что Астахов начал собирать алюминиевую посуду.

— Занесу по дороге на кухню, — мягко настоял на своем Сергей. — А вы отдыхайте. День выдался трудный, да и встать придется пораньше. Часиков в шесть...

— Кстати, прелестнейшая, — вспомнил Неймарк, — вы тогда были полностью правы. Процент марганца в золе очень высок. Я специально справлялся в лаборатории. Ваши анализы готовы, и вы можете праздновать победу. Особенно богатыми оказались пластинчатые. Весь набор легирующих добавок: никель, кобальт, молибден...

XI

Хоть и белели средь пропыленной колючки верблюжьи ребра, даже костей не осталось от тех, кто проторил дороги в монгольской степи. Скорее всего, они сами возникли, когда

загрохотали по караванным тропам колонны трехосных грузовиков. Тяжелые жаркие шины сожрали траву и навеки впечатали в желтую землю свой бесконечный узор.

Порой двойной протекторный след бежал, то уходя, то вновь приближаясь, вдоль трассы, а то и пересекал ее под острым углом, теряясь в глуши. Пологие спуски сменялись подъемами, когда машина взлетала прямо в вещее небо и дух захватывало, как на качелях, и распахивалась такая безбрежность, что сердце сжималось от радости и тоски. Ах что это было за небо над выжженной солнцем равниной! Оно обнимало весь мир, все времена года, ход светил и перемены ветров.

Где-то очень высоко слева густо нависали тучи, и горизонт едва угадывался сквозь отвесные нити дождей. Чуть правее в свинцовом замесе уже проглядывали белила. Щупальца ливня постепенно укорачивались, втягиваясь в живое клубящееся нутро, и рядом с радугой дрожали зарницы. А прямо по ходу безмятежно сияло солнце, туманясь изредка в набежавшей дымке. Слева же от него в сжиженном кислороде морозно дымился алебастровый слепок луны со всеми ее кратерами и цирками. Степь под ней казалась угольно-серой, ночной, и жутко было взглянуть назад, где непостижимо смыкалось кольцо мироздания.

Да и не стоило оборачиваться. За машиной тянулся непроглядный удушливый шлейф. Тончайшей пудрой оседала вековечная пыль на ресницах, забивала ноздри, першило во рту. Выбирать, однако, не приходилось. Ехать в раскаленной кабине с задраенными окнами было совершенно невыносимо.

Укачанная тряской и жарким всепроникающим светом, Лебедева временами проваливалась в вязкое забытье. Задремав на короткое мгновение, она пробуждалась освеженная и с жадным любопытством высовывала голову. Степной волнующий ветер упруго овевал разгоряченное лицо, трепал волосы, схваченные косынкой, бередя душу незабвенным дурманом полыни. Перебегали дорогу проворные полевки, посвистывали, вытягиваясь в столбик, сурки, и длинноногие тощие лисы без опаски разбойничали в чистом поле, где от нового века останутся только потерянные железки машин. Их много ржавело по сторонам — лопнувших рессор и распотрошенных фильтров, болтов да гаек. И даже на вершинах холмов, где, по древнему обычаю, складывали в честь духов каменные кучи — обо, высились теперь пирамидки протертых скатов с пучком ковыля в черной кружке цилиндра.

Былинной была и былинной пребудет вековечная вольница. Как гнали ветры, так и погонят перекати-поле навстречу скачущим табунам. Как стерег свои владения степной сарыч или орлик, так и качается он в восходящих потоках, растопы-

рив острые перья на кончиках крыл. И зорко примечает каждую мелочь вокруг, и не торопится пасть на добычу. В запасе у него вечность.

Анастасия Михайловна думала о древних кочевьях. Вспоминая страшные маски, которые видела во дворце чойжина — оракула, она интуитивно понимала теперь безвестных аратов, ловивших веления неба в камне и радуге, пустоглазом черепе под ногою и облаке, подпаленном зарей.

Эта поездка на «Волге» старой модели в дальний северо-западный аймак, где временно обосновалась комплексная геологическая экспедиция, и в самом деле чем-то напоминала кочевье. Они останавливались у первой попавшейся юрты, входили как к себе домой под гостеприимный кров, где незнакомые люди привечали их, словно близких друзей.

Вместе с сопровождавшим ее прошлогодним выпускником кафедры Лобсаном Дугэрсурэном и шофером Сандыгом Лебедева садилась на ковер и, пока обрадованные хозяйки жарили баурсаки и вытапливали пенки, пила душистое кислое молоко. Вначале она дивилась той непоколебимой уверенности, которую проявлял, принимая знаки уважения, милый, застенчивый, как девушка, Лобсан. Чувствуя себя незваной гостьей, стеснялась есть, а переночевав, торопилась с отъездом. Но радостное оживление хозяев было столь непосредственно и непринужденно, что она в конце концов успокоилась. Не то чтобы вовсе привыкла, но страдать от неловкости перестала. И уже не пыталась отдаривать, раздав после первой ночевки молодым хозяйкам и детворе нехитрые московские сувениры.

Она научилась высокому искусству степенной беседы, когда приезжего человека обстоятельно расспрашивают о его доме, семье, о дальних странах и вообще обо всем на свете. Переступив порог юрты, Анастасия Михайловна уже не садилась в мужской стороне, как в первые дни, а сразу проходила налево — к женщинам. И хотя никто не хвалил ее за догадливость, как, впрочем, не порицал и за ошибки, она знала, что людям приятно, когда чтят их вековые обычаи. Что-то подметив сама, кое о чем выспросив Лобсана, она принимала теперь пиалу с верблюжьим чалом или пельменями обеими руками, а не одной, как вначале, и условным знаком показывала, когда насыщалась. Даже научилась, разбрызгивая на все четыре стороны, ублажать духов, если случалось распить со стариками бутылку архи.

Ей открылась тайная мудрость пастушеского жилища, с его резными дверцами, оберегами и колесом дымника, разделенного, как небосвод, на двенадцать частей. Она узнала назначение веслообразного шеста и алтарика против входа, где вместо бурханов и образов стояли теперь фотографии родичей да восковые цветы.

С приближением к Хангаю местность неуловимо менялась. Дорога все чаще выписывала причудливые вензеля. Объезжая балки и вздыбленные над плоской равниной каменистые плато, Сандыг лихо бросал машину в грохочущие ручьи, а то и вовсе гнал напрямик по целине, припорошенной, как снегом, крупинками соли. И уже не дорожная колея, а само бескрайнее поле вздымалось к зениту, обрываясь, как срезанное ножом, на вершине очередного холма, откуда открывалась необозримая горная панорама. Испещренные иероглифами снега, густо-фиолетовые склоны застыли в суровом безмолвии. За ними, почти сливаясь с потерянным горизонтом, выдвигалась следующая гряда, неприступная и почти неземная. И как менялось все с освещением, как вспыхивало и угасало, холодея к закату.

Зябко дрожали желтые и лиловые подснежники. Грызуны забивались в норки. Неровной цепочкой, почти черная против света, пропала с глаз журавлиная стая. От непомерно разбухшего солнца даль пошла пунцовыми пятнами. Пыльными неровными полосами расслоились хребты. Степь вокруг будто вспыхнула, задымила, косой завесой заволакивая расплавленный жуткий провал.

— Такого больше нигде не встретишь, — не скрывая волнения, произнес внезапно Лобсан. — Вы спрашивали, Анастасия Михайловна, почему я не остался в аспирантуре? Теперь вы знаете. Я хочу видеть горизонт, а не окна соседнего дома.

— Понимаю, — проникновенно откликнулась она. — Мы слепнем, упираясь глазами в лабиринт стен, глохнем в грохоте улиц и беднеем душой. Я много думала об этом... Только, Лобсан, не знаю, как поточнее сказать, но нам не выскользнуть из потока. Ни мне, ни вам — никому. Человечеству не только нельзя повернуть назад, но даже остановиться немыслимо. Плохо это, хорошо ли — не в том суть. Другого не дано.

— Я знаю. Урбанизация, демографический рост, людей много — места мало. Но кто-то учтет наш опыт. Когда полетим на другие планеты, иначе распорядимся собой. В космосе всего вдоволь: пустого места, нетронутого сырья. У нас в Монголии ламы не разрешали копать землю. Это теперь мы добываем медь, строим шахты, бурим на воду и газ. Но еще жив мой дедушка, который помнит, как забросали камнями палеонтолога, искавшего кости драконов. Считалось страшным грехом тронуть демонов, спящих в земле. Мы даже не вспахивали ее, не засевали. Только пасли отары, перегоняя на летовки через горы и реки. Оттого нас так мало. Пастуху, чтоб прокормиться, нужен простор.

— Вот видите! А как изменился Улан-Батор? Большой современный город с многоэтажными зданиями, телевидением,

транспортом... Мне рассказывали, что там юрты стоят на улицах, а я, признаться, не видела.

— Остались кое-где за заборами. Но мало...

— Или взять тот же Эрдэнэт? — Лебедева еще находилась под впечатлением от посещения города металлургов. — Он вырос на голом месте, среди пустыни, где разве что миражи маячили на горизонте. Но фата-моргана обернулась явью: тополиные аллеи, фонтаны, цветники... Двулик прогресс, за каждую победу приходится чем-то платить.

— Это закон природы. — Лобсан бросил озабоченный взгляд на остывающую зарю и что-то сказал шоферу. — У каждой вещи, у каждого явления есть свой антипод. Вот я, например, внук арата, стал геологом, потому что сердце мое тоскует по звездному небу. Я живу в городе и мечтаю о настоящей еде, приготовленной на живом огне, пью из крана, а думаю о талой воде ледников.

— И я, представьте себе, тоже, — призналась Анастасия Михайловна. — Хотя мои предки, насколько знаю, потомственные горожане... После поездок в Туркмению, Западную Сибирь стала прямо-таки сама не своя. Мое место в лаборатории, я привыкла делать анализы, что-то такое сопоставлять, — словом, заниматься кабинетной наукой. Но, как видите, зачем-то лезу в чужие дела.

— Что вы, Анастасия Михайловна! — запротестовал Лобсан. — Мы, ваши ученики, совсем иначе думаем. Без вас мы бы даже не узнали, что такое геохимия и зачем она нужна.

— Узнали бы, будьте уверены! Если предмет значится в учебном плане, его необходимо... — Она не договорила, лукаво взглянув на Лобсана.

— Сдать и поскорее забыть, — с улыбкой закончил он. — Но ведь мы не забыли?

— А куда вам деться без геохимии... В древних законах тоже есть, между прочим, своя мудрость. Нечего лишний раз землю тревожить. Копать надо, конечно, но осмотрительно, не вслепую.

— Об этом я и хотел сказать. В земле и вправду спят демоны. Посмотрите, чем обернулось железо. Нефть? Это плоть и кровь чудовищ, оскалившихся ракетами, штыками. Их дыхание — беды и мор, ожесточенные схватки, вражда... Вы скажете, капитализм? Верно! Но ведь и запреты наших прадедов родились не при социализме. Монголия вообще была феодальной страной...

— Вас очень интересно слушать, Лобсан, вы оригинально мыслите.

— Я больше чувствую, чем мыслю. Всем существом ощущаю, как ускоряется бег времени. Здесь, дома, это даже острее, чем в Москве, в МГУ. Ярче как-то, ощутимее перемены.

Мой земляк, сын пастуха, взлетел в космос. И хоть его вознесли ваши добрые руки, вам, я не лично про вас говорю, Анастасия Михайловна, вам не понять потрясающей грандиозности этого шага так глубоко, как я понимаю и чувствую. Солнце, Луна для монгола не просто светила. Они веками смотрели на нас с субурганов, с молитвенных свитков, они и теперь в нашем древнем гербе соембо. Это и мир, и сам человек, и судьба. И вот, вы только вдумайтесь, пастушеский мальчик, с детства привыкший к седлу, взлетает над всем мирозданием! Над Полярной звездой, над закрученной нитью судьбы, что у нас называют улдзы!.. Я думаю, сейчас только и начинается новая история человечества. А вы?

— Не знаю, Лобсан. — Она задумчиво покачала головой. — Истинное значение событий постигают обычно не современники, а потомки... Но в чем-то вы глубоко правы. Мне по-доброму завидно, что человеку доступна именно такая, не всегда понятная мне глубина.

Лебедевой недоставало привычных слов, чтобы выразить волновавшее ее чувство. Она словно стояла на пороге неизъяснимого откровения, приметы которого были щедро рассыпаны в повседневном быте и речи людей, в окружающей природе, в самом образе их мысли.

— Какой воспаленный, какой душераздирающий закат! — Она загрустила, проникаясь трагическим, как ей ощущалось, безмолвием вечера.

— Вы не возражаете, Анастасия Михайловна, — вполне буднично обратился к ней Лобсан, обменявшись с шофером короткими репликами, — если мы немного перекусим под открытым небом? Тут сплошное безлюдье и негде остановиться как следует...

— О чем разговор, Лобсан? Буду даже очень рада.

Сандыг еще немного проехал по щебнистой пустыне, затем, куда-то свернув, осторожно свел машину с глинистого откоса. Впереди сумрачно заблестела стремительная река. Судя по бесчисленным отпечаткам копыт, здесь было место водопоя.

Остановились на галечном мысу, куда течением нанесло немного плавника. Лобсан набрал веток и запалил костерок. Прогулявшись вдоль берега, он принес стопку аргала. Потом тщательно отмыл несколько окатанных камней в реке и, выложив их вместе с сухими лепешками в пирамиду, подбросил немного дров. Вскоре пламя охватило аргал, и густой сладковатый угар заглушил речную прохладу.

Сандыг тоже не сидел сложа руки. Он расстелил кошму, вынул из багажника завернутое в газету мясо, буханку хлеба и несколько луковиц. Пока галька калилась на угольях, он разрезал баранину на куски, щедро накрошил луку и засыпал все солью.

— Сейчас будем есть шашлык по-монгольски, — пояснил он на ломаном русском языке.

— Это, конечно, не шашлык, — поправил Лобсан, — но, думаю, Анастасия Михайловна, вам понравится.

— Не сомневайтесь, — заверила Лебедева, присев на кошму. Дразнящий дым кизяка и завораживающая пляска огненных прядей пробудили приятные воспоминания. Зябко поежившись, она придвинулась к костру.

Когда с оглушительным треском лопнул первый камень, Лобсан сложил мясо в бидон и с немыслимой ловкостью принялся забрасывать туда раскаленную гальку. Через несколько минут в воздухе распространилось соблазнительное благоухание.

— Сначала поешьте бульона, — предложил Лобсан, разливая по кружкам мясной, немыслимой крепости и вкусноты сок, выгнанный каменным жаром.

Выложив дымящиеся куски на тряпицу, он отделил еще горячие камни и прижал один из них к пояснице.

— Старики так от радикулита спасаются.

— А у вас разве болит? — удивилась Анастасия Михайловна.

— Нет, я просто так, на всякий случай.

Мясо оказалось несколько жестковатым, но это не помешало Лебедевой отдать ему должное.

— Отменно! — с полной искренностью оценила она, собирая хлебным мякишем соленый пронзительный сок. Заметив, что монголы отдают предпочтение жиру, она подложила им на ломти хлеба самые изысканные куски.

В ночной тишине, нарушаемой только потрескиванием костра, хорошо было думать о доме, вызывая в памяти родные лица. Так отчетливо, что сердце сжималось, вставали они перед внутренним оком, не подвластные времени и расстояниям.

Неузнаваемы были очертания созвездий. Бормотала река, бесшумно кружились совы, всплескивала сильная рыба на быстрине.

— Мы поедем с вами по всем точкам? — спросил Лобсан.

— Что вы сказали? — переспросила Лебедева, возвращаясь из своего далека. — В этом нет надобности... Имеется обширный материал: космическая съемка, геохимия, геофизика. Обсудим, наметим на карте. Нам с вами важно знать не только, где отбирать керны, но и до какой глубины бурить... Будем собираться? — поднялась она с кошмы, с трудом одолевая обволакивающее очарование ночи.

— Да, Анастасия Михайловна, дорога дальняя. Хорошо, если к двум часам доберемся до ночлега.

XII

Палаточный лагерь СКАН приютился у подножия лесистой сопки, отлого спускавшейся к бухте Орла, отделенной от Идола и Холерной скальной грядой.

Кирилл Ланской поставил свою оранжевую одноместку чуть на отлете от прочих, выбрав заросшую буйными травами излуку ручья.

— Не сыровато ли будет? — выразила опасение Тамара. — И комарья много, а они, к твоему сведению, являются переносчиками особо опасного японского энцефалита. Поимей в виду!

— Как, и комары тоже? — беспечно улыбнулся Кирилл, вбивая колышек. — То клещами стращаете, то комарами. Плевать я хотел на энцефалит, особенно на этот, японский. Чему быть, как говорится, того не миновать.

И началась для него совершенно новая, настоящая, как решил он в минуты счастливой бессонницы, жизнь.

Лагерь пробуждался в шесть тридцать. После обязательной для всех физзарядки следовало получасовое купание и завтрак, состоявший, как правило, из оставшейся от ужина вермишели, заправленной мясной тушенкой, и кружки обжигающего кофе со сгущенным молоком. Есть после этого не хотелось долго, часов до двенадцати, когда заканчивались основные тренировки и наступало время обеда. Если не было дождя, все тридцать шесть подводных пловцов устраивались вокруг громадного, выложенного из валунов очага, где бурлила в ведре сваренная дежурным коком уха. Потом каждому вываливали на тарелку по дымящемуся куску запеченной на углях рыбы. Крабы, морские ушки и отваренные в соленой воде ростки папоротника составляли десерт.

Вздыхала и ворошила гремящую гальку волна, заглушая треск компрессора для зарядки баллонов, заливались жаворонки в поднебесье, и полосатые ласковые бурундучки подбирались к самым ногам, дрожа от веселого любопытства. Каждое мгновение переживалось как нечаянный праздник, и даже во сне не покидало волнующее предчувствие новых радостей и открытий. Лишь одно, причем совершенно нежданное, облачко омрачало сияющий горизонт.

«Тамарка Данилова, — думал, тоскуя, Кирилл. — Томка-Рыба. Мне только этого недоставало». И не знал, как тут быть.

Она позвала его на импровизированные танцы, и он нехотя потащился за ней, несмотря на то, что не отдохнул как следует после дальней дороги и в первый же день наломался на тренировке, отрабатывая непривычную технику плавания со спаренным ластом. На ночном берегу, озаряемом дальней прожекторной вспышкой, топталось несколько пар. Скрипели

каменья под кедами, и на полную мощность орал кассетный магнитофон.

Лениво вертясь вокруг самозабвенно скакавшей Томки и больше работая руками, нежели ногами, Кирилл кое-как следовал ритму. Но когда динамики стереомага выдали блюз, и Тамара картинно закинула ему руки на плечи, сачковать далее сделалось никак невозможно. Он обнял ее некрепко, чисто по-дружески, хоть и ощущал томительное тепло податливого тела, кружащий голову запах духов и тонкое, но обостренно воспринимаемое благоухание волос и кожи, напитанных морем, солнцем, щемящей горечью трав.

Он задохнулся на миг с надсадно бьющимся сердцем и, пытаясь сохранить равновесие, чуть крепче сцепил свои пальцы у нее за спиной. И тогда она с жадным вздохом приникла к нему и потянулась, учащенно дыша. Не ответить было никак невозможно. И он, проникаясь, почти против воли, бившей ее дрожью, склонился к влажным горячим губам.

Тут, на счастье или на беду, кассета кончилась, и упала, как занавес, тишина, и прошло неведомо сколько минут, пока просочились сквозь оглушенные уши чей-то говор и смех, шипение фосфорической пены, стрекот цикад. Помрачение развеялось, и стало ужасно неловко. Страдая от вынужденной фальши жестов и слов, Кирилл разомкнул и отвел вниз обвивавшие его руки.

— Спать, однако, пора, старушка! — громко бросил он куда-то в сторону, ненатурально зевая. — Спать. — И шмыгнул прочь.

Было стыдно и муторно, но он знал, что это скоро пройдет, тогда как досада от совершенной глупости остается надолго. Он напомнил себе, что Рыба — верный товарищ, работает с ним бок о бок, и есть обстоятельства, и вообще даже для самых современных и раскованных людей существуют неписаные запреты. Одним словом, он поступил единственно верно. К тому же Тамара никогда не привлекала его, как женщина, и это, в сущности, было главным. Значит, прочь всяческие угрызения. Ему не в чем себя упрекнуть, и она тоже не может не оценить его абсолютную по отношению к ней честность.

«Бедная Рыбка, — с сочувственной улыбкой подумал он, пробравшись в палатку и застегивая за собой "молнию". — Да будь ты хоть чуточку лучше на личико, что бы осталось от моей хваленой честности?.. Сами себя обманываем и городим несусветную чушь».

Восстановив таким образом душевное равновесие, Кирилл разложил на спальном мешке охотничье снаряжение. Любовно погладив ружье, вновь проверил, хорошо ли заточены гарпуны, полюбовался японским компасом-глубиномером и даже вытащил из коробки фосфоресцирующую кальмарницу с двойной коронкой острейших игл. Он знал, что пройдет несколько

дней, прежде чем его допустят к погружению с аквалангом. Это время нужно будет целиком использовать для охоты, тем более что бить рыбу разрешалось лишь в комплекте номер один.

Так он и уснул с приятным предвкушением грядущих забав. Ему даже приснились, вклинившись на мгновение в какую-то тревожную и невыразимо фантасмагорическую круговерть, зубастые крапчатые окуни и огромная, как дельтаплан, луна-рыба.

Утром на физзарядке он и думать забыл о вчерашнем незначительном инциденте. И напрасно, потому как уже на заплыве стало совершенно ясно, что Тамара намерена следовать за ним, как тень. Очевидно, тот совершенно случайный и ни к чему не обязывающий поцелуй она приняла достаточно серьезно и терпеливо сносила в ожидании лучших времен подчеркнутую холодность Кирилла. На большее он, к сожалению, был не способен и, мысленно посылая Томку куда подалее, молчаливо позволял ей таскаться за ним по пятам. Все прелести отдыха разом померкли для него. Необходимо было спешно придумать, как вновь обрести утраченную независимость и душевный покой.

Для начала Кирилл решил тайно сбежать в Холерную бухту, славившуюся своими песчаными пляжами. Не нарушая общего распорядка, сделать это было можно лишь после обеда, когда заканчивались обязательные занятия.

Время тянулось утомительно медленно. Кириллу казалось, что весь лагерь обратил внимание на то, каким раболепным обожанием окружила его лучшая пловчиха общества «Буревестник». Он прямо-таки извелся от ожидания, словно задуманная им мальчишеская проделка могла что-то резко и коренным образом переменить.

Постоянно чувствуя на себе ее ищущий взгляд, он тихо бесился и потому делал досадные промашки, показав в плавании со спаренным ластом еще худшие результаты, чем накануне. Выложившись сполна, но так и не достигнув чистоты плавной дельфиньей линии, чего безуспешно добивался от него тренер, Кирилл выбрался на берег и обессилено рухнул ничком, превозмогая боль в мускулах ног и ломоту в пояснице.

— Бедняжка, — пожалела его Тамара, опускаясь рядом на горячую гальку. — Ты немножко не так все делаешь. Хочешь, я тебе покажу?

— Завтра покажешь, — процедил он сквозь зубы и со стоном перевернулся на спину. — Когда-нибудь...

— Давай я тебя помассирую? — с терпеливой лаской предложила она. — Все сразу как рукой снимет. Я умею.

— О Господи! — застонал он чуть не плача и уполз к себе в палатку, как подраненный зверь.

Забывшись кратким и суматошным сном, он пробудился с легкой головной болью. Зато ноги и натруженный позвоночник мучили его много меньше, и, вопреки ожиданиям, очень хотелось есть. Под огненную уху из окуней и сайры Кирилл умял добрую ржаную краюху. Для истекающего жиром палтуса не осталось места, но он заставил себя доесть все до конца, отделываясь неопределенным мычанием от без умолку тараторившей Томки.

— Чего будем делать? — ласково поинтересовалась она, разбивая для него клешню краба-стригуна. — Может, погуляем немножко? Там в сопках такие ирисы, даже представить себе не можешь какие! Загляденье...

— Спасибо, Том. — Кирилл решительно отодвинул клешню, в разломе которой соблазнительно белела отороченная пурпурной каемочкой мякоть.

— А грибы? — покорно высосав отвергнутый дар, продолжала наседать Тамара. — Ну хоть косой коси! Просто глазам своим не веришь. Отборные груздочки, один к одному. Представляешь. Я видела, как лакомились ими олешки. До чего трогательно... Сходим?

— Как-нибудь, — неопределенно пообещал он и вдруг, озабоченно нахмурясь, заторопился: — А сейчас мне надо к Шаврову. Я обещал.

Ополоснув тарелку в ручье, Кирилл бросился догонять начальника лагеря, который только что окончил трапезу.

— Можно вас, Лаврентий Васильевич. — крикнул он на бегу.

— Ах это вы? — обернулся Шавров и показал на свою палатку. — Прошу!

— Вы сказали, что внесете меня в график дежурств, — бросил Кирилл, поспешно протискиваясь в просторную палатку. Шавров расправил лист ватмана, подвешенный на протянутой через всю палатку леске.

— В следующую пятницу устроит? — спросил он, найдя незаполненную ячейку.

— Само собой, — перевел дух Кирилл и опустился, поджав ноги, на пол. — Как в Холерную бухту пройти, не научите?

— Отчего же? — Шавров отомкнул небольшой сейф и достал морскую карту. — Вот здесь мы, — показал он, — рядом бухта Идола, а следующая — Холерная.

— Странные названия.

— Обыкновенные, — пожал плечами Лаврентий Васильевич. — Бухта Холерная, вероятно, получила свое название по карантину, а в бухте Идола, это я знаю точно, стоял с незапамятных времен тотемный столб. Несколько лет назад его сожгли туристы. Просто так, смеха ради, чтобы поплясать у большого огня.

— Варвары!

— Да, не перевелись еще такие. Все нынче стремятся на природу, только каждый по-своему. Есть слезливые обожатели, которые клянут города и приходят в лес, словно под тень храма, чтобы намусорить и вернуться на насиженное место с миром и благостью в душе. Но есть и варвары, как вы казали, самые настоящие вандалы.

— Я не принадлежу ни к тем, ни к другим, — улыбнулся Кирилл. — Но иногда люблю побыть в одиночестве... Это далеко? — Он наклонился над картой.

— Часика за полтора доберетесь... Я слышал, у вас первый разряд по подводному ориентированию?

— Да, что отнюдь не помогает мне справиться со спаренным ластом.

— Овладеете, — покровительственно махнул рукой Шавров. — Прекрасная, доложу вам, штука. Скорость существенно увеличивается, маневренность, как бы это поточнее сказать, более явственно ощущаешь себя полноправным морским обитателем... Мы эти спаренные сами понаделали, после Олимпиады.

— Ничего не скажешь, модная новинка, — кивнул Кирилл.

— А вы сами кто, я разумею, в миру?

— Физхимик, — коротко отрекомендовался Ланской, — мэнээс-соискатель.

— А я уж пять лет как защитился, — понимающе кивнул Лаврентий Васильевич. — И тоже в младших хожу... Ну, желаю приятной прогулки.

— Я поохотиться, честно говоря, собирался, — пояснил Кирилл. — Перед вечерней зорькой.

— Что ж, попытайтесь, хотя не уверен, что Холерная бухта самое подходящее для этого место... Не забредите только ненароком к соседям, — предостерег напоследок Шавров. — В бухте Троицы — заповедник.

Солнце жгло в полную силу, выгоняя из воздуха и земли душный пар. Кирилл едва добрался до рощицы за первой сопкой и, словно в прохладный омут, окунулся в благодатную тень дубов и каменных берез. Мошка, клещи и даже энцефалитный комар, против которого предостерегала Томка, не шли в сравнение с палящим полуденным солнцем. Совершенно корсиканским, если даже судить строго формально — по широте.

«На полный желудок, не переждав жары, избитый, больной, — корил себя Кира Ланской. — Безумие, чистое безумие, и все из-за Рыбы!»

Он брел, не разбирая дороги, через папоротники почти в человеческий рост, и влажное касание их перистых листьев приятно холодило разгоряченное тело. На слепящее море,

проблескивающее между стволами, было больно смотреть. Сама мысль о том, что нужно покинуть спасительную сень и выйти на открытое солнце, была непереносимой.

С тяжким стоном Кирилл бросил сумку со снаряжением и, как подрубленный, рухнул в траву. Отлежавшись, пока выровнялось дыхание, он перевернулся на спину и расстегнул рубашку. От замшелых стволов, от поросшей кислицей земли успокоительно веяло влажной прохладой. Лес продувался насквозь, ласковый, гостеприимный. Медовыми виделись на просвет его листья. Оранжевыми пятнами мелькали в зарослях бесшумные олени. И крепкий дубильный запах исходил от бугристой, повитой лианой коры.

«Мы неправильно живем, — лениво размышлял Кирилл в полусонной одури. — Мы разучились жить в ладу с природой. Тихие богомольцы, как верно назвал их Шавров, не в счет, варвары — тоже. Но мы, активные, разумные люди, призванные рационально использовать и охранять, да-да, именно так: использовать и охранять земную благодать, — мы утратили живую с ней связь, отвыкли от всевластия ее ритмов, забыли вещий ее язык. Нужно всему этому научиться вновь».

В четыре часа, когда солнце немного сбавило свой жестокий накал, а море, подернувшись газовым флером, перестало так колюче сверкать, он решился сойти на берег.

Вожделенная бухта действительно выглядела прекрасной. Такие смутно мерещатся в детских мечтах. И снятся ночами. За линией серебристых ив сразу же начинались камни, громадные валуны непередаваемого серо-сиреневого оттенка. Того теплого, с влажной тенью сиреневого цвета, который так поражает всякого, кому довелось повидать стелы народа майя. Этот цвет не существует сам по себе.. Он возникает из удивительного единства яркой зелени, синего неба и сверкающего песка.

Кирилл сбросил одежду и распластался на этом песке, один в целом мире. Над камнями дрожали нагретые слои воздуха. Открытая ветрам Японского моря бухта благоухала уникальным смешением запахов. Сохнущие водоросли, кедровая смола, соль и почему-то ваниль — все сливалось буквально на глазах в горячих слюдяных струях.

Кирилл захотел пить и потянулся было к сумке, где лежала полная фляга, но, вспомнив рассказы бывалых людей, передумал и принялся разрывать песок. Сухой слой оказался довольно тонким, и руки все с большим усилием вгрызались в плотно прибитые, напитанные влагой крупицы. Неустанно давя на берег, море надежно подпирало дождевые воды. Не прошло и получаса, как образовалась вполне солидная ямка, на дне которой выступила мутная лужица. Ждать, пока вода отстоится, не хватило терпения.

Кирилл приложился к фляге, неторопливо натянул ласты, надел пояс с куканом, взял маску, ружье и заковылял к морю.

Дно замечательной бухты поначалу его не обрадовало. Там, где нет камней и растений, животные зарываются в песок. Поэтому он мог видеть только пластинчатых ежей и зеленых, как кузнечики, раков-отшельников с непомерно разросшейся правой клешней, которая не влезает в ракушку, а лишь прикрывает вход. Отшельники напоминали боксеров, прикрывающих перчаткой лицо от прямого удара левой. Поиграв с раками, прятавшимися всякий раз в свои раковины, Кирилл поплыл к гротам, на самый край бухты, где они уходят вниз двухметровыми гладкими ступенями. Ему казалось, что он пролетает над затонувшими зиккуратами Лагаша и Ура. Трудно было избавиться от иллюзии, что внизу лежит, уходя в туманную синеву, сотворенное человеком ступенчатое сооружение. На гладких ступенях, на светло-пепельном и теплом по цвету, даже в воде, камне блистали лучами звезды. Это были живые кометы, поднявшиеся из синих глубин ночи по зову халдейских магов и звездочетов. Их мнимая мягкость была обманчива, а красота свирепа и ядовита. Только кровавая актиния с черным, как брабантское кружево, узором могла поспорить со звездами красотой. В узкой расселине Кирилл увидел одну такую готически великолепную актинию. В справочниках ее не было. Про себя он назвал ее арией Стюарт. Зачарованный мистической красотой подводных гротов, Кирилл совершенно забыл про охоту. Лишь столкнувшись с вынырнувшим из темной норы лобастым каменным окунем, он инстинктивно наставил ружье и нажал спуск. Но гарпун пролетел мимо и, потеряв скорость, канул сверкающей синицей в синие непроницаемые глубины. Окунь удивленно распахнул зубастую пасть, лениво вильнул хвостом и пропал в пещере.

Выбрав капроновый линь, Кирилл перевернулся на спину, упер рукоятку в живот и, преодолевая сопротивление сжатого воздуха, вогнал стрелу обратно в ствол. Он подумал при этом, что вряд ли станет когда-либо бить рыбу в этой бухте.

XIII

Приморский оказался вытянутым вдоль побережья рыбачьим поселком, утопающим в пыльной зелени. Дорога ныряла с холма на холм. Повсюду кружился прилипчивый тополиный пух. Встречные машины, за которыми, как за самолетами-распылителями, тянулись клубящиеся белые струи, взвихрили набившуюся в кюветы тополиную вату, и она хлопьями неслась в известковой мгле.

— Вон там, — Наливайко ткнул пальцем в ветровое стекло, за которым плясала непроглядная муть, — еще одно гре-

бешковое производство. Можно сказать, подводный цех. Притормози, Коля, — кивнул он шоферу.

Когда пыль улеглась, все вышли из машины и поднялись на горку, откуда, как на макете, виднелся залив со всеми его островами, извилистыми проливами и хитро изогнутыми бухточками. На серо-лазоревой вечереющей глади отчетливо различались белые бусины кухтылей.

— Гребешок? — спросил Неймарк, подслеповато щурясь и протирая очки.

— И мидия, — кивнул секретарь. — И устрица.

— В этом году вроде больше засеяли, Петр Федорович? — Сережа Астахов попробовал, загибая пальцы, сосчитать поплавковые низки. — У Крюстина новая плантация и там, возле Птичьего камня... Собственно, в чем задача? Нужно определить оптимальные места. Со всех точек зрения: метеорологии, продуктивности, удобства обслуживания.

Машина развернулась и, обогнув сопки, медленно съехала вниз. Дорога вилась вдоль изрезанной береговой кромки. Низкое солнце багрово сквозило сквозь груды песка, камня, длинные штабели досок. Сонно гудели закопченные пароходы, скрежетали огромные желтые краны, визжали, натягивая жирный от мазута канат, лебедки. Над замшелыми черепичными крышами кружились чайки и голуби. Пронзительно пахло просоленной рыбой.

За портом дорога раздваивалась: одна вела в поселок, другая — на узкую косу, полого развернутую в океанский простор. Там и располагался рыбокомбинат, переживавший неопределенно затянувшийся период реконструкции.

Рабочий день уже закончился. По опустевшему двору бродили куры и кошки. Под стеной сушильного цеха приютились кучи антрацита, за которыми битым стеклом блестели горы раковин, предназначенных на перемолку. По обе стороны вишнево горела неподвижная вода. Возле недостроенного барака лежали длинные полиэтиленовые трубы. Внутри уже были забетонированы прямоугольные ванны для аквариумов с проточной водой.

— Кажется, мы поспеем точно к закрытию, — заметил Неймарк.

— На море рано начинают и кончают тоже рано, — сказал Астахов.

— Ученой братии это никак не касается, — засмеялся Наливайко. — Уверен, что наши девицы-красавицы сидят за своими микроскопами. Их из лаборатории и метлой не выгонишь.

Лаборатория оказалась единственным обитаемым в это вечернее время помещением на комбинате. Окинув наметанным взглядом столы с химической посудой, сушильными шкафами и застекленными футлярами аналитических весов, Рунова посочувствовала коллегам. Оборудование было небогатым. Ви-

севшие на стенах поплавки с японскими иероглифами лишь подчеркивали примитивизм лабораторного хозяйства. Но работали здесь, судя по всему, увлеченно. Бородатый молодой человек, препарировавший бледное веретенообразное тельце кальмара, даже не поднял головы на вошедших. Зато две миловидные девушки, возившиеся с компрессором и центрифугой, радостно бросились навстречу.

— Александр Матвеевич! — Наспех представившись Руновой, они подхватили Неймарка под руки. — Мы вас так ждали! Посмотрите, пожалуйста, что у нас получилось...

Пока Неймарк консультировал аспиранток, Светлана прошла на причал, где стояли аквариумы с трепангом. К почерневшим дубовым сваям были привязаны толстые веревки, уходившие в воду. Она попыталась вытянуть одну из них, но это оказалось ей не под силу. Помог Коля, шофер секретаря райкома.

— Килограммов сорок, не меньше, — определил он, выволакивая опутанное рваными сетями ожерелье великана.

— Древний японский способ выращивания моллюсков на соломенных канатах, — улыбнулась Светлана.

Бухта сделалась розовой и бирюзовой. Вдали затарахтел мотор. Вскоре на воде появилась пенная борозда. Баркас шел прямо к рыбозаводу.

— Это за вами, — сообщил Коля. — Повезут в Гребешковую бухту.

Старый моторный баркас подошел к причалу, ведя на буксире шлюпку с мачтой. На одном борту шлюпки было написано: «Теща», на другом: «Кума». Мотор чихнул и замолк, выбросив последнее синее облако пережженной солярки.

— А, Юра — водяной человек! — обрадовался Наливайко. — Знакомьтесь. Целый день под водой или в лодке, больше ему ничего в жизни не надо.

На дне баркаса лежали заряженный акваланг, пояс с грузом, помятый таз и старинный чугунный якорь. Не иначе как времен капитана Посьета. Юра запустил мотор и взял курс на Гребешковую бухту. Лодка шла вдоль берега заросшего лесом и высокой травой полуострова Поволяя прямо на чернеющие вдали скалы. На одной из них, плоской как камбала, стояли маяк и метеостанция.

Наливайко вынул из портфеля карту и показал, как проходит маршрут.

— Тут всюду узости, — заметил он озабоченно, — но после Пошатая будет просторнее.

— Необитаемый остров, — пояснил Сергей. — Японцы разрабатывают проекты искусственных островов. Нам пока это не грозит. Есть необитаемые.

Вода посерела и пошла рябью. Стало свежо. Баркас заметно подбрасывало. Ветер срывал холодную пену и относил сло-

ва. Да еще мотор тарахтел, как у гоночного автомобиля, так что разговаривать стало невозможно.

Вдруг что-то завизжало, залязгало, и лодка сбавила ход.

— Пробуксовывает сцепление, — сказал Сережа и протянул Юре три копейки.

Юра наклонился над мотором и, улучив удобный момент, сунул монету в муфту. Но ее тут же стерло и выбросило с диким, пронзительным воем. Тогда Сережа, покопавшись в карманах, достал пятак. Эту жертву мотор принял более охотно.

— Как автомат с газировкой, — пошутил Юра.

Осторожно обогнув наклонный частокол рифов, он ввел суденышко в Гребешковую бухту. Хищнически разграбленная лет семьдесят назад, она была навеки покинута промысловиками.

Желтовато-белая осыпь раковин напомнила Светлане глыбу черепов на картине Верещагина «Апофеоз войны».

Заросший ивами мыс и две похожие на гребенчатых крокодилов полосы рифов надежно защищали бухту от ветра. Но странным показался внезапный этот переход от ветра и легкой качки к абсолютному спокойствию и тишине. Это было колдовство, и все здесь казалось заколдованным: зеленеющая стеклянная толща необыкновенно прозрачной воды, ленты зостеры и неподвижные звезды на битых черепках гребешков, жуткая костяная груда на берегу.

XIV

Безотказная машина, на которой Лебедева проехала свыше трех тысяч километров по щебнистым пустыням, замерла посреди беснующегося потока. Неукротимые талые воды несли камни, песок, какие-то перегнившие корневища. Напрасно шофер Сандыг насиловал воющий стартер. Застряли намертво. Ставшее неожиданно зыбким, каменистое дно медленно всасывало обездвиженные колеса, вокруг которых уже неистовствовали пенные буруны. Ледяная вода просочилась в кабину, лизнула сандалеты, и Лебедевой пришлось подобрать коленки. Машина глухо вибрировала, противостоя течению. В накренившееся крыло остервенело бил разогнанный гравий.

— Крепко засели, — констатировал Лобсан Дугэрсурэн с неуместным, как показалось Анастасии Михайловне, весельем.

Шофер в ответ процедил сквозь зубы какие-то слова по-монгольски. Возможно, выругался. Лобсан выслушал его с безмятежным спокойствием и тоже подтянул промокшие ноги.

— Но ведь надо что-то делать? — обратилась к нему Лебедева, удивляясь собственной невозмутимости. Страха она, безусловно, не испытывала. Скорее вялое любопытство. Она столько повидала за эти недели и так физически вымоталась, что не находила в себе сил для волнений. Осознание реальной опасности пришло позднее, когда гладкие стремительные каскады стали перекатывать через капот.

— Давайте перелезем на крышу, Анастасия Михайловна? — предложил Лобсан, не без труда открыв дверцу.

Подбиравшаяся к сиденью вода сразу опала. Лебедева взглянула на кипящую воронку и отрицательно покачала головой.

— Если уж и пускаться вплавь, то не для того чтобы продрогнуть на крыше. Я, с вашего разрешения, подожду.

Лобсан понимающе улыбнулся и остался на месте.

Зато шофер, которому нечего было терять, ибо и без того промок до колен, попробовал осторожно сползти в воду, но поскользнулся и, основательно окунувшись, кое-как взобрался на багажник.

Метрах в трехстах впереди стояли, светя фарами, несколько грузовиков. Их водители, безусловно, видели застрявшую на стремнине машину, но ничего не предпринимали. Скорее всего, их остановили такие же разлившиеся по предгорью потоки. Помощь могла прийти только с другого берега, но сзади, насколько хватал глаз, не было видно ни одного автомобиля.

Прошло неведомо сколько времени, прежде чем Сандыг, взявший на себя роль наблюдателя, различил вдали одинокого всадника. Стремясь привлечь его внимание, он перескочил, угрожающе громыхнув жестью, на крышу машины и отчаянно замахал руками.

Лебедева с надеждой смотрела на неторопливо приближающегося арата с арканом на длинном шесте. Ей еще не приходилось встречаться со столь доподлинным, можно даже сказать, образцово-показательным сыном степей. Коричневое от загара лицо пожилого монгола, его зорко прищуренные глаза и удивительно симпатичные морщинки понравились Анастасии Михайловне чрезвычайно. Отметила она и синее, тронутое копотью костров дэли, и сапоги с загнутыми кверху носками, и богатую, украшенную чеканным серебром сбрую. Под стать ей было огниво, подвешенное к наборному поясу, и длинная, с серебряным запальником трубка.

Прислушиваясь к степенной беседе, которая завязалась между Сандыгом и пастухом, когда его послушная лошадка вошла по брюхо в ручей, Лебедева уже представляла себе, как сядет, поддерживаемая железной рукой, на круп и сказочной принцессой с достоинством ступит на спасительный берег. Но ничего подобного не случилось. Поговорив минут десять с Сандыгом, словно они встретились где-нибудь на улице,

странствующий рыцарь столь же медлительно и невозмутимо удалился.

— Куда это он? — обеспокоенно спросила Анастасия Михайловна, провожая всадника долгим взглядом.

— Машину искать, надо думать, поехал, — ответил Лобсан.

«Как все просто в нашем мире, — мимолетно подумала Лебедева. — Персиваль отправился за тягачом».

Через полчаса их вытащил за задний бампер присланный пастухом «газик».

— Мы спаслись, — коверкая слова, возвестил Сандыг. — Выпить надо за это. У тебя есть чего?

Лебедева развела руками.

— Очень жалко, — осуждающе поцокал языком неунывающий шофер.

Сбросив одежду, он расстелил ее под горячим солнцем и занялся двигателем. «Волга» еще продолжала изливать мутные ручьи. Анастасия Михайловна была уверена, что после подобной бани машина ни за что не тронется с места. Но, к ее удивлению, мотор прочихался и завелся.

— Теперь совсем спаслись, — подытожил Сандыг, энергично прогазовывая.

— Поедем кружным путем, — сказал Лобсан, устраиваясь рядом с Лебедевой.

— Как знаете, Дугэрсурэн, вам виднее.

— Вы же хотели посмотреть керекссуры[1], Анастасия Михайловна.

— Да, очень.

— Теперь это можно будет сделать. В урочище Цаган-Убеген есть такие. Нам почти по дороге.

Мысленно разбирая пережитое приключение, Лебедева подумала о том, что воспринимала происходящее как бы со стороны, не ощущая непосредственно нависшей угрозы, и потому, наверное, не ведала страха. Очевидно, в глубине души она столь безоглядно полагалась на своих внешне беспечных, но таких чутких и доброжелательных спутников, что ни разу не усомнилась в благополучном завершении небольшого дорожного инцидента.

— Скажите, Дугэрсурэн, вы, если не ошибаюсь, выполняли дипломную работу как раз по этому региону? — внезапно спросила Анастасия Михайловна, перескочив в мыслях на занимавшую ее проблему. — Вы, конечно, привлекали данные гидрогеологии?

— А как же иначе?

— И помните особенности?

---

[1] Погребальные сооружения I тысячелетия до нашей эры и VI—X веков нашей эры в Монголии, Туве, Забайкалье.

— В точных цифрах едва ли, но общую характеристику хорошо помню. Воды в основном гидрокарбонатнатриевые, высокоминерализованные, горячие...

— А как насчет растворенной органики? Фенолы, например... Меня очень интересуют фенолы.

— Нет, насчет фенолов ничего сказать не могу, Анастасия Михайловна, — ответил после продолжительного раздумья Лобсан Дугэрсурэн. — Извините.

— И радиоактивность не помните?

— Радиоактивность повышенная.

— Крайне интересно, как любит выражаться наш вождь и учитель Корват, крайне... Жаль только, что насчет фенолов у нас с вами некоторая неясность.

— Можно запросить материал, Анастасия Михайловна. Как прибудем на место, я сразу же...

— Разумеется. — Она задумчиво опустила веки. — Но мне сейчас интересно. Идея, знаете ли, наклевывается. И, на мой взгляд, вполне конструктивная.

Лебедева умолкла, шлифуя и совершенствуя мелькнувшую в голове мысль. Определенно ей удалось нащупать какую-то, пусть даже второстепенную, но все-таки связь между флюидами и вмещающей их железосодержащей породой. Красноцветные глины, подземные воды, нефть, газы — все это была единая система, которую следовало брать лишь в комплексе. Иначе все распадалось на разрозненные элементы, замыкалось в непроницаемую скорлупку.

Захваченная внутренней напряженной работой, она не заметила, как машина, махнув прямиком через степь, осторожно вползла в плоскодонную котловину, поросшую жесткой выгоревшей травой.

— Здесь, Анастасия Михайловна, — благоговейно понизив голос, промолвил Лобсан.

Лебедева приблизилась к окруженному торчащими из земли глыбами, грубо обтесанному гранитному обелиску. Густая неровная тень от него муаровой лентой пересекала поле, далеко забежав за окружность, отмеченную гранитными зубьями. Это было похоже на циклопические солнечные часы. Но, проникаясь непостижимым мгновенным озарением, Анастасия Михайловна уже знала, что истинное предназначение каменного сооружения неизмеримо обширнее и глубже. Она что-то такое читала о Стоунхендже, о прочих менее знаменитых обсерваториях каменного века и приблизительно догадывалась, что видит перед собой не только храм, где справлялись загадочные мистерии, но некую вычислительную машину, календарь, по которому отсчитывали свои вехи светила.

Ее волновала не историческая загадка сама по себе, а скорее личная причастность к всеохватному мировому процессу, который всякий раз проявлял себя по-иному: звездами в не-

проглядной ночи, трепещущей радугой, кованой медью заката. Смыкавшие суровый круг зубья как бы вобрали в себя и ширь небес, и таинство зодиака, вернув им терпкий забытый привкус языческих тризн. Каждый камень здесь был самоцелен, и каждый камень походил на надгробье.

— Что это? — едва слышно спросила она, хоть и не ждала ответа, потрясенная до глубины души.

— Великий батыр и его дружина, — вполне буднично разъяснил Сандыг. — Так старики говорят.

Анастасия Михайловна только головой покачала.

Подойдя к обелиску, она увидела высеченные на нем рунические письмена. Почти такие же, как ей открылись однажды на замшелой скале возле каменных лабиринтов Карелии. И здесь, и там ощущалась ускользавшая от сознания глубинная суть, беспощадная, вещая... При мысли о том, что никто и никогда не сумеет прочесть эти тайные глубоко процарапанные знаки, становилось как-то не по себе.

Плотное облако, холодно вспыхнув окрайкой, наползло на солнце и погрузило долину в густую тень. Повеял холодный, пронзительный ветер, погнав через степь вырванную с корнем верблюжью колючку. Обелиск почернел, погасли его непрочитанные руны, а выбеленная сухая трава засветилась голубоватым, нежным, как пух, свечением. И так тихо сделалось в мире, что Анастасия Михайловна услышала взволнованный стук своего сердца. Ей настолько захотелось вдруг увидеть мужа, прижаться губами к головкам детей, что даже слезы навернулись.

— Поедем, — прошептала она, пряча переполненные глаза.

На другой день, трясясь на вездеходе, Лебедева рассказывала, разумеется с юмором, о своих похождениях Северьянову.

— Зачем тебя туда понесло? — возмутился Дмитрий Васильевич, когда она поведала ему о некоторых подробностях переправы. — Ты отдаешь себе отчет в своих поступках? Вас могло перевернуть к чертовой матери!.. И машину жаль.

— Но ведь обошлось без инцидентов. — Анастасия Михайловна благонравно потупилась. — Я, конечно, ужасно перепугалась, но не показала и вида. Ты меня хвалишь?

— Мы о чем с тобой договорились, Тася? — непривычно менторским тоном осведомился Дмитрий Васильевич, постукивая пальцем по откидному столику с картой. — О чем, я тебя спрашиваю? — Он закусил губу и прикрыл глаза.

Вездеход покачивало, все вокруг дребезжало, и Лебедевой показалось на миг, что Дима не просто переигрывает подобающую случаю роль, но совершенно всерьез клокочет от злости. Она не знала, что его жестоко терзает боль в желчном пузыре, расходившемся от постоянной тряски.

— Что с тобой? — Она отчужденно взглянула на него.

— Сильных ощущений захотелось на старости лет? — Он задержал вдох, видимо, совсем ее не слушая. — Беда мне с тобой, больше никуда не поедешь.

— Опомнись, Дима, — нахмурясь, предостерегла Анастасия Михайловна. — Не перегибай. Проявил трогательную заботу, и ладно. Давай лучше о деле поговорим.

— Прости, мать. — Он шумно выдохнул и облегченно помотал головой. — Схватило чегой-то... Так о чем мы с тобой ведем речь?

— Тебе плохо?

— С тобой мне всегда хорошо. — Северьянов отер со лба холодный пот. — Значит, вытянули вас за одно место на берег? Считай, что тебе повезло, и, ради Бога, не лезь во всякие дыры. Договорились?

— Я учту твои пожелания, Дмитрий Васильевич.

— Вот и прекрасно. А дальше что было?

— Дальше ни-че-го, — отчеканила Лебедева. Рассказывать о потрясении, испытанном при виде рунических мегалитов, окончательно расхотелось.

— Ни-че-го, — повторил за ней Дмитрий Васильевич. — Это ты верно сказала. Иногда я сам удивляюсь, до чего у нас, бродячих людей, странная жизнь. Вечно в дороге, всегда в пути. Все остальное лишь промежутки. Ни нормальной семьи у нас, по существу, нет, ни налаженного быта. Едим всухомятку, живем мечтами о возвращении. Даже подумать как следует и то некогда. Все мимолетом. Отсюда и вечное наше верхоглядство, пристрастие к авантюрам, инфантилизм.

— Это что-то новое. — Лебедева с удивлением взглянула на Дмитрия Васильевича. Она знала его много лет, но таким, как сейчас, видела впервые. — Насчет дороги я, быть может, с тобой и соглашусь. Мы, если хочешь, даже думать привыкли от одного телеграфного столба до другого. Что же касается всего остального — извини, не понимаю. Инфантилизм какой-то еще выдумал!

— Скажешь, нет? — Он хитро прищурил глаз. — Взять хоть тебя. О возрасте деликатно умалчиваю.

— И правильно делаешь.

— Но ведь ты до неприличия инфантильна!

— Чушь!

— Генеральша, доцент, а все Тася! — Северьянов засмеялся. — И через тридцать лет такой останешься. Как вас зовут, бабушка? — прошепелявил он, скорчив смешную рожу. — Тася!

— Так это для тебя, — не выдержав, фыркнула Анастасия Михайловна и добавила со значением: — Ди-ма!.. Надеюсь, мы всегда будем друг для друга Димами и Тасями? — подчеркнула она, согнав улыбку. — Сколько бы нам ни было лет.

— Да, конечно... Как там Светка? Ты давно ее не видела?

— Ужасно! — Лебедева виновато всплеснула руками. — Все дела, понимаешь, дела, наша вечная московская закрученность... Она, конечно, совершенно правильно сделала, что ушла от этого скобаря, но, по-моему, это здорово ее подкосило.

— Ничего, — Северьянов успокоительно покачал головой. — Перемелется — мука будет, надо дать ей время зализать раны. Вы, девочки, живучи, как кошки.

— И не стыдно?

— Ни капельки. А все потому, что я, мать, всегда обо всех помню. Я, да будет тебе известно, Светке сюрприз приготовил.

— Какой?

— Не скажу. Это пока тайна.

— Даже от меня?

— Просто сглазить боюсь, Тася.

— Тогда и вправду лучше молчи.

— Ты когда хочешь улететь?

— Первым же самолетом.

— Отчего так торопишься? Мы ведь даже с тобой и не загуляли как следует. В пятницу будет прием на правительственном, так сказать, уровне. Оставайся.

— В Москве догуляем, у меня дети, семья... Соскучилась, понимаешь. А работу свою я, Дмитрий Васильевич, выполнила, теперь слово за твоими геологами.

— Да знаю я, как ты работала, — отмахнулся он с обычной небрежностью. — Все уши прожужжали: «Анастасия Михайловна», «Анастасия Михайловна»... Венгры от нее без ума, чеха она очаровала. Суперзвезда, а не женщина.

— Да, я такая.

— Но твоему Дугэрсурэну я выдам по первое число. Голову откручу прохиндею!

— Не смей, Дима! Он ни в чем не виноват. Я сама напросилась.

— Но зачем? Зачем тебя туда понесло? Там же еще конь не валялся. Даже буровую не завезли.

— Если честно, не знаю. Дурацкая любознательность. Хотелось порасспросить на месте, самой во всем разобраться. А если уж быть до конца честной, я поехала из-за керекссуров. Иной возможности увидеть их у меня не было.

— Так ведь не твое это дело, Анастасия Михайловна! Не твое. Ишь туристка выискалась на мою голову.

— Ты целиком и полностью прав, Дима, но так уж вышло, прости. К тому же во всей этой кутерьме есть и своя хорошая сторона. У меня появилась идея.

— В самом деле? Еще до анализов, до всего? — Северьянов заинтересованно поднял брови, но вездеход в это время

опять крепко тряхнуло, и он опять сжался, обозначив желваки, не думая ни о чем, кроме чашки горячего сладкого чая. Термос, перекатывавшийся в железном желобе, был безнадежно пуст.

— Думаю, что кое-что смогу сказать тебе еще до анализов, — твердо пообещала Лебедева. — Подниму материал, проверю как следует, посоветуюсь с Игнатием Сергеевичем. Если все действительно пойдет так, как мне кажется, то я выдам тебе диагностический признак. По крайней мере косвенный.

— И на том спасибо.

— Значит, мы обо всем договорились?

— Конечно, все материалы будут направлять на кафедру на твое имя... У меня к тебе еще одна маленькая просьба, Тася... В конце лета мы устраиваем у себя в СЭВе совещание по известной тебе проблеме. Я бы хотел, чтобы ты выступила.

— Если будет с чем.

— А это уж от тебя зависит, золотце. Одним словом, я на тебя крепко рассчитываю.

XV

Над Приморским кружил устойчивый антициклон, и солнце палило немилосердно. Проплавав около двух часов в маске в подводных «цехах» комбината, Светлана Рунова не заметила, как сожгла спину. Пришлось занять у заводских водолазов тельняшку. Она хоть и стесняла с непривычки движения, зато согревала в холодных слоях, вклинившихся узкими полосами.

Все нужные ей пробы диатомовых и планктона Светлана взяла, но Юра предложил осмотреть мидиевые садки, и она, преодолевая озноб, снова полезла в море. Отказать «водяному человеку» было никак невозможно, да и самолюбие не позволяло. Юра чутко страховал ее снизу, каждый раз поднимаясь навстречу, когда она четким заученным движением шла в глубину. Забрав очередную пробу, он провожал ныряльщицу дружелюбным взмахом руки и зорко следил, пока не исчезало за трепещущим зеркалом золотистое пламя волос. Плавала Светлана Андреевна виртуозно, и Юра прощал ей пренебрежительное отношение к аквалангу.

В воде обросшие гроздями мидий канаты напоминали обугленные столбы. Светлане казалось, что она скользит вдоль запутанных ходов сгоревшего лабиринта, где остались одни искореженные колонны, еще поддерживающие эфемерную, отмеченную точками поплавков кровлю, откуда струился неверный раздробленный свет. Призраки завладели затопленным пепелищем. Где-то в темных углах клубились, подобрав осыпанные бляшками щупальца, спруты, растворяясь в мутном

сиянии, всплывали пульсирующие купола медуз. Даже суетливые жадные рыбки, сновавшие вдоль ракушечных друз, казались похожими на рогатых химер.

Светлана попробовала было поиграть с крохотным чудовищем, да жаль — не хватило дыхания.

Конечно, с аквалангом было бы куда сподручнее, но утром сжатый в баллонах воздух чуть не довел ее до дурноты. Явственно примешивался запашок паленой резины. Светлана понимала, что ощущение, скорее всего, было субъективным, вызванным общим недомоганием, но от акваланга пришлось отказаться.

— Дерет кожу, — капризно поежившись, объяснила она.

Опасения марикультурщиков были вполне оправданны. Плантацию неистово осаждали морские звезды. В кристальной воде, чуть курящейся солнечным туманом, они горели ядовитыми насыщенными цветами, которые безуспешно искал Ван Гог в часы безумия.

Дышащие приоткрытые щели раковин приманили всю королевскую рать. Колючие солнечники, декадентски утонченные малиново-красные лизастроземы[1] — никто не остался глух к сладкому запаху трепещущей в створках плоти. Вездесущие патирии ухитрились пролезть даже сквозь ячеи сетей.

Сине-кобальтовые с алой, как чума, мозаикой узора и оранжевыми венцами глаз на концах лучей, они неторопливо ощупывали моллюсков, выискивая слабину. Их строгая безупречная геометрия бросала вызов хаосу природы. Любую звезду можно цеплять на муаровую ленту или вешать на шею. Орден с сиамскими рубинами на синей эмали. Загадочная кабалистика океана.

На вид они казались нежными, как атлас. Но впечатление было обманчиво. Светлана не раз держала в руках этот живой наждак, которым сподручней всего драить медяшку на корабле. Истинное лицо звезды всегда обращено к грунту, ядовито-оранжевое, беспокойное, хищное. Сверху звезда кажется неподвижной, снизу беспрерывно шевелится рядами оранжево-розовых присосок. Они сходятся в математическом центре фигуры, у ротового отверстия, где скрывается желудок, которому нипочем режущие кромки устриц и мидий, их капканоподобные створки, что еле удается разжать ножом.

Дыша через трубку у самой поверхности, Светлана долго наблюдала за тем, как сиреневый хищник разделывался с гигантской мидией. Звезда обнимала моллюска всеми своими лучами. Сотни присосок натужно пытались разжать сомкнутые створки. Мидия сначала не поддавалась усилиям облегающего ее разноцветного мешка. Но звезда терпеливо продолжала осаду и добилась в конце концов своего. Когда

[1] Разновидность морских звезд.

смыкающий створки мускул ослабел, ей удалось просунуть внутрь раковины луч и молниеносно забросить туда свой желудок. И началось «переваривание вовне». Закончив трапезу, звезда втянула желудок обратно. Не случайно тяжеленные грозди белели мертвым жемчугом пустых створок. Плантация заметно пострадала от непрошенных гостей. Оградить ее могла лишь сплошная мелкоячеистая сеть.

«Ни опрыскать какой-нибудь ядовитой дрянью, ни пугала поставить», — подумала Светлана Андреевна.

Она дала знак подниматься, напоследок нырнула, растирая покрывавшиеся пупырышками ноги, и, выбросив из трубки фонтанчик, поплыла к лодке. Все, что могла, она сделала. После анализов в лаборатории ей, быть может, и удастся наметить наиболее обильные питанием зоны для будущих ферм. Что же касается защиты от хищников, то это не ее компетенция.

Вечером в местном Доме культуры состоялся вечер встречи с работниками рыбозавода. Светлану Андреевну, Неймарка и Сережу Астахова секретарь райкома посадил за стол президиума, а сам устроился в полупустом зале, где, кроме марикультурщиков, явившихся в полном составе, и непременных пенсионеров, сидело несколько молодых работниц. Присутствовало, конечно, и все местное руководство.

Открытие прошло с надлежащей торжественностью. Гостям, словно кинозвездам перед премьерой, вручили цветы. Охарактеризовав с традиционно преувеличенной похвалой каждого из научных сотрудников, Наливайко захлопал в ладоши, подав пример остальным, и предупредительно помог установить стенд с заранее подготовленными наглядными пособиями. Это сразу задало деловое, можно даже сказать академичное, направление, и Светлана скоро освоилась с обстановкой.

По праву старшего вечер открыл Неймарк.

— Мы собрались здесь, дорогие друзья, — начал Александр Матвеевич задушевно-будничным тоном опытного лектора, — для того чтобы обменяться мнениями насчет нашего с вами будущего и будущего наших детей... Как полагаете, прокормит океан человечество в двадцать первом веке или же нет? — задал он вопрос после краткой паузы, оглядывая поверх очков темный по сравнению со сценой зал.

Публика, однако, безмолвствовала.

— Я вас спрашиваю, — ободряюще кивнул профессор, обращаясь непосредственно к Юре, сидевшему в первом ряду. — И вас тоже, — улыбнулся хорошенькой работнице с грудным младенцем на коленях. — И это, товарищи, не праздный вопрос. Поэтому подумайте хорошенько, прежде чем ответить... Итак, каков будет ваш приговор? — Дав аудитории необходимое время, он требовательно устремил на «водяного человека» указующий перст.

— А вот и нет! — запальчиво выкрикнул крепко сбитый парень с затейливой татуировкой на обеих руках.

— И почему вы так считаете? — мгновенно среагировал Неймарк.

— Уловы падают.

— Вы совершенно правы, товарищ! Но ведь и вы правы, дорогие мои коллеги — марикультурщики! Все сейчас зависит от нас, от выбранной нами стратегии, от того, насколько разумно мы поведем себя... Вот какая вырисовывается примерно картина. Уловы падают. Это правда. Но все дело в том, что почти все дары моря человек берет в традиционных районах континентального шельфа. Открытый океан все еще остается целиной.

— А можно вопрос? — подняла руку девушка в первом ряду.

— Пожалуйста.

— В океане уже все-все открыто?

— Земная кора живет. Все возможно.

— А как насчет Атлантиды? — послышался голос. — Она была все-таки или нет?

— Это особая проблема. — Неймарк задорно взглянул на Рунову. — Мы, как говорится, оставим ее на закуску...

— Можно научить дельфинов охране рыбных стад! — радостно выкрикнул Юра. — Такие «подводные овчарки», как показали многочисленные опыты, хорошо понимают, что хочет от них человек.

— Это все будущее! — неожиданно ополчилась на него энергичная девица в защитном костюме студотряда. — Дельфины, реакторы и даже обещанная сетка, про которую мы слышим уже второй год... Но сейчас, я спрашиваю, сейчас что нам делать? Как защитить мидию и гребешок? Может, товарищи ученые подскажут? — Она с торжеством огляделась по сторонам и выжидательно уставилась на президиум.

— Что ж, мои молодые друзья, — прервал нависшую над залом настороженную тишину Неймарк, — вы вправе потребовать от нас практических рекомендаций. К сожалению, ни я, ни мои коллеги специально не занимались проблемами марикультуры, но, как говорится, назвался груздем... — Он выразительно развел руками. — Словом, я попытаюсь дать вам конкретный совет. В Приморье часто идут дожди. Пресная вода лежит на поверхности долго не смешивающимся слоем. Для раковин она опасности не представляет, зато для хищников-звезд совершенно губительна. Короче говоря, почаще вытаскивайте свои веревки. Ополаскивайте...

Ответом ему были благодарные аплодисменты молодежной бригады.

— Вот тебе и единый наряд, — шепнул Наливайко директору рыбозавода. — Их ожидает дополнительная, причем

очень нелегкая работенка, а они хлопают, радуются... За тобой эта сетка, учти.

Вознагражденный восторгом зала, Неймарк подвел итог.

— Акванавты доказали, что человек может жить и успешно работать на глубине. Очевидно, в будущем мы сможем хорошо освоить прибрежные районы, ограниченные глубинами в сто метров, и создать опорные пункты на значительно большей глубине. Такое расширение обитаемой зоны плюс аквакультура превратят океанское дно в фабрику изобилия. Вот почему все-таки правы те, кто говорит, что океан сможет обеспечить продовольствием многие миллиарды людей. Все зависит от подхода к проблеме, от всех людей и каждого отдельного человека. А теперь прошу поднять руку, кто голосует за развитие аквакультуры?

Голосование, как и следовало ожидать, вышло единогласным.

— В таком случае, — профессор успокоил оживившуюся аудиторию, — сразу же после короткого отдыха мы заслушаем нашу замечательную Светлану Андреевну Рунову, кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника геологического факультета МГУ. Мы действительно слишком уж воспарили в мечтах о будущем, а она вернет нас, как тут уже совершенно правильно призывали, к реальности. Я имею в виду начальную точку любых исследований по биологии моря. Первичное звено всех пищевых цепей.

— Неумолимая эстафета всеобщего поедания действительно начинается с мельчайших организмов, о которых мне хочется вам рассказать, — отчетливо, как на лекции, произнесла Светлана первую фразу, тщательно продуманную в перерыв. — Но весь черный юмор ситуации заключается в том, что начальное звено является одновременно и заключительным. Все обитатели моря прямо или опосредованно питаются микроорганизмами, но, умирая и опускаясь на дно, они сами становятся добычей микробов. — Она несколько принужденно рассмеялась, но, не встретив поддержки, согнала улыбку и решительно подошла к стенду с прикнопленными снимками из альбома Астахова. Топтавшаяся за кулисами заведующая клубом поспешно протянула указку. — Здесь вы можете видеть портреты наших героев, увеличенных более чем в тысячу раз. Эти живые существа, похожие чем-то на инопланетные конструкции, называются диатомеями. Они живут в воде повсеместно и образуют большие колонии. Диатомеи с бóльшим на то основанием, чем кто-либо другой, могут сказать, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Весной и осенью они переживают взрывы жизни, которые отражаются на всех обитателях моря. Это важнейший момент, от которого во многом зависят урожаи океанской целины. Но изучены диатомеи очень мало. Только в Черном и Баренцевом морях удалось

кое-что сделать в этом отношении, литораль же Японского моря — девственный лес альгологии. Только в южной части залива Приморский присутствующий здесь Сергей Павлович Астахов выделил четыреста видов. Он, как и я, альголог по специальности. Но если я занимаюсь больше ископаемыми видами, то в сферу интересов Сергея Павловича входят живые. Я верно говорю? — Светлана вопрошающе взглянула на Астахова и перевела дух.

— Совершенно верно, Светлана Андреевна.

— Тогда подойдите, пожалуйста, сюда, и мы продолжим рассказ вместе. По-настоящему продуманный экономический подход к океану должен начинаться с диатомовых водорослей, — высказала Светлана основной тезис, когда Сережа приблизился. — Это корм для рыбьей молоди и ракообразных. Вам еще не надоело слушать? — Рунова участливо оглядела зал.

— Нет! — захлопали в первых рядах. — Рассказывайте еще...

— Хорошо! — с готовностью согласилась она. — Я сегодня почти весь день провела в воде. Знакомилась с вашими мидиевыми садками. На этих раковинах хорошо была видна работа диатомовых. Мутная зеленоватая слизь, белые и розовые лишаи вторичных обрастаний. Диатомовые необыкновенно чувствительны к температуре и солености воды. Они массами гибнут, когда над морем проходят дожди, но их быстро замещают более пресноводные виды, которые в свою очередь погибают, когда прежняя соленость восстанавливается. Вместе с диатомовыми в опресненной воде погибают и морские животные. Профессор Неймарк дал вам прекрасную рекомендацию! Пресноводные диатомеи резко отличаются от солеводных, а тропические виды не похожи на обитателей арктических вод или морей умеренных широт. В Японском море почти не встречаются тропические диатомеи. Лишь у берегов Южной Японии их становится много. И чем южнее, тем больше. Филиппины, Австралия, Новая Зеландия... Потом опять увеличивается количество холодноводных видов.

— Светлана Андреевна проводила специальные исследования в этом регионе, — пояснил Сергей.

— Я не случайно назвала диатомеи таинственными. — Рунова поблагодарила его коротким кивком. — Чуткую, почти эфемерную клетку окружают кремниевые створки. Хрустальная оболочка лелеет крохотную пылинку живого. Жизнь проходит, как яркий проблеск в темноте, а оболочка остается. Почти навечно. Диатомные панцири отлично сохраняются. Они известны еще с мелового периода. По ним можно определять относительный возраст Земли, воссоздавать палеогеографию водоемов. Вот почему прибрежные бентосные виды этих водорослей специально изучаются геологами, которые занима-

ются реконструкцией древних бассейнов. По кремниевым оболочкам давно погибших организмов удается узнать всю историю водоема: температуру и соленость воды, береговую линию и как все это менялось с течением веков и тысячелетий. Для геологов-поисковиков диатомеи — тоже желанная находка.

Почувствовав, что увлеклась и заговорила специальными терминами, Рунова умолкла на полуслове и беспомощно уставилась на Сергея.

— Расскажите, как вам удалось открыть Атлантиду, Светлана Андреевна, — попросил он, поймав ее умоляющий взгляд.

— Но я вовсе не открывала Атлантиду, — с облегчением рассмеялась она. — Просто, плавая на «Витязе», наша группа обнаружила в Атлантическом океане пресноводный комплекс диатом, резко отличный от окружающих морских комплексов. Такую находку можно истолковать лишь однозначно: на этом месте затонул участок суши. Когда? Радиокарбонный анализ показывает цифру двенадцать—пятнадцать тысяч лет.

— Наверняка Атлантида! — вскочил Юра, азартно сжав кулаки.

— Пока, к сожалению, у нас нет доказательств, — развела руками Светлана. — Хотя сами по себе пресноводные диатомеи никак не могли очутиться на морском дне... Есть виды, живущие только в воде кристальной чистоты. Малейшая примесь солей вызывает их быструю гибель. Такие водоросли населяют Севан и Байкал. Они лучшие индикаторы чистоты воды. На Байкале диатомеи первые сигнализировали о том, что озеро находится в опасности. Но диатомеи и идеальные санитары. На месте погибших видов в том же Байкале появились новые, более приспособленные к трудным условиям. И они вступили в борьбу за чистоту воды. Но главное значение диатомовых водорослей в том, что с их помощью мы можем резко увеличить урожаи морских продуктов, добиться быстрого восстановления запасов. Недаром всерьез обсуждаются проекты создания на дне океана мощных атомных реакторов для подогрева воды. Нагретая, богатая солями вода подымется из глубины. Это вызовет взрыв жизни диатомовых, а там пойдет разматываться привычная цепь. Ведь вся жизнь, по сути, сосредоточена на каких-нибудь пятидесяти метрах глубины. Сколько драгоценных солей пропадает даром. А восходящие теплые потоки вынесут их на поверхность, и появится пища для миллиардов новых рыб, китов и ракообразных. Такой естественный процесс выноса глубинных солей происходит у берегов Перу. Недаром это один из самых богатых районов. Вспышки диатомоных чередуются там с удивительной регулярностью. И всегда много рыбы. Очень много рыбы... Как-то связаны диатомеи и с еще во многом загадочными марганцевыми конкрециями,

обнаруженными на океанском дне. — Она незаметно взглянула на часы и решила, что пора закругляться. — Но это уже другая сторона проблемы, мы и без того ушли в сторону от обсуждаемой темы.

— Так это и хорошо! — одобрил гостеприимный Наливайко и, обернувшись к залу, спросил: — Какие будут вопросы?

Вопросов не было.

— Тогда поблагодарим наших дорогих и всегда желанных гостей за интересную и поучительную беседу. — Под одобрительные рукоплескания Петр Федорович поднялся на сцену вручать сувениры. И только тут Светлана почувствовала, как она устала за день и едва держится на ногах.

«Все! — сказала она себе. — Завтра сплю до упора, а как вернемся на биостанцию и схлынет эта немыслимая жара, пойду искать хваленую Холерную бухту...»

XVI

За два часа Кирилл наловил полтора десятка кальмаров и с полведра иваси. Передав улов дежурному коку, он занялся лодкой. Отмыть рыбью кровь и присохшую чешую не составляло никакого труда, а вот кальмарьи чернила намертво въелись в окрашенное дерево. Их не брала ни проволочная щетка, ни толченый кирпич.

— Ты лучше закрась, — подала дельный совет Тамара. — У нас ребята всегда так делают.

— Вечером попробую. — Кирилл торопливо собрал снасти. — Авось за ночь просохнет.

— Авось, — щурясь на солнышко, быстро набиравшее высоту, безучастно отозвалась она. Кирилл почувствовал в ее тоне скрытый упрек.

— Ты давно здесь? — небрежно поинтересовался он, подозревая, что Тома поджидала его все утро.

— Не-а, — тряхнула она головой, разметав короткие кудряшки. — Иди позавтракай. Там тебе макароны оставили. — И вдруг спросила, отворачивая лицо: — Ты меня избегаешь, Кира? Да?

— Ну вот еще выдумала! — проворчал он, тяготясь объяснением. — Глупость какая...

— Нет, не глупость. — Тамара легла на шершавые доски пирса и, словно защищаясь от слепящего света, прикрыла сцепленными пальцами глаза. — Я же все вижу, все понимаю.

— Зато я ничего не понимаю!

— Ты тоже понимаешь, — убежденно подчеркнула Тамара и, резко выпрямившись, открыла лицо. — Имей в виду, Кира, — ее низкий голос проникновенно дрогнул, — мне ни-

чегошеньки от тебя не надо. Ни теперь, ни тогда, ни... словом, в любом случае. Просто мне хочется быть с тобой. Ты мне очень нравишься, Кира, очень... И это давно.

Переминаясь с ноги на ногу и не зная, что сказать, он стоял над ней, крепко сжимая запотевшей рукой подсачник и спиннинг.

— Нет-нет! — вдруг приглушенно выкрикнула она, прижимая к губам дрожащие пальцы. — Ничего не говори мне, ничего. — И довершила скороговоркой: — Я знаю, ты добрый, ты чуткий, но ты не мучайся, Кира, не надо... Все это пройдет.

— То-ом, — протянул он почти с отчаянием, — ты уж прости меня, дурака, если в чем виноват.

— Да ни в чем ты не виноват! — Она ожесточенно замкнулась. — Убирайся! — И пояснила почти спокойно: — В десять у тебя акваланг.

Кирилл отошел, осторожно ступая по скрипучему настилу. Неясные опасения, сковывающая неловкость, невысказанная обида — все, что угнетало и тревожило его последние дни, разом сцементировалось, осело на донышке, уступив место тупому безразличию.

Торопя и подстегивая освобождение, которого пока не чувствовал, он нехотя проглотил холодные макароны и выпил полстакана остывшей заварки. Перед погружением следовало бы передохнуть хоть немного, но времени совершенно не оставалось.

— Наловил чего? — приветствовал его инструктор Валера Стежкин.

— К обеду, полагаю, будут жареные кальмары.

— Не люблю их, — поморщился Валера. — Глазищи — во! — Он сомкнул пальцы колечком. — И смотрят по-человечьи... Рыбы не привез?

— Одни иваси.

— И то ладно, после обеда сделаем малосолку, — удовлетворенно кивнул Валера. — А теперь давай собираться. Катер я уже спустил.

Кирилл машинально взглянул на море, где возле крайней опоры кран-балки покачивалась ослепительно белая «казанка», и вскарабкался на дощатую площадку. Раздвинув вывешенные на просушку плавки, полосатые тельняшки и полотенца, прошел вслед за инструктором на затененную веранду. Здесь, вдали от солнца, хранились разноцветные гидрокостюмы. Словно сказочные ящеры меняли кожу и упали потом в океан, оставив черно-белую и желто-зеленую слинявшую оболочку. Тут же на открытых полках лежали ласты, маски, всевозможные гарпуны, остроги и пояса из свинцовых бляшек для скорого погружения.

Придирчиво выбрав акваланг, Валера стащил его вниз и опустил в бочку с дождевой водой.

— Старье одно! — Он пренебрежительно шмыгнул носом. — Ты уж не обижайся.

Кирилл заинтересованно наклонился над бочкой. Спугивая кувыркавшихся там рогатых личинок, на поверхность рвались струйки никелированных пузырьков.

— Травит, — с сомнением покачал головой Валера. — Все они немного травят, разболтались... Или ничего, сойдет?

— Сойдет, — послушно согласился Кирилл.

Конечно, сойдет, если не лезть на глубину. В крайнем случае можно всплыть на поверхность. Наконец, есть еще и страховочный трос. Его тугой карабин намертво прищелкивается к лямкам прибора. Голову надо отвернуть умнику, который догадался сделать его из жесткого корда, который, как терка, терзает обгоревшие плечи.

Кирилл надел акваланг, неуклюже попрыгал на месте и подогнал лямки.

— Если будет поступать вода, — озабоченно предупредил инструктор, — перевернись на левый бок и резко продуйся.

— Ясно, — заверил Кирилл, снимая прибор. — «Барракуды» взять, что ли? — в сомнении остановился он перед стеллажом с ластами.

— Бери, если нравятся. Спаренный так и не освоил?

— Освоил с грехом пополам, только привыкнуть трудно. И вообще чувствуешь себя как-то уютнее, если ноги раздельно. От скалы оттолкнуться, под водой походить...

— Рыбы, кореш, не ходят! — коротким смешком отозвался Валера. — А в общем, как кому нравится! — Он критически оглядел свой арсенал и, попробовав на вес, вынул из стойки острогу потяжелее.

— Зачем? — удивился Кирилл.

— Для страховки. Мало ли какую тварь занесет с тропическими течениями. Бывали случаи... Ну что, поехали?

— А ты разве не возьмешь акваланг?

— Мой на катере.

И вот наконец после неуклюжего прыжка — спиной вперед — через борт — живительная прохлада. Дымящаяся раздробленным светом и сумраком голубизна, где исчезает вес, теряются представления о верхе и низе и только обжимающая резина маски предупреждает о свободном падении в глубину, и тускнеет, удаляясь, серебряная изнанка волн. Исчезает груз акваланга и свинцовых бляшек, проходит жжение на спине и царапанье под лямками. Все проходит, все оседает. Остается только свобода в трехмерном пространстве и удивительное дно. Ближе, еще ближе... Еще.

Конечно, воздух поступает далеко не свободно и часто приходится ложиться набок, чтобы избавиться от воды, но разве в этом дело?

Сам виноват, что торопился и не проверил акваланг. Ничего, в другой раз все будет иначе! Не торопясь, на досуге подберешь себе прибор, опробуешь его да наденешь гидрокостюм, чтобы можно было подольше пробыть в холодных глубинных слоях. Все это будет потом. А сейчас это неповторимое дно, которое надо то и дело покидать, чтобы глотнуть воздух. Черт с ними, с неполадками и неудобствами! Ведь где-то там трепанг. Шутка ли, трепанг!

Как поет это набатное слово! Оно ключ к южным морям, к удивительным приключениям на море и на суше.

Узкие пироги, малайские прау и джонки под парусом, похожим на крыло летучей мыши. Вскипающий в крови азот, и человек, загорелый и тощий, падающий на розовый песок с выпученными от боли глазами. Зеленые осьминоги, как колышущиеся привидения, встающие из темных расселин. Пальмы, перистые листья которых дрожат под пассатом над изумрудной лагуной. Уставившееся в переносицу дуло винчестера или кольта сорок пятого калибра. Медные позеленевшие весы, освещенные красноватым огоньком, плавающим в скорлупе кокосового ореха. Золотые монеты неизвестной чеканки. Радужная пена прибоя. Огромный марлин с черным копьем на морде и парусом на спине. Катамаран с балансиром. Литая ртутная рыба, бьющаяся на окровавленной остроге. Детские горячие мечты. Милый романтический бред.

Все эти чудеса незримо свалены в какой-то темной кладовке памяти. Она заперта на скрипучий заржавленный замок, который почему-то отворяется словом «трепанг».

Кирилл скользил над ощетинившимися острыми кромками устриц кочками, трогал синеватые, обросшие мохнатой слизью камни. Все жило, трепетало, сжималось. Плавно колыхались желтоватые пузырчатые грозди саргассов, мелкие синюшные крабики боком проваливались в черные щели. Прянула, расходясь, и сомкнулась за спиной рыбья стая. Кусок грунта взлетел перед самым носом и, превратившись в камбалу, улепетнул подальше. Кирилл непроизвольно рванулся вслед, но хитрая рыба, сделав резкий поворот, вновь исчезла на светлом, в серых крапинках дне. Оно цвело пучками немыслимых созданий, как сад клумбами. Розовые и малиновые губки. Пунцовая тугая асцидия, которую называют помидором. Разнообразная рыбья мелочь, пощипывающая мохнатый ворс камней и растений.

Борясь с удушьем, Кирилл кувыркался над подводными скалами, как летящий в свободном падении парашютист. Скорее всего, в мембране была дырка, потому что воздух поступал все хуже и хуже. Его приходилось чуть ли не высасывать из мундштука. Но мысль работала обостренно и четко, будя память, разворачивая звенья неожиданных ассоциаций. Он узнавал странных морских обитателей, которых изучал по цвет-

ным таблицам, припоминал вычитанные в книгах подробности. Не всегда узнаваемые сразу, они представали перед стеклянным овалом маски, словно вызванные мысленным заклинанием: рыбы, актинии, губки. Не было лишь вожделенного трепанга, хотя Валера и обещал навести точно на банку. И вдруг, когда Кирилл надумал уже возвращаться, в голубоватой тени камня возникла огромная колючая гусеница. Он жадно схватил ее, и она тут же сжалась в тугой резиновый комок. Точно пупырчатый теннисный мяч. Кирилл медленно тронулся вверх, перекатывая в ладонях беззащитное существо. Его грозные на вид шипы оказались всего лишь пупырышками на коже. Оказавшись в сетке, коричневая муфточка постепенно распрямилась и вновь выпустила свои безобидные пупырышки.

Едва шевеля ластами, Кирилл всплыл рядом с катером, который снизу казался черным утюгом, окруженным пульсирующим сиянием. Оторвав загубник от сведенных судорогой челюстей, он схватился за борт и с помощью Валерия залез в лодку. После моря она показалась нестерпимо горячей.

— Вот, — показал он свою добычу, всласть надышавшись.

— Вообще-то не положено, но одного можно, ладно.

— Будешь?

— Как? Без всего? — изумился Валера.

— Морской женьшень, стимулятор, — увлеченно уговаривал Кирилл. — Японские и корейские рыбаки едят сырым. Это и еда, и лекарство почти от всех болезней. — Он взял острый обломок мидии, разрезал тугое резиновое брюхо трепанга, выпотрошил его и промыл в море.

Валера следил за ним со скучающим любопытством. Он брезгливо поморщился, когда Кирилл отрезал кусочек и положил в рот.

На вкус трепанг походил на мягкий хрящик. И консистенция у него была примерно такая же. Жевать было не очень легко, но вполне терпимо.

— А ничего! — сообщил он, осторожно сжевав. — Даже вкусно. Как огурец! Хочешь?

— Тебе сколько лет? — спросил Валера.

— Вот-вот тридцать стукнет, а что?

— Странный ты парень, вроде начитанный, умный, спортсмен, а ведешь себя ну прямо как ребенок.

— Это плохо?

— Не знаю. — Валера состроил неопределенную гримасу. — Но по мне, мужик должен быть мужиком. Ты же вроде как не живешь, а играешься с жизнью.

— Так ведь я на отдыхе, Валера, в законном отпуске. Но вообще-то ты верно подметил. Отчасти. Ведь то, что для тебя повседневная работа, для меня действительно увлекательная игра. Вот я и спрашиваю: это что, плохо?

— Сам-то ты как считаешь?

— Я как считаю? — Кирилл на мгновение задумался. — А почему бы тебе, чтобы верно судить обо всем, тоже не поиграть для развлечения в мои игры? Ради эксперимента?

— Так ведь ты химик вроде. Или физик. Я в этих делах ни бум-бум, и вообще у меня только десять классов.

— Тогда останемся, Валера, корешами, каждый при своих. Не судите и не судимы будете. Вроде бы так говорится на сей счет?

— Тебе виднее, только сдается мне, что ты меня не совсем верно понял. На образование зачем-то свернул. Плевать я хотел на твое высшее! Я про другое, я про солидность толкую...

— А я на солидность твою плюю. — Кирилл пригладил волосы и весело прищурился навстречу ветру. — Может, ко мне мое детство только сейчас и пришло по-настоящему? Что же я, щеки надувать должен.

— Это как понимать.

— Да так и понимай, что я с пятого класса зачитывался морскими книжками. Разве я виноват, что слишком поздно осуществилась моя мечта?

— Ты разве первый раз на море?

— На таком — первый. Все, что я до сих пор видел, — пустая лужа по сравнению с ним.

— Чего же ты на химика выучился, если так морем увлекался?

— Ты, Валера, большой философ, но за трепанга тебе спасибо. С меня причитается.

— Мне от этого ни холодно и ни жарко. Тут миль на сто в округе водки не сыщешь. Потому гуляй себе, химик, и ни о чем не беспокойся. Вот если пришлешь мне книжку Володи Высоцкого, в ножки тебе поклонюсь. В Москве небось можно достать?

— В Москве-то как раз и не можно, но я постараюсь, Валера.

Переждав после обеда жару, Кирилл отправился, как обычно, в Холерную бухту, которую уже считал безраздельно своей. Однако, выйдя из рощи на сопке, он увидел, что место занято и кто-то с увлечением плещется у его любимых гротов. Сбежав вниз, он прилег на песке за ноздреватым округлым камнем и принялся отрывать новый колодец, потому что все прежние засыпал ветер.

Добравшись до воды, он перевернулся на спину, передохнул, глядя в небо, где, как на рентгеновском снимке, обозначились белые ребрышки облаков, и высунулся из-за укрытия.

Из воды выходила женщина. Золотоволосая, удивительно стройная и абсолютно нагая. Искрометно горели капли на ее загорелых плечах, и легкая пена ласкала узенькие лодыжки.

Дикий песчаный берег, сохранивший узоры приливов, накат волны, кружащее голову небо. И солнечный ветер до звона в крови. Она была средоточием и первопричиной этого маленького мирка, чудом выкроенного из повседневного мельтешения. Бабочки замерли перед ней, распластав бархатистые крылья. Солнце вытапливало лесные смолы, и воздух кипел, осушая ее.

Почувствовав чужой взгляд, купальщица подняла голову и нашла устремленные на нее глаза. Остались только два магнитных полюса, соединенных невидимым током, а все остальное сдвинулось и пропало, как декорации на повернутой сцене.

По крайней мере так привиделось Кире, когда он, не выдержав напряжения, вобрал голову в плечи и тихонько сник у себя за камнем, возле выковырянной мокрой дыры. Он чувствовал себя школяром, застигнутым на месте преступления. Колодец в песочке окончательно доконал его. Как видно, прав оказался Валера.

Но так спокойно и тихо было в подветренном затишке, так далеко и призывно кричали чайки, что Кира скоро успокоился и даже нашел в пикантном происшествии смешную сторону. Собравшись с духом, он решительно встал и вышел из-за камня. На пляже было первозданно ослепительно и пусто. Он огляделся в легкой тревоге и, заметив на сопке удаляющееся мелькание цветастого платья, неожиданно для себя бросился вдогонку.

Он бежал в гору, раздвигая руками упругие лозы, перепрыгивал через лужи и ручейки.

— Подождите, ради Бога, подождите! — закричал он, заплутавшись в горячке в лесной тени.

Звонкое эхо, угасая, перекатилось над сопкой.

Сообразив, где видел в последний раз проблеск платья, Кирилл кинулся напрямик через дубраву, потому что была лишь одна дорога, огибавшая сопку. От мелькания солнца и крон в глазах заплясали зеленые пятна, но было легко и радостно бежать себе и бежать, выравнивая дыхание, не думая ни о чем.

Потом он не раз спросит себя, какое чувство или какая мысль подтолкнули и бросили его в эту погоню, и не найдет ответа.

Кирилл наткнулся на незнакомку, когда уже не чаял ее догнать. Она спокойно стояла под деревом, обрывая светлые ягоды лимонника, и, как видно, ждала. На ее увлажненных соком губах дрожала ироническая улыбка.

— Умоляю, простите! — бросил он на бегу и, совершенно обессиленный, привалился к соседнему кедру.

— Это за что же? — Она окинула его долгим изучающим взглядом.

— За все разом. Поверьте, я не нарочно. — Кирилл театрально прижал руки к груди.

Теперь, когда он мог рассмотреть ее вблизи, не таясь, она показалась ему много старше, чем на берегу, и не такой красивой, как это привиделось. И все же было в ней тонкое, неизъяснимое очарование, проникавшее как бы помимо зрения.

— Почему вы молчите? — тихо спросил Кирилл, чутко настраиваясь на исходившую от нее волну всепонимания и грусти.

— Вы странный человек, — сказала она без осуждения. — Мы же с вами совершенно не знакомы.

— Нет, мне кажется, я вас уже где-то видел, — сболтнул он первое попавшееся, лишь бы не молчать.

— Вы имеете в виду там, на пляже?

Кирилл отрицательно покачал головой, дивясь переменчивости ее необыкновенно одухотворенного лица.

— Не казните меня, пожалуйста.

— Да за что же, помилуйте? Ведь ничего не произошло...

— Произошло, — упрямо потупился Кирилл.

— Вы так считаете?

— Да, мне до безумия приятно быть с вами.

— До безумия? — уточнила она, неисчерпаемая в оттенках иронии.

— Не гоните меня, пожалуйста.

— И вы всегда такой почтительный и покорный?

— Всегда... Нет, не всегда... впрочем, не знаю.

— Достойный ответ. Ну, прощайте. — Она решительно повернулась, гордо вскинув головку, и сбежала вниз на ведущую к биостанции тропку.

— Разрешите случайно оказаться у вас на дороге? — с запозданием крикнул Кирилл. — Когда-нибудь!

— Случайно? — Она засмеялась, не обернувшись. — Случайно все можно...

Он проводил ее взглядом, пока она не скрылась за поворотом, и, опустившись на колени, нашел в траве оброненные ею ягоды. Кисловатая терпкость непривычно обожгла гортань, и Кирилл подумал, что навсегда запомнит вкус этих диковинных ягод, еще хранящих неистребимую теплоту ее рук. И запах, невнятно знакомый бальзамический запах лимонника станет отныне для него ее запахом, пробуждающим воспоминания. Он собрал все ягоды до единой и бережно пересыпал в кармашек джинсовой куртки.

XVII

Совещание в здании СЭВ на Калининском проспекте было назначено на одиннадцать. В амфитеатре овального зала, снизу доверху отделанного ценными породами дерева, собрались

руководители участвующих в проекте организаций, консультанты, эксперты. Официальные представители расположились в центре, за кольцевым столом. По традиции их места были обозначены национальными флажками.

Корват появился за две минуты до открытия. С победно поднятой головой, рослый, стремительный, Игнатий Сергеевич по-мальчишески взбежал по ступенькам и, увидев Лебедеву, лихо метнул кожаную папку на ее стол. Опустившись в заскрипевшее под ним кресло, он шумно перевел дух и, схватив чью-то газету, принялся неторопливо обмахиваться. Во всем его впечатляющем облике и в манере вести себя как-то удивительно гармонично сочетались детская непосредственность и сановитость, тяжеловесная обстоятельность и мгновенный порыв. Сопровождавшие его два отставных генерала, зачисленные после выхода на пенсию в институтский штат, еще только устраивались где-то на задних скамьях, с преувеличенной сердечностью пожимая руки знакомым и незнакомым, а Игнатий Сергеевич уже писал стремительным неразборчивым почерком какую-то записку.

— Маршал прибыл, — пошутил кто-то достаточно громко, — можно и начинать.

Когда в минутных гнездах большого электронного дисплея выскочили два нуля, монгольский представитель тронул установленный перед ним микрофон.

— Уважаемые товарищи, — он говорил по-русски почти без акцента. — Мы собрались здесь, в столице Советского Союза, чтобы обменяться мнениями и подготовить проект решения по проблеме, в которую каждый из вас, помимо знаний и опыта, вложил немало сил и, я позволю себе так сказать, частицу сердца. Монгольское правительство поручило мне передать всем вам горячие слова благодарности за ваш самоотверженный труд... Мне думается, что нет надобности подробно останавливаться на значении поставленной перед нами задачи. Открытие промышленных скоплений газа в непосредственной близости от рудно-металлургической базы могло бы явиться неоценимым вкладом в ускоренное развитие нашего народного хозяйства. В рамках социалистической интеграции увеличение производства цветных металлов тоже, как вы понимаете, сыграет заметную роль. Судя по предварительным изысканиям, проведенным комплексными экспедициями, наши надежды на газ далеко не беспочвенны. Весь вопрос в том, насколько быстро удастся обнаружить, а затем и освоить соответствующие месторождения... Для сообщения по этому поводу разрешите мне предоставить слово представителю СССР, кандидату геолого-минералогических наук Северьянову.

Дмитрий Васильевич сложил только что полученную от Корвата записку, согласно кивнул ему и взял в руки подготовленный текст.

— Мне приятно разделить осторожный оптимизм моего коллеги из Монгольской Народной Республики относительно надежд на промышленный газ. Располагая самыми последними данными полевых исследований, я решусь высказаться даже более определенно. Комплексной экспедиции в значительной мере удалось подтвердить прогнозы института зарубежной геологии. Основополагающую роль сыграли здесь современные поисковые методы, а также новые геохимические представления о формировании нефтегазоносных бассейнов, развитые профессором Корватом и кандидатом химических наук Лебедевой. Принципиально новым словом в геологической практике явились также моделирование и обработка всех данных разведки с помощью ЭВМ. Эта часть исследований проводилась в Венгерской Академии наук при непосредственном участии молодого монгольского ученого Лобсана Дугэрсурэна, выпускника нашей славной кафедры МГУ. Таким образом, на главный вопрос — о наличии газоносных горизонтов, мы можем ответить сегодня положительно. Однако сложность и малая изученность геологического разреза наряду с обширностью региона не позволяют нам пока вынести окончательное суждение о залегании и тем более мощности залежей. Очевидно, понадобятся еще два, а то и три полевых сезона, прежде чем мы сможем выдать соответствующие рекомендации.

— Кто из представителей желает высказаться по обсуждаемому вопросу. — Майдар оглядел замкнутое кольцо стола.

— У меня есть вопрос относительно перспектив ускорения изысканий, — тщательно выстраивая слова, обратился к Северьянову венгр. — Два и даже три года, конечно, нельзя посчитать слишком большим сроком для проекта столь обширных масштабов. Однако из наших с вами бесед в Улан-Баторе я вынес убеждение в том, что у вас разрабатывается какой-то новый подход к перспективным на газ породам. Мне бы хотелось узнать, насколько обоснованными оказались связанные с этим надежды?

— Мы еще только приступаем к бурению для отбора кернов по интересующему вас методу. Что-то более или менее конкретное можно будет сказать не раньше будущего года, после полного анализа образцов.

— Нас это вполне устраивает! — с живостью отозвался венгр. — Однако, чтобы успешно заложить ваши данные в компьютер, мы должны готовиться уже сейчас... Поэтому я и заговорил о перспективах. Думаю, что и другим коллегам будет интересно ознакомиться с состоянием вопроса на сегодня.

— О да! — подтвердил представитель из ГДР. — Тем более что машине подчас достаточно для обобщенного решения самых отрывочных данных.

— Думаю, что тут совершенно иной случай, — осторожно возразил Северьянов. — Но это, разумеется, не мешает нам уже сейчас ознакомиться с существом дела. Эксперт по данному вопросу на совещании присутствует, и, если наш уважаемый председатель профессор Майдар не возражает, мы бы могли заслушать доцента МГУ, кандидата химических наук Лебедеву. — Дмитрий Васильевич выжидательно взглянул на монгола.

— Как, товарищи? — бегло скользнув по флажкам, Майдар нашел взглядом Анастасию Михайловну. — Просим вас, — приветливо кивнул он, указывая на пульт.

Лебедева готовилась к выступлению, хоть и не слишком его желала. Выступать, по существу, было не с чем. Одни благие намерения да планы, построенные на песке. Впрочем, когда речь идет о прогнозе, небесполезно и пофантазировать. Осторожностью и даже перестраховкой в наше время не удивишь. Удивлять она, впрочем, никого не собиралась, хоть и понимала, что Северьянов возлагает на нее известные надежды. Спускаясь по проходу, она подумала, что Дима, скорее всего, радуется сейчас, поскольку инициатива вытащить под обстрел критики еще сырую идею принадлежит на сей раз не ему. Это, безусловно, развязывало руки. И не только Северьянову, который мог избрать теперь роль стороннего наблюдателя, но и ей тоже. Поэтому речь свою Анастасия Михайловна начала совсем не так, как придумала накануне.

— Метода, о котором было упомянуто на столь высоком собрании, в сущности, еще нет, — заявила она со всей ясностью. — Но есть надежда, что его удастся разработать. Все зависит, как справедливо отметил Дмитрий Васильевич, от результатов анализов, которые либо подтвердят, либо опровергнут наши предположения. В чем, собственно, их суть? У нас есть основания предполагать, что в ряде районов глубинные газовые месторождения могут быть как-то связаны с зонами перехода красноцветных толщ в сероцветы. О генетических предпосылках такого ряда приуроченности говорить несколько преждевременно. Тем более что и сама она не является в настоящий момент твердо установленным фактом. Мы отдаем себе отчет в том, что в природе существуют не только взаимосвязи, но и простые совпадения. Если ныне ни у кого не вызывает сомнений причинная обусловленность скоплений газа и, допустим, соляных куполов, то нам ни о чем подобном говорить пока не приходится. Вполне возможно поэтому, что мы ошибаемся, и тут имеет место всего лишь случайное совпадение. В этом случае наша гипотеза и связанные с нею надежды рассыплются, как карточный домик...

В зале установилась непривычная тишина, наполненная смутными шорохами и едва различимым гудением кондиционеров.

— У вас все, Анастасия Михайловна? — деликатно поинтересовался профессор Майдар.

— В сущности, все, — кивнула Лебедева, наливая себе воды из графина, и несколько запоздало поблагодарила: — Спасибо за внимание.

Ее не составляло беспокойное ощущение допущенной где-то тактической ошибки. О чем-то исключительно важном она определенно забыла упомянуть. Так и не припомнив, Анастасия Михайловна вышла из-за пульта и уже сделала шаг в сторону, но ее остановил Ласло Ковач.

— А сами-то вы как считаете? — озадаченно воскликнул он. — Там, в Монголии, вы были настроены куда более оптимистично.

— Меня пригласили сюда в качестве эксперта. — Лебедева старалась не глядеть на уткнувшегося в свои бумаги Северьянова. — А это предполагает абсолютную объективность. Факты не зависят от нашего к ним отношения.

— Факты не зависят, — признал Ковач. — Но пока их нет, нам особенно важно знать мнение исследователя. Ваше мнение, уважаемая Анастасия Михайловна, если, конечно, вы еще не разочаровались в своих исканиях.

— Не разочаровались. — Лебедева поняла, что явно переборщила, стремясь выказать абсолютную беспристрастность. — Напротив, сегодня у нас имеется куда больше оснований для оптимизма, чем две или три недели назад. Мы изучили весь собранный по региону материал и обнаружили ряд косвенных подтверждений своей гипотезы.

— Вот и ознакомьте с ними аудиторию! — зычно прогудел сверху Корват.

— Хорошо. — Анастасия Михайловна покорно вернулась за пульт и включила монитор. Теперь ей стала понятна ее ошибка. Упустив из виду иллюстративную часть, она, вопреки желанию, поставила под сомнение уже достигнутые и, главное, известные представителям результаты. — Карту, пожалуйста, — глухо распорядилась она.

Скрытое освещение померкло, и на телевизионных экранах, хорошо различимых из любой точки, возникли знакомые всем собравшимся контуры исследуемого района. Не чувствуя себя достаточно сильной в стратиграфии, гидрогеологии и прочих не относящихся к ее специальности областях, Лебедева лишь очертила переходные зоны, указав намеченные для разведочного бурения места.

— Таблица номер один, — попросила она и, когда на контрольном экране появилось требуемое изображение, дала пояснения: — Здесь приведены характеристики пластовых вод: минеральный состав, температура, радиоактивность, растворенная органика. Обращает на себя внимание содержание ароматических углеводородов и фенолов. Здесь выявлена ли-

нейная зависимость, представленная на следующем графике...

Коротко охарактеризовав полученные результаты, Анастасия Михайловна изложила самую суть своей гипотезы, связав переменную валентность железа с действием воды и газа, мигрирующих из глубоких и, следовательно, горячих недр. Окисление углеводородов до фенолов она объяснила сопутствующим процессом природного радиолиза. В идеальной схеме все выглядело предельно логично и непротиворечиво. Аудитория, состоявшая в подавляющем большинстве из геологов, приняла ее, как некую данность, полностью объясняющую протекающие в литосфере процессы. Сознавая всю неоднозначность переноса чистых закономерностей физикохимии на реальную природу, чью сложность и многообразие невозможно учесть полностью, Лебедева воздержалась на сей раз от разбора альтернативных вариантов. Она понимала, что ее доводы целиком принимаются на веру, а разумные сомнения могут быть восприняты как проявление неуверенности. Ведь именно так и произошло вначале, когда она сделала безуспешную попытку приподняться над собственной интуицией. Таковы были несмывающиеся поля наук, каждая из которых мыслила и оперировала собственными понятиями. Там, где химик видел простые, легко воспроизводимые и описываемые точными формулами реакции, протекающие в считанные мгновения лабораторных хронометров, геолог прозревал круговращение исполинских масс, растянутое на невообразимой шкале планетарных периодов. За сотни миллионов геологических лет могла осуществиться самая медленная реакция, из капель складывались океаны, из песчинок — материки. Даже случайность, значимость которой нельзя было учесть на тончайших аналитических весах, могла обратиться в закон, подкрепленный всей несусветной тяжестью осадочного чехла. Вот почему, оставаясь до конца честной, Лебедева и не могла сказать ничего определенного до полного анализа каменных цилиндриков — кернов, которые еще только предстояло добыть, измельчить в порошок, прогнать через кипящие колбы со всевозможными растворителями, разъять на элементы в кислотах и щелочах, прокалить в тиглях.

Она уже двадцать лет работала на геологов и знала, как осторожно и долго следует идти навстречу друг другу, чтобы сошлись без чреватых недопониманиями зазоров «стыки» полей познания. Об этих набивших оскомину стыках твердили на ученых собраниях, о них вовсю трубили журналисты, справедливо напоминая, что именно здесь рождаются самые неожиданные открытия. Она лучше, чем кто бы то ни было, знала, как трудно работать в такой пограничной зоне. Трудно и вместе с тем увлекательно до кружащей голову эйфории.

Какая нужна ответственность, чтобы не дать себе увлечься кажущейся легкостью проникновения в чужое поле охоты, чуть ли не сплошь усеянное розами, лишенными защитных шипов! По крайней мере так кажется на первых порах, когда под каждым кустом тебя ожидает успех и все хитроумные ларчики неожиданно просто отмыкаются ключиком твоего знания, превратившегося в универсальную отмычку. Но это обманчивое впечатление, и чем раньше удастся его преодолеть, тем легче будет избегнуть ловушек. Чем дальше забираешься, тем яснее осознаешь, что в ларцах не сокровища, а приворожившая обманным блеском пустая порода. Геологию, как и любую другую научную дисциплину, можно было постичь, лишь следуя ее собственным законам; и Анастасия Михайловна пыталась в меру сил следить за основополагающими статьями. Хотя бы в смежных с геохимией горючих ископаемых областях. Едва ли она слишком преуспела в своем старании, но зато научилась говорить с геологами на их языке и, самое главное, понимать их образ мышления. Это сильно облегчало взаимопонимание.

Поэтому, разжевав все до тонкости, она ничуть не удивилась типично геологическому вопросу, который задал профессор Хюбнер.

— Допустим, что все вами сказанное действительно имеет место в природе, — сказал он, глубокомысленно массируя переносицу. — Но какие из всего этого следуют реальные выводы. Я имею в виду разведку месторождений и их освоение?

— Не знаю, как насчет освоения, постольку, поскольку лично мне кажется, что на сегодняшний день это задача второстепенная, — терпеливо, с присущей ей приветливой мягкостью объяснила Лебедева, — но для разведки установление искомой связи будет иметь огромное значение. Объемы бурильных работ и прочих дорогостоящих исследований, чреватых большими затратами времени, будут существенно сокращены. Высвобожденные резервы, кстати сказать, можно направить на освоение. Я, конечно, абсолютный профан в данной области, но мне именно так представляется.

Немецкий представитель удовлетворенно закивал.

— Если все подтвердится, то с помощью компьютера мы сможем точно подсчитать выигрыш в денежном и временном исчислении. — Ковач приветливо улыбнулся Анастасии Михайловне. Как математик, он скорее других разобрался если не в существе самой гипотезы, то в вытекающих из нее практических следствиях. — Полагаю, что это следует внести в проект решения.

— У Игнатия Сергеевича Корвата есть соображения именно по этому поводу, — быстро отреагировал Северьянов, наклоняясь к председателю.

— Слово предоставляется директору Института зарубежной геологии профессору Корвату, — объявил монгол, сделав приглашающий жест, — пожалуйста, Игнатий Сергеевич.

Но, верный своему обыкновению, Корват пробасил с места:

— Весь наш коллектив, я имею в виду не только институт, но и кафедру, поддерживает конструктивные поиски доцента Лебедевой. Но шила в мешке не покупают, товарищи...

Услышав сдавленный смех, Корват удивленно оглянулся, но, так и не поняв, что допустил оговорку, властно повысил свой и без того могучий голос:

— Планировать надлежит грубо осязаемую реальность. Учитывая, однако, чрезвычайную важность начатых Лебедевой исследований, следует серьезно подумать о всемерном развертывании всего фронта тематики, обслуживающей проект. Я правильно говорю?.. — Он покосился на шушукавшихся сотрудников, которые разом присмирели под его строгим взглядом, и закончил с невинной улыбкой: — До поры до времени мы постараемся сами обеспечить необходимую интенсификацию. За счет перераспределения хоздоговорной тематики. Когда же окончательно выяснится практическая полезность предложенного Анастасией Михайловной поискового метода, мы обратимся в инстанции за дополнительным финансированием. По-моему, так будет разумнее. И это я бы в проект обязательно записал.

Из всех присутствующих один Северьянов полностью понял, куда гнет учитель и бывший шеф, так ловко выдвинувший его, едва оперившегося кандидата, на столь ответственный и заметный пост. Если вопрос о дополнительном финансировании в случае успешного завершения поисковой темы был предельно ясен и возражений не вызывал, то употребленный Корватом нарочито расплывчатый термин «перераспределение» сулил Дмитрию Васильевичу массу волнений. Проработав в институте два года на должности и. о. зам. директора по науке, он-то уж знал, насколько неупорядочена, а вернее всего, запутана там хоздоговорная тематика, сколь пестр и случаен перечень заказчиков. Влезать в эти дебри вновь, особенно в его теперешнем положении, Северьянову никак не хотелось. Но другого выхода не было. Пока только один Корват мог обеспечить всю требуемую для проекта науку, и его право на встречные условия было неоспоримо. Изучив до тонкости Игнатия Сергеевича, человека ловкого, напористого, но вместе с тем и бесхитростного, Северьянов догадывался, что тот для начала потребует себе несколько дополнительных единиц. Скорее всего, он выколотит их из министерства, которому подчиняется институт, опираясь на решение высокого международного органа. Чисто тактически, по-человечески и даже по-государственному это было правильно, но уж больно не хотелось Северьянову уча-

ствовать в такой кутерьме. В значении брошенного Игнатием Сергеевичем взгляда обмануться было трудно. Переговоры с главком придется вести ему, Северьянову, а Корват займет позицию стороннего наблюдателя. Дадут людей — взвалит на богатырские плечи дополнительное задание, не дадут — увольте, своих хлопот полон рот. Выбирать тем не менее не приходилось.

— Я поддерживаю предложение Игнатия Сергеевича, — значительно кашлянув в кулак, заявил Северьянов.

— Кто еще желает высказаться? — спросил Майдар. — Или по данному вопросу все ясно?.. Тогда позвольте мне выразить Анастасии Михайловне нашу признательность.

Лебедева дружески улыбнулась Северьянову, как бы прося извинения за случайный сбой, и вернулась на свое место.

— Не стесняйтесь читать с листа, если склероз мучит, — проворчал, пропуская ее, Корват, но тут же смилостивился: — Слава Богу, что хоть кончилось благополучно... Молодцом!

В ресторане, куда Лебедева забежала во время перерыва, Игнатий Сергеевич вновь выразил ей свою благодарность.

— Угощаю, заслужила. — Он подвинул ей тарелку пирожных, не обратив внимания на то, что она еще не приступила к салату.

— В кои-то веки дождалась похвалы от любимого начальника, — счастливо зарделась Анастасия Михайловна. — Смотрите, еще разбалуете...

— Вам это никак не угрожает.

— Интересно бы узнать почему?

— Где ваш физхимик, Анастасия Михайловна? — Найдя верный способ увеличить фонд заработной платы, Корват вспомнил о данном поручении и сызнова загорелся навязчивой идеей. — Извините, что приходится напоминать.

— Но я только что из Монголии. — Лебедева сделала большие глаза. — И вообще разве вы не видите, как я кручусь? Свободной минутки не было...

— А до Монголии? — продолжал настаивать Корват.

— До Монголии? — переспросила она, уловив в голосе шефа нетерпеливые нотки. В такие минуты следовало держать ухо востро. Корват умел быть до обидного несправедливым, хоть и мучился потом запоздалым раскаянием. — До Монголии, Игнатий Сергеевич, я, представьте себе, нашла подходящую кандидатуру, но такие дела, сами понимаете, в один день не делаются.

— В один день! — заворчал, успокаиваясь, Корват, как пролетевшая мимо гроза. — Вы уже две недели как приехали... форсируйте, Анастасия Михайловна, у нас с вами нет времени для раздумий. Пора всерьез задуматься о самих основах формирования залежей.

— Времени для раздумий вы нам не даете, — мгновенно уловив перемену в настроении Корвата, она ловко его поддела. — А задуматься, оказывается, надо? Или нет?!

— Форсируйте, — кивнул Игнатий Сергеевич, машинально поедая трубочки с заварным кремом.

— Ладно, будет вам человек на той неделе, но завтра вы меня даже не ищите! Уезжаю до понедельника.

— Что? — удивился Игнатий Сергеевич. — Это еще зачем?

— Мужа давно не видела. Соскучилась. Спасаю семью.

— А он что, не может приехать?

— Он не может, — терпеливо вздохнула Анастасия Михайловна. — У него служба, он — генерал.

— Ну и что? Тоже мне причина! Подумаешь, генерал!

XVIII

Светлана и Кирилл виделись почти ежедневно, хоть и не уславливались при расставании о новых встречах. И каждое как будто нечаянное свидание воспринималось обоими словно чудесный промысел. Повинуясь то ли высшему указанию, то ли заранее зная о том, что нет надежды на продолжение, они расставались с ощущением окончательного обрыва. Мимолетно соприкоснувшись похолодевшими пальцами и уронив ничего не обещающее «пока», расходились по своим уголкам. В такие мгновения внешнего отчуждения они были так созвучны друг другу, так отчаянно рвались сквозь немоту, что достало бы робкого прикосновения, вопля, застрявшего в горле, готовой прорваться слезы. И рухнули бы несуществующие преграды, развеялись вздорные опасения. Но, окаменев и замкнувшись в горечи одиночества, женщина и мужчина были как два необратимо раздельных, до краев переполненных собственным прошлым сосуда, где отстаивались разочарования и уязвленная гордость.

Могла быть радость, а была лишь всеохватная тоска, и близость могла быть, но все пути к ней перекрыла суеверная подозрительность, сторожившая всякий шаг, так и этак толковавшая любое слово.

Кирилла трясло в холодной лихорадке. Он почти не спал, сжигая ночи бесконечным перебором вариантов. Загораясь очередной придумкой, выстраивал линию поведения, оттачивал каждую фразу, которую готовился ей сказать, пытаясь предугадать ответную реакцию. Но его безотказный аналитический мозг, пылая от непосильного напряжения, запутывался в противоречиях. Перед рассветом, когда после кратких, не дающих отдохновения провалов становилось невмочь ворочаться с боку на бок, он немного остывал и вроде как успока-

ивался. Становилось ясно, что все его хитроумные построения не что иное, как мальчишеская глупость, а то и вовсе горячечный бред. Так ничего и не решив ни за себя, ни за нее, он воспламенялся приближением встречи. Добровольная мука, с которой он порывался покончить любой ценой, неуловимо меняла свой беспокойный облик. Нетерпеливо торопя часы, Кирилл уже не мечтал об избавлении любой ценой. Напротив, при мысли, что какие-то совершенно непредвиденные препятствия могут помешать ему увидеться со Светланой, его охватывала такая тревога, перед которой меркли все прежние терзания бессонницы. И тогда он начинал прозревать, что овладевшее им помрачение, со всеми его сумбурными всплесками, было лишь отголоском этого живущего в подсознании страха. Все сводилось к простейшей истине. Он, Кирилл Ланской, вполне современный тридцатилетний мужчина, пуще смерти боится потерять женщину, которую почти не знает, и не может ни о чем думать, кроме нее.

«Но ведь это же не любовь? — пытался убедить себя Кирилл. — Любовь не должна обернуться сплошным беспросветным страданием, от которого каждое мгновение ждешь беды. Любовь, тем более с первого взгляда, это безоглядный порыв, доверие, незащищенность. Но доверия нет и в помине. Чего ж я хочу?.. Я не могу без нее — и это единственно достоверно. Такой не должна, не смеет быть любовь. Это разрушительная болезнь, когда страх вытесняет желание... Рядом со смертью, на грани безумия... И ничего больше не надо. И не жаль никого — ни себя, ни родных. И все, чем жил доселе, к чему стремился, — ничто перед страхом потери... Но ведь так не болеют на исходе двадцатого века. Все те, в чьих генах жила подобная отрава, либо погибли, либо вылечились в сумасшедших домах. Им навсегда отказано в праве оставить потомство. Откуда такое со мной?»

Кирилл опять начал писать стихи. Не разбирая, что хорошо, а что плохо, торопливо выплескивал на бумагу бивший его озноб, отдаваясь целительной магии ритма. В этом чередовании строф, скрепленных эхом созвучий, он обретал короткое освобождение от захлестнувшей его сумятицы, когда загнанная мысль принуждена метаться по кругу. Обретя долгожданный исход, она сама благодарно лепила теперь свое подобие, и отсчитывала удары пульса, водя торопливым пером, и парила в потоках светоносной энергии вне времени и пространства.

Свободные от волевого принуждения строчки явственно дышали любовью. Они были безошибочным зеркалом, в котором творец мог увидеть себя изнутри. В тончайшей амальгаме, сплавленной из эфирного алхимического серебра, переливалась радуга. Она и открыла Кириллу сокровенное. Отраженное в зеркале мироздание предстало в спектральном ореоле той

буйной ликующей силы, которой был одухотворен каждый атом.

«Любовь, что движет солнца и светила», — пришла на ум строка Данте.

Кирилл порадовался, что получил добротное техническое образование, не поддавшись давнему соблазну пойти в гуманитарии. Он понимал, как устроен мир в самых его основах. Отрешенная от привычных образов абстрактная математика обрела ныне неслыханную звуковую гармонию, искрометный цветовой ряд. Кирилл вдруг поверил, что сможет писать так, как хотел, но не умел раньше, как не умеет никто на Земле. И это пребудет с ним, доколе продлится наделившее его небывалым прозрением волшебное помешательство. Но даже мысль о гениальной поэзии, повеяв восторженным холодком, не завладела сознанием надолго. Ничто не могло отвлечь Кирилла: он любил.

Побледневший, осунувшийся, с угольными тенями под глазами, он пропустил гимнастику, выйдя лишь к завтраку. Был понедельник, и в лагере, соблюдая морской обычай, потчевали картошкой в мундире с сельдью. Вернее, с малосольной иваси, приготовленной по всем правилам искусства: с гвоздичкой и сахарком. Кирилл заставил себя немного поесть и с наслаждением выпил кружку горячего чая. Нетерпеливо поглядывая на часы, он выжидал случая незаметно ускользнуть, чтобы занять насиженное гнездо на сопке, откуда открывался отрезок дороги на биостанцию. Это было единственное место, где он чувствовал себя более или менее спокойно, самоотверженно выжидая, когда возникнет из-за поворота ее взволнованное лицо. Нет, не лицо, не глаза, потемневшие от тревоги, потому что отдельных черт не разглядеть с такой высоты, даже не золотистые волосы. Он узнавал ее по легчайшей походке. Узнавал не зрением, но всем существом, когда обрывалось внезапно сердце и куда-то проваливался весь окружающий мир.

Часами лежа на выгоревшей траве, где стрекотали кузнечики и мелькали рыжие мотыльки, Кирилл с горечью спрашивал себя о том, были бы возможны их встречи без такого его терпения и постоянства. По всему выходило, что нет. Только его упорством и теплился обреченный непрошенный свет. В своем эгоцентричном унынии он как-то не задумывался над тем, почему Светлана все-таки приходила сюда и спускалась в Холерную бухту, а то и взбиралась на холм. Забиваясь в метровые лопухи, он по-ребячьи таился, чтобы не сразу выйти на ее путь, но не выдерживал долго, страдая от уязвленной гордости. Напрасно уговаривал он себя ночами, что должен ее заставить ждать, как дожидается сам. Тщетно пытался выдержать характер и пропустить хотя бы день.

Когда однажды Светлана не пришла, Кирилл, не находя себе места, промучился на сопке до темноты. Возвратившись на следующее утро, он был готов к самому худшему, опустошенный волнением и тоской. Если бы она не появилась к полудню, он бы отправился на поиски. Приняв столь простое и совершенно естественное решение, он едва не заболел от беспокойства. В голову лезли самые странные мысли. Все казалось, что он нарушает какую-то заключенную между ними молчаливую договоренность, и это угнетало его временно помраченную душу. Но, пожалуй, больше всего он страшился обнаружить свою полнейшую зависимость от нее: от ее воли и даже каприза.

Зато каким неожиданным счастьем опалило лицо, когда она вдруг вынырнула из-за белого камня. Выяснилось, что ее куда-то возили, и вообще навалилась уйма работы, а потом кто-то откуда-то нагрянул, и пришлось до позднего вечера пить.

Заторможенное сознание Кирилла не улавливало подробностей, но от ее торопливой, словно извиняющейся скороговорки остался неприятный осадок. Оказывается, она все это время спокойно работала, болтала с друзьями, потягивала коньяк. А он умирал. И наверное, уже умер, потому что существование, на которое обрек себя, недостойно называться жизнью. Так и швыряло его из крайности в крайность: от готовности к бунту против поработившей его злой силы до полной покорности ей.

— Что с тобой, Кира? — услышал он из своего далека грустный голос Тамары. — Ты не болен?

— Я здоров. — Кирилл вздрогнул и поморщился, как от удара. — А в чем, собственно, дело? — бросил с вызовом, взглянув на часы.

— Ты бы на себя поглядел... Где-то целыми днями пропадаешь, не ходишь на тренировки. Ребята, между прочим, обижены.

— Чему обижаться? — укоризненно вздохнул Кирилл. — Я же никому не делаю зла, даже тебе, Тома.

— Да, зла ты не делаешь, но в коллективе так себя не ведут. Ведь здесь не какой-нибудь дом отдыха, а спортлагерь. Есть определенный распорядок, режим.

— Значит, меня отчислят за нарушение. — Он покорно кивнул. — Может, и телегу в институт накатают?

— Кому ты нужен, осел! — Она пренебрежительно передернула бронзовыми плечами. — Живи себе как знаешь.

— Откуда такое всепрощение? — Он пытался скрыть свою растерянность гаерским тоном. — Я бы на вашем месте обязательно принял меры.

— Но ты на своем месте, — печально возразила Тамара. — И времени уже не осталось перевоспитывать. — Она отрицательно помотала головой. — Всего неделя.

— Шесть дней, — уточнил Кирилл.

— Тем более... Так что с тобой все-таки происходит? Мне очень жалко тебя, Кирилл.

— Не знаю, Рыбка, — откликнулся он с внезапной теплотой. — Ты не жалей... Все пройдет, как-нибудь утрясется.

— Кто эта женщина? — тихо спросила Тамара, пряча глаза.

— К-какая женщина? — внутренне сжавшись, переспросил Кирилл.

— С которой ты шляешься каждый день! — бросила она, не сдержавшись.

— Зачем так грубо, Тамара? — Кирилл понимал, что она по-своему мучается, но не находил в себе сил сострадать. — Если будешь продолжать в подобном тоне, то лучше давай прекратим, — чужие, никак не свойственные ему слова сами сорвались с языка.

— Прости, — сразу опомнилась она. — Я не хотела... Ты любишь ее?

— Не знаю, Рыба. — Кирилл через силу прервал затянувшееся молчание. Впервые за все эти полубредовые дни кто-то спросил его о Светлане, и он мог говорить о ней вслух. Какое это было блаженное облегчение! — Наверное, очень...

— Вы были раньше знакомы? — Тамара продолжала выпытывать с затаенной подозрительностью. — Она что, правда, из МГУ?

— Ты-то откуда знаешь? — слегка удивился он, но тут же понял, что Томке, и, очевидно, не ей одной, уже многое известно о Светлане, наверняка больше, чем знает он сам. Шевельнулось намерение поддержать разговор, не столько с целью узнать что-то новое, сколько из неизведанного щекочущего наслаждения произносить ее имя.

— Давай лучше не будем об этом, — с нажимом отрезал он, устыдившись. — Ладно?

— Как хочешь, но имей в виду: тут ее многие знают... Между прочим, ей намного больше лет, чем кажется... Или ты уже знаешь?

— Я ничего не хочу знать, — отчеканил Кирилл.

— И даже о ее прошлом? — с внезапным остервенением выкрикнула Тамара, блеснув боковыми коронками.

— Перестань! — Кирилл больно сдавил ей локоть. — Тебя это никак не касается, слышишь.

— Конечно. — Ее голос сорвался. — Кто я тебе? И кто ты мне?

— Именно. — Он отпустил ее отталкивающим движением. — Молодец, что все правильно понимаешь.

— Но ты дурак, Кира! — Она укрыла ладонью побелевшие следы от его пальцев. — Какой же ты дурак!

— Извини, но мне пора, — опять взглянув на часы, бросил он отчужденно.

Ночью прошел дождь, и раскисшая глина тяжело налипала на резиновые подошвы. Над болотом еще висел туман. Вершины сопок исчезли, словно срезанные ножом. Даже ближайшие деревья смутно, как на недодержанном снимке, прорисовывались в молочной пустоте. Едва ли сверху можно было увидеть дорогу.

Однако за седловиной, где тропу пересекал залитый ржавчиной олений след, видимость стала лучше. Там вовсю задували ветра, открывая голубые провалы бухт, хоть и смазывала морской горизонт матовая завеса, за которой полыхал жаркий поляризованный свет.

Светлану Кирилл застал на скале у песчаного пляжа.

Впервые она пришла сюда так рано, впервые — раньше него.

— А я ждала вас, — просто сказала она, протянув руку. — И немного волновалась, что вы не придете.

— Я не мог не прийти. — Он бережно погладил ее тонкие пальцы и вдруг горячо, истово приник к ним дрожащими губами. — И вы это знаете.

— Знаю. — Она легонько коснулась его волос и осторожно отняла руку. — Но сегодня особый случай. Я пришла проститься с вами, Кирилл.

— Проститься? — Он задохнулся, как от удара. — Но почему! — спросил неповинующимися губами.

— Мне придется уехать на остров Попов, — объяснила она с непривычным для Кирилла участием. — Я узнала об этом только вчера вечером и сразу подумала о вас... Ведь вы тоже скоро уезжаете, правда?

— Через шесть дней, — пробормотал он, одолевая тупую расслабленную усталость. — А вы надолго?

— Также примерно на неделю. Одним словом...

— Мы не увидимся больше.

— Выходит, что так.

— Никогда? — покорно спросил Кирилл, не ожидая ответа. Ведь он знал, что это должно случиться, загодя переболев тягчайшим недугом.

— Не знаю. — Ее оживленное сдерживаемым волнением лицо устало померкло. — Вы позвоните мне, если найдете время.

— Если найду время, — механически повторил он, не ощутив боли. — И это вы говорите мне.

— Я всегда буду рада вас видеть.

— Спасибо хотя бы за это... Значит, большего я не заслужил.

— Зачем так, Кирилл?! — воскликнула она, проникаясь его отчаянием и протестом.

— Или вы не знаете, что я умираю без вас? — Кирилл умоляюще потянулся к ней, но она отрицательно покачала головой. — Я же так люблю вас, Светлана! — Он послушно опустил руки.

— Нет! — Она устало закрыла глаза.

— Что нет? — спросил он с нежным упреком.

— Вы заблуждаетесь, Кирилл, заблуждаетесь... Это не любовь.

— Что же тогда? Помрачение? Чары?.. Неужели вы и вправду не чувствуете, что со мной происходит?! Не верю, Светлана.

— Я к вам очень хорошо отношусь, Кирилл, — ответила она с неподдельным участием. — Очень. И, поверьте мне, если бы было иначе, мы бы с вами просто не встречались... Но то, о чем вы говорите, — не любовь.

— Не любовь? — зачем-то переспросил Кирилл, прислушиваясь не столько к словам ее, сколько к голосу, к его переменчивым оттенкам.

— Я вижу, что вы переживаете, мучаетесь, и очень благодарна вам за такое чувство, за такую его высоту... Но это пройдет. Понимаете. Я совсем не такая, как вам кажется. Вы просто вообразили себе эту любовь, Кирилл. Не скрою, меня волнует и трогает ваше отношение. Я бы очень хотела сохранить вашу дружбу. Но не будем закрывать глаза... С каждым днем вам все труднее быть со мной, я это вижу.

— Но вы не понимаете...

— Я понимаю... Все у нас с вами могло сложиться немножко иначе. Во всяком случае легче, если хотите, обыкновеннее. Но так уж получилось, что мы пропустили свое короткое лето. И не стоит об этом грустить. Спасибо за то, что было.

— Но почему было! — ожесточенно выкрикнул Кирилл, борясь с подступающими слезами. — Я встречу тебя в Москве, в аэропорту, или нет, я поеду с тобой на этот проклятый остров! Ты ведь можешь взять меня с собой? — обрадовался он найденному решению, проникаясь надеждой.

— Едва ли это возможно. — Светлана, казалось, раздумывала. — Нет, ничего не получится. По ряду причин.

— Но должен же быть какой-то выход! Не поехать никак невозможно. Ведь я люблю тебя! — Он всхлипнул, улыбаясь сквозь слезы, и вновь протянул к ней зовущие руки.

— Нет. — Светлана не уклонилась от его торопливых умоляющих поцелуев. — Я буду там не одна... Так уж получилось.

Все для себя решив, она не стала объяснять ему, что приехал Гончарук, с которым они вместе ходили на «Тритоне», и ей скоро предстоит вновь уйти на несколько месяцев в море.

— Но в Москве?.. Мне можно будет встретить тебя.

— Конечно, — пообещала Светлана, выскользнув из его объятий. — А теперь успокойся и возьми себя в руки. — Мысленно отчуждаясь, она легко приняла и запоздалую ласку, и это ничего не значащее «ты». — Мужчина должен оставаться мужчиной.

— Ты обращаешься со мной, как с ребенком, — пожаловался Кирилл, вытирая тыльной стороной ладони глаза.

— Так оно и есть, — ласково улыбнулась она, протянув ему кружевной, тонко надушенный платочек. — Настоящий мужчина всегда немножко ребенок. — И добавила с затаенной печалью: — Ты же намного моложе меня, Кирилл...

Горькой вечерней прохладой веяли ее духи. И касание ткани к разгоряченному лицу было легким, как осенний полет паутинки.

— Это ничего не значит, — покачал головой Кирилл, задыхаясь от нежности и печали. — Ничего...

— Тебе не понять.

— А я не хочу ничего понимать. Есть только ты, а все остальное ничто перед вселенским крушением. — Трепетавший в нем ритм, как гальку, обкатывали рвущиеся из сердца слова.

— Перед чем? — не поняла Светлана. — Ты имеешь в виду атомную войну?

— Любовь.

— Она для тебя крушение?

— Гибель Вселенной... Рождение новых миров в черных трещинах расколотого неба, — пояснил он, прислушиваясь к себе, но, словно опомнившись, принужденно рассмеялся. — А вообще-то все ерунда, не обращай внимания.

— Ерунда. — Она изумленно вскинула голову. — Нет, это очень серьезно.

— Пожалуй, — нехотя согласился Кирилл. — Тебе ведь тоже было нелегко? Во всем виноват я один... Как ты верно сказала: «Наше короткое лето...» И это я все испортил.

— Ничего ты не испортил! — запротестовала Светлана, с трудом следя за скачками его мысли, завладевавшей сознанием как бы помимо слов. — Только благодаря тебе я узнала такое... Не знаю даже, как назвать. Раньше я думала, что это просто красивая выдумка. Ты понимаешь?

— Я понимаю, — подчеркнул он протяжно.

— И я счастлива, что такое было со мной.

— Ты что-нибудь слышала про альбигойцев? — спросил внезапно Кирилл.

— Это такие еретики?

— Еретики, — подтвердил он, иронично дрогнув уголком губ. — Страшнее, пожалуй, и не придумаешь. Так вот, среди лучезарных еретических трубадуров был один совершенно гениальный... Жаль, забыл его имя, но ничего — вспомню... Он

учил, что истинная любовь должна навсегда остаться неразделенной. В противном случае ей нужно переменить свое имя. Отсюда — все!

— Что все? — быстро спросила она, интуитивно догадываясь.

— Ощущение вселенской катастрофы... Мне вообще свойственно трагическое восприятие жизни, но оно бы не проявилось, Света, если бы я заранее не знал, что все кончится очень плохо. Так оно и случилось: ты не полюбила меня.

— Жарко становится. — Светлана вновь ощутила, сколь заразительны чужие переживания. — Пойдем к морю.

Схватив Кирилла за руку, она увлекла его за собой по ниспадающей тропинке.

Приглаженный отливом берег простирался широко и пустынно, как никогда.

— Не будем выяснять отношения, ладно? — отозвалась она на его бередящее душу молчание. — Пусть все будет, как будет, а эти последние наши минуты не стоит отравлять горечью. Ведь все прекрасно, Кирилл.

— Ты так считаешь?

— Конечно же!.. Ты только посмотри, какое сегодня волшебное море. Ни морщинки... Будешь купаться?

— Не знаю.

— А я буду. — Она расстегнула пуговки, сбросила легкое платье к ногам и, грациозно переступив, побежала за отступающей линией пены, прекрасная и чужая.

Присев на камень, Кирилл следил за тем, как она с разбегу бросилась в воду и поплыла в опадающих брызгах, оставляя на мертвой глади тяжело расходящийся след. Море больно сверкало сквозь легкую дымку и казалось бесцветным, а удаляющаяся головка — черной, как нефтяное пятно. Такими же темными выглядели и шапки качающихся водорослей, которые пригнал ночной тайфун, и силуэты дремлющих чаек, и проблеск играющей нерпы на линии скал.

Светлана была права. Жизнь кружила голову своей щемящей прелестью, зовя безоглядно отдаться убаюкивающему течению. На вечной сцене среди блистательных декораций слизывала прозрачная пена безымянный след. И тщетная мука понять обжигала чужой, в пространствах развеянной памятью.

Вдоволь накупавшись, Светлана вышла из воды, таща за собой спутанные гроздья саргассов, переплетенные грязно-зелеными нитями прибрежных водорослей.

— Смотри, какая прелесть! — Она подбросила в воздух мокрый, янтарно просвечивающий комок, ловя рассыпающиеся лоскутья. — Как виноград! — И вдруг вскрикнула, схватясь за горло, и с жалобным стоном упала на колени.

Кирилла, как вихрем, сбросило с камня. В прыжке он успел увидеть, как она что-то оторвала от себя, бросила в сторону и повалилась на бок, взрыв ногтями песок.

— Света! — позвал он, опускаясь возле, и, осторожно перевернув на спину, приподнял ей затылок. — Что случилось?

— Как огнем обожгло, — прохрипела она, задыхаясь от боли. — Здесь, — вялым мановением пальцев показала на грудь и сомкнула веки.

Наклонившись, Кирилл заметил под ключицей небольшое пятно. Едва угадываемое на загорелой, припорошенной песчинками коже, оно медленно наливалось багровым накалом.

Еще ничего не понимая, он сдул с нее песок и, приподнявшись с колен, осмотрелся. Среди клочков водорослей лениво отсвечивал неприметный комочек слизи. И хотя рядом не менее ярко блестела пупырчатая гроздь, Кирилл различал лишь эту желеобразную каплю, вобравшую солнечный свет. Она напоминала небольшую пуговицу из мутной пластмассы с коричневатым перекрестьем истрепанных ниток.

Так могла выглядеть только медуза гонионема, прозванная крестовичком. Кирилл видел ее впервые, но по рассказам бывалых людей знал, что встречи с гонионемой порой заканчивались трагически. Светлану необходимо было срочно доставить в больницу. Ее уже сотрясали приступы натужного сухого кашля. Жадно хватая воздух, она словно захлебывалась им, судорожно запрокинув искаженное мукой лицо.

В минуты крайней опасности Кирилл обретал обычно не присущее ему сосредоточенное спокойствие, когда сознание работает с необыкновенной четкостью и быстротой, а чувства напряжены и собраны в единый фокус. Действуя с автоматической размеренностью, он кое-как закутал Светлану в ее легкое платьице, бережно поднял и понес.

— Помоги мне, как только сможешь, — сказал он, думая только о предстоящем подъеме. — И все будет хорошо...

— Я постараюсь, — прошептала она, борясь с наползающей одурью. — Постараюсь...

XIX

Отзыв из Комитета по делам изобретений и открытий пришел отрицательный. Основываясь на заключении кандидата технических наук А. В. Громкова, комитетский эксперт не признавал за новым способом прямого восстановления металлов, предложенным заявителями Доровским, Ланским и Ровниным, ни новизны, ни какой бы то ни было практической полезности.

Марлен хоть и настраивал себя на всевозможные осложнения, но подобного афронта никак не ждал. Его задел не столь-

ко сам факт отказа, сколько заключение, уместившееся в четыре строчки. Припомнив подробности своей встречи с Громковым, Малик расстроился еще больше. Этот пигмей позволил себе полностью игнорировать реальные факты. Чохом отвергнув солидное теоретическое обоснование и экспериментальную часть, он просто-напросто перечеркнул всю их работу. Даже подобрать доказательства не потрудился. Надо думать, посчитал, что ходульный ярлык «лишено принципиальной новизны» полностью развязывал ему руки. Ведь коли «лишено», то, значит, и интереса не представляет, а уж верно оно или нет — дело десятое. Солидный человек не может позволить себе снизойти до подобной чепухи. Примерно так он и рассуждал, разделавшись, что называется, одним махом с новизной, а заодно и с полезностью. Его не смутило даже очевидное противоречие с формальной логикой, из которой отнюдь не следовало, что полезными могут быть только принципиально новые истины. Да и навряд ли он утруждал свой мыслительный аппарат логическими построениями. Просто воспользовался готовой формулировкой и думать забыл.

И это было для Малика обиднее всего. Он ощущал себя незаслуженно оскорбленным и жалким. Посоветоваться и то было не с кем. Шеф пребывал в двухмесячном отпуске, который взял перед тем как уволиться, Кира Ланской блаженствовал на далеких берегах Японского моря. Он один отдувался за всех: с утра до вечера гнал эксперимент с его бесконечными анализами, стоял над душой у лаборанток, стеклодувов, электриков, а по ночам вычерчивал графики для будущих публикаций. Одним словом, двигал науку «вбок», потому что, если, конечно, верить Громкову, повторял зады и вообще занимался ерундой.

Но не верил Малик этому вознесшемуся зятьку. Ни единому его лживому слову не верил и до зуда в руках жаждал драки. С праведным единоборством, однако, следовало повременить. Без Киры он не решался даже думать об официальном ответе, наивно полагая, что разделаться с наглой писулькой под шапкой ИМЕТа не составит труда.

Пребывая в состоянии крайней подавленности, когда все валится из рук, и ничто — даже интересная книга или новый фильм — не может отвлечь от мозжащей в черепе думы, Малик решился позвонить шефу. Но телефон на квартире не отвечал.

Прослонявшись до обеда по институтским коридорам, где встретил массу знакомых, с которыми во всех деталях обсудил создавшуюся ситуацию, но так ни к чему и не придя, он рванул прямиком в Петушки, надеясь застать Доровского на даче.

Калитку отворила дочь Евгения Владимировича Даша — пышная великовозрастная девица в облегающих джинсах.

— Папа отдыхает, — не слишком приветливо оповестила она, удерживая за ошейник беснующуюся овчарку. — Подождите в саду. — И надменно удалилась, играя туго обтянутыми ягодицами, по дорожке, вымощенной керамической плиткой.

Она вообще не благоволила к Марлену, которого почитала за безнадежного плебея, зато вся так и таяла в присутствии Киры. Малик, впрочем, не обижался, безропотно снося все ее выходки.

Выждав, пока собаку не привязали, он робко просеменил на участок и устроился в шезлонге возле крохотного прудика, в котором водились караси.

Доровский вышел в пижамной куртке, наброшенной прямо на голое тело. Основательно вздремнув после обеда, он был настроен приветливо и благодушно.

— Привет труженикам смычка! — Евгений Владимирович потрепал по плечу привставшего было гостя. — Сиди-сиди... Какие новости в нашей волости? — поинтересовался он, придвигая плетеное кресло.

— Честно говоря, неважнецкие, — кисло улыбнулся Марлен, нагибаясь за портфелем. — Пришел отказ.

— Да, брат, это тебе не фуги Баха, — не теряя довольства, поморщился Доровский. — Впрочем, ничего удивительного. — Он пробежал глазами письмо с траурным уголком. — Я ведь предупреждал вас, что так оно и будет!

— А как же теперь?

— Обыкновенно. Они нас, мы их... Посмотрим, чья одолеет.

— Но ведь это филькина грамота, ни одного аргумента! — Малик был явно разочарован пассивной реакцией шефа. В глубине души он ждал куда более явных проявлений неудовольствия. — Голословное отрицание.

— Ишь чего захотели, аргументов! Он ведь не дурак, этот ваш Громков, чтоб в дискуссии ввязываться. Аргументы, если они в корне ошибочны, легко опровергнуть. Нет, он слишком тонкая бестия, чтобы так глупо подставиться.

— Да он законченный кретин! — взорвался Малик. — Расписался в полной своей некомпетентности. Это же младенцу видно!

— Кому-то, может, оно и видно, — терпеливо объяснил многоопытный Евгений Владимирович, — а вот в комитете на немощные экзерсисы нашего милого рецензента взглянули почему-то иначе.

— Они просто слово в слово повторили всю его белиберду! Формалисты несчастные...

— Правильно, формалисты. Но на это и было рассчитано! Давая вместо заключения аргументированного абсолютно бездоказательное, этот ваш Громков-Пустобрехов превосходно учитывал механический характер делопроизводства.

— Но ведь его ничего не стоит положить на обе лопатки!

— Ошибаетесь, Марлен Борисович, категорически ошибаетесь! — Доровский вернул отзыв. — Вы видите перед собой реального, так сказать, оппонента, противника, а его нет. Это бесплотный пар, идеальный газ по Бойлю—Мариотту, подпоручик Киже. Не станете же вы боксировать с тенью? В отсутствии аргументов не слабость, но сила бюрократизма. Так-то, молодой человек...

— Что же вы предлагаете? — растерялся Малик. — Не отвечать вообще? Примириться?

— Ничуть не бывало. Надо немедленно запузырить ответ. Причем в самой категорической форме.

— Но ведь вы говорите, что бессмысленно драться с тенью! Выходит, нам и сказать по существу нечего. Она нам — «не имеет», мы им — «имеет». Так, что ли?

— Молодец, — удовлетворенно откликнулся Евгений Владимирович. — Усвоил. Нечего ломать голову. Учитесь у Громкова экономить силы для настоящей схватки. Выразив иначе категорическое несогласие с решением за номером таким-то, повторите, не мудрствуя лукаво, все наши прежние доводы, и будет с них.

— А они опять скажут: «нет».

— Вот и превосходно!

— Так и будем воду в ступе толочь?

— Почему. Рано или поздно мы вынудим наших, так сказать, контрагентов пойти на серьезное обсуждение. Там-то и произнесем свое веское слово.

— Сколько времени уйдет на такую канитель!

— И пусть. Вам-то что? Работайте себе на здоровье, спокойно делайте свою, подчеркиваю, игру. Или не согласны?

Ровнин промолчал, затаив сильные сомнения насчет тактики шефа. Ему, члену-корреспонденту, хорошо было ждать спокойно. Ну еще одно направление, еще одна работа. Для него ничего не изменится от того, получит ли она признание или канет в небытие. А вот для них с Кирой дело обстоит совершенно иначе...

— Может быть, вам в инстанции обратиться, Евгений Владимирович? — сделал Малик осторожный заход. — Все-таки не пустячная проблема.

— Не пустячная? — Доровский удивленно раскрыл глаза и театрально выбросил руку. — Да у меня в жизни не было ничего более интересного! Архиважная, государственного значения проблема.

— Вот я и говорю...

— Глупости говорите! Имейте терпение, милый мой Паганини. Вам что, работать не дают? Тему вам закрывают? С чем вы пойдете в инстанции?.. Борьба вокруг авторского свидетельства только завязывается, притом учтите, что это лишь

эпизод в длительной эпопее. И Громков, и этот, как его... Пупкин-Глупкин, что подмахнул отказную, — всего лишь мелкие сошки. За ними стоят куда более весомые фигуры.

Малик понимающе кивнул.

— Тогда наберитесь терпения. Что рекомендует нам военная наука? — Доровский энергично принялся загибать пальцы — Во-первых, не нарушать боевые порядки, во-вторых, не раскрываться преждевременно, а в-третьих, выполнять приказы начальства!.. Короче говоря, делайте, что велят, Марлен Борисович.

— Понял, — с готовностью согласился Марлен, не слишком, впрочем, убежденный. — Молчу.

— Что творится в лаборатории? — без особого интереса спросил Евгений Владимирович, достаточно полно осведомленный об институтских делах.

— Ничего особенного. Народ в основном разъехался: каникулярный сезон.

— Но вы-то хоть работаете?

— Мы-то работаем. — Малик почти в точности воспроизвел патетическую интонацию шефа. — Я вот о чем хотел посоветоваться, Евгений Владимирович... Время у нас, сами понимаете, смутное. Качаемся по волнам без руля и без ветрил. Пока назначат исполняющего обязанности, пока улягутся всяческие сомнения и страсти... В общем, вы меня понимаете.

— Разве что в общем. — Доровский насупился, давая понять, что разговор становится для него неприятным. — Сколько можно объяснять, что до сентября лаборатория остается за мной. Я в обычном отпуске, на который имею такое же конституционное право, как и все вы...

— Я понимаю, — поспешно заверил Малик. — Разве я про себя, Евгений Владимирович... Меня лично технический персонал волнует. Отпускные настроения и общая, никуда не денешься, неопределенность здорово сказываются на продуктивности. Участились, например, случаи невыполнения анализов.

— Нехорошо, Марлен Борисович, не дело.

— Чего ж хорошего? Мы вихревую камеру поставили, темпы наращиваем, а аналитики не поспевают... Может, на принцип личной заинтересованности нажать? Я бы включил кой-кого из девочек и, конечно, Бошарина в число авторов. Как вы на это смотрите? Мы тут с Кирой как раз новую серию статей готовим...

— Первый раз слышу, чтобы механики и лаборантки подписывали научные публикации, — развел руками Доровский. — Но почему бы нет, в принципе? Если вы считаете, что столь экстравагантная мера даст надлежащий эффект, у меня нет возражений. Валяйте...

По интонации, а еще более по устало-небрежному взмаху руки Малик лишний раз убедился, что шефу глубоко безразлично, кто подпишет очередную статью, где и когда она появится и как будет называться. Напечатав триста, а то и более трудов, он мог позволить себе не вникать в подобные мелочи. Но Ровнину, чье сердце счастливо замирало, когда он видел свою фамилию, набранную типографскими литерами, это показалось обидным.

— Погребу, пожалуй, Евгений Владимирович. — Он потянулся за портфелем.

— Куда вы рветесь? — удержал его Доровский. — Ведь вы на машине? Оставайтесь к ужину. Марья Васильевна может неправильно понять, если сбежите от ее грибов. — Он оживленно причмокнул. — Это же нечто особенное!.. Дарья утром нашла с десяток белых. Причем, не поверите, прямо здесь, на участке. Тугие, как теннисные мячи, один к одному! Представляете, что будет, если их порезать кружочками, слегка обжарить в масле, а после залить сметаной?.. Нет, Ровнин, для этого у вас не хватит воображения... Или хватит?

— Конечно, не хватит, Евгений Владимирович. Мне правда пора. Нужно еще заехать кое-куда, поискать сок для девок и вообще подшустрить по хозяйской части.

— Сок? — Доровский вздернул седые всклокоченные брови. — Какой сок вам нужен?

— Какой подвернется. Моим девахам без разницы.

— Тогда считайте, что он у вас в кармане. Марья Васильевна закатала несколько банок превосходнейшего вишневого сока. Получите целую бутыль. И без разговоров! Кстати, кроме грибков, ожидаются вареники с вишнями. Как вы относитесь к вареникам? Или даже это совершеннейшее творение, сваренное в вишневом сиропе, не способно пробудить вашу усталую фантазию?

— Способно, — сдался бедный Марлен, чувствуя, как потекли слюнки. После бледных сосисок и сиротского винегрета в столовке набросанная сочными мазками перспектива показалась особенно впечатляющей.

— Вот и отлично. — Доровский удовлетворенно расправил плечи, надолго устраиваясь в любимом кресле. — Тяпнем по рюмочке. От настойки на смородиновых почках, кажется, еще никто не отказывался?

— Уж как водится, Евгений Владимирович.

Малик улыбнулся, вспомнив, как прошлым летом Кира выловил всех карасей под восхищенные возгласы профессорской дочки. Негодование Доровского не знало предела. Он обозвал их тогда браконьерами и почему-то вивисекторами, запретив появляться на даче в осенне-летний период. К вечеру, однако, подостыл и даже отведал, ворча и стеная, запеченных в яичнице карасей.

— Как карасики, Евгений Владимирович, не отродились? — спросил Малик, когда Даша с вызывающим стуком водрузила на стол запотевшую банку.

— И не стыдно, молодой человек? Я бы на вашем месте прикусил язык!

— Уж кто-кто, а я тут абсолютно ни при чем! — откровенно рассмеялся Марлен. — Вы бы лучше с нее спросили, — мстительно кивнул он на удалившуюся Дарью.

— Все вы одним миром мазаны, — буркнул Доровский, наливая в стаканы. — Лучше уж пейте.

Вскипевший мелкими пузырьками мутноватый напиток, в котором болтались разбухшие изюмины, оказался на диво хорош.

— Почему Ланской не приехал? — удовлетворенно отдуваясь, спросил Евгений Владимирович.

— На море блаженствует, рыбку промышляет.

— Ишь ты!

— А что делать? У вас-то он уже всех переловил.

— Ладно-ладно. — Доровский строго пристукнул ладонью. — Когда возвратится?

— Скоро уже, на будущей неделе, надо думать.

— Тогда вы вот что сделайте. — Евгений Владимирович озабоченно прищурился, как бы оценивая неожиданно осенившую его идею. — Навестите-ка вы этого самого Пупкина! Побеседуйте, присмотритесь, словом, разведайте, что он за птица... Вы поняли меня, Марлен Борисович?

— Вполне.

— Тогда давайте соорудим партийку в шахматы. Сходите, пожалуйста, за доской.

— Что же все-таки с нами будет, Евгений Владимирович? — задал Малик мучивший его вопрос, бездумно разыгрывая привычный гамбит. — Кому отдадут лабораторию?

— Поживем — увидим. Пока я держу ситуацию под полным контролем. Лично для вас, думаю, ничего не изменится.

— Легко сказать!

— Или почти ничего. Защиту я вам с Ланским гарантирую. Вы, главное, не бездельничайте, а то знаю вас, охламонов...

— Мы не бездельничаем, — пробормотал Малик, поймав на вилку неприятельскую ладью. — Шах, Евгений Владимирович.

— Ладно, сдаюсь. — Потеряв качество, шеф утратил к игре интерес и признал себя побежденным. — Не играется что-то в жару... Значит, вы все поняли? Нужно как следует прощупать противника, но только культурно. Без склоки.

XX

Светлану доставили в райцентр на вертолете и поместили в районной больнице.

Вертолет вызвал Астахов, когда врач биостанции вынес заключение, что состояние пострадавшей критическое и требуется срочная госпитализация. Везти ее по приморским дорогам на «рафике» показалось рискованным. Ни подкожные инъекции адреналина и эфедрина, ни массированное искусственное дыхание существенного воздействия на развитие процесса не оказали. Больная бредила, пульс слабел, в сердце прослушивались фибрилляции. Сказывалась, очевидно, потеря времени. Ведь не менее четырех часов прошло прежде чем была оказана первая помощь. Да и то счастье, что совершенно выбившийся из сил Кирилл наткнулся в лесу на ребят с биостанции. С этого-то момента в его памяти произошел своего рода провал, временная отключка. С трудом удалось восстановить связность событий. Высвечивались, вспыхивая и замедленно угасая, отдельные пугающие фрагменты: ее бессильно свисающая рука, тонкая струйка, выброшенная из шприца, темное, медленно расползающееся пятно — то ли пролитое лекарство, то ли просто горячая вода. Набегая дымчатым фильтром, оно почему-то постоянно маячило перед глазами. И еще врезалась в мозг, прочертив круговые незаживающие бороздки, суматоха вокруг кислорода.

Сначала долго искали где-то на складах баллон, потом спешно подгоняли к редуктору трубки от акваланга. Кажется, все это происходило уже под гром вертолета, который завис над дорогой, взвихряя пыль. Вопреки каким-то инструкциям врачу удалось забрать кислород с собой. Нужно было через считанные минуты повторить инъекции, и он опасался непредвиденных осложнений.

Для Кирилла места в кабине не хватило, потому что высокий парень, принявший баллон, так и остался в зеленой машине, которая плавно оторвалась от земли, неуклюже развернулась хвостом вперед и как-то боком пошла над морем. Потом он узнал, что это и был тот самый Астахов — его тоже не сразу нашли, — у которого хранилась ракетница.

Возвращаться в лагерь мучительно не хотелось. Здесь, на биостанции, даже воздух пронизывало живое дыхание Светы, ее осязаемое присутствие, и было страшно нарушить хрупкую связующую нить. Напряженно ожидая вестей из этого доселе неведомого ему Приморского, на котором отныне сосредоточились надежда и тревоги, Кирилл жадно выспрашивал всех, кому так или иначе довелось соприкоснуться с проклятым крестовичком. Отзывы были самые разные. Одни считали, что все ограничится несколькими днями больницы, другие глухо пророчили длительный паралич, и становилось понятно, что

их умолчание говорило о самом страшном. Но даже в таких отрывочных беседах таилась для него неодолимая притягательность. По крупицам вбирая слова утешения, он ненадолго успокаивался, преисполняясь горячей веры в благополучный исход.

Незаметно отгорел день. Впечатление, которое произвело на людей происшествие, потеряло свою остроту, растворившись в насущных заботах. Хочешь не хочешь, а надо было уходить. Докурив на ступеньках лабораторного корпуса последнюю сигарету, Кирилл спустился на дорогу. Здесь, уже на подходе к белому камню, его и догнал полный пожилой человек в тренировочном костюме и кедах, занимавшийся, судя по всему, оздоровительным бегом.

— Решили прогуляться? — спросил он, переходя на шаг.

— Да нет, просто возвращаюсь к себе в лагерь.

— Как, разве вы не отсюда? Но ведь это вы принесли вместе с Беркутом Светлану Андреевну?

— Я. — Кирилл замедлил шаг, припомнив, что, кажется, видел «бегуна от инфаркта» возле вертолета. — А вы здесь работаете?

— С вашего позволения. — Церемонно наклонив голову, представился: — Александр Матвеевич Неймарк.

— Морские ежи? — обрадовался Кирилл. — Мне о вас Светлана Андреевна рассказывала, — пояснил он, назвавшись.

— Бедная женщина! Только этого ей не хватало. Вы не знаете случайно, как оно произошло?

— К сожалению, знаю. Это случилось на моих глазах. Крестовичок оказался в куче водорослей...

— Подумайте, какая неприятность! — Неймарк озабоченно поцокал языком. — Вообще-то оно так и бывает. Крестовички всегда держатся возле зарослей. Их не было здесь года четыре, если не больше, а теперь, значит, нагнало. Придется временно воздержаться от моря. Без гидрокостюма ни-ни! С гонионемой шутки плохи.

— Как вы думаете, профессор, это очень серьезно? — с замиранием сердца осведомился Кирилл.

— Вы же видели, в каком она состоянии?.. Но будем надеяться на лучшее. Патогенное действие яда сказывается очень различно. Одни, как говорится, отделываются легким испугом, у других это протекает много сложнее.

— Но она... — Кирилл поперхнулся, не в силах выговорить до конца.

— Конечно же, нет, — понял его Александр Матвеевич. — Даже думать про это не надо... Однако последствия могут быть самые разные. По сути, гонионема единственное по-настоящему опасное животное в наших водах.

— А морской дракончик? — напомнил Кирилл.

— Не идет ни в какое сравнение, хотя ваша правда, он вполне заслужил свою дурную славу... В конечном счете все зависит от вовремя оказанной помощи. Хочется верить, что она не опоздала. Нам очень повезло, что отыскался этот баллон. Вот уж действительно счастливая случайность! Ведь у нас никто не работает с кислородом.

— Вы случайно не знаете, профессор, как лучше всего добраться до Приморского?

— Хотите поехать? Очень похвально, молодой человек! Мне тоже обязательно следует навестить Светочку. Мы ведь с ней старые приятели, хоть так и не принято выражаться в отношении женщин. Особенно юных... Думаю, что мы сообразим что-нибудь насчет машины.

— Тогда, если позволите, я подойду утром.

— Утром? — Неймарк на мгновение заколебался. — Впрочем, вы совершенно правы, утречком будет лучше всего! Давайте так и договоримся... Вы что, плавали вместе со Светланой Андреевной или по работе знакомы? — деликатно полюбопытствовал он.

— По работе, — с лаконичной твердостью ответил Кирилл.

— Ее многие знают, — удовлетворенно кивнул Неймарк. — Очень яркая женщина, очень... Значит, до завтра, молодой человек?

Придя в лагерь, Кирилл зашел к начальнику лагеря попрощаться. Отделавшись от неизбежных вопросов общими замечаниями насчет здоровья и аллергических особенностей местной флоры, естественно вымышленных, он оставил записку для Тамары, препоручив ей все свое барахло. Что и говорить, это было не слишком великодушно, но, обычно щепетильный до крайности, он словно оглох к угрызениям. Ничто не задевало его, кроме единственной сверхзадачи. Не таскать же за собой палатку в конце-то концов? И чехлы с охотничьим снаряжением были бы до крайности неуместны. Решив взять только самое необходимое да еще подводную камеру, чтобы загнать, когда подопрет нужда, он забрался в спальный мешок и, вопреки ожиданиям, провалился в беспамятство.

Но просыпался зато тяжело, продираясь сквозь разрозненные видения с таким громоздким ощущением беды, что дыхание перехватывало. О том, что ждет его в Приморском, даже думать боялся, заклинал непокорное воображение.

До поселка они с Неймарком добрались без всяких приключений. Опытный Александр Матвеевич догадался остановить «рафик» у райкома. Наливайко оказался уже в курсе событий. Из кратких замечаний его на пространные разглагольствования профессора Кирилл понял одно: слава Богу, жива! Хоть ночь прошла для медиков хлопотно и состояние все

еще остается тяжелым, зажавшая горло стальная рука ослабила волчью хватку — жива! В больницу поехали вместе с секретарем, что существенно облегчило общение с медицинским персоналом.

Главный врач, пожилая румяная женщина с обесцвеченными гидропиритом волосами, никого до больной, конечно, не допустила, слегка обнадежив, что наблюдаются изменения к лучшему.

— Невзирая на то, что она все еще без сознания? — попытался уточнить Неймарк.

— Дыхание выровнялось, — объяснила главврач. — А это сейчас главное.

— Сердце? — Он продолжал обстоятельно расспрашивать.

— Пока без существенных перемен. Но сердце мы ей поддерживаем. Давление падает, вот что тревожно.

— Давление? — Александр Матвеевич сосредоточенно пожевал губами. — Отчего же давление? Значит, сердце все же справляется?

— Ох милый вы мой! — певуче вздохнула женщина и объяснила ему, как ребенку: — Борется сердце, изнемогает, потому как трудно ему. У больной наблюдаются патологические изменения печени.

— Это типично при подобных поражениях?

— К сожалению.

— Неужели ничего нельзя сделать? — не выдержал Кирилл. — Может, переливание крови. Так у меня первая группа!

— Все, что необходимо, мы делаем.

— Может, связаться с Москвой? — обратился Александр Матвеевич к Наливайко. — Директор Института тропической медицины мой хороший приятель, и я бы мог узнать...

— Да оставь ты в покое своего приятеля! — досадливо оборвал его Петр Федорович. — Как что, так сразу Москва! Мы здесь лучше их знаем, что нужно делать. Думаешь, первый случай такой? Как бы не так! Слушай лучше, что Анна Спиридоновна тебе толкует. — Он дружески подхватил врачиху под локоток. — Она не одного на моих глазах выходила. А в твоей тропической медицине они бы загнулись, так и знай! Правду я говорю?

— Случай непростой, — уклончиво ответила Анна Спиридоновна. — И пока не прошел острый период, трудно делать прогноз. На данный момент, говорю со всей ответственностью, непосредственной угрозы не наблюдается, а там посмотрим.

— Сколько он продолжается, острый период? — спросил Кирилл.

— Обычно дней пять... Потом можно будет провести все необходимые анализы и назначить лечение.

— Иные по полгода маются, — заметил Наливайко. — Вот же проклятый крестовичок!

— И часто у вас такое случается? — не отставал от Анны Спиридоновны неугомонный Неймарк.

— В плохие годы — три-четыре случая, а так крайне редко. Последнего больного — помнишь Арзамасова, Петр Федорович? — благополучно выписали три года назад.

— Но намучился он, бедняга, основательно!

— Да, довелось-таки повозиться. В печени возникли длительные и стойкие изменения.

— Ему даже пришлось на материк переселиться. Он, понимаете, водолазом у нас работал, а после такого камуфлета человеку на море делать нечего.

— Почему? — тревожно ловя каждое слово, осведомился Кирилл.

— Яд гонионемы обладает способностью вызывать анафилоксию — повышенную чувствительность — к повторному введению даже очень небольших доз того же токсина, — объяснила главврач. — Почти все смертельные случаи приходятся поэтому именно на повторное поражение. Так что выбирать не приходится. Уж очень велика степень риска.

— Значит, первичные?.. — попытался поставить точку Кирилл, преданно глядя на Анну Спиридоновну.

— С ними, разумеется, проще, — поняла она недосказанное.

— И на том спасибо, — нехотя отступил Неймарк, склонив голову.

— Куда вы теперь? — поинтересовался Наливайко, присев покурить в тени тополей. — Сразу назад или у нас погостите?

— Домой поедем, Петр Федорович, забот полон рот.

— Я бы остался, если можно, на несколько дней, — попросил Кирилл, упрямо сдвинув брови. — Здесь есть какая-нибудь гостиница.

— Гостиниц у нас в райцентре пока не построено, мил человек, — сообщил Наливайко. — Но устроить, конечно, можно. Турбаза сгодится?

— Буду очень благодарен.

— Значит, заметано... А с работы начальство отпустит? Астахов, я знаю, насчет этого строг.

— Я здесь на отдыхе, товарищ Наливайко, в лагере СКАН живу. Как говорится, сам себе хозяин.

— Тогда дело другое. — Петр Федорович посмотрел на часы. — Садитесь ко мне в машину, подброшу... Ну, в таком разе прощай, Матвеевич. — Он протянул Неймарку руку. — Звони, если чего понадобится, не стесняйся.

— До скорого, Федорович. Можешь не сомневаться, я позвоню.

— Сам из Москвы? — спросил Наливайко, усаживаясь рядом с Кириллом.

— Из Москвы, Петр Федорович.

— А по специальности кто?

— Химик, в научно-исследовательском институте работаю.

— Не по нашей, океанической, части?

— Ничего общего, к сожалению, но море люблю.

— Если бы не любил, не приехал... Вон оно как обернуться может, море. Жаль Светлану Андреевну, это же надо, чтоб так не повезло человеку.

Кирилл ничего не ответил, глядя в окно, за которым проносились розовые и голубые домики и тополя, тополя.

XXI

Герман Кондратьевич Гончарук вызвал машину и поехал в порт, где у тридцать восьмого причала стоял белоснежный красавец «Борей» с двумя мощными радиотелескопами в шаровых оболочках. Судно три дня как пришло из доков и было поставлено под загрузку. Контейнеры с оборудованием ждали своей очереди, составленные вдоль подъездных путей в замысловатые фигуры.

Машина остановилась возле трапа. Дружески поздоровавшись с вахтенным помощником, которого видел впервые в жизни, Герман Кондратьевич прошелся вдоль кнехтов. В зазоре между бетонной плитой причала и высоким бортом завороженно темнела вода. Туго натянутые полипропиленовые тросы с резиновыми дисками против крыс косо пересекали сумрачно подернутый синеватой пленкой мазута омут. Несло сыростью, сладковатым чадом солярки и тем особым железным холодком, что ощущается только в порту.

Над рубкой лязгала плохо смазанная поворотная стрела, опуская на палубу оранжевую крышку батискафа системы «Пайсис», намертво закрепленного на корме. Место для второго аппарата, отмеченное откинутыми скобами, было пока свободно. Его обещали подвезти только в начале будущего месяца, что нарушало весь тщательно разработанный график.

Убедившись, что окованные жестяной полосой ящики с новейшими магнитометрами уже опущены в трюм, Гончарук перешагнул через камингс и, грохоча по ступеням, сбежал на ют, где размещались лаборатории. У гидрохимиков и биологов моря еще конь не валялся. Столы и полки сплошь были заставлены нераспакованной посудой и приборами. В геофизической продвинулись значительно дальше. Бесчисленные напичканные электроникой блоки были размещены по своим кронштейнам, а всевозможные самописцы надежно принайтованы к переборкам. Единственное, что здесь требовалось, это вынести развороченную тару и провести генеральную уборку.

Лишь в вычислительном центре, как всегда, царил абсолютный порядок. Судовые отсеки, находившиеся на попечении капитана, Герман Кондратьевич осматривать, конечно, не стал, а сразу поднялся на верхнюю палубу в свои апартаменты научного руководителя с просторной ванной и кабинетом, отделанным под красное дерево.

Взглянув на всепоясной хронометр — до заказанного разговора с Москвой оставалось минут двадцать, — он отомкнул сейф и разложил перед собой списки, испещренные галочками и прочими таинственными знаками. В целом научный состав был укомплектован. Лишь возле одной фамилии, обведенной красным карандашом, выделялся жирный минус, перечеркнувший едва различимый теперь плюс.

Столь неожиданно и, главное, не вовремя выбыв из строя, Рунова поставила Гончарука перед сложной проблемой. Он, само собой разумеется, сочувствовал Светлане Андреевне, которая была ему не совсем безразлична, и мысленно желал ей всяческих благ. В первую очередь — быстрейшего выздоровления. Но на это как раз, судя по уклончивым ответам врачей, особенно рассчитывать не приходилось. По крайней мере в обозримый период, вернее, в жестко отмеренные сроки, коими располагал, готовя экспедицию в район Большого Барьерного рифа, Герман Кондратьевич.

Превыше всего ставя интересы дела, неразрывно связанные с сугубо личными, Гончарук умел абстрагироваться от всякого рода нюансов, которые собирательно именовал «человеческим фактором». В сложных распасовках, которые он вел, комплектуя научный состав, Рунова была лишь единицей, которую требовалось срочно кем-нибудь заменить. Трагический случай, который не мог оставить равнодушным даже совершенно постороннего человека, знания, опыт и не в последнюю очередь личное обаяние Светланы Андреевны — все это как бы осталось вне игры, не терпящей сантиментов. В запечатанных кладовых сердца, говоря иными словами, которых никак не затрагивали неписаные правила делового пасьянса.

Если бы можно было срочно найти подходящую кандидатуру, задача решилась бы автоматически. В этом случае Гончарук одним выстрелом убивал, а вернее, обезвреживал сразу двух зайцев, не зайцев — китов: Слепцова, который тайно интриговал против участия Светланы Андреевны, и Северьянова, который ее всемерно поддерживал. Пока все было в норме, в этой дилемме перетягивал Северьянов. И не только потому, что от него зависело обеспечение исследовательской группы, которую Герман Кондратьевич планировал направить на острова Драконьего Жемчуга. От Северьянова многое зависело. Добавочной гирькой на его чашке, почти уравновешенной замдиректорским постом Слепцова, и был тот самый

«человеческий фактор». Теперь же, когда волею обстоятельств Рунова оказалась вне игры, можно было без потерь удовлетворить обе стороны. Не его, Гончарука, вина, что так получилось. Жизнь сама развязывала все мертвые узлы.

Единственное, что требовалось в данный момент, — это заполнить вакансию. Без всякой спешки и по-джентльменски достойно, чтобы не потерять лица. Сложность ситуации заключалась, однако, в том, что Гончарук не мог ждать. Во-первых, его лимитировали сроки, необходимые для оформления в загранплавание, во-вторых, и тут таилась непредвиденная ловушка, заменить Светлану Андреевну оказалось отнюдь не легко. Альголог — вообще редкая специальность, тем более с геологическим профилем и к тому же пригодная по всем прочим параметрам. Если же присовокупить ко всему последнее выступление на отделении академика-секретаря, специально нацелившего экспедицию на железомарганцевые конкреции, то вообще свет, что называется, сходился клином на ней одной, единственной, неповторимой.

Как бы обрадовался Герман Кондратьевич, если бы Светлана внезапно выздоровела! Сейчас все, кроме какого-то валета Слепцова, было на ее стороне. За исключением здоровья, сводившего на нет любые раскладки. Но на нет и суда нет.

Мыслящий человек не должен бунтовать против природы. Всегда найдутся обходные пути. Это ничего, что все аналитически прослеживаемые линии открывались пока на одной карте. Ее следовало, выждав минимально приличный срок, окончательно сбросить и на время забыть. Итак, решено — замена. Пусть москвичи отпадают, потому что Слепцов сейчас же подсунет своего человека, и это будет равносильно капитуляции. Пусть даже во всем Владивостоке не найдется приемлемой кандидатуры, кроме Астахова, а его вряд ли отпустят с биостанции, можно ведь поискать в Ленинграде. Там должны быть хорошие альгологи. Школа! Правда, они в основном сориентированы на полярные области — Арктику и Антарктику, но не боги горшки обжигают. Как-нибудь приспособятся и к южным морям. Альголога можно найти, и даже неплохого. Зато специальные геологические знания и все те же конкреции, промышленная разработка которых уже поставлена на повестку дня, по-прежнему остаются камнем преткновения. Не каждый потянет. Тут, словно в прикупе, неизвестно, что возьмешь. Подвинув к себе телефон, подключавшийся на стоянках к городскому кабелю, Гончарук вызвал междугородную.

— Соедините с главврачом райбольницы, — попросил он, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

— После восемнадцати, — ответил усталый женский голос.

— Но почему же после? Ведь это совсем рядом! Легче до Рио-де-Жанейро дозвониться...

— Вот и звоните себе в Рио-де-Жанейро, — был ответ, за которым мгновенно последовал короткий сигнал.

— Безобразие! — бросил Гончарук в прерывисто гудящую трубку.

Не успел он, перелистывая записную книжку, собраться с мыслями, как требовательным звонком о себе возвестила столица.

— Дмитрий Васильевич? — Он обрадовался, застав Северьянова в кабинете. — Владивосток беспокоит с утра пораньше... Знаешь уже про наши подвиги?

— Ты о чем это, Герман Кондратьевич? — В ретранслированном спутником голосе вибрировало легкое эхо.

— Да о Руновой! Неужели не доложили?

— Ах, Света! Как она там сейчас?

— Вот сижу на телефоне, дозваниваюсь. С тобой проще оказалось соединиться... Главные страхи, можно сказать, позади. Оклемывается потихоньку. Но врачи говорят, что до полного выздоровления еще далеко. Прямо не знаю, как быть. — Гончарук выжидательно примолк.

— В смысле?

— Так ведь с якоря надо сниматься!

— Ну, до тех пор еще много воды утечет.

— Не скажи, Дмитрий Васильевич, время быстро летит, не успеешь и оглянуться... А медицина между тем ничего успокоительного не сулит. Длительное амбулаторное лечение, говорят, потом санаторий. Что присоветуешь в данном контексте?

— Я-то тут при чем? Тебе виднее. Очевидно, искать замену придется, я правильно понимаю?

— Боюсь, что так, Дмитрий Васильевич. У тебя нет подходящей кандидатуры?

— Отошел я от морской геологии за эти годы, порядком отошел...

— Боюсь, что непросто будет найти нужного человека. Рунова и геолог превосходный, и батискаф знает. Прямо ума не приложу.

— Сочувствую, но ничем помочь не могу. Я потому и просил за нее, что видел, как говорится, в деле...

— Ну, извини в таком разе, Васильевич. Всего тебе самого лучшего.

— И тебе, Герман Кондратьевич, и тебе... Спасибо за звонок. А Светлане, если увидишь, мой самый горячий привет. Попутного ветра...

Закончив разговор, Гончарук почесал макушку тупым концом карандаша. Затем нашел в академическом справочнике номер ленинградского филиала и заказал разговор, вычеркнув попутно Рунову из списка.

Звонок прозвучал, едва он положил трубку.

— Теплоход «Борей» на проводе, — ответил приятно удивленный Герман Кондратьевич.

— Гера, салют! — Оказалось, что звонит, причем по собственному почину, Слепцов. — Узнал про твои печали и поспешил с дружеской помощью.

— Очень тронут, Владимир Федорович. Дружба превыше всего. Только у нас, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, все пока развивается по плану. Разве что «Пайсис»-второй немного запаздывает. Ты про него?

— При чем здесь «Пайсис»? — с ощутимой ноткой нетерпения укорил Слепцов. — Тут, понимаешь, весь институт гудит про Светлану, а он «Пайсис»! Аппараты тебе дороже людей, технократ ты неисправимый!

— Обижаешь, Владимир Федорович. Я полностью в курсе.

— Нелепый случай! Как же это она, бедняжка?

— Да, не убереглась, но с кем не бывает?

— Мы все ужасно переволновались. Положение серьезное?

— Считай, что обошлось. Вытащили. Пошла на поправку.

— Даже так? Ну, я рад, Гера, чертовски рад. В мембране послышалось учащенное дыхание и чьи-то дальние голоса.

— Алло, Владимир Федорович! Ты тут?

— Да, извини, отвлекли на минуту... Значит, обошлось, говоришь? И может пойти в плавание?

— Вот этого пока не знаю. Подождем, что скажут врачи.

— А не останешься сидеть на бобах?

— Есть такая неважная перспектива, но что делать, Владимир Федорович. Заменить Рунову практически некем, и ты знаешь это лучше меня. Ценность ее, как работника, неоспорима. Особенно в свете последней ориентировки насчет конкреций.

— Я потому и звоню, что понимаю, как ты там маешься. Есть у меня на примете один симпатичный человечек, Гера. В порядке подстраховки. В случае положительного решения сможем оформить вмиг.

— Кто? — без всяких околичностей спросил Гончарук.

— Башмачникова Нелли Антоновна. Тоже кандидат наук, участвовала в морских экспедициях, притом наш кадр, институтский, не откуда-то со стороны. Ты обмозгуй, Гера. Только не затягивай слишком. Я, говоря по чести, не любитель форсмажорных ситуаций.

— Я тоже. Но ведь она, по-моему, чистый биолог?

— Подумаешь, какая важность! Подучится.

— С высокого-то кресла все легким кажется, — вздохнул Герман Кондратьевич, записав фамилию на отдельном листке. — Геологическим исследованиям Руновой в программе от-

водится ведущая роль, — отчеканил он с металлом в голосе. — За них с меня спросят в первую голову... Кого получше нет у тебя, Владимир Федорович?

— Я, Герман Кондратьевич, рекомендации не с бухты-барахты даю, с полной ответственностью.

— И все же?

— Поразмыслю на досуге, — нехотя пообещал Слепцов, — но и ты озаботься. Лады?

— Ну, лады в таком разе.

— Так я вызову тебя в понедельник?

— Больно торопишь, Владимир Федорович. Так нельзя.

— Не я, дорогой товарищ, время нас торопит.

— Что-что, а уж это на собственной шкуре ощущаю. Значит, все ясно, будем думать, — закончил разговор Гончарук в полной уверенности, что ни при каких обстоятельствах не возьмет Башмачникову. Поколдовав над исчерканным списком, он заменил жирный минус на крохотный вопросительный знак.

Потом дали Ленинград.

К телефону подошел членкор Андреев, заслуженный полярник, у которого Гончарук начинал ассистентом.

— Как же, хорошо помню, — ответил он с чопорной вежливостью на выспреннее приветствие. — Даже слежу порой за вашими маршрутами по карте... Чем могу служить?

— Выручайте, Борис Львович! — взмолился Герман Кондратьевич. — Срочно нужен дельный альголог, причем с геологическим уклоном. Не присоветуете по старой памяти.

— В экспедицию?

— Да, причем маршрут очень интересный и исключительно перспективный.

— Когда?

— Скоро, Борис Львович, в том и беда.

— Чего же вы только теперь спохватились?

— Так уж вышло... Заболел наш самый надежный товарищ.

— Боюсь, что ничего не получится, у всех, понимаете, свои планы. Да и поразъехался народ по белу свету! Нет, такие вопросы нужно решать загодя.

В райцентр удалось пробиться только под вечер.

— Как там наша больная, доктор? — проникновенно понизив голос, осведомился Гончарук.

— Состояние удовлетворительное, но чувствует она себя еще очень плохо.

— А печень?

— Думаете, за один день что-то может измениться?

— Почему за один? Но вообще-то я вас понимаю, доктор. Я и сам биолог. Клетки медленно восстанавливают свою функцию. Вся беда в этом.

— Не только, но в основном верно.

— Ускорить процесс, так сказать, поддержать деятельность ничем нельзя?

— Думаем в этом направлении. На будущей неделе приедет наш консультант из Владивостока.

— Спасибо вам, доктор. Так я еще позвоню?

— Сделайте одолжение.

Герман Кондратьевич пощипал в задумчивости подбородок. Угробив почти целый день, он так и не продвинулся ни на одном из направлений, а кое в чем даже осложнил себе жизнь. Если экспедиция уйдет без альголога, Башмачникову ему не простят. Он принял душ, не спеша побрился перед зеркалом во всю стену, переменил сорочку. Успев перебрать в уме десятки разнообразных комбинаций, позвонил на квартиру Иосифу Гавриловичу Шехману.

Старик заведовал лабораторией алкалоидов в институте физиологически активных веществ и, как никто, разбирался в индо-тибетской медицине. Он написал лучшую в мировой научной литературе монографию о трепанге и был одним из тех, кто внедрил в медицинскую практику заменитель чудесного корня жизни — элеутерококк. Не боясь подорвать свой действительно высокий авторитет, он охотно пользовал от разных болезней как своих друзей и знакомых, так и знакомых своих друзей.

Поворчав, по обыкновению, Иосиф Гаврилович от консультации по телефону уклонился и велел приезжать. Гончарук беспрекословно подчинился.

Шехман жил в старом доме среди старых вещей, переживших не одно поколение хозяев. Вместо обычных комнатных растений он выращивал в цветочных горшках актинидию, лимонник, имбирь, тангутский ревень и даже индийский тамаринд. На стеллажах от пола до потолка вперемешку с книгами стояли у него всевозможные флакончики, баночки со снадобьями. Колдовские эликсиры в темных бутылках он хранил в тумбочке, на которой стоял древний граммофон с трубой в виде цветка колокольчика. В редкие минуты досуга старый профессор прослушивал на нем хрипящие пластинки с религиозной музыкой или заунывными японскими песнями, которые очень любил, хоть и не знал языка. Телевизора он не держал.

От сложенных на антресолях полотняных мешочков с сушеными травами вся его темная, заставленная громоздкой мебелью квартира напиталась стойким аптечным запахом. Шехман и сам занимался составлением мудреных гомеопатических рецептов, а если верить злым языкам, то даже ятрохимией в парацельсовском варианте[1].

[1] Медицинская химия позднего средневековья

Но это нисколько не вредило ему во мнении академического света. Получив лет двадцать назад дипломы доктора и профессора, он понял, что достиг своего потолка, и, перестав заботиться о карьере, жил в свое удовольствие. В городе он был необыкновенно популярен, власти ласкали его, местные средства массовой информации ловили каждое его слово. Даже удачливый ловкач и бонвиван Муржинский, добившийся правдами и неправдами звания члена-корреспондента, завидовал такой славе. Воистину свободен лишь тот, кто не боится ничего потерять.

Старик не боялся и, как бы бравируя этим, резал правдуматку, невзирая на лица. Даже в тех нередких, к сожалению, случаях, когда в этом не было особой необходимости. В нем причудливо сочетались крайне противоположные душевные качества.

Он был добр и одновременно мстителен, вспыльчив и терпелив, чувство юмора уживалось у него с постоянным брюзжанием.

— Не накатались еще по заграницам? — буркнул он, пропуская Гончарука в узкий лаз между двумя шифоньерами. — Или уже во? — отмерил по горло рукой.

— Мы редко заходим в порты, — объяснил Герман Кондратьевич, устраиваясь на кожаном стуле. — А море оно море и есть. Какая уж тут заграница?

— Но море это прекрасно!

— Да, если бы в нем не было столько воды... Помогите, Иосиф Гаврилович, — Гончарук, по обыкновению, перешел прямо к делу. — Хорошего человека вытащить надо.

— Из тюрьмы или с того света? — со свойственным ему злоязычием поинтересовался Шехман, ехидно взвизгнув. — И то и другое не по моей части. — Он рассыпался сатанинским прокуренным смешком.

— Очень остроумно, — оценил Гончарук и объяснил терпеливо: — А ведь речь идет о красивой молодой женщине, Иосиф Гаврилович. Вы же были очень неравнодушны к прекрасному полу? Или уже все?

— Что значит «или»? — взорвался Шехман. — Оставьте меня с вашими кабацкими намеками! Тоже мне боцман выискался! — Он негодующе дернулся и спросил, глядя в сторону: — Что с ней, с вашей очередной пассией?

— Положим, это не так, Иосиф Гаврилович, но вы все равно не поверите, и я не стану отнекиваться. — Гончарук смиренно опустил долу свои карие шельмовские очи, чем лишь укрепил старика в его мнении.

— Меня не интересуют чужие шашни, — махнул рукой Шехман. — Так что же все-таки с ней?

— Поражение печени вследствие сильной интоксикации. В точности по вашей части. — Гончарук коротко, но обстоятельно рассказал о происшествии.

— Гонионемус вертенс, — глубокомысленно кивнул Иосиф Гаврилович. — Это намного серьезнее, чем полагаете вы и ваши сельские эскулапы. Если не принять мер, ваша знакомая может остаться инвалидом до конца жизни. Сколько ей лет?

Будучи в курсе анкетных данных, Гончарук ответил, не задумываясь.

— А вы говорили молодая, — Шехман вызывающе прищурил глаз.

— Побойтесь Бога, Иосиф Гаврилович.

— Бога нет. Вас плохо воспитывали в пионерском отряде. У человека, тем более женщины, в этом возрасте печень плохо восстанавливается, вот в чем загвоздка. Эволюционно такая особь уже не нужна. Природа сбрасывает ее со счетов.

— Умный человек не бунтует против природы, — процитировал Гончарук излюбленную присказку Шехмана, которую тоже взял на вооружение. — Но ведь можно помочь природе?

— Она что, такая же красивая, как и молодая? — вновь поддел неугомонный старик

— Женщине столько лет, на сколько она выглядит.

— Вздор! У каждого внутреннего органа свои биологические часы. В том числе и у печени. Я постараюсь помочь вашей знакомой. Но вы тоже не сидите сложа руки. Вам ведь ничего не стоит достать необходимое лекарство из-за границы?

— Скажите только название.

— Не помню. Это пилюли, которые вырабатывает из гималайских трав по рецептам аюр-веды одна фармацевтическая фирма. Стоят они гроши, но действие оказывают поразительное.

— Что прикажете привезти из плавания, Иосиф Гаврилович? Запас не подысчерпался?

— Освежить никогда не мешает, — старик задумался, вспоминая. — Значит, так, привезите сейшельский орех, семена лотоса розового, калгана и побольше древесины: сандал, камфорное дерево, мускатный орех. Если попадете в китайскую аптеку, то обязательно купите желчь питона... Не забудете?

— Я все аккуратнейшим образом заношу на бумагу, — успокоил Гончарук. После того как Шехман избавил его от хронического гастрита, он неукоснительно выполнял все его заказы. Даже самые курьезные, вроде скелета летучей мыши или настойки из сколопендр.

— Завтра я приготовлю микстуру для вашей приятельницы. Пусть пьет, пока вы будете доставать лекарство. Она где, в больнице?

Гончарук кивнул.

— Пусть скажет врачам, что это из элеутерококка. С этим у нас, кажется, примирились, как ни странно.

— Чего же тут странного? Космонавты и те пьют.

— Э! — кисло скривился Шехман. — Вы мне не говорите.

По возвращении в гостиницу Гончарук плотно поужинал и, несмотря на поздний час, позвонил замначальника пароходства.

— У тебя есть кто-нибудь в Индии? — спросил он, обменявшись традиционными шутками насчет командированых мужей.

— Представитель в Бомбее тебя устроит?

— Можешь отбить ему телекс насчет одного лекарства?.. Пусть перешлет с ближайшей оказией. Очень нужно и очень срочно. За мной не пропадет.

Когда интересы дела не расходились с «человеческим фактором», он ощущал душевную приподнятость и просветленность, любуясь собой как бы со стороны.

XXII

Когда Светлана, впервые поднявшись с койки, увидела Кирилла, то не сразу узнала его. Прильнув к окошку, она долго всматривалась в явно знакомые, но как бы давно позабытые и ставшие немного чужими черты. Нет, она помнила все и знала, что он дотащил ее на себе почти до самой биостанции, но никак не ожидала увидеть его в этом бедном больничном садике, на этой облупленной скамейке под искалеченным вязом. Понадобилось напрячься, чтобы осмыслить происшедшее смещение, восстановив недостающие звенья. Так бывает во сне, где, слагаясь в небывалые сочетания, разрозненные фрагменты действительности обретают неуловимую текучесть.

Сначала она не ощутила почти ничего, но постепенно сквозь оболочку тупого безразличия затрепетала какая-то беспокойная жилка и вдруг стала расти, набухнув свежей кровью, буйно ветвиться, завоевывая освободившееся пространство, словно распалась ледяная форма.

Светлана содрогнулась от пронзившей ее сладостной боли. В нарастающей горячей волне жалости — к нему, к себе, ко всему на свете — таяли последние льдинки, по живому кромсая острыми, истонченными до невидимости краями.

Потом они встретились в узеньком коридорчике, где стоял бак с кипяченой водой. Кирилл принес букетик жарков и десяток спелых гранатов, которые, к великому удивлению и радости, купил в продуктовом магазине.

Вокруг были люди, и разговаривать приходилось шепотом, хотя телевизор, по которому показывали футбольный матч,

почти наверняка заглушал их поначалу скованный разговор с его значимыми недосказанностями и потаенным смыслом.

— Почему ты до сих пор не уехал? — спросила Светлана, когда он коротко и не без юмора поведал ей о своем житье на турбазе.

— Ты же знаешь, — сказал Кирилл, бережно тронув ее похудевшую руку.

Нечего было спрашивать. Она знала.

В ее глазах, обновленных пережитым, он изменился не только внешне. Не ощущалось никак то самое переполнявшее его беспокойство, которое, гальванически передаваясь, отравляло им лучшие минуты свиданий. Отняв беззаботную легкость, наркотическая эта отрава обрела самодовлеющую ценность. Память о пережитом волнении не оставляла даже во сне, мучая неутоленной жаждой, толкая на повторение.

Сейчас Кирилл показался Светлане уверенным в себе, умудренным, но в то же время потускневшим, словно надломленным непосильной ношей. Непривычной покорностью веяло от него, всегда внутренне напряженного, готового к бунту.

Сначала это неприятно поразило Светлану, обдав разочаровывающим холодком. Однако, вглядевшись в Кирилла, прислушавшись к недоговоренному, она поняла, что и он переполнен возвышенным чувством всепоглощающей жалости. Она увидела себя как бы со стороны, в этом сиротском халатике, с развившимися, потерявшими золотистый блеск волосами, и вспыхнула радостью, что мила ему даже такой. Он ходил здесь, рядом, а она и не вспоминала о нем, вырываясь из небытия, продираясь сквозь боль. Или все-таки вспоминала? Звала?

Что-то открылось ей в эти ночи и дни, на многое она смотрела совершенно иначе.

— Все будет хорошо, — сказала, благодарно перебирая его пальцы. — Не волнуйся.

— Когда тебя выпустят.

— Не знаю еще, но думаю — скоро. Ты поезжай и ни о чем не беспокойся. Ни о чем!

— Разве мы не вернемся вдвоем?

— Мне бы тоже хотелось этого, милый. — Светлана едва сдерживала слезы. — Но боюсь, что придется задержаться. Я буду страдать, зная, как ты маешься здесь. — Она боялась, что он может понять ее не так, как нужно, и мучилась этим.

— Мы же будем видеться!

— Конечно. Но обстоятельства складываются не совсем так, как нам хочется, как бы мне хотелось теперь... Очень хотелось! Видишь ли, Кира, мне придется уехать, если, конечно, не помешает болезнь.

— Уехать? Надолго? Куда? — Он забросал ее вопросами, задохнувшись от горестной неожиданности. — Но это же невозможно!

— Я вернусь, — горячо зашептала она. — Вернусь к тебе и останусь с тобой, сколько захочешь. Ты можешь мне верить.

— Я верю, но...

— Верь! Верь мне, милый! — умоляюще заклинала она. — Мы встретились так внезапно и потому не можем ничего изменить. Но это временно, это пройдет. Дальше будет, как мы с тобой захотим. Как ты захочешь. Ты и сам это знаешь, не можешь не знать. Ты ведь чувствуешь, как мы связаны друг с другом?

— Да, я как только увидел тебя!..

— А мне открылось только теперь! И все потому, что ты тоньше, умнее... Я ведь последняя дура рядом с тобой. Но я научусь, не сомневайся. Людям редко выпадает такое. Даже если мы никогда-никогда не встретимся, оно останется с нами. Как бы ни сложилась судьба, никто мне не будет ближе, чем ты. Ты же чувствовал, как мне было плохо? Вот видишь! И я в любой дали буду чувствовать, что с тобой... Я старше, я прожила жизнь и не знала, что есть на земле такая высокая близость...

Вслушиваясь в ее горячечный шепот, Кирилл замирал от горестной неги, предчувствуя недоброе и веря почти беззаветно.

— Выходи за меня замуж, — неожиданно для самого себя предложил он, преодолев внутреннее сопротивление.

— Ох, Кира! — Светлана со стоном прикрыла глаза. — Зачем так? — Она испуганно улыбнулась. — У нас еще все впереди.

— Но ведь ты уезжаешь!

— В экспедицию, месяца на три.

— Целых три месяца! Как невообразимо долго!

— Очень долго, Кирилл, но мы выдержим. Правда? Грош нам цена, если это не так. — Она умоляюще заглянула ему в глаза.

— Прекрасная дама и рыцарь, — ответил он печальной улыбкой. — Испытание любви. Только зачем, дорогая?

— Да я сама извожусь при мысли о том, что нам надо расстаться! Думаешь, я нечего не понимаю? Разлука разлуке рознь. Иногда неделя — да что там неделя! — день и то может оказаться губительным. И мы так мало друг друга знаем, и вообще слишком многое против нас... Я не настолько наивна, Кирилл.

— Вот видишь!

— И тем не менее, — процедила она, упрямо стиснув зубы, — я верю в нас. Иногда даже полезно расстаться.

— Для тех, кто не любит.

— Любовь... Мы с тобой говорили о большем. Если оно сохранится, то и любовь будет. Мне не семнадцать лет, Кира. Я никуда от тебя не денусь и постараюсь отдать все, что только смогу. Буду любовницей, другом, служанкой...

— Но не женой?

— Опять ты торопишься! Ты же ничего обо мне не знаешь...

— О том, что было, или о том, что есть?

— То, что есть, лишь продолжение прошлого... Я оставила двух мужей, у меня были увлечения, наконец ты моложе меня.

— Какое мне дело до этого? Я знаю тебя такой, как ты есть, и никто другой мне не нужен.

— Это сейчас. А через год? Через пять? Через десять?!

— Никто не может ручаться за будущее, Света, никто! — Он бережно обнял ее. — И, по-моему, лучше сто раз ошибиться, чем своими руками убить то, что может сбыться.

— Как ты верно сказал! — поняла она. — И я так думала когда-то... Только мой лимит ошибок исчерпан.

— Мы сами себе определяем права. Я не верю в высшие силы.

— Я — тоже. Но есть ведь иные: физические, душевные... Мне их не хватает, Кирилл. И времени совсем мало осталось.

— Поэтому ты хочешь выбросить псу под хвост еще три месяца? Четверть года, Светлана!

— Так получилось. Тут завязано столько, что от меня почти ничего не зависит, иначе бы я давно махнула рукой.

— Вот и махни! Когда человек очень хочет, то для него нет безвыходных ситуаций.

— Ты даже представить себе не можешь, как мне хочется послушаться! — Светлана доверчиво прильнула к нему. — Я ведь всего лишь женщина! И ты постарайся понять...

Она рассказала ему, как жила последние месяцы, отказывая себе в самых простейших радостях, потому что ничего уже для себя не хотела и никому не верила, виня лишь самое себя в том, что не умела жить, как все люди.

— Теперь ты видишь, какое место занимает в моей жизни работа? — неожиданно прервав себя, спросила Светлана. — Доверие товарищей, которые поддержали меня в трудную минуту? Предать для меня так же немыслимо, как и отказаться от независимости. А я хочу остаться независимой, Кира, при любых обстоятельствах. Ты понимаешь меня?

Он понимал.

— Когда ты должна уехать?

— Через месяц, если не подкачаю.

— От всего сердца желаю тебе не подкачать. Главное — будь здорова. Остальное приложится.

— Остальное зависит только от нас.

— Но три месяца плюс еще один — это уже четыре?

— Я постараюсь сделать так, чтобы мы увиделись... Мне совсем не обязательно торчать во Владивостоке до самого отплытия.

— Ты уходишь в плавание?

— В южные моря, к Большому Барьерному рифу.

— Это же так интересно! — Усилием воли Кирилл заставил себя приободриться. — Прости мне мое нытье. Наверное, я бы и сам не устоял перед подобным соблазном.

— Поверь, что я никуда не поехала, если бы это зависело от меня одной... Ты мне будешь писать?

— А можно?

— Конечно. Владивосток — радио, теплоход «Борей». Обычной телеграммой. Я даже постараюсь позвонить, если удастся. Ведь у тебя есть телефон?.. Только это не всегда получается. Далеко очень. Поэтому ты не жди. Пусть будет сюрприз.

— Нечаянная радость. Помнишь у Блока? «Нечаянно радость придет...»

— «Ночная фиалка цветет, и скромный цветок ее светел...» Я тоже люблю эти стихи.

— Мы очень похожи с тобой.

— Даже страшно иногда делается.

— И мы могли бы не встретиться!

— И каждый бы прожил в своей слепоте.

— Меня не оставляет ощущение случайности всего, это с нами происходит, — признался Кирилл. — Все так зыбко, ранимо... Сначала думаешь — игра, потом понимаешь — жизнь. На какой тоненькой паутинке качается наша судьба.

— Нам не на что сетовать. Можно только благодарить.

— Кого? Самих себя? Случай?

— Неважно.

— Ты права! Пусть будет слепая игра больших чисел, которая воспринимается нами, как некое стечение обстоятельств. Или заранее запрограммированное пересечение мировых линий? Не стоит задумываться. Это случилось, и я не представляю себе жизни без тебя.

— Я же говорю, что чувствую себя дурой. Ты мыслишь недоступными мне категориями. В космическом масштабе. Там, куда увлекает тебя воображение, не остается для меня места. Я теряюсь где-то в пути.

— Но я возвращаюсь к тебе.

— А ты и не улетай. Нигде нет готовых ответов на ваши вопросы. Только внутри себя. Не надо ломать голову. Наше сердце распорядится за нас.

— Женский взгляд на вещи. Пережиток матриархата.

— Естественно.

— Я так не могу. Предпочитаю ломать голову. Это идет от термодинамики, от универсальности ее уравнений. У меня есть приятель, скрипач. — Вспомнив Малика, Кирилл улыбнулся. — Так он как-то сравнил Гиббса с Бахом. Даже специально вытащил меня в консерваторию, чтобы проверить. И ты знаешь, поразительно верно! Та же холодная ясность, те же безупречные плоскости, рассекающие мироздание.

— Скрипачи стали разбираться в термодинамике?

— Этот разбирается... Немного.

Подошла сестра с термометром в выстланном марлей лотке.

— Мне пора уходить? — забеспокоился Кирилл.

— Побудь еще немного... Как трудно расставаться!

— И тебе тоже?

— А ты не видишь?

— Вижу, но так хочется слышать это еще и еще. Расскажи мне про свою Атлантиду.

— Нет никакой Атлантиды, милый. Я занимаюсь до крайности прозаическим делом. Фотографирую микроскопические частички, которым, как и нам с тобой, был дан короткий проблеск в вечной ночи, сравниваю. Они прожили свое, наверняка не спрашивая, почему и зачем, и погрузились на дно, обратившись в холодный камень.

— Звездная пыль. «Что наверху, то и внизу». Совсем как у Гермеса Трисмегиста.

— Опять твои любимые алхимики?

— Алхимики, трубадуры, безумцы. Белая роза на жгучей ране... Но ведь все говорят, что ты нашла Атлантиду?

— Вздор. Корреспондент, как обычно, переврал, выдал желаемое за действительное — и пошло-поехало. Ярлыки прилипают прочно, не отодрать, не отмыть.

— Лично я бы не отказался от подобного ярлыка.

— Пожалуй... Мне и самой нравится. Льстит самолюбию, дразнит воображение. Порой думаешь, а чем черт не шутит, вдруг правда?

— Даже так? Значит, что-то все же нашла?

— Ты, конечно, читал диалоги Платона?

— «Тимей» и «Критий»? «В один злосчастный день и одну роковую ночь...»?

— Там говорится о столице атлантов, построенной из черного, красного и белого камня. Черный и красный извлекли при раскопках на Тире, где за полторы тысячи лет до нашей эры произошло страшное землетрясение, вызвавшее в Средиземноморье настоящий потоп. Оставалось найти белый. Его мы и обнаружили на океанском дне. Он сложен из микроорганизмов, которые жили в пресной воде. Датировка приблизительно совпадает. В одно время с погибшей

Тирой в Атлантике затонул неизвестный остров. Только и всего.

— И больше ничего не нашли?

— Ничего.

— Но и этого достаточно. Шутка ли — еще одно доказательство!

— Косвенное.

— Пусть так. Надо его подтвердить другими.

— Проще решить обратную задачу.

— Как обратную? — не понял Кирилл.

— Обнаружить точно такие же диатомеи где-нибудь далеко-далеко от Геркулесовых столбов. В Андах например, или же на Памире.

— И что это докажет? — Кирилл привычно замкнул логические звенья. — Ведь твой остров действительно затонул.

— Ты прав. Ничего не докажет... У меня мутится сознание, милый. Я что-то очень устала.

— Покажи термометр. Ого! Тридцать восемь и три! Тебе надо лечь. Я опять измучил тебя, родная, ты вся горишь. — Он помог ей подняться.

— Это от счастья, — прошептала она, едва держась на ногах. — Проводи меня до палаты.

Такой он и запомнил ее. И думал о ней все долгие часы полета под гул моторов, неумолимо умножавших расстояние. В иллюминатор было видно, как подрагивает налитое мощью алюминиевое крыло и трепещет хвостик токоснимателя над непроглядной молочной завесой. Откинувшись в кресле, он вбирал и эту гудящую дрожь, и эту муторную сосущую пустоту, пропуская сквозь себя минуты и километры.

XXIII

После первозданных просторов Приморья и почти космического одиночества подводного жира Москва показалась особенно многолюдной и шумной. Сплошные потоки машин, запруженные людьми тротуары, вечная спешка. Щедро политые мостовые исходили горячим паром, жадно вбиравшим в себя чад выхлопных труб, стойкие молекулы женских духов, освежающее дыхание отшумевшей грозы. Подхваченный стремительным течением, Кирилл окунулся в мелькающую пестроту залитых солнцем улиц, вдыхая ни с чем не сравнимый запах великого города. Его всевластная реальность оттесняла память, смешивая времена, перемещая лица. Что-то отступало, уменьшаясь, как в перевернутом бинокле, в невыразимую дымку, терялось среди теней.

Кирилла не покидало ощущение странной раздвоенности. Предвосхищая некие разительные перемены, которые почему-

то обязательно должны были случиться здесь без него, он не обнаружил и тени каких бы то ни было судьбоносных сдвигов. Ничего не изменилось, словно он и не уезжал никуда. Многие из его многочисленных знакомых даже не заметили, что он отсутствовал столь долго. «Ты уже вернулся? — был типичный ответ на телефонный звонок. — Так скоро?» Он прожил за этот месяц целую жизнь, а для них, поглощенных насущными заботами, время пронеслось незаметно. Это скорее успокаивало, нежели разочаровывало.

Застав папу с мамой в относительном здравии, Кирилл с облегченным сердцем принялся вызнавать институтские новости. Малик с ходу вверг его в водоворот предположений, слухов и мелких интриг. Кирилл сразу устал и внутренне отстранился. Сама мысль о том, что ему придется как-то участвовать в этой мышиной возне, вызывала отвращение. Теперь он совершенно иначе смотрел на вещи. Даже малоприятная весть о письме из комитета не вызвала глубокого отклика, царапнув уставшую от волнений душу. Не тем он жил, не о том в глубине думал. Но постепенно обыденная карусель вовлекла его в свое не знающее остановки кружение.

Накопился экспериментальный материал, ждала запуска новая установка с вихревой камерой, подоспела пора промежуточного отчета. Во все это надо было влезать с головой, считать, пересчитывать, выискивать закономерности, делать выводы и, конечно, писать. С ответом на отказ медлить тоже не приходилось.

Дни замелькали, как кадры в кино, слившись в одноликий поток, наполненный привычной работой. Чтобы разобраться в наваленной Маликом груде, Кирилл засиживался в институтской библиотеке допоздна, а первые после приезда субботу и воскресенье безвылазно просидел дома, колдуя над калькулятором и нанося на миллиметровку точки. Эксперимент не расходился с теорией. Судя по «дельта-зет», реакция могла идти еще при более низких температурах.

Погружение в материал скорее отвлекало, нежели увлекало его. Какой-то незатухающий центр в мозгу был постоянно прикован к телефону. Дозвониться до Светланы, отдыхавшей в заповеднике «Кедровая падь», не удавалось. Мешала разница во времени, подводила междугородная. Потом выяснилось, что живет она не в самом заповеднике, а в каком-то лесничестве, где вообще нет телефона. Отчаявшись, он послал телеграмму, на которую вскоре пришел ответ. Она писала, что поправляется, скучает, надеется на скорую встречу.

Кирилл ненадолго успокоился, дав себе слово рвануть через две недели на Дальний Восток. Хоть на день. Даже вынул из книжного шкафа альбом Сальвадора Дали, чтобы загодя отнести к букинисту. Заключенная в золотую суперобложку

книга случайно раскрылась на гипсовом торсе Венеры, куда, как в комод, были вставлены всевозможные ящички. Богиня любви олицетворяла непостижимую природу. В ящиках с опушенными мехом ручками зияла пустота.

В понедельник в лабораторию завалился Володя Орлов с пачками новеньких, пахнущих типографской краской авторефератов. Торжественно сорвав бечеву, он подписал несколько книжечек и вручил каждому из присутствующих. По такому случаю решено было немного «вздрогнуть». Малик, великий мастак на такие проделки, сгонял Пальминова в буфет за пирожками и развел немного спирта.

— За твои успехи, чувак! — провозгласил он, разливая по мензуркам. — Чтоб ни одного черного шара.

Всегда осторожный Орлов заложил двери ножкой стула.

— Только по-быстрому, — предупредил он.

Уничтожив все следы пиршества, общество разбилось на небольшие группки. Молоденькие лаборантки щебетали вокруг Володи, потчевавшего их очередной серией скабрезных частушек. Малик надоедал Пальминову пространными рассуждениями насчет джазовой аранжировки то ли Гайдна, то ли Скриба, воспроизводя звучание отдельных инструментов.

Этим ловко воспользовалась Тамара, которой любая порция алкоголя мгновенно развязывала язык, и решительно оттеснила Кирилла к вытяжному шкафу.

— Ты сам заберешь свои вещи или прикажешь доставить на квартиру? — вызывающе выпятив грудь, спросила она.

— Прости, Рыба, закрутился. — Кирилл виновато потупился. — Завтра заеду... Сразу после работы удобно?

— Вот именно, закрутился!

По тому, как это было сказано, Кирилл понял, чего стоило ей до сих пор сдерживаться. Но теперь, кажется, плотину прорвало и расспросов было не избежать.

— Сама видишь, дел невпроворот.

— Ты с ней тогда уехал? — еле слышно спросила она, подняв на Кирилла добрые тоскующие глаза.

— С ней, — ответил он, выжидательно отстранившись.

— Да знаю я все! — Она зачем-то схватила фарфоровый тигелек, дунула в него и швырнула обратно. — Все только про вас и говорили.

— Представляю себе. — Кирилл иронично опустил уголки губ.

— Совсем не то, что ты думаешь. — Тамара как-то сразу поникла. — Ничего плохого, во всяком случае.

— И на том спасибо.

— Как она сейчас?

— Ничего, поправляется.

— Ты действительно любишь ее.

— Люблю, Тома.

— И она тебя тоже любит?

— Не знаю, — сказал Кирилл, выдержав долгую паузу.

— Конечно же, любит, — произнесла она с обреченной убежденностью. — Я желаю тебе только счастья, Кира!

— Я знаю. — Он благодарно опустил веки. — Ты надежный друг. — И неожиданно для себя выпалил: — Она уходит в дальнее плавание, Тома!

— Ах так?

— Да, так.

— А ты изводишься? Места себе не находишь?

— Не говори глупостей.

— Дурак!.. Вот и все, что можно сказать. — Схватив колбу с рубиново-алым хромпиком, она бросилась к мойке и принялась ожесточенно перемывать пробирки.

Кирилл обиженно дернул щекой и присоединился к кружку Орлова, где стоял сплошной хохот.

— Постыдился бы, — бросил в шутку. — Они ж еще детки.

— Детки? — округлил глаза Володя. — Но это те деточки! — погрозил он пальцем под дружный смех. — Кстати, старик, ты звонил Лебедевой? — вдруг озаботился он, погасив улыбку.

— Нет еще.

— А почему? Передумал?

— Завтра же позвоню, — пообещал Кирилл.

— Звони сегодня. Она, между прочим, ждет, а это нехорошо, не по-джентльменски.

— Могу сейчас.

— Сделай такое одолжение, птенчик, — насмешливо поклонился Володя и обернулся к замершим в ожидании слушательницам.

Кирилл прошел в пустующий кабинет шефа. Звонить не хотелось.

Пугали неизбежно связанные с переходом хлопоты. Он и без того ощущал себя переполненным до краев. Каждая новая капля была чревата.

Однако, сделав над собой усилие, набрал номер. Голые полки в застекленных книжных шкафах настраивали на решительный лад.

— Анастасия Михайловна? Это Ланской говорит. Владимир Захарович Орлов сказал мне...

— Ах это вы! Куда ж вы запропастились?

— Никуда, — невольно улыбнулся он на звонкий приветливый голос. — Просто меня в Москве не было.

— И меня тоже! Впрочем, что это я?.. Уже три недели, как здесь. Не замечаешь, как дни летят. Мы могли бы увидеться? — Ее голос сразу же стал серьезным, не потеряв при этом задорной мелодичности.

— В любую минуту. Как скажете.

— Даже так? — Она обрадовано засмеялась. — Тогда приезжайте завтра, с утра... Вас это устраивает?

«Вот и все, — подумал он, закрывая обитую искусственной кожей дверь с табличкой: «Е. В. Доровский, профессор, доктор х.н.». — Жизнь выходит на новый неизведанный круг».

— Договорились на завтра, — кивнул он Володе.

— Ну и ладушки, — понимающе улыбнулся Орлов и принялся увязывать распотрошенную пачку. — Делу время, потехе час. Пора бечь. Диссертанта ноги кормят.

Лаборатория неохотно возвратилась к прерванным занятиям.

— Ответ написал? — спросил Малик, удовлетворенно перелистывая обработанные Ланским материалы. — Здорово получается.

— Ага, недурно. Ответ будет завтра. Нет, послезавтра, — поправился Кирилл. — Времени не хватает!

— Шеф хочет, чтобы мы повидались с этим типом. Я узнавал. Он на Бережковской сидит, где патентная библиотека. Знаешь?

— Поезжай сам, мне, право, не хочется.

— Но Евгений Владимирович...

— Тогда валяй вместе с шефом.

— Ты даешь!

— Не поеду, Марлен.

— Ладно, смотаюсь один.

— Это дело! — Взяв журнал, Кирилл записался на утро в университет. Помедлив с пером в руках, приписал еще и библиотеку. — Я в «Ленинке», если что... А впрочем, — передумал он, решив воспользоваться институтским читальным залом, — сейчас вернусь.

Просмотрев авторский перечень в нескольких книжках «Докладов Академии наук», он нашел Рунову С. А. в четвертом выпуске за позапрошлый год. Статья называлась «К вопросу о пресноводных диатомеях в Северной Атлантике» и была представлена академиком Страховым. Светлана, несмотря на обилие специальных терминов, писала легко и предельно просто. Читая, Кирилл явственно различал ее неповторимые интонации. Он даже не ожидал, что это доставит ему такую благодарную радость.

Выполненные с тысячекратным увеличением фотографии отпечатались на удивление ясно. На прихотливых конструкциях различался каждый завиток, каждый мелкий пупырышек. Кирилл не знал, что все эти незначительные подробности властно запечатлелись в его мозгу. Он просто рассматривал, вспоминая и нежась внезапно прихлынувшим теплом.

Возвращаясь к себе, он заглянул в фотолабораторию. Здесь, как обычно, болтался механик Бошарин, по кличке Босс, без-

отказный, сердечный парень, хоть и немного с придурью. Он развлекал фотографа Сеню, обрезавшего снимки, завиральными идеями.

— Кире персональный привет! — Босс обрадованно осклабился. — Никак меня Марлен Борисович обыскались?

— Я не за этим, — отмахнулся Кирилл. — Есть дело, ребята. Сугубо личное. Надо переснять несколько иллюстраций из журнала. Можно рассчитывать?

— О чем ты говоришь? — Сеня, не глядя, перебросил бланк-заказ. — Пометь только данные... Для диссертации небось?

— Для души.

Кириллу не терпелось украсить стенку над письменным столом. Таинственные пылинки, в которых некогда трепетала жизнь, чем-то напомнили ему остывшие корабли, все еще летящие в черной бездне космического пространства. Давным-давно угас их далекий мир, обратилась в мумии команда в прозрачных капсулах для анабиоза, а они все летят, повинуясь законам небесной механики, без надежды на встречу.

Он бы написал фантастический рассказ, если б умел. Даже подходящую концовку придумал. Мумию капитана должна разбудить любовь, как некогда Галатею. Одинокая, истосковавшаяся, вопреки всему творящая чудеса.

XXIV

На «Борее» уже заканчивали оборудование лабораторий, когда из Академии наук поступила радиограмма, заставив Гончарука крепко призадуматься. В самый последней момент в отделе морских экспедиционных работ основательно перетряхнули представленные им списки. И хоть потери были не очень значительные, добавились лица, которых по тем или иным соображениям он ни за что бы не взял. Ни генетик Неймарк, ни Нелли Башмачникова, сумевшая, очевидно, выйти наверх, его решительно не устраивали. Возражать, однако, не приходилось. Приятной неожиданностью явилось зато назначение Сергея Астахова, на что Герман Кондратьевич никак не надеялся, зная, как тот нужен на биостанции. О лучшем заместителе по глубоководным работам Гончарук не мог и мечтать. Словом, баланс подбивался кругло и особых неожиданностей не предвиделось.

В создавшейся раскладке с особой силой высветилась и роль Светланы Андреевны. В случае каких-нибудь накладок по части альгологии ему уже не оправдаться нехваткой специалистов. О том же, что оба новых альголога даже не нюхали геологии, следовало молчать в тряпочку. Начальству, как из-

вестно, виднее. Раз все штатные единицы укомплектованы, будь добр выдать программу полностью, до последней капли. На то ты и научный руководитель. Короче говоря, без Руновой не обойтись.

Иное дело — несколько облегчить уготованную ей нагрузку. Здесь, учитывая новую реальность, а также неокрепшее здоровье Светланы Андреевны, целесообразно внести изменения. Во-первых, отстранить ее от погружений, во-вторых, дать в помощницы эту самую Нелли, которую так или иначе надо куда-то приткнуть. Пусть-ка отведает черновой работенки.

Заняв в списке место, ранее предназначавшееся совсем другому человеку, Башмачникова нанесла Герману Кондратьевичу чувствительный укол. Ни ей, ни Неймарку, который был ему просто не симпатичен, он не собирался делать поблажек.

Связавшись с аэродромом, Гончарук узнал, когда ожидается самолет, командир которого должен был доставить индийский препарат, и заодно закинул удочку насчет вертолета. Если выгорит, он сам отвезет лекарство в «Кедровую падь», не получится — сгоняет кого-нибудь из команды.

Ожидая ответа, Герман Кондратьевич углубился в изучение отмеченного на карте маршрута. Уж очень хотелось найти изюминку, на манер ракушек из «Атлантиды». Мало просто выполнить научную программу. Не менее важно, чтобы об экспедиции узнала широкая общественность. Рядовыми тайнами моря, сколько их ни открывай, уж никого не удивишь. Чтоб попасть на полосы центральных газет или на экран телевидения, требуется штука позаковыристей. Морской змей например, или еще какое чудовище, вроде уцелевшего плезиозавра. Не случайно же заметки про затонувший остров в двух газетах прошли. После подобного паблисити даже высокое начальство начинает смотреть иными глазами.

Повторяться, конечно, смешно, и вообще на новую Атлантиду в Тихом океане рассчитывать не приходится, но нечто подобное предусмотреть не мешает. Курс пролегает через море Дьявола, а это как-никак второй Бермудский треугольник. Чем черт не шутит? Особенно в море с таким названием. Хоть и недолговечны пузырьки, вскипающие на текучих водах массовой информации, а стоят дорогого. Репутация остается — вот что ценно. На случайность полагаться не следует. Но и заранее такое не обеспечить.

Герман Кондратьевич пришел к мысли, что Неймарк, работающий в Институте морфологии животных, может оказаться в экспедиции совсем не лишним человеком.

Попутный вертолет нашелся в четверг, что вполне устраивало Гончарука. После нервотрепной горячки показалось прельстительным передохнуть денек-другой на вольной природе.

Действительность превзошла ожидания. Душистые стога сена на туманных полянах и сплошь покрытые цветами перелески дышали бодростью и оптимизмом, что Герман Кондратьевич ценил превыше всего. Вокруг на многие километры простиралась девственная тайга с великанами кедрами, увитыми лианой, и каменистыми ледяными речками, в которых шумно плескался лосось. А какая благодатная тень таилась в сырых подлесках, где, захмелев на колдовских травах, убаюкивающе жужжали шмели! Жаль, комарик основательно заедал. Без накомарника в тайгу не сунешься, да и что там делать, в дремучих дебрях? Не женьшень же искать? Ноги сами несли в луговые лощины, продуваемые душистым ветерком. Здесь и дышалось вольготно, и глаз отдыхал на зеленых холмах.

Самое милое дело напитаться перед дальним походом эдакой благодатью. Она не раз еще вспомнится посреди океанской пустыни. Просочится освежающим веянием сквозь жару и едучую соль. Добро и оборачивается добром.

— Для окончательного закрепления, — пошутил Гончарук, вручив Руновой пластмассовый цилиндрик с таблетками. — Действуйте согласно инструкции. Микстурка-то помогла?

— Кто его знает, — растроганно улыбнулась Светлана. — Наверное...

— Определенно помогла. Совсем другой вид! Порозовела, окрепла. Хоть сейчас в море. Не боитесь?

— Не боюсь, Герман Кондратьевич. Я в себе уверена.

— Тогда и я не боюсь. А вообще тут такие места, что и лекарства не надо. Никакая хворь не устоит.

Они отправились на прогулку по извилистой стежке, затерявшейся в шелковой мураве. И впрямь от каждой травинки, согнувшейся под тяжестью бронзового жучка, исходила животворная свежесть. Даже потемневший колодезный сруб, даже жерди изгороди казались пропитанными целительной мощью. И замшелые камни в зарослях облепихи, и поспевающие на грядке кабачки, и юркие стрижи, и коза, и скачущие за ней козлята.

Среди заботливо побеленных яблонь стояли симпатичные улейки. Фыркали, сгоняя с клевера пчел, медно-рыжие кони. Прирученный лосенок приник к ручью. Низко реяли, издавая суховатый треск, неправдоподобно большие стрекозы. Если бы не столбы с белыми изоляторами и не телевизионная антенна на высоком шесте, лесничество вполне могло сойти за тридевятое царство.

Светлана пока боялась далеко уходить, и они вернулись, так и не дойдя до лесной опушки, где еще валялись вывороченные пни. Лесничиха — цветущая хохотушка, на которой только что не лопалось шелковое платье в горошек, поставила

кувшин с парным молоком, налила в тарелки тяжелого меда, крупно нарезала выпеченный в домашней печи хлеб.

— Прямо как в раю! — восхитился Гончарук, жадно макая дышащий ноздреватый ломоть в тягучее золото. — Кыш! — умиротворенно поморщился, отгоняя пчел.

— Самой не верится! Спасибо Петру Федоровичу, это он постарался.

— Да, Наливайко знает, что делает. — Герман Кондратьевич одобрительно сощурился. — Матерый мужик.

— Исключительно сердечный. Я ему стольким обязана... Пчелы так и наседают. — Светлана осторожно поддела корочкой утопающую пчелку. — Совсем одурели от меда.

— Смотрите, чтобы не покусали. Вам только этого не хватает.

— Ничего. Пчелиный яд даже полезен.

— Кстати, Светлана Андреевна, — вспомнил вдруг Гончарук, — вы знаете, что теперь вам придется соблюдать особую осторожность? Без гидрокостюма в море ни-ни. Как бы ни было жарко.

— Разве в тропиках тоже встречается гонионема?

— Там много чего есть. Причем куда пострашнее! Действие токсинов довольно сходное. Поимейте в виду... «Португальский кораблик», надеюсь, знаете?

— Физалию?

— Вот именно. Порой достаточно ничтожного клочка, чтобы заполучить серьезную неприятность. — Гончарук допил молоко и промокнул ладонью полные чувственные губы. — Помню, был у меня случай на Мальдивских островах. — Он со вкусом закурил длинную ментоловую сигарету. — Встал я эдак, знаете, до рассвета, чтобы лишний раз не обжечься, и потопал себе на пирс. С одной только маской. Нырнул. Кругом красота несказанная. Плыву, ощущая блаженство. Акулка за мной любопытная увязалась. Куда я — туда и она. Ходит кругами. Хоть и знаю, что там они не агрессивные, все же неспокойно. Пришлось подобрать на дне кусок коралла и шугануть ее, как следует. Отвязалась. Телепаюсь дальше. Берег наклонно уходит вниз. Уже ничего не видать — сплошная синяя бездна. Только стада невиданных рыб ходят. Смотри — не хочу. И вдруг меня как ударит в бок. Словно раскаленная пуля вошла, да еще с электричеством. Дыхание так и перехватило. Что за черт? Лег на спину, кое-как продышался, но боль не отпускает, так и колотит в ребро. Неужели хвостокол, гадаю? Да нет, они вроде больше на дне лежат. Короче говоря, поплыл потихоньку обратно. А тут новый ожог, извините, в мягкое место. Не такой, как первый, но вполне чувствительно, точно крапивой стеганули. Я уж ни о чем не думаю, лишь бы выбраться подобру-поздорову. Со всех сторон жалит, а ничего не видать. Однако решил приглядеться. Надо ж узнать,

кто это резвится? Чтобы меры потом принять. А то откинешь копыта в полном неведении. Не годится. Дай, думаю, пригляжусь. И что же вы думаете? Плавает в толще розоватая слизь с какими-то волоконцами и пузырьками. Где жалкий обрывочек, а где совсем крохотная точка. Тут меня и осенило. Будто свыше снизошло, хотя ни с чем подобным я прежде не сталкивался... Как полагаете, что это могло быть?

— Понятия не имею, — живо откликнулась Светлана. — Скажите, Герман Кондратьевич!

Гончарук рассказывал умело, и она слушала его с неподдельным интересом.

— Да физалия же, Светлана Андреевна! «Португальский кораблик». Где-то в открытом море разорвало штормом проклятую тварь, а клочья пригнало к берегу. Я и угодил, как кур в ощип... Или кур во щи? — Он хитровато подмигнул. — После мне рассказали, что даже высушенные на земле, под жутким солнцем, клетки физалии сохраняют токсичность. Попав в воду, они снова готовы жалить направо и налево.

— А что потом с вами было?

— Со мной? — Он самодовольно расправил могучие плечи. — На мне, деточка, как на собаке, заживает. Растерся денатуратом, намазался кокосовым маслом, и все как рукой сняло. Поболело, конечно, денек, пожгло, но в пределах терпимости. Пятна на коже, правда, только через месяц сошли... Делайте вывод, Светлана Андреевна. Я рассказал не для того чтобы покрасоваться перед вами, не с галантной целью, Боже упаси. Хочу предостеречь вас, насторожить.

— Я понимаю, Герман Кондратьевич, спасибо вам за заботу. Надо будет основательно подковаться по этой части. В судовой библиотеке, наверное, найдутся нужные книги?

— Книжки-то найдутся, только жизнь, детка, куда как шире нашей бумажной премудрости. В океане таятся такие дива, что и не снилось ученой братии. Порой мы вообще дальше собственного носа не видим. Прочел я как-то монографию Брюса Холстеда «Опасные морские животные». Крупный специалист, кстати, токсиколог, знаток морской фауны — все при нем. И книга хорошая. Но про вашу гонионему, простите за напоминание, в ней ни полстрочки. А ведь американец между двух океанов живет! Почему так?

— Бывает, — улыбнулась Светлана. — Значит, не советуете читать?

— Совсем напротив. Вреда от этого никакого, а польза может выйти самая неожиданная. По крайней мере поостережетесь лишний раз. В водах, где нам предстоит работать, опасно все: медузы, кораллы, гидроиды, актинии, моллюски, рыбы, змеи. Но самое страшное, прошу вас запомнить накрепко, морская оса. Слыхали про такую?

— Как-то не приходилось. — Светлана виновато заморгала.

— Вот видите! — воскликнул Гончарук, темпераментно выбросив руку. — А еще ходили в тропические моря! Безобразие, Светлана Андреевна. Совершенно непростительное легкомыслие! — Он осуждающе покачал головой. — И если бы вы одна такая хорошая! Океанологи, доктора наук и те нередко оказываются совершенно неподготовленными. Ликбез организовать на борту, что ли?

— Организуйте, Герман Кондратьевич. Это будет безумно интересно... Но вы начали про морскую осу.

— И специально для вас, потому что гонионема рядом с ней — детская забава. Малюсенькая медуза хиропсальмус, иначе — морская оса, убивает мгновенно, едва коснется щупальцами.

— Уж не собираетесь ли вы меня окончательно запугать? — Светлана лукаво вытянула губки. — Нечестно.

— Никоим образом. Только предостеречь. Гидрокостюм надежно оградит от многих случайностей, в том числе и от плавающей слизи. Но остаются руки, Светлана Андреевна. Старайтесь не прикасаться к неизвестным животным. Для вас опасно любое токсическое поражение, а обжечь могут даже неподвижные кораллы или щетинистые черви. Про изящные ракушки я, разумеется, молчу. Вы лучше меня знаете, чего следует остерегаться.

— У меня прекрасная коллекция конусов, — кивнула она, но тут же вспомнила, что раковины остались у мужа. — Была... — добавила смиренно. — Недаром природа окрасила их под змеиную чешую...

— Конус страшнее любой змеи. Собственно, поэтому они так притягательны для науки.

— Профессор Неймарк рассказывал, что американцы выделили из морепродуктов сильные противоопухолевые вещества. Это верно?

— Похоже на правду... Вы давно знаете Неймарка? Что он за человек?

— По-моему, совершенно прелестный. А почему вы спрашиваете?

— Должен же я знать, с кем придется плавать.

— Неужели Александр Матвеевич поедет с нами? — всплеснула руками Светлана. — Прямо не верится! И главное, молчал, как партизан. Ай-я-яй...

— Скорее всего, просто не был в курсе.

— Разве можно не знать о таких вещах?

— Очень даже свободно. Ваш Александр Матвеевич знал, что его зарубили в самом начале. Но нынче ситуация коренным образом изменилась, о чем пока осведомлены только мы с вами.

— Приятная весть!

— Вот уж в чем не уверен, хоть и дрался за него, аки лев. Но ведь не всегда побеждаешь.

— Ей-богу, Герман Кондратьевич, вам зачтется. Не пожалеете.

— Значит, вы с ним дружны?

— Конечно! Он же сейчас на биостанции.

— Тогда дайте ему весточку от моего имени.

— Я? — удивилась Рунова. — При чем же здесь я, Герман Кондратьевич? Вы — другое дело, а я лицо неофициальное.

— Шучу, Светлана Андреевна, шучу... Так вы поправляйтесь, голубушка, накапливайте силенок. — Он поднялся с видимой неохотой. — А мне пора к штурвалу.

— Спасибо за все, что вы сделали для меня! — Светлана с чувством пожала его объемистую руку. — И не только для меня. Я по-настоящему счастлива, Герман Кондратьевич, мне стало везти на хороших людей.

— Будете молодцом? Не подведете?

— Не сомневайтесь, не подведу.

XXV

Лебедева с ее старомодной прической и непринужденной манерой вести разговор произвела на Кирилла отрадное впечатление. Ему сразу захотелось остаться в этой просторной комнате, где вперемежку с приборами стояли цветы и плавали в хромотографических банках живородящие рыбки.

— Вы у кого кончали? — спросила она, выслушав пространный рассказ о проводимых исследованиях.

— У академика Градова.

— О-о! — уважительно протянула Анастасия Михайловна. — Мстислав Валерьянович! Он, кажется, на структурной химии в последнее время сосредоточился?

— Я тоже структурой воды занимался, воды и растворов неэлектролитов.

— То, что надо! — обрадованно заверила Лебедева. — Вода и углеводороды для нашего шефа идеидефикс... Вы в общих чертах знакомы с теорией Игнатия Сергеевича?

— К сожалению, нет, — неловко поежился Кирилл. — В области геологии мои познания равны нулю.

— Здесь скорее геохимия, — уточнила Лебедева, — геохимические основы теории нефтегазовых скоплений.

— Еще хуже! — Он с деланной обреченностью махнул рукой.

— Дело наживное. Я когда-то тоже начинала на голом месте. Уверяю вас, что через полгода дойдете до полной гра-

дации. При желании, разумеется... Вы что предпочитаете больше: теорию или эксперимент?

— Честно говоря, теорию, хотя не чураюсь и экспериментальных исследований. Иногда даже люблю.

— Вам придется взять на себя и то, и это. Положение трудное, но выгодное. На целую фирму вы будете единственным спецом.

— Не знаю, смогу ли, — Кирилл счел нужным выказать долю сомнения. — Ведь для меня это абсолютно новая область.

— Не только для вас, между прочим. Для всей геологической науки.

— Тем хуже для меня.

— Я не шучу, — улыбнулась Лебедева, показав симпатичные ямочки. — А геологии вы не бойтесь. Единственно, что вам следует по-настоящему знать, это куда пойдет ваша физхимия, на что она нацелена, на какие вопросы призвана ответить.

— Прикладная физхимия. — Кирилл сделал глубокомысленное лицо. — У нас в институте я с этим смирился.

— Прикладная? — Она вслушалась в звучание. — Смотря как взглянуть. Вы будете заниматься чистыми системами, притом на самом высоком научном уровне. Есть лишь одно непременное условие. Параметры исследуемых систем вам будет задавать природа. Фазовый состав, температура, давление — все, как в недрах земли.

— Увлекательная задача.

— А я вам что говорю?

— Но если для понимания термодинамики процесса потребуется выйти за рамки?

— Ради Бога! Вы над собой полный хозяин... Кстати, эти рамки не столь узки, как вам могло показаться.

— В самом деле?

— Естественно. — Анастасия Михайловна развела руками. — От вечной мерзлоты до кратера вулкана. Меня бы на вашем месте волновало другое: как угнаться за безграничным разнообразием природы?

— Какие предельные значения параметров? Я имею в виду существование нефти и газа.

— Ну, скажем, тысяча атмосфер. — Лебедева на мгновение задумалась. — Триста, а то и четыреста градусов Цельсия. Возможно, конечно, что скопления углеводородов есть и на больших глубинах. Очевидно, мы получим ответ на этот вопрос в ближайшие годы... Про сверхглубокие скважины слышали?

— Где-то на Севере, кажется?

— Не только. Игнатий Сергеевич тоже приложил свою руку к глубинному бурению.

— Температура — не проблемы, — сказал Кирилл. — Давление тоже легко воспроизвести.

— Легко?! — встрепенулась Лебедева. — Да вы хоть представляете себе, что такое вода в критических условиях? Она растворяет даже платину! Впрочем, вы знаете, если работали с водой.

— Простите, — смутился Кирилл. — Я думал о нефти и упустил из виду воду. Триста семьдесят четыре градуса действительно трудный рубеж.

— В воде вся штука! — Лебедева успокоительно улыбнулась. — Игнатий Сергеевич полагает, что она-то и ответственна за образование нефтяных пластов. Просачиваясь вверх сквозь поры горных пород, растворы постепенно остывали, выделяя углеводородные фракции. Такова общая схема... Вам нравится?

— Надо осмыслить.

— Верно. Тем более что вам предстоит доказать ее, опираясь на мощь естественных наук.

— Или опровергнуть?

— Доказать, — твердо ответила Лебедева. — Схема железная.

— Вы так говорите, Анастасия Михайловна, словно все решено, и мне нужно приступать к работе.

— Это другой вопрос. — Лебедева задумчиво поиграла карандашом. — Но я предпочитаю сразу установить полную ясность. С проблемной стороны. Ведь остальное приложится.

— Не всегда. Градов, например, хотел забрать меня в аспирантуру, но не смог. Не приложилось. Вы уверены, что я вам подойду?

— Хороший вопрос, прямой... Решать в конечном счете будет Корват, но не думаю, что тут возникнут какие-то осложнения. Если, как вы понимаете, мы с вами договоримся... А вам не жаль бросать свою тему? — Она обратила на него пристальный взгляд.

— Жаль. Только я не брошу.

— Неужели? — Лебедева изумленно раскрыла глаза. — Станете работать на два фронта? Интересно, как вы себе это представляете?

— Так получилось, что я давно отошел от эксперимента и занимаюсь только теорией. Опыты большей частью проводит мой друг и соавтор. Надеюсь, мы по-прежнему сможем помогать друг другу.

— Но, Кирилл Ионович, вы ведь даже не кандидат! Две такие проблемы?.. Полагаете, это возможно?

— Вряд ли я сильно поумнею, защитив диссертацию. — Он попытался смягчить категоричность ответа шуткой. — Кстати, работа почти готова. Не бросать же ее?

— Еще бы! Нет, вам обязательно нужно защититься. Тут я вас полностью понимаю. — Она прижала руку к груди. —

Но потом, Кирилл Ионович? Потом? С шефом работать одно удовольствие. Он очень интересный человек! Вы даже сами не заметите, как с головой уйдете в работу. Чем-то придется пожертвовать.

— Я надеюсь на переходный период. Как только мы доведем процесс до завода, моя роль будет сыграна.

— Ну, вам виднее, — протянула она с сомнением. — Не знаю, как вы сможете.

— Смогу, Анастасия Михайловна! Пусть эта сторона вас не смущает. Смогу.

— Вы решились сменить профиль только потому, что Евгений Владимирович перевелся в Новосибирск? Меня правильно информировали?

— Правильно, — скрывая улыбку, кивнул Кирилл. — У нас вокруг его кресла уже началась такая драчка, что руки опускаются. Тему могут прикрыть совершенно запросто.

— Не госбюджетная?

— Хоздоговорная.

— Знакомая ситуация, — сочувственно откликнулась Лебедева. — В общем, все мне с вами ясно. — Она опять принялась вертеть карандаш. — Вы не станете возражать, если я переговорю с Евгением Владимировичем?

— Лучше не надо! — смутился Кирилл. — Шеф болезненно ревнив. Не хотелось бы осложнять отношения напоследок.

— Ну, вы сами понимаете, что без этого не обойдется, — равнодушно замкнувшись, объяснила она. — Так что, с вашего позволения, я Доровскому все-таки позвоню, а вы оставьте мне свой телефон. Договорились?

Кирилл скептически поежился и привстал, но Лебедева удержала его.

— Погодите. Мне нужна ваша консультация. — Она достала из ящика размеченный аэрофотоснимок. — Как вы думаете, что это такое?

— Понятия не имею, хотя сразу видно, что не по моей части.

— Ошибаетесь, Кирилл Ионович, по вашей. Не торопитесь открещиваться. Как писали в романах, нас свела судьба. Я поняла это, едва вы начали рассказывать о своей установке. Здесь, — она обвела остро отточенным грифелем светлую зону, — так называемые красноцветы, или хорошо вам знакомая окись железа. Темные участки сложены из пород, вмещающих окислы более низкой валентности. Чем можно объяснить столь резкое разделение?

— Природный процесс восстановления?

— Мне тоже так кажется. За счет чего, по вашему мнению?

— Неужели нефть?! — обрадовался Кирилл.

— Скорее газ.

— Не вижу принципиальных различий. Те же углеводороды, только более легкие.

— Вы бы не смогли дать мне на пару деньков ваши материалы? Анализы исходящих газов, феррокисного спектра, как вы красиво назвали, и термодинамические расчеты. Я попробую применить к нашему случаю. Вернее, посмотрю, насколько это окажется возможным. Работать ведь вам придется. — Лебедева сунула снимок под стекло. — Для памяти. Считайте, что получили первое задание.

— Понял... А образцы пород у вас есть?

— Скоро будут. Хотите взглянуть?

— Мы бы сделали анализ по нашей методике. Возможно, многое прояснится.

— Встречный план? — Анастасия Михайловна сделала пометку на перекидном календаре. — Буду иметь в виду. Вот вам и геология.

— Где находится это место?

— В Монголии, Кирилл Ионович, в безводной пустыне.

— Хоть бы одним глазком взглянуть.

— Нет ничего невозможного... Вам много придется ездить.

Кирилл вышел от Лебедевой со смешанным чувством радости и озабоченности. Предложенный вариант выглядел блестящим, но мысль о тяжелом объяснении с шефом навевала уныние. Несмотря на выстроенный в уме частокол неоспоримых логических доводов, не было абсолютной уверенности в собственной правоте. Попахивало если и не предательством — Доровский первым подал пример, — то не очень достойной спешкой, трусостью даже, если быть до конца честным. Возможно, он несколько поторопился, дав увлечь себя случайно выстроившемуся сцеплению событий.

Кирилл вызвал лифт и поднялся на девятый этаж, где должен был находиться кабинет Светланы. Смешно было на что-то надеяться, когда он отворял тяжелую с бронзовой ручкой дверь, но сердце взволнованно билось. Склонившаяся над шлифовальным кругом женщина в белом халате не обернулась на скрип, поглощенная делом. Страдая от ощущения, что совершает нечто запретное, Кирилл торопливо огляделся. Справа от входа стоял вытяжной шкаф с люминесцентным спектрофотометром, а возле окна широкий стол, над которым возвышались заставленные окаменелостями полки. По фотографиям, вставленным в зазоры раздвижных стекол, он сразу же понял, что это ее место. Сверкающие на черном глянце диатомеи завораживали неземным совершенством. Кирилл перевел взгляд на пустое, задвинутое под стол кресло. Здесь она сидела, приникнув к окулярам микроскопа, говорила по этому телефону, поливала из помутневшей колбы колючие кактусы на подоконнике. И она обязательно

вернется сюда, где даже вещи хранят невидимое ее отражение.

— Вам кого? — окликнула женщина, обратив на Кирилла отсутствующий и вроде как чем-то обиженный взор. Ее руки в резиновых перчатках были заляпаны шлифовальной суспензией.

— Простите? — вздрогнул он, застигнутый врасплох.

— Кого надо, спрашиваю?

— Светлану Андреевну, — вновь обмирая внутри, ответил он изменившимся голосом.

— В отъезде она, милый человек.

— Когда вернется, не скажете? — зачем-то спросил он и, не дожидаясь ответа, надавил тугую ручку.

— Да уж после Нового года, никак не раньше, — услышал уже из коридора.

— Спасибо, — догадался бросить скороговоркой. — Извините за беспокойство.

XXVI

Разъяренный Доровский приехал в институт только для того чтобы оформить командировку Марлена. Если раньше подобные мелочи решались телефонным звонком, то теперь, когда дни Евгения Владимировича в ИХТТ были исчислены, замдиректора потребовал написать докладную. Доровский безропотно покорился: клокотавшее в нем раздражение он вылил на ни в чем не повинного Малика.

— Почему дотянули до последнего момента? — фыркнул он, подписывая спешно отпечатанный текст. — О чем раньше думали?

— Вызов с завода только два дня как пришел. — Малик на всякий случай показал телеграмму. — Лично я готов выехать хоть сегодня.

— Готов, готов, — проворчал Евгений Владимирович. — Ведете себя, как дети. Нечего было сидеть сложа руки и ждать, пока вас покличут. Сами должны о себе напоминать! Мы о чем договаривались? Мы договаривались о том, что вы подготовите вместе с Ланским требуемый материал и тут же свяжетесь с директором комбината? Так или нет, я вас спрашиваю?

— Так, Евгений Владимирович.

— Подготовили?

— Подготовили.

— Когда, хотелось бы знать?

— Заранее, — не поднимая глаз, выдавил Ровнин.

— Кому вы пытаетесь втереть очки? Мне, который знает вас, как облупленных? Небось спохватились лишь тогда, когда

пришла телеграмма. Наляпали за ночь по вредной студенческой привычке и думаете, сойдет. Нет, голубчики! Чтоб через пять минут все лежало у меня на столе.

— Сейчас принесу, — встрепенулся Малик, не придавая большого значения брюзжанию шефа.

— Погодите, — нетерпеливым движением локтя удержал его Доровский. — Ланской здесь.

— С утра был, — заученно отреагировал Малик. — Найти?

— Уж окажите милость... К Лупкину-Пупкину ездили?

— Он Пулкин, Евгений Владимирович.

— Вы усматриваете существенную разницу? Я — нет. И что же он вам сказал, этот Пупкин? Да вы садитесь, Марлен Борисович, нечего топтаться у стола!

— Разговор получился довольно своеобразный, — принялся рассказывать Малик, беря стул. — Сначала он встретил меня в штыки...

— Кто, Пупкин? — уточнил Доровский, упрямо осклабясь.

— Он, Евгений Владимирович, он... Едва я назвался, как он сразу полез на стенку. «Ничего не боюсь! — орет. — Я здесь ко всему привык, и вам меня не сдвинуть!» Представляете?

— М-да, — хмыкнул Доровский. — А вы, конечно, кинулись в драку?

— Совсем напротив! Я...

— Ну, если не вы, то, значит, Ланской?

— Так его вообще там не было! — удивленно опешил Марлен. Определенно шеф настроился сегодня на агрессивный лад. Даже рта не дает раскрыть.

— И где же он изволил прохлаждаться? Разве я не говорил, чтобы вы съездили вместе.

— Говорили, Евгений Владимирович, но Кира был в тот день очень занят, и я решил...

— Догадываюсь, чем он занимался, но об этом позже, а пока продолжайте, Марлен Борисович, прошу.

— Короче говоря, он сразу расставил все точки над «i». Дескать, запугать его невозможно ни тюрьмой, ни высокими инстанциями, ни даже физической расправой.

— Он именно так и сказал? — Доровский улыбнулся, постепенно оттаивая.

— Даже хуже! Он употребил термин «рукоприкладство».

— Какая прелесть. А вы в ответ?

— Я робко попросил его обратиться к сути. Но товарищ Пулкин заявил, что ни на какие устные переговоры он не пойдет, а будет вести лишь официальную переписку. «Если вы не согласны с нашим решением, — изрек сей муж, — а вы не согласны, иначе бы не прибежали скандалить, направьте обоснованное возражение». Я пообещал так и сделать, но спросил,

что, по мнению товарища Пулкина... Пупкина то есть, нас ожидает в дальнейшем? Пупкин не скрыл, что переправит нашу цидулу товарищу Громкову, и все вернется на круги своя.

— Кто сказал «цидулу» — он или вы?

— Я сказал «цидулу».

— Впредь попрошу вас строже придерживаться лексических особенностей первоисточника. Ваша отсебятина у меня давно поперек горла стоит.

— Есть, Евгений Владимирович. — Малик засмеялся. — Будем придерживаться... На мой вопрос о смысле подобной затеи первоисточник с неподражаемой прямотой заявил, что ИМЕП — головное учреждение, а товарищ Громков — монополист в данной области, и он обязан прислушиваться только к его руководящему мнению.

— «Руководящее мнение» и «монополист» — это его или ваше?

— «Мнение» — мое, «монополист» — Пупкина.

— Спасибо за разъяснение. Дальше.

— Собственно, на этом мы с ним и расстались. О чем было еще говорить, Евгений Владимирович?

— Правильно сделали. Хвалю, Марлен Борисович, за проявленную выдержку... Пожалуй, даже лучше, что вы не взяли с собой Ланского. Он бы обязательно полез в драку. Или стал бы угрожать «рукоприкладством». — Доровский выдавил скупую улыбку. — А как насчет возражения? Написали?

— Уже отослано, Евгений Владимирович, я вам еще по телефону докладывал.

— Да, помню... Кто писал?

— Конечно, Кира!

— Удивляюсь, как он время нашел для подобной малости, — едко заметил Доровский, вновь помрачнев.

— Он с утра до ночи вкалывает, — обиделся за друга Марлен. — Мы столько сделали за этот месяц, а вы придираетесь к нам, Евгений Владимирович.

— Ну-ка зовите его сюда, — властно распорядился шеф. — А там поглядим, сколько и чего, — акцентировал он, — вы, голубчики, сделали.

Кирилл, на счастье, сидел в лаборатории, отбирая для Лебедевой оттиски и вторые экземпляры еще не отосланных в журналы статей.

— На ковер к шефу, — мотнул головой Малик. — Лют, привередлив. — И полез за рулоном заводских чертежей.

Евгений Владимирович с подчеркнутой вежливостью, но молча пожал Кириллу руку и предложил сесть.

— Что ж, устраивайтесь, ребята, давайте поговорим втроем, — начал он несколько загадочно, безуспешно пытаясь

пригладить торчащий на макушке седенький хохолок. — Как успехи?

— Пока все нормально, — откликнулся Кирилл, взглянув на сидевшего с отсутствующим видом Малика.

— Нормально, считаете? Так-так. — Доровский побарабанил пальцами по столу. — Мне говорили, Кирилл, что вы идете к Анастасии Михайловне? Это верно?

— Ничего еще не решено, Евгений Владимирович, — вздрогнув от неожиданности, пролепетал Кирилл и подумал: «Вот оно! И как скоро...»

— Ничего не решено. Отлично! Выходит, самое время сейчас решать. Со мной, например, учителем и, как почему-то думалось до сих пор, другом. С ближайшим, так сказать, однокашником и единомышленником... Вы знаете, Малик, что Кирилл Ионович намерены покинуть нас?

— Да, Евгений Владимирович, Кира мне говорил, — переживая за всех, отозвался Марлен и вытер вспотевший лоб.

— Значит, вам говорил? А мне, представьте себе, нет. Я почему-то должен узнавать подобные новости от совершенно посторонних людей... Давно вы знаете вашу работодательницу, Кира?

— Нет, — уронил Кирилл односложно. «Не хватает еще Володю сюда приплести», — угрюмо подумал он.

— Так почему вы все-таки не могли прийти ко мне и обо всем по-дружески переговорить? Разве я плохо к вам относился?

— Вы же на отдыхе.

— Но Марлен Борисович почему-то находит возможность меня навещать? Звонить по крайней мере.

— Извините, Евгений Владимирович, но я, право, не хотел вас преждевременно беспокоить. Ведь действительно еще ничего не решено.

— Однако я поставлен перед фактом, пусть пока не свершившимся.

— Сожалею, что так вышло.

— Я не думал, что вы столь легко сможете бросить дело, друга, разом оборвать нить доверия.

— Бросить? — вспыхнул Кирилл, потеряв терпение. — Я бы не стал на вашем месте прибегать к таким рискованным высказываниям, Евгений Владимирович! Я — то есть мы с Маликом ведь тоже оказались перед лицом факта, причем свершившегося, и весьма для нас неожиданно! Разве не так?

Малик испуганно привстал, готовый провалиться сквозь землю, только бы не видеть продолжения тягостной сцены.

— Кира, Евгений Владимирович, — взмолился он, но онемел, наткнувшись на яростный взгляд Кирилла.

Шеф сидел красный, всклокоченный, не глядя ни на кого.

— Неужели нельзя было подождать. — Он внезапно нарушил напряженную, угрожающе нависшую тишину. — У меня же были в отношении вас планы! — пожаловался тоскливо.

— А вы нам говорили о них? — спросил Кирилл тоже упавшим голосом. — И вообще говорили с нами?

— Я немного иначе смотрел на вещи, — объяснил Доровский, почти оправдываясь. — И боюсь, что допустил ошибку... Нам, конечно же, следовало объясниться с самого начала. Возможно, у меня и нет морального права судить вас, Кирилл, но почему вы так торопились? Вам что, мешали работать? Выкручивали руки?

— А то нет? Взять хоть ту же командировку! Мы же должны были ехать вместе, но Евгений Иванович уперся, сказал, что поедет только кто-то один, и то в лучшем случае. И это еще при вас, Евгений Владимирович!

— Ладно, допустим. — Доровский сделал примирительный, почти дирижерский по плавности взмах. — Исправить, очевидно, уже ничего нельзя. Подумаем лучше, как будем жить дальше. Бог с ними пока, с личными претензиями. Тему никак нельзя бросить, ребята!

— И не бросим! — взбодрился Малик. — Мы с Кирой договорились: все остается по-прежнему.

— Даже если Кира уйдет? — быстро спросил Доровский, обретая обычную самоуверенность. — Не стройте воздушных замков.

— Я оговорил себе право продолжить работу, — возразил Кирилл.

— Между нами говоря, это не вызвало бурных восторгов, — заметил Евгений Владимирович с оттенком злорадства.

— Тем лучше. Останусь на своем месте.

— И все у нас пойдет по-прежнему, — благодушно заключил Малик.

— Если по-прежнему, то я пас, — решительно отрубил Кирилл. — Именно сейчас настал тот критический момент, когда дело можно еще сдвинуть с мертвой точки. Потом будет поздно. Извините, Евгений Владимирович, но в первую очередь это касается лично вас. Вам нужно вмешаться.

— Что вы предлагаете? — спросил Доровский, надменно приосанясь.

— Для начала три вещи. Первое — пробить заявку, второе — подстегнуть металлургический комбинат, третье — добиться, чтобы тема осталась за Маликом. Любой ценой!

— Ишь ты! Настоящий ультиматум.

— Не ультиматум, а суровые будни жизни, — повторил Кирилл услышанную на профсоюзном собрании фразу.

— Идет! — Евгений Владимирович решительно припечатал ладонь к столу. — Последнее я вам обещаю. Остальное — попробуем, хотя я далеко не всесилен, и вы это знаете.

— Для нас вы царь и Бог, — почти искренне сказал Малик.

— Но у меня тоже будет условие. — Доровский ожесточенно погрозил пальцем. — Уж если взялись за гуж, то тянуть до конца! Хоть костьми лягте. Меня не касается, к кому вы идете, Кирилл. Спрашивать буду как со своего сотрудника. Так же строго! Согласны?

— Если так же, — Кирилл двусмысленно улыбнулся, — согласен, Евгений Владимирович.

— И чтоб по первому свисту, как лист перед травой! Будете ездить ко мне в Академгородок. О командировках я позабочусь... Я бы забрал вас с собой, — вздохнул Доровский скорее облегченно, нежели разочарованно. — Так ведь не поедете, шпана московская.

— Я бы поехал! — мгновенно отозвался Малик. — На пару лет...

— Я, к сожалению, нет, — развел руками Кирилл.

— Так я и думал. — Доровский пренебрежительно зашмыгал носом. — Однако поживем — увидим. Итак, что у нас прежде всего на очереди?

— Пулкин, Евгений Владимирович, — льстиво подсказал Малик.

— Пупкин! — кивнул Доровский и полез в академический справочник. — Идите работайте, — отпустил небрежным мановением. — Мне звонить надо.

XXVII

Лебедева позвонила Доровскому, которого хорошо знала по Менделеевскому обществу, на другой день после встречи с Кириллом Ланским. Разговор получился несколько странноватым. Сначала Евгений Владимирович взвился и закричал, что никогда не ожидал от Анастасии Михайловны подобного легкомыслия, потом разразился длинной тирадой насчет разумности специализации, возможностей человеческого мозга и даже верхоглядства. С кем именно сопрягалось последнее качество, она так и не поняла. Доровский сильно сомневался в способностях Ланского освоиться с совершенно новой областью. Он говорил настолько страстно и убедительно, что Анастасия Михайловна на какое-то мгновение заколебалась. Лишь свежее впечатление от краткой беседы по поводу красноцветов, когда Ланской обнаружил покоряющее умение попадать в точку, помогло ей устоять. Внимательно выслушав Евгения Владимировича, она рассыпалась в благодарностях, туманно заметив, что подумает, посоветуется с начальством и так далее. А под самый конец, что едва ли было достаточно деликатно в создавшейся ситуации, напрямик спросила о личных качествах Кирилла.

— Что он за человек? — переспросил Евгений Владимирович и, словно преодолевая огромное внутреннее сопротивление, проворчал: — Ничего плохого сообщить не могу.

Лебедева передала содержание разговора Корвату.

— И что вас смущает, Анастасия Михайловна? — осведомился Игнатий Сергеевич, сняв очки и разглаживая переносицу. — В чем проблема?

— Ревнует старик, кипятится...

— По-моему, это его сугубо личное дело. Нет?

— Но вы же должны знать всю подноготную?

— На кой мне она, Тасечка? Отвечайте прямо: парень вам нравится?

— Пожалуй, — помедлив, ответила Лебедева, как бы прислушиваясь к себе.

— Как специалист он нас устраивает?

— Безусловно.

— Тогда берите его и не морочьте мне голову. Нечего резину тянуть. Рассусоливать нам с вами некогда.

— Но вы отдаете себе отчет в том, что понадобится не меньше года, прежде чем он полностью войдет в курс дела?

— Полностью он не войдет никогда. Для этого нужно быть геологом, Тася. Но если паренек действительно таков, как вы говорите, то я уверен, что уже через три месяца мы начнем получать навар. Смелее запускайте вашего зверя на девственные поля. Пусть шурует! Нужен свежий взгляд со стороны, иначе мы так и будем буксовать на одном месте.

— Вы бы хоть взглянули на него, Игнатий Сергеевич! — мягко упрекнула Лебедева.

Она знала, как умел загораться Корват и гнуть свое с упорством маньяка, оставаясь глухим к предостережениям и разумным советам. Здесь, кажется, был именно тот случай.

— И взгляну, Анастасия Михайловна, почему нет? Давайте его сюда!

— Вы что, всерьез полагаете, что он сидит у вас за дверью? — изумилась Лебедева.

— Тогда вызовите!

В своем наивном нетерпении шеф вновь напомнил ей капризного малыша, которому если втемяшится что-то в башку, то, как говорится, вынь да положь. Иначе покоя не будет. Сколько раз и как больно расплачивался он, да и не он один, за свою обезоруживающую, такую доверчивую торопливость. Собирая молодых увлеченных единомышленников в единый кулак, он, конечно, достиг цели и создал уникальный коллектив. Но какой ценой! Метод проб и ошибок обошелся ему в два инфаркта, которых, по мнению близких, вполне можно было избежать. Но разве от себя убережешься? Корват разочаровывался в обманувших его доверие людях столь же скоро-

палительно, как и влюблялся. Исторгнув кого-то из сердца и разом потеряв всяческий интерес, он продолжал мучиться долго не заживающей обидой, ел себя поедом. Угнетенное состояние иногда длилось неделями. Врачи предупреждали, что однажды это может закончиться трагически.

Вполне понятно, что Лебедева всеми силами старалась уберечь его от ненужной горечи, а себя — от добавочных хлопот. Отсюда и проистекала внезапно сковавшая ее настороженность. В словах Доровского «не могу сообщить ничего плохого» настойчиво мерещился какой-то подозрительный подтекст. Невольно хотелось спросить: «А хорошего?» Она с трудом удержалась от желания позвонить еще раз. Удержало опасение, что Евгений Владимирович окончательно с ней рассорится. Ради лишнего успокоения переговорила с Орловым, хоть и считала его несколько легковесным. «Не анонимщик, надеюсь? — спросила вроде бы в шутку, напустив словесного тумана. — Как вообще в смысле порядочности?» Володя лишь рассмеялся в ответ, и это, как ни странно, убедило ее пуще всяких слов.

Она протянула, сколько могла, попробовала навести другие справки, но, не узнав ничего существенного, положилась на собственную интуицию и позвонила Ланскому.

— Вы не раздумали идти к нам?

— Ни в коей мере. — Он откровенно обрадовался. — А вы?

— Я? — Анастасия Михайловна разыграла удивление. — Разве была причина?

— Мне сказали, что я чуть ли не напугал вас.

— Значит, у вас уже был разговор с Евгением Владимировичем? — Она поняла его с полуслова. — И как он отнесся?

— Как я и предполагал. Очень рассердился.

— Мне тоже досталось. — Она успокоительно засмеялась. — Немножко болезненная операция, но через это надо было пройти. Как вы смотрите?

— Теперь, как и вы, хоть до сих пор на душе кошки скребут.

— Вот ерунда! — Она попыталась вызвать его на откровенность. — Немедленно сознавайтесь, что вас терзает? Ишь какой мнительный!

— Если рассуждать логически — ничего, но какой-то осадок все же остается... Между прочим, Анастасия Михайловна, шеф взял с меня слово, что я не оставлю тему.

— Он очень сомневался, что вы потянете двойной воз.

— Знаю, но мы убедили его. Я справлюсь, вы сами увидите.

— Значит, у нас зеленый свет? — окончательно решилась Лебедева. — Тогда не будем терять времени. Приезжайте завтра.

— Как, уже? — словно бы испугался он, но быстро взял себя в руки. — Спасибо, Анастасия Михайловна, приеду.

На следующее утро она представила нового сотрудника шефу. Корват, по обыкновению, куда-то торопился, и обстоятельного разговора не получилось. Постольку поскольку Ланской не поколебал своим видом и манерой держаться уже составившегося о нем мнения, Игнатий Сергеевич ограничился общими рассуждениями. Обрисовав стоящую перед Кириллом проблему, он сделал упор на капиллярные явления, существенно меняющие состояние вещества.

— Какой у вас язык? — внезапно спросил Игнатий Сергеевич без всякого перехода.

— В основном английский, но читаю и по-французски.

— Это хорошо, потому что почти вся литература на английском, — обрадовался Корват. — Ну, в добрый час! Желаю всяческих успехов. В случае каких-либо трудностей без всякого стеснения обращайтесь прямо ко мне или к Анастасии Михайловне. Договорились? А я буду с интересом следить за вашей деятельностью. Смелей открывайте новое, не оглядываясь на авторитеты, и учите нас.

На том и кончилось официальное представление. Дальнейшее совершилось с поразившей Кирилла скоропалительностью.

Когда Лебедева, оставив его в лаборатории, вернулась в кабинет заведующего кафедрой, Корват вызвал секретаршу и продиктовал ей письмо на свое имя.

— В левом углу будут три фамилии, — предупредил он, расхаживая по комнате. — Доцент МГУ Лебедева А. М., старший научный сотрудник НИИзарубежгеологии Северьянов Д. В., старший научный сотрудник Постор Л. А.

— Готово, Игнатий Сергеевич. — Девушка печатала с суперфонической быстротой.

— В целях изучения состояния вещества в субкапиллярах и ультрапорах нефтегазоносных недр просим зачислить на должность младшего научного сотрудника тов. Ланского К. И., прикомандировав его к физико-химической лаборатории кафедры горючих ископаемых МГУ... Все три подписи. Сегодняшнее число.

— Хотите оформить по НИИ? — спросила Анастасия Михайловна, все еще не зная конечных намерений шефа.

— Временно. Как только возникнет подходящая единица, заберу его на кафедру.

— Но тогда нужно предупредить человека?

— Ему-то какая разница? — беспечно отмахнулся Корват. — И так и этак, все равно будет работать у вас... Завизируйте, Анастасия Михайловна.

Получив ее подпись, Корват начеркал наискось: «О. К. — оформить».

— Катюша, — наклонился он над секретаршей, — срочно свезите в институт. Пусть они тоже подпишут. Узнайте только, где сейчас Дмитрий Васильевич. Если у себя, то заверните к нему на Калининский. Возьмете мою машину.

— С чего начнем? — спросила Лебедева, взяв для Кирилла копию. — Пусть в литературу вгрызается?

— Решайте вы. Я не вхож в частности. Главное — не забывать о стратегической задаче. Красноцветы при всей их важности — лишь тактический эпизод. Вы давайте мне физхимию литосферы, Тася. Конъюнктура конъюнктурой, но самые благодатные результаты приносит раскрытие неизвестных закономерностей природы. В этом и заключается назначение науки. Физики, химии, геологи — мы изучаем один объект: природу. Именно поэтому иногда так удивительно органично смыкаются наши пути... Пусть читает день и ночь, — распорядился Игнатий Сергеевич, спускаясь на землю. — Но и красноцветы разрабатывать надо, раз так удачно состыковалось. Как ваше мнение?

— Мне тоже так представлялось, — просияла Лебедева. Искусно подсказанное ею решение шеф, как обычно, принял за свое...

— Поздравляю. — Она протянула Кириллу руку. — Когда намереваетесь приступить?

— Так быстро?! — вновь взволновался он, пробежав глазами машинописные строчки, где так весомо была подана уготованная ему роль. — Я, честно говоря, надеялся на небольшой переходный период.

— Очень нужно? — сочувственно улыбнулась Лебедева. — На мою ответственность даю вам время до понедельника. Не потому, что такая сумасшедшая запарка. Не бойтесь. Шеф у нас, Кирилл Ионович, особенный. Я совершенно уверена, что уже завтра Игнатий Сергеевич начнет справляться о вас. Пока он малость не поостынет, вам лучше держаться в пределах досягаемости. Вы, надеюсь, поняли?

— Понял, Анастасия Михайловна. Большое спасибо за науку.

— А в понедельник у нас семинар. Весьма ответственное, скажу вам, мероприятие. На него собираются не только сотрудники кафедры, но и занятный народ из корватовского института. Словом, костяк науки — младшие научные, работающие над собственной темой. Ваше присутствие, как принято говорить, обязательно. Поэтому не затягивайте с оформлением и живо включайтесь в нашу суматошную жизнь. Она не так плоха, смею уверить.

— У меня и сомнений не было.

Кирилл покинул университет в состоянии полнейшей растерянности. Даже не мог по-настоящему радоваться, подхваченный спешкой, смешавшей его затаенные планы.

Присев на красный гранит бассейна и подставив разгоряченное волнением лицо под холодную пыль фонтанов, он попытался разложить по ячейкам навалившийся на него хаос.

Заявление, бегунок, трудовая книжка — много времени это не займет. Копия диплома у него есть, фотографии, кажется, тоже. Учетный листок можно взять у себя в фирме и отвезти уже заполненным. Значит, если успеть выполнить за сегодня-завтра необходимые формальности и купить билет, он сможет вылететь уже а четверг. Не беда, что сразу же придется лететь обратно. Хоть бы взглянуть разок перед долгой ее дорогой!

Поняв, что между опускающимся молотом и наковальней еще сохранился ничтожный просвет, Кирилл приободрился и кинулся на поиски такси. Благо роскошный Дали благополучно уплыл куда-то под прилавок и можно было не думать о деньгах, покупая минуты.

В четверг он уже сидел в кресле автобуса, везущего в Домодедово. Глядя на мелькающие стволы начинавших желтеть березок, вспоминал, отходя сердцем, коловращение событий и лиц. В отделе кадров, который помещался почему-то в подвале жилого дома — институт с громким названием пока ютился по разным углам, — его поразил, например, низкорослый седой человек с орденскими планками во всю грудь. Прозаически копаясь в сугубо штатских документах Кирилла, он попросил его написать личное заявление о приеме на работу, заметив при этом, что Игнатию Сергеевичу с высоты его орлиного полета не до мелких формальностей, а им, людям подчиненным, пределы поставлены. За исключением этой незначительной заминки, отсрочившей приказ о зачислении на двадцать четыре часа, переход прошел на удивление гладко. Северьянов и особенно Лариса Антоновна Постор оказались милейшими людьми, а родной академический ИХТТ не проявил, расставаясь с отлетающим птенцом, душераздирающей печали.

Плакала одна Томка-Рыба, и то украдкой, когда в шашлычной у Покровских ворот начали мигать светом, поторапливая подгулявших гостей. Отходная, которую Кирилл устроил для самого узкого круга, получилась какой-то невеселой. Пили, как водится, за успехи на новом месте, за дружбу, которая не ржавеет, и за все хорошее. Но без обычного энтузиазма и теплоты. Подгоревший шашлык был слегка пересолен и жестковат, в водке недоставало кондиционной крепости. Лишь вино «Аджалеши» оказалось на высоте.

Мешавший все со всем, да еще запивавший пивом Бошарин раздухарился и лез целоваться. «Кира! — кричал он в

порыве восторга. — Марлен! Я вас обожаю, ребята. Вы из меня научного работника сделали, а я кто? Я с незаконченным средним образованием».

Это был единственный забавный эпизод.

Но насколько везло Кириллу в Москве, насколько неудачно начала складываться дорога. В аэропорту выяснилось, что рейс отсрочили на четыре часа. Слоняясь по буфетам и киоскам, он кое-как убил время, решая глупейший кроссворд в «Огоньке». Затем последовала новая отсрочка, пока вылет окончательно не перенесли на следующее утро. Ситуация обострялась до предела.

Кое-как вылетев на другой день, уже далеко после полудня, Кирилл неожиданно приземлился в Братске, в забитом отчаявшимися пассажирами аэропорту. На трассе бушевал жесточайший циклон. Не принимали Владивосток, Петропавловск, Хабаровск и даже Новосибирск. Но ему, совсем по Высоцкому, было «туда не надо». Проведя бессонную ночь в аэрофлотовской гостинице, небритый и злой, Кирилл сдал билет. По местному времени уже наступила суббота, а час вылета еще и не объявили. Две ночи сгорели в никотинном дыму. Даже дураку было ясно, что при самом благоприятном стечении обстоятельств в Москву раньше вторника, а то и среды не возвернуться.

Кирилл долго ломал себя. Но стыд предстать в глазах Корвата и Анастасии Михайловны последним ничтожеством возобладал. И удаленность сказалась во времени, перемноженном на быстроту перемен, и отмеренная скупость ее телеграфных строчек. Полностью исписав бланк горькими сетованиями на несчастливое стечение обстоятельств, он послал Светлане срочную и полетел домой. Навстречу осени, в неизвестность, к новым началам.

Спасибо еще, что принимала Москва.

XXVIII

«Борей» бросил якорь в трех милях от главного атолла Руанахива. По законам маленькой островной республики крупным судам запрещалось подходить ближе, чтобы не нанести вред коралловым колониям. Каждое утро с борта спускали быстроходный катер на воздушной подушке, который доставлял исследователей в лагуну. Защищенная от океанских волн прерывистым овалом небольших атоллов и островков, она напоминала волшебный оазис, затерянный среди необъятной пустыни. Даже в самый сильный тайфун здесь было на удивление тихо. У невидимого кольца рифов с пушечным грохотом разбивались длинные вздыбленные валы, вскипая неистово взлетающей пеной, а по изумрудной по-

верхности внутреннего озера лишь пробегала легкая зыбь. В середке окаймлявших его атолльчиков зеленели уже совсем крошечные лагуны, похожие на зацветающие пруды. В этой причудливой галактике, заброшенной в гидрокосмос Пасифика, были свои звездные скопления, своя структурная иерархия, построенная на ячейке коралла. Согретые дыханием жизни, они множились и умирали, атомы-мотыльки, превращаясь в песок, в перемолотую океанскими жерновами звездную пыль. И размыкались кольца атоллов, и одичалые волны врывались в расширяющиеся промоины. А в подводной голубизне ветвились новые рожки, надстраивались этажи, вырастали ярусы. Башни кораллов тянулись за светом. Отгораживаясь от бушующего напора, смыкались крепостные валы. Нигде жизнь и смерть не выступали в таком обнаженном и тесном единстве, как здесь, на цветущем атолле, окруженном хаосом небытия.

Ползая по раскаленной палубе, слегка затененной полощущимся на ветру тентом, Светлана Рунова рассматривала свежие колонки керна, извлеченного из океанского дна. Неровно разломанные и рассортированные по ящикам, они хранили тайну рождения и неизбежной гибели пальмового архипелага, взращенного морем на скелетах живых существ.

Лишь на семнадцатый день бур пробился сквозь многометровый чехол кораллового песчаника. В последних порциях керна отчетливо темнела пористая вулканическая порода. Кокосовый рай был вознесен над бездной содроганиями ада. Он родился в огненном выплеске, клубах пара, удушливом серном дыму.

Светлана отобрала несколько крупиц на пробу. Ей предстояло уточнить по смене диатомовых сообществ ключевые моменты геологической истории. Прежде чем спуститься в лабораторию, она раскрутила вентиль и встала под упругую струю забортной воды. Но краткий миг повеяло желанной прохладой, но, едва последние капли высохли, опять прихлынула удушливая жара.

Светлана почти оправилась от недомогания, которое все реже напоминало о себе наплывами изнурительной слабости и ночной перебегающей болью в плечевых суставах. Она исправно загорала на верхней палубе, плескалась в бассейне, часами бродила в тени кокосовых пальм, красиво выгнутых навстречу пассатам.

От Кирилла приходили радиограммы, которые он умудрялся разнообразить то неожиданной шуткой, то завуалированным, но понятным ей напоминанием о своем стоическом ожидании. Отвечать она не могла, потому что «Борей» находился во внутренних водах и радиорубка работала лишь на прием. Только он едва ли об этом догадывался. Запрятанное в словах ощущение тревоги отчетливее проступало день ото дня. Кирилл не давал

ей успокоиться, прийти в себя, трезво осмыслить пределы этой затягивающей взаимозависимости.

Невозможность хоть как-то успокоить его мешала Светлане забыться. Почти вопреки желанию она постоянно возвращалась к мыслям о нем, считала дни, оставшиеся до отплытия на Туамоту, когда радист начнет отстукивать накопившиеся вести. Она уговаривала себя, что нужно жить текущими впечатлениями, ни о чем не задумываться, не строить никаких планов. Существует только блистающее заманчивыми переливами сегодня, а остальное — воображение, беспокойный, съедающий краски жизни туман. Но сами собой закрадывались смутные ожидания, которые она гнала прочь, мстительно выискивая в себе и в нем несоединимые звенья.

«Не хочу, не могу, наконец не желаю», — некстати вспомнилась песня Вертинского и привязался мотив.

У себя в каюте Светлана, как была в купальнике, встала под душ. Вытравив соль, повесила его на иллюминатор сушиться. Критически оглядев белый халат, явно нуждавшийся в стирке, все же надела его и пошла в лабораторию.

У трапа, возле колонки с охлажденной газировкой, ей встретился Сережа Астахов.

— Вы очень сегодня заняты, Светлана Андреевна?

— Как обычно. А что?

— У меня к вам громадная просьба. Гончарук снова загоняет нас на «Пайсис» — не ладится система газообмена. Третий день бьемся. А как раз сегодня, сразу после обеда, отправляется катер на остров Гуато. Я давно мечтал там покопаться. Не сможете поехать вместо меня?

— С превеликим удовольствием! Мне это бурение вот где. — Она чиркнула ребром ладони по горлу. — Вы только предупредите Германа Кондратьевича. Ладно?

— Спасибо, Светлана Андреевна, — просиял Сергей. — Век не забуду!

— Сочтемся, Сережа. Кто еще едет.

— Вся группа ихтиологов и Валера Бурмин. Мы собирались работать в паре.

— Тем лучше. Давно хотела посмотреть, что делают токсикологи.

На море был полный штиль, и катер с парой воздушных винтов на корме едва покачивался возле самого трапа. Акваланги и гидрокостюмы лежали в ящиках под сиденьями, баки были заполнены бензином и пресной водой. До темноты, которая наступает в здешних широтах ровно в семь, оставалось достаточно светлого времени.

Взвыли моторы, «ховеркрафт» затрясло, он несколько раз подскочил, плеснув резиной, а заскользил, не касаясь воды. Тугой воздух, лаская струйками, приятно ударил в измученные солнцем глаза.

Пастельные тени на безоблачном горизонте сгустились и обрели цвет, превратившись в веселые островки с взъерошенными пучками зелени. Стремительно приближалась отмеченная пенной каймой полоса.

Катер перескочил через рифы, не сбавляя скорости. Вода вокруг из индиговой неожиданно стала молочно-голубоватой, потом нежно-салатной, пропитанной безмятежным светом. Морщинистый след от воздушных потоков прошел по ней, как по ледяному катку, взвихряясь и опадая жемчужным туманом. Пальмовые возвышенности придвинулись, набежали со всех сторон, заполнив ставшую тесной лагуну. Узкие проходы открывались в самый последний момент, когда казалось, что сотрясаемое бешеным вращением лопастей суденышко врежется в перистую чащу.

Его полет напоминал головокружительный слалом или сплав по горной реке. Безумные повороты сменялись лихими прыжками через песчаные отмели, когда катер подскакивал, как резиновый мяч, и плюхался в воду, взметая брызги и белую крупку провеянного ветрами коралла. Солнечные вспышки, трепет радуг, колючий ветер и вой винтов.

Светлана опомнилась только на берегу, куда их вынесло из-за скалы с маячком и мягко бросило в ракушечную шелуху. Освоившись с тишиной, она услышала, как шуршит песок, кишащий раками-отшельниками.

— Вот это да! — только и могла произнести, переводя дух.

— И какой же русский не любит быстрой езды! — блеснув белозубой улыбкой, подмигнул ей моторист. — В нашем распоряжении четыре часа, товарищ наука.

С великолепием коралловых чащ свыкнуться было никак невозможно. Они вновь поразили Светлану чрезмерным излишеством и подавляющей психику вычурностью. Природа упивалась гениальной щедростью. Она сочетала и пробовала немыслимые цвета, изобретала, бросая на полпути, невероятные формы. В этом пространстве, не знающем тяжести, ей удалось вылепить живые модели, перед которыми самый дерзкий выверт абстракции или сюрреализма выглядел жалкой потугой школяра. От них веяло разнузданным воображением свихнувшегося экспериментатора, бестрепетным холодком убийцы, не ведающего ни зла, ни добра.

В заливе Петра Великого она не ощущала ничего подобного. Пусть рядом с коралловым рифом Японское море выглядело бедным родственником, как до него казалось совершенно нищим Балтийское побережье, но там пловец чувствовал себя покорителем, а не жалким пигмеем, трепещущим перед непостижимым могуществом чуждых идолов. Возможно, под влиянием пережитого Светлана и сделалась чересчур мнительной, но чувство, которое она испытывала,

ничего общего не имело с естественной настороженностью против реальной опасности.

Она знала, чем грозит прикосновение к бледно-желтым щупальцам анемона с малиновым пятном в середине, где невредимо шныряли желто-полосатые рыбки-чистильщики, помнила про оранжевых слизняков и даже отдернула руку от набитой зубами мурены, бурой лентой взметнувшейся из какой-то дыры. Если она и вздрогнула в этот момент, то сразу же успокоилась, поняв, с кем имеет дело. Вот исполинская раковина — тридакна, сплошь заросшая мшанками, желудями и потому едва отличимая от скалы. Стоит сунуть в ее змеящуюся расселину руку, ногу, как молниеносно сомкнутся каменные створки, поймав человека в смертельный капкан. Но разве ее боялась Светлана? Она помнила, где расположены запирающие мускулы, и могла в любую минуту выхватить укрепленный под коленом нож, чтобы их перерезать. Нет, ее потрясенное воображение никак не укладывалось в разумную настороженность, в охранный инстинкт человека, попавшего в неведомый мир, где за каждым неподвижным кустом, за каждой ажурной порослью мерещится ядовитый хищник. Не было в этом почти суеверном чувстве и благоговейного преклонения перед совершенным многообразием мира, столь свойственного человеческому сердцу. Природа, хоть это и лишено всякого смысла, представляется нам доброй. Она находит глубокий отклик в душе и, по крайней мере так кажется, отвечает ей тем же. Но в том-то и суть, что от подводного сверхсовершенства не веяло ни сочувствием, ни благодатью. Оно не могло утешить в печали.

Сверху Светлану страховал Бурмин, набравший полную сетку моллюсков и иглокожих. Под ней забавлялись ихтиологи, приманивая кусками мяса жадных морских рыб.

Но невнятное ощущение одиночества не покидало. Как в неведомом храме, где творится непостижимое действо, и возникают фантастические химеры, и причудливые курильницы источают многоцветные испарения среди бесчисленных звероподобных колонн, и не дано знать, кто ты: жрица или жертва, принесенная на алтарь.

Легкий акваланг и тонкая резиновая оболочка не стесняли движений. Светлана вскоре освоилась, и подсознательные импульсы погасило жадное любопытство исследователя. В коралловых лесах паслись необыкновенные рыбы. Желтые, зеленые, огненно-красные попугаи выклевывали каких-то рачков. Радужные губаны перемалывали могучими челюстями каменные соты, выплевывая крошки и муть через щели жаберных крышек.

Многих обитателей рифа Светлана вообще видела впервые. Например, эту изящную голубую рыбку с желтой полоской по диагонали или этого веслоногого рака в длинных лохмотьях.

Башенные колонии перемежались ветвистыми, как оленьи рога, переплетениями и фиолетовыми кустиками горгонов. Кружевное «венерино опахало» прикрывало известковые канделябры трубчатых червей, которые то прятали, то снова высовывали свои дразнящие перья. Лимонные «бабочки», малиновые рыбы-солдаты кружились над пестрым танцующим хаосом, где каждый клочок пространства был захвачен самоутверждением жизни.

Нащупав ластами дно, Светлана принялась за пробы. Скупыми отточенными движениями счищала ланцетом накипь с моллюсков и звезд, скребла кораллы, стараясь не касаться рукой, даже попробовала потрогать невообразимо громадного каменного окуня, тупо разевавшего пасть, где можно было спрятаться, как в люке.

Светлана пожалела, что Кирилл не может видеть такого буйного, захваченного единым ритмом великолепия. Заполнив последнюю пробирку и упрятав ее в привязанный к свинцовому поясу резиновый чехол, она легонько взмахнула ластами. Дно под ней медленно опускалось в мутную синеву, переходившую в непроглядную черноту вечной ночи. Стаи серебристых коранксов словно стерегли крайнюю границу круто обрывающегося шельфа. Без устали кружившие вокруг рифа рыбы точно страшились пересечь невидимый рубеж, за которым уже явственно ощущалось дыхание океана. Как она понимала и этот их страх перед мраком неведомого, и притягательный зов глубины!

Безупречно выполнив разворот, она поспешила назад, под спасительное прикрытие коралловых бастионов, где кипела, упиваясь коротким праздником, жизнь, ставшая вдруг такой понятной и близкой.

— Как улов? — спросила Светлана у Бурмина, освобождаясь под сенью пандануса от резиновых доспехов.

— За пять минут набрал полную сетку! Такое изобилие всего. Даже противно. А вы рисковая женщина. Я внимательно следил за вашими эволюциями. Высший пилотаж!

— Спасибо за комплимент, но я вела себя вполне смирно. Опять начнете терзать бедных морских зверушек? Вываривать, экстрагировать, перегонять в колбах.

— Что поделать? Приходится. Создалась парадоксальная ситуация. Даже люди, тесно связанные с океаном, не подозревают, насколько мощными резервами обладают его обитатели. Токсины моллюсков и рыб в тысячи, в сотни тысяч раз превосходят яд самых опасных змей. Впрочем, кому я рассказываю? Я видел, как вы работали с конусом. Виртуозно, ничего не скажешь. Меня, честно говоря, трепет охватывает, когда берешься за эту тварь. Но ведь надо!

— Вы знаете про последние американские работы?

— Естественно. И ничуть не удивляюсь. Язык моря это, по сути, язык токсинов. Самое время разворошить этот муравейник.

— Но-но! — Светлана предостерегающе подняла руку. — Только не за счет кораллов. Ломать живые кораллы — это в полном смысле слова перепиливать сук, на котором сидишь. Здесь ведь тоже люди живут.

— Кораллы можно выращивать на искусственных островах. — Бурмин ловко схватил шуршавшую в сухих листьях ящерицу. — Ишь ощерилась! Как маленький крокодил! — Он отпустил пленницу, которая тут же пропала в переплетении корней. — Странная фауна, однако. Только крысы да ящерицы. Даже птиц нет.

— Далеко, — невольно вздохнула Светлана, щурясь на бьющее сквозь пальмовые верхушки сияние. — На многие тысячи миль никакой земли. Куда нас с вами занесло, Валерий Иванович?

— Но зато интересно. Я, например, первый раз на необитаемом острове. А вы?

— Я тоже. Но нам не быть робинзонами. Без воды долго не протянешь.

— При желании можно найти и воду. Где-то ж должна она собираться? Муссонные ливни и все такое... На худой конец, я готов пить кокосовое молоко. Вон их сколько, пальм! Где пальмы, там и вода. Я бы не прочь пожить хоть несколько дней в эдакой первобытности. Построим шалаш из той же пальмы...

— Они сами выросли, как думаете?

— Наверняка! Пригнало течением один орех, другой, а там пошло. Подробно описанный процесс.

— А мне все-таки кажется, что их посадили островитяне. Слишком правильными рядами растут. Наверняка эта прелестная роща кому-то принадлежит.

— Надеюсь, это не помешает нам полакомиться орехами?

— Ну, коли вы умеете лазать по пальмам... — Она не договорила, изобразив легкое сомнение.

— К сожалению, не умею... А что, если как следует потрясти?

— Это пальмовый ствол-то!

— Да, пожалуй, не получится, — с сожалением согласился Бурмин.

— И хорошо, что не получится.

— Почему? — удивился он.

— Орех может случайно свалиться на голову. Он, конечно, останется целым, а вот голова...

— Жестокая вы женщина, Светлана Андреевна!

— Я жестокая женщина, — сразу согласилась она, отбив всякую охоту к мечтаниям о первобытном рае. — Пальмовому

шалашу я предпочитаю квартиру на двух уровнях в кирпичном доме индивидуальной застройки. Расскажите лучше о ваших токсинах.

— Вас в самом деле интересует?

— Почему нет? Как-никак я тоже занимаюсь морскими животными. Лично вы что надеетесь получить?

— В последнее время я как-то охладел к токсинам. Многие ими занимаются, и, надо признать, куда успешнее меня. Думаю переключиться на медьсодержащую органику.

— Вы совершенно правы. Там, где переносчиком кислорода в крови служит не железо, а медь, могут таиться такие резервы, о которых мы даже не подозреваем. Желаю вам всяческого успеха, Валерий Иванович!.. Глядите, ихтиологи возвращаются. — Она небрежно качнула ногой в сторону моря, где на блестящей, как алюминиевый лист, поверхности обозначились черные точки. — Кончилось наше островное одиночество. Собирайте манатки, сердечный друг.

— Не знаю, как вам, а мне жаль, — проворчал Бурмин, срывая развешанные на побегах пандануса махровые полотенца.

— Полно, — Светлана бросила на него насмешливый взгляд. — Неужели вы не проголодались? А ведь у нас на ужин трубочки с заварным кремом! Грех пропустить... Замечательный день получился сегодня. Верно?

Она не ждала ответа. Ей и впрямь открылось нечто необыкновенно значительное, чего никак не удавалось выразить в простых словах: обескураживала банальность. Но радость, которую она испытала, когда спешила, изо всех сил работая ластами, к празднично освещенному рифу, осталась в теле. Так бывало в детстве в ночные дожди. За окном неистовствует непогода, бегут редкие прохожие, а ей тепло и надежно под родной крышей. И сырость залитых мостовых, как холодок того чернильного мрака за косяком взбудораженных рыб, била в ноздри незабываемым запахом пены из водосточных труб.

XXIX

Утром повалил мокрый липучий снег. Улицы, заполненные спешащей на службу толпой, потемнели и съежились. Слепое небо, черные тротуары, промозглый туман. Не успевшие облететь деревья торопливо сбрасывали последние листья. Покореженные, с невыгоревшей еще зеленцой, они прилипали к стеклу телефонных будок, вминались, скользя под ногами, в слякоть.

Малик ожидал Кирилла в скверике возле метро «Дзержинская». Невзирая на погоду, настроение было приподнятое. Эпопея с изобретением выходила на решающий круг.

Благополучно перебравшись в Академгородок, шеф развил бурную деятельность. Пошли авторитетные письма, заключения экспертов, какую-то важную бумагу направил даже председатель Сибирского отделения. Михаил Владимирович тоже поднажал со своей стороны. О новом направлении заговорили в высших сферах. Создававшаяся благоприятная конъюнктура, возможно, и не вылилась бы в конкретные формы, если бы не случай.

Тесть Малика, рядовой труженик автобазы, оказался в приятельских отношениях с начальником отдела Комитета во делам изобретений и открытий Соскуновым, которому и высказал за кружкой пива все, что он о его высоком учреждении думает. Пожалуй, именно эта встреча и оказала определяющее воздействие. Тертый калач Соскунов затребовал заявку и в порядке личной инициативы рассказал о ней помощнику председателя комитета.

Когда обо всем доложили самому председателю, человеку старой партийной закалки и глубокой порядочности, тот устроил разнос и, не пожелав никаких дополнительных отзывов, распорядился разобраться по существу дела на открытом обсуждении. Евгений Владимирович срочно прилетел в Москву и позвонил профессору из нефтяного института. Володя Орлов пообещал привести Герберова.

Сам Малик вновь отбыл на металлургический комбинат, где два конструктора заводского КБ трудились над рабочими чертежами стенда. Назад он вернулся с заключением генерального директора и выплавленным в специальной электропечи слитком. Сталь была сварена из железного порошка и кусков губки, накопленных в бесконечных опытах с кварцевой трубкой. Научная ценность сего наглядного пособия была равна нулю, но наученный горьким опытом Малик возлагал надежды на эмоциональное воздействие. Притом немалые. Слиток был зеркально отшлифован по косому срезу. К нему даже прилагалась рентгенограмма кристаллической решетки.

Только Ланской, увлеченно осваивавший новые земли, оставался пока в стороне. Ему надлежало появиться на авансцене в самый кульминационный момент. По зрелому размышлению, Доровский решил вывести на первый план молодежь, а самому остаться в качестве мощной поддерживающей силы. Само собой вышло, что докладывать будет Кира.

Он выскочил из арки метро за двадцать минут до начала. Прищурился на падающие хлопья, смахнул с ресниц и пошел к цветочному киоску, где с рулоном чертежей переминался с ноги на ногу Малик.

— Чего так долго, старик? — Ровнин нетерпеливо кинулся навстречу.

Кирилл молча показал на часы.
— Давай в темпе! Надо ж еще развеситься.
— Успеем, — успокоил Кирилл. — Все в норме?
— Пока не знаю наверное...
— От ИМЕПа кто ожидается?
— Громков, конечно. Кто же еще?
— А директор?
— Кто его знает.

Они скорым шагом завернули за угол в заставленный машинами переулок. Раздевшись в гардеробе, взбежали по высокой мраморной лестнице на второй этаж. В пустынном конференц-зале плавал синеватый сумрак. Малик размотал обернутые газетой листы, достал коробочку кнопок и молоточек от детского набора инструментов, чтобы побыстрее вколачивать.

Когда забили последнюю кнопку, Кирилл критическим оком окинул материал. Схема и фотографии установки, таблицы, графики, формулы термодинамических расчетов, спектры электронного парамагнитного резонанса. Вычерчено было образцово. Малик не поленился даже выполнить наиболее важные надписи цветной тушью.

— Впечатляет? — спросил он, самодовольно ухмыльнувшись.

— По-моему, да, — признал Кирилл.

Понемногу стали собираться приглашенные. Пришел пунктуальный Герберов в сопровождении свежеостепененного Володи, потом шеф с Зинченко и еще кто-то незнакомый, очевидно, от металлургов. С Громковым, который, оглядывая зал, на секунду остановился на пороге, Малик обменялся молчаливым рукопожатием. Кирилл ограничился сдержанным кивком.

Громков, наклонясь к Герберову, приветливо поздоровался и подсел к тому, неизвестному. Они тут же принялись перешептываться. Один за другим начали появляться работники комитета.

— А Пупкина нет, — нервно оглядываясь, шепнул Малик. — Не пригласили!

Соскунов и с ним еще двое, как стало потом известно, членов коллегии, возникли в дверях в последнюю минуту. Почтительно расступившись, они пропустили седого человека в строгом черном костюме. Кирилл догадался, что это и есть председатель.

— Все в сборе? — спросил он, возвысясь над столом президиума. — Заявители? Рецензенты?.. Значит, можно начинать? Начнем, товарищи. Мы решили собрать вас здесь, у нас, чтобы вместе по-деловому разобраться в создавшейся ситуации и привести к общему знаменателю весьма, должен отметить, противоречивые заключения. Думается, будет пра-

вильно, если мы вначале заслушаем заявителей. Нет возражений?.. Тогда, пожалуйста. Вы будете говорить, Евгений Владимирович?

— Зачем же? — Доровский сановито выпятил грудь. — Тут со мной непосредственные исполнители. Им, как говорится, и книги в руки. Люди высокоэрудированные, знают, а главное, помнят, в отличие от нас, стариков, каждую мелочь. Давайте, Кирилл Ионович!

— Пожалуйста, — пригласил председатель.

Кирилл взял указку.

— Существо изобретения изложено в его формуле, — начал он, преодолев волнение. — В отличие от всех известных способов прямого восстановления металлов мы предлагаем процесс, основанный на активном воздействии высоких молекулярных масс.

И покатилось как по-писаному. Он рассказал об установке, по таблицам и графикам спокойно объяснил полученные результаты. Дальше пошла чистая физхимия: свободные радикалы, гетерогенный катализ, парамагнитный резонанс. Все, как было задумано. Теоретическое обоснование процесса, сравнение его с существующими, экспериментальное доказательство. Выводы, наглядно представленные тушью, говорили сами за себя. На аппаратурном оформлении, единственно уязвимом месте изобретения, Кирилл предпочел не задерживаться. Лишь вскользь упомянул о строящейся полупромышленной установке. Зато позволил себе надавить на эмоции.

— Не нужно быть химиком, — сказал он, скользнув указкой слева направо, — чтобы понять основное. Опровергнуть полученные результаты невозможно по той простой причине, что неопровержимы законы природы. Химическая реакция столь же очевидна, как вращение Земли вокруг Солнца, энергетические уровни атома, как, наконец, дважды два. Недаром существует такое школьное понятие, как уравнение реакции. Но, оказывается, то, что нельзя опровергнуть, можно попросту проигнорировать. Именно так и поступил присутствующий здесь товарищ Громков, разделавшись в трех строчках с большой, как вы видите, научной работой, выполненной в Институте химии твердого топлива под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР Доровского.

Выговорив заранее продуманное, Кирилл тем не менее опять разволновался. Сомкнув задрожавшие губы, он отошел в сторону, многозначительно поигрывая слитком, о котором даже не упомянул. «Сами небось разберутся, — подумал с веселой дерзостью, — не дети».

— Какие будут вопросы к докладчику? — спросил председатель.

— Разрешите? — поднялся сидевший рядом с Громковым, когда стало ясно, что вопросов не будет. — Вот вы тут говорили о свободных радикалах! Это что, ваше теоретическое предположение или установленный факт?

— Факт, — подтвердил Кирилл, обведя указкой парамагнитные спектры. — Причем общеизвестный. В ячейках кристаллической решетки органические соединения расщепляются с образованием короткоживущих и очень активных частиц с неспаренными электронами. На рисунке зафиксировано их появление в ходе эксперимента.

— Еще вопросы?.. Кто желает выступить, товарищи? Может быть, рецензенты?

С видимой неохотой поднялся Громков.

— Мы в нашем отзыве, собственно, не отрицаем полученных результатов, тем более теории. Так что ни с чем и ни с кем мы, товарищи, не «разделывались». Некорректное выражение, смею заметить, в научной дискуссии. Но химия есть химия, особенно чисто лабораторная, а металлургия... — Он не нашел подходящего слова. — Это уже наша непосредственная епархия. Мы судили с позиций металлургической науки и практики. В таком аспекте предложенный способ представляется сомнительным, в заводских условиях он не пойдет. И вообще в нем нет надобности.

— Почему не пойдет? — спросил председатель. — Обоснуйте, пожалуйста, ваше заключение.

— Так ведь сразу видно, — дернулся Громков и пошел на свое место.

— Не может быть, потому что не может быть никогда, — отчетливо произнес кто-то в зале, осмелев после замечания председателя.

— Какие еще имеются суждения?

Слово попросил профессор Зинченко.

— В металлургии я не разбираюсь. Скажу прямо. Моя специальность нефтехимия. И здесь у меня нет сомнений в достоинствах представленного исследования. Оно выполнено на высоком теоретическом и экспериментальном уровне и делает честь нашей советской науке. Авторам удалось соединить в едином процессе химическое расщепление топлива с восстановлением металлов из руд. Уже это одно делает их работу уникальной. Приоритетный характер ее несомненен. У меня все!

— Спасибо, — поблагодарил председатель. — Позвольте и мне вопросик к заявителям. Почему у вас сформулировано в такой общей форме: металлы, окислы, топливо? Вы считаете, что можно восстанавливать не только железо?

— Любые металлы. В рамках химизма предложенного процесса, — осторожно заметил Доровский. — И любыми видами топлива, — закончил категорически, — нефтью, углем,

торфом, горючими сланцами. Общая формулировка, таким образом, является следствием универсального характера пиролиза органических соединений.

— Такой патент широко пойдет за рубежом, — достаточно громко заметил один из членов коллегии.

— Хотелось бы узнать мнение академика Герберова, — одобрительно кивнул председатель.

— По-моему, и так ясно, — взяв вместо указки молоток, Герберов прошелся по графикам, пустившись в дотошные объяснения механизма реакций.

Он рассказывал, как рвутся химические связи, рисовал в воздухе электронные конфигурации, приседал, изображая энергетические ямы. Представление, несомненно, доставило присутствующим удовольствие, хотя мало кто разобрался в столь сложных материях. «Долины Ленарда-Джонса» и «пиэлектроны моноядерных аренов» явно превышали уровень понимания. Но в главном академик был, без сомнения, прав. Никто из собравшихся, включая Громкова, не сомневался уже в конечном решении комитета.

Неожиданным для Кирилла и Малика оказалось заключительное слово шефа. Сначала он, как положено, благодарил и кланялся, отметив как положительный фактор даже импотентскую потугу Громкова, — дескать, заставило задуматься, подойти с возросшей ответственностью и т. д., — а потом вообще завернул не в ту степь.

— Чтобы понять, почему наука в наши дни стала самостоятельной производительной силой, мы должны вглядеться в облик современного ученого, — ни с того ни с сего провозгласил Евгений Владимирович, патетически воздев руку. — Возьмите моих учеников. — Он улыбнулся обоим. — Один из них тонкий знаток средневековой поэзии, читает в подлиннике провансальских трубадуров, вагантов и как их там еще, другой — превосходно играет на скрипке. Но за последний год я не видел в руках у них ни поэтического томика, ни смычка. Почему, хотите знать? Я отвечу. В их жизнь вошла проблема с большой буквы и полностью подчинила себе. Всецело! Семья, личные неурядицы, хобби, досуг — все побоку. Вне проблемы ученого не существует как оригинально мыслящей личности. Разберитесь в сути головоломных вопросов, которые днем и ночью одолевают исследователя, и лишь тогда вы поймете, что он за человек. Мои ученики — прекрасные люди, талантливые, стойкие, трудолюбивые. Я рад, что наши судьбы объединила проблема столь крупного масштаба. Но мне приятно и другое. Благодаря усилиям работников комитета, щедрой помощи таких крупных ученых, как академик Герберов и профессор Зинченко, нам удалось разобраться во всех тонкостях. Мы поняли с вами проблему, товарищи, и, следовательно, ее

скромных подвижников. — Доровский неожиданно зааплодировал.

Его нерешительно поддержали.

Кирилл мучил вопрос: «Зачем?» Слушать шефа было занятно, хотя говорил он явно не по существу. Но разумного объяснения — для чего понадобилось устраивать театр — не находилось.

— Представленная работа, несомненно, опирается на крупномасштабное научное исследование, — поспешил выразить общее мнение председатель. — Особо хочется отметить вклад, который внесли теоретики. Видимо, мы не ошибемся, если поддержим заявку и посодействуем скорейшему внедрению нового оригинального метода. Других мнений нет?.. На том и порешим.

Затем начались поздравления. К Кириллу — Малик попрежнему держался в тени — подходили совершенно незнакомые люди, пожимали руку, произносили лестные слова.

Особенно обрадовал Герберов.

— Пора защищаться, молодой коллега! — уверенно заявил он. — Вполне готовая диссертация, причем выходящая за рамки обычной кандидатской.

— Нас двое, — напомнил Кирилл.

— Ничего не значит. Нужно только разумно разделить материал. Время одиночек в науке давно минуло. Если пожелаете, могу представить нашу работу в наш ученый совет.

Вывалившись всей ватагой на улицу — снег летел и летел, — обосновались в близлежащей шашлычной «Севан». Знакомый официант организовал столик на четверых. Малик с Бошариным, не боясь сквозняка, сели спиной к окну, а Кирилл с Володей устроились напротив.

— За победу! — предложил Орлов, когда принесли шашлык по-карски с зажаренной почкой.

— За нашу победу! — как в каком-то фильме времен детства, поправил Марлен.

— За нашу общую! — Кирилл поднял переполненный бокал и, роняя алые капли, поочередно чокнулся со всеми. — И за твой кандидатский диплом, — улыбнулся он Володе. — Спасибо, старик!

— За что, генацвале?

— За Герберова, за МГУ, вообще за многое.

— Надеремся, ребята, вдрызг! — неистовствовал Бошарин-Босс, поспешно разливая вторую бутылку. — Официант! Дюжину анжуйского и каплуна!

— Ты хоть знаешь, что такое каплун? — насмешливо полюбопытствовал Орлов, щуря глаза от сигаретного дыма.

— Не беспокойтесь, едал и не такие деликатесы!

— Ишь разорался! — Высокий парень с затейливо уложенной прической наконец подошел к их столу. — Принести чего?

— Корзину бордо и пулярок! — распорядился Бошарин. — И повторить лобио. Ваш сервис будет оценен по достоинству.

— Еще пару бутылочек и шашлык на ребрышках, — перевел на общедоступный язык Марлен. — Лобио, конечно, тоже.

— Как работается? — обратился Володя к Кириллу.

— Интересно. Другого слова не нахожу. По целым дням торчу в библиотеке. Читаю, что надо и что не надо, конспектирую, заполняю карточки. Словом, гребу под себя. Авось пригодится.

Давно Кирилл не чувствовал себя так легко и свободно. Как необходимо человеку ощущение победы, пусть самой маленькой. Справедливость обязана восторжествовать, хотя бы во имя душевного здоровья. Иначе не заметишь, как превратишься в озлобленного неудачника, раздираемого комплексами.

— Давайте за нас с вами, ребята? — сказал он, наполняя захватанное жирными пальцами стекло. — Чтоб спина к спине, локоть к локтю!

— Смотри, как расчувствовался на радостях. — Володя с достоинством пригубил вино. — Сам на себя стал не похож.

— А он у нас влюбленный! — нежданно брякнул Малик.

— Заткнись, — толкнул его под столом Кирилл.

— С кем не бывает, — философски заметил Володя. — И кто же избранница?

— Прекрасная незнакомка! — провозгласил Бошарин, в ком пропадали богатые актерские данные. — За дам-с?

— Боссу больше ни капли, — предупредил Малик.

— Это еще почему? Или я не соавтор открытия? Мое имя официально значится в журнале Академии наук... Как он называется, Марлен Борисович?

— «Химия твердого топлива», — подсказал Малик. — Но вина ты больше не получишь.

— Давай закругляться, — предложил Володя, сторонившийся любых инцидентов. — Стременную, парни.

— Схватим таксомотор и отвезем Босса, — согласно кивнул Малик.

Они расплатились, оделись и тут же, на площади, возле подземного перехода, взяли такси.

— Куда теперь? — спросил Малик, благополучно препроводив Бошарина в его берлогу.

Расставаться никому не хотелось.

— А что, если завалиться к моей шефине? — наткнулся Кирилл на гениальную идею. — Допраздновать торжество?

— Думаешь, удобно? — засомневался Марлен.

— К Анастасии Михайловне? — одобрил Володя. — К ней можно. Она поймет как надо.

— Золотая женщина! — подвел окончательную черту Кирилл.

Легкость, которую он нес в себе, как бы обещала долгое продолжение. И даже самое потаенное не казалось таким невозможным. Хотелось поскорее позвонить домой: вдруг принесли телеграмму.

Где-то за звездным занавесом сдвинулись заржавелые рычаги и пошли крутить зубчатые колеса, зацепляя одно за другим.

Примерно такое навеялось впечатление.

XXX

Корват чувствовал, что вот-вот сорвется. Крупные и мелкие неприятности сыпались на него как из рога изобилия, отзываясь сбоем сердечного ритма и жаркой, заволакивающей сознание ломотой в затылке. Уши закладывало, как в самолете. Определенно подскочило давление. Но измерить его — где-то в ящике валялся футляр с манометром и резиновой грушей, — не было ни времени, ни охоты. Неделя еще только началась, а сюрпризов хоть отбавляй.

В Министерстве геологии, куда он поехал утверждать новое штатное расписание, ему дали понять, что на него опять пришла анонимка. Жаловались — он примерно догадывался, кто именно, — на диктаторские замашки, волюнтаристскую кадровую политику и зажим научных направлений, стоящих на противоположных корватовской школе позициях. Ничего нового, но все равно противно. А тут еще один из его генералов учинил по собственному почину ревизию финансовой отчетности геологических партий. Счета за аренду плавсредств, расписки сезонных рабочих — поди разберись, где тут честный документ, а где филькина грамота. В пустыне, когда до ближайшего колодца надо пилить трое суток, в таежной чащобе нотариальных контор почему-то не предусмотрено. Только кому об этом скажешь? Опять пойдут комиссии, нервотрепка, а времени и без того катастрофически не хватает. Корватовский институт вырос из комплексного экспедиционного объединения, искавшего нефть и газ по всему Союзу. Сосредоточившись на зарубежных исследованиях, Игнатий Сергеевич сохранил за собой и прежние наиболее перспективные направления. К сожалению, управлять столь обширным и пестрым хозяйством становилось год от года труднее. И возраст, никуда не денешься, сказывался, и здоровье.

В двухэтажной времянке, которую с чьей-то легкой руки прозвали бараком, Корват появился через полчаса после им же назначенного срока. Кляня себя за опоздание, Игнатий

Сергеевич тем не менее не извинился перед терпеливо ожидавшими сотрудниками. Пробурчав нечто малопонятное, он толкнул ногой дверь и широким жестом зазвал всех в кабинет.

Сразу стало понятно, что настроение у шефа хуже некуда и следует держать ухо востро. Поэтому входили чуть ли не на цыпочках, вобрав голову в плечи.

Самолюбивый Северьянов, которого Игнатий Сергеевич упросил остаться старшим научным сотрудником на половинной ставке, мрачно уселся в самом дальнем углу. Он чувствовал себя униженным, что было никак не сообразно с его высоким постом. Обижаться, однако, не приходилось. Корват взял Диму под свою широкую длань, когда тот был еще студентом-третьекурсником, причем закоренелым троечником и дебоширом.

Рядом с ним скромно приютилась на венском стуле Лариса Постор, тоже бывшая студентка Игнатия Сергеевича, а ныне старший научный и кандидат геолого-минералогических наук. Она принесла новые варианты карты, где были учтены последние данные геофизики и разведочного бурения. Концы с концами у нее не сходились, и было страшно первой угодить под огонь уничтожающей критики. Корват был беспощаден на язык.

Лишь одна Лебедева, ни при каких условиях не терявшая бодрости духа, смело придвинула кресло к директорскому столу, уставленному телефонными аппаратами.

— Это еще что за новости? — спросила с обезоруживающей улыбкой. — Глядит букой, не разговаривает... Что-нибудь случилось, Игнатий Сергеевич?

— Ничего не случилось! — Он ожесточенно зыркнул на нее из-под насупленных бровей. — А надоело до чертиков! Ей-богу, брошу все к такой-то матери.

— Фи! — Она шутливо наморщила носик. — При дамах.

— Знаю я этих дам! — драчливо ощерился Корват. — Ни в чем не уступают нам, а чуть что скажи, сразу в истерику.

— Не знаю, каких дам вы подразумеваете, — Лариса Постор пришла на помощь подруге. — Но тут они не присутствуют. — И пояснила, не моргнув глазом: — Я истеричек имею в виду.

— Ладно, кончай разговор! — Остывая от яростного накала, Корват принялся искать по карманам очки.

Стало как будто легче. Придерживая за край дужку, обвел чуть проясневшим взором сидящих. Как это все-таки здорово, когда вокруг тебя свои.

— Дмитрий Васильевич? — тепло удивился он, словно впервые заметив. — Ну-ка подсаживайтесь поближе... Давайте вашу пачкотню, Лариса.

— Вот так всегда с вами! — Постор развернула карту. — Еще не видели, а уж обзываете пачкотней.

— Так и есть! Упражнения гориллы, а не карта. — Игнатий Сергеевич хлопнул ладонью по розовому пятну, чем-то насторожившему его геологический нюх. — Что это такое, я вас спрашиваю? Где легенда?!

— Пожалуйста! — Лариса Антоновна мгновенно подсунула ему листок. — Не успели еще нанести.

— Извольте успевать, раз приглашены для доклада! — Он справился с легендой и, недовольно покрутив носом, уставился в потолок. — Нет, — изрек убежденно, — такого просто не может быть.

— Почему, Игнатий Сергеевич?

— А я знаю?.. Да вы сами взгляните, Лариса! Ведь полнейшая дисгармония! — Игнатий Сергеевич, бормоча под нос, схватил карандаш. — Кембрий, триас, верхний мел... Определенно ваши архаровцы где-то напутали... Свиты — бандиты, фации — спекуляции. — Он принялся безжалостно черкать пасторальную акварель раскраски. — Приблизительно так должно выглядеть, — удовлетворенно швырнул на стол карандаш с обломавшимся грифелем.

Лариса Постор, крупная красивая брюнетка с резкими мужскими манерами, смотрела на Корвата с почти материнской нежностью. Он и вправду чем-то напоминал виртуоза-вундеркинда, которому дозволено все. В его жутких каракулях придется разбираться не один день, но в конечной правоте шефа Лариса не усомнилась ни на минуту. Подобно композитору, который, едва взглянув на партитуру, целиком схватывает музыку, Игнатий Корват молниеносно почувствовал фальшь. В графическом совершенстве партитуры глаз резала уродливая строка, и он не поверил, что за ней может скрываться благозвучная мелодия.

Геолог божьей милостью, он постигал в красоте гармонию мира. Если красиво, значит, и правильно, уродливо — абракадабра, мартышкин труд, чертовня собачья. На подобные выражения он никогда не скупился.

— Неудивительно, что с такими картами мы до сих пор не можем найти газ. Кто-нибудь из вас покажет мне, где нужно искать? Что выявило бурение?

— В пластовых водах есть растворенный метан, следы ароматики и фенолы, — сказал Северьянов.

— Я так и знала, что будут фенолы и ароматика! — обрадовалась намечавшая точки для бурения Лебедева.

— Нам-то какой навар от ваших предвидений? — огрызнулся Корват. — Керны исследовали?

— Еще не пришли, — покачал головой Северьянов.

— Пешком идут? Никак вы им ножки приделали?

— С вами совершенно невозможно разговаривать, Игнатий Сергеевич! — не выдержал Дмитрий Васильевич. — Ящики отгрузили еще на прошлой неделе. Ждем со дня на день.

— Надо было самолетом отправить.

— Три тонны камней?.. Мне таких средств, извините, не отпущено.

— Ладно, давайте разбираться. — Отодвинув бумаги, Корват разложил карту и сделал знак собраться вместе. — Где у нас газопроявления?

Постор указала отмеченные черными треугольничками пункты.

— Допустим, Анастасия Михайловна права, и газ действительно мигрировал через сероцветы. — Игнатий Сергеевич задумчиво постучал ногтем. — Здесь и здесь... Куда же он потом делся? Ушел в красноцветы? Но там его нет, и нечего ему делать в них. Остается вон та мощная антиклиналь в пограничных толщах. Кто подскажет, в каком направлении проходила миграция? Молчите?.. Кстати, Анастасия Михайловна, как поживает ваш Лановой? Работает?

— Ланской, Игнатий Сергеевич.

— Хорошо, Ланской, не могу же я всех упомнить.

— Он заканчивает реферат по литературным источникам. Как вы посмотрите, если он выступит с ним на ближайшем семинаре? Мне кажется, это всем должно быть интересно.

— Так вот, Анастасия Михайловна, — продолжая размышлять о своем, предложил Корват, — не соизволите ли слегка озаботить его нашими насущными проблемами?

— Слегка озаботить? — всплеснула руками Лебедева. — Да он представил мне полный термодинамический обсчет процесса.

— Это позволит определить направление миграций?

— Разумеется, нет! Зато наша гипотеза получает солидное математическое подкрепление. Если в обозримом будущем мы сумеем поставить эксперимент...

— В обозримом будущем меня волнует газ. — Корват переключил внимание на Северьянова. — Если мы его не отыщем, я вообще не могу поручиться за наше будущее. Таким манером, ледиз энд джентльмен. Всякий нормальный человек начнет поиск с ловушек, но на карте, которую любезно представила нам милая Лариса Антоновна, я не нахожу глин, способных изолировать пласт. — Он щелкнул по белому пятнышку. — Что за бледная немочь?

— Пропустили! — вспыхнула Лариса Постор. — Не успели закрасить, Игнатий Сергеевич, уж очень спешили.

— Опять не успели? А я должен за вас отдуваться? Решать головоломки на тему «Что бы это значило?»! Потрудитесь мобилизовать свой отдел. К пятнице мне нужен рабочий экземпляр карты. Хочу обмозговать в дачном уединении. Помощи-то ждать неоткуда.

— А вы разгоните нас к чертям собачьим, — стараясь оставаться спокойным, посоветовал Северьянов. — Как вы любите иногда.

— Извините, Дмитрий Васильевич, если чем-то не угодил непосредственному, так сказать, подчиненному. По конкретным вопросам, связанным с монгольской экспедицией, я буду иметь честь посетить товарища Северьянова в его резиденции послезавтра.

— В десять тридцать, — напомнил Северьянов, не принимая обидной иронии.

— Не беспокойтесь, не опоздаю. Точность — вежливость королей. Они проявляют ее, если нужно подчеркнуть различие между просто подданными и друзьями.

— У королей не бывает друзей. — Северьянов с достоинством поднялся. — Лизоблюды и льстецы не способны на дружбу.

— Ладно, выметайтесь отсюда подобру-поздорову, — почти добродушно сказал Корват. — Это касается всех. Если родится конструктивная идея, прошу незамедлительно поставить меня в известность. В любое время суток.

Оставшись один, он с отвращением принялся перелистывать папку, переданную начальником отдела кадров. Ощутив неприятное потягивание в левом локте, рассосал крупинку нитроглицерина.

— Слушай, Пантелей Романович! — с видимым дружелюбием обратился он к застывшему по стойке «смирно» кадровику, которого вызвал к себе телефонным звонком. — Некстати вы затеяли эту кутерьму, честное слово, некстати.

— Разве такие штучки когда бывают кстати?

— Тем более нужно кончать волынку. — Корват побарабанил по злополучной папке. — Как ты там это сделаешь, меня не касается, но людей не тронь. Их уже лихорадит от комиссий. Довольно.

— Так не могу, Игнатий Сергеевич. — Кадровик развел короткопалыми ручками. — Делу дан ход. Ничего теперь не попишешь.

— Вот бы и не писал ничего! — тихо взъярился Корват. — Или руки чесались?

— По-твоему, следовало смотреть сквозь пальцы? Покрывать?

— По-моему, не надо делать из мухи слона.

— Ничего себе муха! Липовые расписки, липовые фамилии, липовые номера паспортов.

— Это доказано? Или доказывать свою невиновность должен начальник партии? — Корват еле сдерживался, чтобы не ударить кулаком по столу. Он пережил на своем веку десятки подобных историй. Как правило, расследования кончались пшиком. Среди геологов, конечно, попадались разгильдяи, халтурщики, даже откровенные дураки, но заведомо нечестные субъекты встречались крайне редко.

— К сожалению, частично доказано. — Пантелей Романович строевым шагом подошел к столу. — Разреши сесть, Игнатий Сергеевич.

— Пожалуйста, Пантелей Романович, извини.

— Так вот, если желаешь знать, я специально послал человека проверить на месте. Часть документов, внушивших подозрение, определенно липовая.

— Какая часть? На какую сумму? Конкретно.

— В общем выходит на двести пятьдесят семь рублей сорок девять копеек.

— Это на партию с бюджетом в семнадцать тысяч! — Корват нехорошо улыбнулся. — И этот твой, как ты говоришь, человек сожрал полтыщи, потому как один билет туда полтораста рублей стоит!

— Не имеет значения, Игнатий Сергеевич, важен принцип.

— Принцип, разумеется, важен. Кто спорит? — Корват понял свое бессилие. — А этот осел, — он имел в виду энергичного двадцативосьмилетнего парня, которого всего лишь год как выдвинули на должность начальника, — этот имбицил знаком с результатами вашего расследования?

— Да, я ему все показал и потребовал написать объяснительную записку.

— И что же?

— Категорически отрицает факт присвоения денег.

— А липовые, как ты говоришь, фамилии, номера?

— Отмалчивается или говорит, что напутал.

— Может, действительно напутал?

— Не рассеивай меня, Игнатий Сергеевич, я сорок лет в органах юстиции работал.

— Рассеивать мне тебя недосуг. Забирай и действуй согласно закону. — Он брезгливо отодвинул от себя подшитые документы. — Но запомни, Пантелей Романович, еще одна такая история, и я разгоню всю вашу хунту к чертям собачьим. Чего бы это мне ни стоило.

Когда кадровик ушел, секретарша принесла Корвату стакан чаю и плавленый сырок с ломтиком черного хлеба. Перекусив и немного отдохнув в одиночестве, он поехал на кафедру, где его заместитель Александров заваривал очередную склоку. На сей раз в комплоте с невероятно энергичной Верой Андриановной Фаворской, с одинаковым мастерством способной разыграть истерический припадок и бескорыстное горение во славу науки.

Вопреки общему направлению кафедры, твердо стоящей на позициях органического происхождения нефти, Вера Андриановна разрабатывала неорганическую модель. Она пыталась доказать в частности, что не только углеводороды, но и порфириновые соединения нефтей сформировались в недрах

вулканов. Пожалуй, с этим можно было бы примириться, если бы не уходило столько времени и сил на борьбу. К великому сожалению, профессор Фаворская отстаивала свою истину не столько на ученых советах, сколько в коридорах высоких учреждений, прибегая к нечистоплотным приемам.

Игнатий Сергеевич не сомневался, что новая порция подметных писем ее рук дело. Укротить Фаворскую было не в его силах, но как нейтрализовать, хотя бы временно, Александрова, он примерно догадывался.

XXXI

По пути на Курский вокзал Ровнин заскочил в институт за ксерокопией отчета. Сборка стенда близилась к завершению, и пора было подумать о создании небольшой аналитической группы. Марлену хотелось внедриться в заводскую лабораторию с собственной методикой. Найденные Кириллом эмпирические формулы значительно облегчали расчет.

— Ты разве не в командировке? — удивилась его появлению Тамара.

— До отхода поезда еще уйма времени. Хочу кое-чего провернуть.

— Горишь на работе?

— Что делать, Рыбка, приходится. Один остался.

— И то правда, — посочувствовала Тамара. — Редеет наша компашка. Сначала Володя рванул, потом Кира... Я уж про шефа не говорю. Небось и ты куда-нибудь навострился?

— Пока не собираюсь. — Малик нашел ксерокопию и запер стол. — А там кто знает?

— Неужели в Новосибирск.

— Я бы поехал, да не зовут, Тома.

— А у нас новости: Артема на и. о. подали!

— Не может быть! — огорчился Малик. — Полнейшее же ничтожество. Вечный ученый секретарь.

— Так-то!.. Тихоня Пальминов тоже возгонку получит. Ему Володину группу дают.

— Наш знаток океанической фауны объяснил бы это законом замещения.

— Чего-чего? — Тамара сделала недоуменно-недоверчивое лицо.

— Неужели не знаешь? Вы же вместе с ним прохлаждались на водах.

— Ошибаешься, Малик, не вместе. — Она упрямо поджала губы. — Так что за закон?

— Замещения? Наш общий друг уверяет, что промысловую рыбу, когда ее выловят, мгновенно замещает сорная. Не

знаю, как в океане, но у нас закон замещения явно соблюдается.

— Паркинсона на тебя нет! — довольно фыркнула Тамара.

— Предпочитаю Ланского.

— Дурак он! — бросила она в сердцах.

— Это еще почему? — удивился Малик.

— Сам знаешь.

— Ничего не знаю.

— Хоть бы ты ему глаза раскрыл, что ли. А еще другом называешься!

— Ах вот ты о чем! — догадался Марлен.

— Об этом самом, — подтвердила она. — Неужели вы все не видите, что он гибнет прямо на глазах?

— Не преувеличивай, Рыба. Я вчера был у него в МГУ. По-моему, с ним полный порядок. Он процветает.

— Помяни мое слово, Малик, эта стерва погубит его! И виноват будешь ты! Это ж типичная хищница! Ты бы сказал ему.

— Ланского не знаешь? Да он убьет меня на месте. Нет, Тома, я боюсь за себя.

— А за него не боишься? Что с ним станет, тебе наплевать?

— У меня к тебе гигантская просьба, Рыбонька! — Малик поторопился переменить тему. — Пригляди, пока я смотаюсь, за моими кемиклгерлз, чтобы не соскучились от безделья.

— Только этого недоставало! Сам виноват — разбаловал. Они же научные труды у тебя подписывают. В упор никого не видят. Кроме того, я сама уматываю на следующей неделе.

— Куда, если не тайна?

— На сборы, мальчик. Меня, между прочим, в сборную Москвы включили, по синхронному плаванию. Так что имеешь шанс увидеть на телеэкране.

— Поздравляю, Томик, от души. — Марлен торжественно пожал ей руку. — А как же тема?

— Наука? — Тамара вынула аз кармашка золотистый тюбик и уверенным эластичным нажимом подвела губы. — Будет вместе со мной, пока я подрыгаю ножками под хабанеру Бизе, — пояснила, облизав сиреневую помаду. — Я не напутала в терминологии? Хабанера?

— Хабанера, — подтвердил он, застегивая чемоданчик. — Желаю тебе золотой медали.

На следующее утро Ровнин уже любовался со станционного мостика панорамой металлургического комбината. Его властная центростремительная сила ощущалась повсюду. Словно под влиянием неодолимого магнетизма, отклонялась от путей крайняя колея, теряясь за передовыми бастионами из стекла и стали. Тянулись увешанные гирляндами изоляторов сереб-

ристые вышки. Вдоль невидимых нитей подвески сновали навстречу друг другу бесконечные вагонетки. Даже река, темневшая сквозь голые ветви ветел, не могла противиться этому неодолимому притяжению. Где-то там, за дальними заснеженными балками и терриконами, она совершала плавный извив, спеша к зарешеченному проему в бетонной стене. Не замерзающая в самый лютый мороз речка...

Над циклопическими башнями домен стыли неподвижные облака. И так же неподвижны были разноцветные дымы, исходившие из бесчисленных труб, и клубы пара над жерлами деревянных градирен. Подпиравшие печи батареи кауперов, закругленных, словно торпеды, и могучие рукава всевозможных трубопроводов лишь подчеркивали суровую невозмутимость цитадели, сковавшей землю и небеса.

Марлен знал, что таится за этой обманчивой неизменностью. После первой ознакомительной экскурсии ему долго снились реки огня. Хлестал чугун из пробитых леток, покорно и тяжко сбегая по желобам. Кипела в черных ковшах разливаемая сталь, выплескивая солнечные протуберанцы. С лязгом и грохотом неслись по прокатным валкам ослепительные брусья и ленты. Перелетали с линии на линию, как гибкие макаронины, неуловимо меняя профиль.

И какая грозная, какая ликующая музыка рождалась в оглохших ушах! Под лаву, клокочущую в рукотворном вулкане, содрогание платформ на разливке, вой вентиляторов и яростные выдохи из круглой дырки мартена.

Небывалая оркестровая яма, залитая сиянием расплавленного металла, небывалый оркестр на тысячи сольных партий. И скульптурные силуэты, выкованные в снопах искр, и мощные, словно отлитые из чугуна руки, взметнувшие чудовищный крюк, как палочку дирижера.

Наверное, нечто подобное мерещилось Скрябину и Глазунову, искавшим отклики цвета в спектрах созвучий. Они исходили из радуги, но Марлен воочию видел, как жидкое солнце, минуя призму, сгущается в вишневый накал. Он слышал, как поют, излучая инфракрасную темноту, заливаемые формы и неподвластная пламени человечья плоть.

Дожидаясь автобуса, Малик мысленно вернулся к событиям трехмесячной давности, когда после обхода цехов, продолжавшегося четыре дня, он возвратился к исходной точке усталый и потрясенный.

— И эдакую махину вы надумали взорвать изнутри? — поддел его заместитель главного конструктора Кондырев, довольный произведенным впечатлением. — Эх вы, химики, все бы вам в трубы загнать да в котлы!.. Ну как, будете продолжать свою авантюру?

Марлен не нашелся, что ответить, и только кивнул в ответ. Разговор происходил в доменном цехе, вернее, в помеще-

нии КИПов, куда едва доносился гром выпускаемой плавки. Озирая шкалы бесчисленных потенциометров, где отголоском дальней грозы подрагивали стрелки и самописцы, он подумал о пролетке с бензиновым моторчиком и чадящем пироскафе, который нелепо захлюпал деревянными лопастями по Миссисипи. Новое всегда приходит в жалком, смешном облике, когда налаженное, привычное пребывает на высшем взлете могущества, и никто, вернее, почти никто, не ждет перемен.

— Силища, красотища, размах! — продолжал гнуть свою линию Кондырев. — А что у вас? Кварцевая пробирка?

Возразить было нечем. Исполинская высота доменной печи, сложность и масштабы обслуживающих ее дворов ошеломили Малика. Сухие цифры учебников и мелькающие, почти не задевая сознания, кадры телевидения не могли передать и сотой доли истинного величия плавки. Нет, Кирилл глубоко заблуждался, сравнивая ее с алхимическом горшком. Общим оставался лишь исходный принцип, но тысячекратное умножение неизбежно породило новое качество. Производство чугуна ни в чем не отставало от современности. Даже в оснащении электроникой. Самонадеянным мальчишеством выглядел вызов, брошенный ими грандиозному, отлаженному до мелочей огненному действу. От ничтожной пробирки из кварцевого стекла — Кондырев тысячу раз прав! — до реактора непрерывного действия было далеко невообразимо. Пролетка, хоть худо-бедно, да бегала, и пароходик тоже не даром глотал дрова.

Малику на какое-то мгновение стало страшно. Подумав, как далеко они с Кирой зашли в собственном легковерном ослеплении, он ощутил глубочайшую растерянность. Но, сделав усилие, он восстановил пошатнувшиеся было опоры. Марлен вспомнил шефа, Киру, Герберова, который с молоточком в руках показывал, как рвется бензольное кольцо. Они не могли ошибиться. Поэтому прочь любые сомнения. За его, Марлена, спиной стоит самая объективная вещь на земле — цифра. Неподкупная и неподвластная ничьей воле. Кажется, Кира однажды рассказывал о священных числах пифагорейцев? Они верили, что в основе мироздания лежат простейшие математические закономерности. Право, не так уж наивна была их чистая вера. Если природа говорит с нами музыкой цвета, звука и запаха, то мыслит она математическими кривыми, за которыми стоят уравнения. Кира знает, что говорит. Константы равновесия, энергетические потенциалы — это действительно главное. Закон организует косную материю. Аппаратурное оформление, железки — не им противиться жесткому диктату природы. Там удлинить, тут раздвинуть, здесь подкрутить. Нехитрая механика.

Так и не удалось Кондыреву заставить Малика пойти на попятный. Впоследствии он признался, что выполнял приказа-

ние директора: «Ткни их носом, как следует, во все углы, — напутствовал его хозяин. — Пусть полюбуются на полный цикл во всем его грандиозном размахе. Если не испугаются, поговорим серьезно. Сдается мне, что за их стекляшками скрывается действительно интересная штука. Вникни, Василь Львович, досконально разберись».

Упорство, с которым Ровнин отстаивал свою идею, равно как и его подкрепленная точным расчетом аргументация, произвели на Кондырева благоприятное впечатление. Превратившись по мере общения из скептика в горячего сторонника, он лично переделал представленный институтом проект, учтя передовые достижения инженерной мысли, и поручил самым опытным конструкторам разработку отдельных узлов.

— Подумать только, — деланно ужасался Василь Львович, — на лучшем в стране металлургическом комбинате подкапываются под самые основы металлургии! Да нас всех расстрелять надо как пятую колонну!

— Потому и лучший ваш комбинат, — грубо льстил Малик, — что люди на нем такие. Умеют заглядывать в будущее, не то что иные кроты.

— И вы всерьез надеетесь, что вам удастся произвести столь радикальный переворот? — не переставал он допытываться. — Мне это интересно с чисто психологической стороны, Марлен Борисович.

— Даже не мечтаю, — почти искренне отвечал Малик. — Во всяком случае при нашей жизни. Но если удастся внедрить метод в качестве вспомогательного производства для каких-нибудь специальных целей, я буду доволен.

— Доволен! — гоготал Кондырев. — Да это самое большее, о чем можно мечтать! Даже попутное с производством кокса обогащение железной руды будет для вас венцом успеха. Миллионная же экономия в масштабах страны! Небось о госпремии мечтаете? Признавайтесь.

— Не мечтаю, — смеялся Марлен. — Но если все-таки дадут, то мы разделим ее с вашими товарищами. В порядке соавторства.

— Так-так, самое время делить шкуру неубитого медведя. Не сегодня-завтра ваш стенд преподнесет нам такой подарочек, что в пору будет лезть головой в петлю. Хорошо, если только выгонят к чертовой бабушке за бессмысленное разбазаривание государственных средств.

— Вас-то не выгонят, Василь Львович, — успокаивал Ровнин, ничуть не устрашившись. — Приказ директора как-никак.

— Еще как наподдадут коленкой под зад! С вас-то какой спрос? Вам самим богом положено свои идеи проталкивать. Нет. Порфирий Кузьмич с меня спросит. Недоглядел, скажет,

дурень, дал себя запутать, ну и получай теперь по первое число.

Кондырев сетовал словно бы в шутку, но Малик, всякий раз откликаясь намеренно беспечным смехом, проникся подозрением, что заместитель главного конструктора и впрямь испытывает тягостное сомнение.

Дальнейшие события показали, что они были не столь уж беспочвенны, как хотелось думать Марлену.

Едва он, не заглянув даже в заводскую гостиницу, где для него держали постоянный номер, поднялся на пятый этаж инженерного корпуса, как его изловила кондыревская секретарша.

— Куда это вы запропастились, Марлен? Василь Львович уже дважды справлялся.

Привыкший к постоянным передрягам, Ровнин сразу заподозрил неладное. Заместителя главного конструктора он нашел на обычном месте, возле кульмана за стеклянной перегородкой.

— Вам не икалось вчера? — в привычной манере осведомился он. — Телеграмму получили?

— Нет, Василь Львович. — Малик с тревогой взглянул на осунувшееся лицо Кондырева: под глазами темные тени, взгляд напряженный, унылый. — Какие-нибудь неприятности.

— «Какие-нибудь»! — желчно усмехнулся Кондырев. — Вы знаете, что мы собрали реактор?

— Конечно! Мы даже распили бутылку шампанского на радостях!

— Значит, рано начали радоваться. Не идет!

— Ничего не понимаю, — растерянно засуетился Марлен. — Что именно не идет?

— Реактор ваш не идет! Вы простите, но я не утерпел и опробовал установку без вас. Так, знаете, для успокоения.

— И что? — упавшим голосом спросил Малик.

— Козел! — Василь Львович осторожно, словно его мучил радикулит, опустился в кресло. — Надеюсь, вы знаете, что это такое?

Еще бы Малик не знал! Сколько раз приходилось ему калечить дорогостоящую трубку, чтобы пробить намертво спекшуюся пробку губчатого металла.

— Ничего страшного, — сказал он не слишком уверенно. — Главное, что восстанавливается. Режим как-нибудь подберем.

— Что толку от такого восстановления? Вы же предлагаете нам непрерывный процесс! Я правильно понимаю? А восстанавливать можно где угодно, хоть в костре, как в доисторические времена.

— Зря вы не дождались меня, Василь Львович.

— От вашего личного присутствия так много зависит? — Кондырев поцокал языком. — Вы случайно не экстрасенс?

— При какой температуре вели процесс?

— Тысяча сто.

— Зачем так много? С первого раза...

— Мне показалось, что так будет оптимально.

— Жаль, Василь Львович, честное слово, жаль... Все-таки у нас опыт, работали на самых разных режимах. Стоило бы прислушаться.

— Конечно, теперь вы начнете валить на меня. Что еще остается? Но я уверен, что дело тут не в режиме. Порочна сама конструкция, сам принцип. Над реактором нужно еще биться и биться.

— Будем биться, Василь Львович.

— Вам легко говорить. «Фигаро здесь, Фигаро там». Вильнули хвостиком и назад в столицу.

— Если от этого зависит ваше спокойствие, буду сидеть до победного конца.

— Долго придется сидеть.

— Сколько понадобится.

— Тут целый НИИ необходим, чтоб разобраться.

— Может, попробуем для начала своими силами?

— И откуда вы такой самонадеянный на мою голову?.. За реактор кто будет нести ответственность перед директором? Не вы же?

— Почему не я, Василь Львович? Разве мы не в тандеме? Считайте, что запороли реактор при моем непосредственном участии... Порфирий Кузьмич уже знает? — спросил он про директора.

— Ждал вас. — Кондырев высокомерно вскинул голову. — Теперь можно и докладывать со спокойной душой.

— Я бы на вашем месте не торопился. Давайте все-таки сначала разберемся. Попытка — не пытка.

— Пойдем поглядим, — согласился Василь Львович, слегка поостыв. — Купил барин собачку...

XXXII

Поворотная стрела бережно опустила «Пайсис» на воду. Потом его медленно отбуксировали подальше от белого борта «Борея», игравшего пятнами отраженного света. Пропуская редкие медлительные валы, оранжевый поплавок лениво вздымался и опадал, окруженный стаями суетливых чаек.

Надев спасательные жилеты, Светлана, Сергей Астахов и геотектоник Шахазизян спустились по веревочному трапу в шлюпку. Гребцы из палубной команды оттолкнулись от борта и дружно налегли на весла. Сергей привычно раскрутил накалившуюся баранку и, откинув тяжелую крышку, проскольз-

нул в люк. Карэн Шахазизян галантно предложил Светлане руку. Держась за канат ограждения, она бросила чайкам припасенные крошки.

Мелькание крыльев, оглушительное многоголосье, солнечный звон. А затем небо над ней сузилось в круглую диафрагму и погасло, проглоченное затвором, когда Шахазизян захлопнул за собой люк.

В просторной овальной рубке было светло. Струящийся из иллюминатора голубоватый рассеянный свет бледными зайчиками дрожал на панелях управления. Когда каждый из акванавтов занял свое кресло, Астахов включил электроснабжение и методично принялся проверять системы жизнеобеспечения и связи. Щелкали контакты, вспыхивали рубиновые огоньки индикаторов, фосфорическим свечением наливались шкалы приборов. Их было не меньше, чем в кабине авиалайнера, и отработанные долгой тренировкой действия Астахова почти ничем не отличались от манипуляций пилота, готовящегося к взлету.

Автономный подводный аппарат, способный погружаться на глубину до двух тысяч метров, был снабжен новейшей системой гидроакустической навигации, гидролокатором кругового обзора, эхолотом, приборами радио- и гидроакустической связи, забортными фото- и телекамерами, чувствительными гидрофизическими датчиками и в довершение всего парой механических рук. Чуткие металлические пальцы могли крушить подводные скалы, выламывая куски в центнер весом, и бережно извлекать из раковин жемчужные зерна.

В задачу экипажа Астахова входило обследование рифтовой зоны, где в разломах коры рождалась новая каменная оболочка планеты. В точке, куда должен был опуститься «Пайсис», подводная телекамера зафиксировала ложбину, сплошь заполненную шарами до двух метров в диаметре. Судя по размерам и гладкой поверхности, они резко отличались от обычных железомарганцевых конкреций. Манипулятор не смог бы сдвинуть с места подобное двадцатитонное ядро, но оставалась надежда отыскать в бильярдной россыпи шарик поменьше.

Когда все системы и механизмы были опробованы, Астахов получил с борта «Борея» согласие на погружение. Вскипев воздушными пузырьками, к стеклу прихлынула желтоватая на просвет муть. Но вскоре акриловая толща иллюминатора прояснела небесным сиянием, пронизанным стремительным мельканием крохотных льдинок. Это поразительно напоминало град при ясной погоде. «Пайсис» скользил в глубину, пробивая плотную толщу планктона. Движение аппарата почти не ощущалось, и поэтому казалось, что планктонный град сыплет снизу вверх. Прильнув на мгновение к освещенному овалу, уносились розоватые кальмарчики, крупные креветки, расхо-

дящиеся косяки рыб. Синева ощутимо угасала, наливаясь непроглядной густой тушью.

Астахов включил прожектора. Глухая чернильная мгла, где изредка вспыхивали холодные искры, вновь обрела лазурную прозрачность. Но электрические лучи впитывала непроницаемая завеса. Теряя накал в осязаемо жуткой близости, они расплывались бессильным бахромчатым ореолом, за которым еще отчетливее проступал мрак. Даже самые ненастные ночи подлунного мира не знают кромешной такой беспросветности. Неведома она и космической бездне, прошитой узором немигающих звезд и туманностей.

Светлана не первый раз опускалась на дно, раздираемое конвульсиями обновляющейся тверди. Она знала, что и здесь, в спрессованном чудовищным давлением хладном мраке, трепещут эфемерные язычки живого всеохватного пламени.

— Выключите, пожалуйста, свет, — обратилась она к Астахову, следя за стрелкой глубиномера.

В аспидной безликости, погасившей окно, стали возникать мерцающие огоньки. Вначале далекие и расплывчатые, они разгорались, выныривая чуть ли не из-под ног, и пропадали, как неразгаданные кометы.

Проявлялись причудливые существа, едва знакомые по цветным иллюстрациям и фотоснимкам. Вспыхивали, как на экране, то выпученные глаза, то кисточки над едва угадываемым профилем, а то и вовсе одни острозубые пасти, с пугающей четкостью обрисованные во мгле. Какая-то большая плоская рыба была расцвечена рядами огненных точек, как дирижабль в ночи. Роями призывно мигающих светлячков шли рачки. Фосфорической аурой пульсировала медуза.

Стрелка обозначила полукилометровую глубину, а жизнь все летела и летела метеорным дождем. Приманивала добычу. Отпугивала врагов. Непонятным мерцающим кодом искала любви. Уютно жужжали сервомоторчики, разматывая бумажную ленту. Заполненные тушью самописцы чертили контур еще далекого дна. Отстукивали температуру и плотность воды печатные рычажки потенциометров. Ловя скупые слова наблюдений, крутились валики магнитофонных кассет.

Количество светящихся существ резко пошло на убыль. Леденящее ощущение бесконечности помимо воли овладело людьми. Каждый переживал его по-своему. Светлана неподвижно застыла в кресле, всецело перенесясь сознанием в завораживающую мглу. Тускнела, словно навсегда отлетая, память, беспечально угасало ощущение собственного «я», отдельного от времени и пространства.

Сергей Астахов опять врубил полный свет.

Погружение длилось уже около часа, но ощущение времени растворилось в окружающей бездне. К ней были прикованы мысли и чувства, обостренные до предела.

— Слева по курсу стена, — предупредил Шахазизян, не отрываясь от разграфленного на румбы экрана локатора, где зеленой стрелкой ходил вкруговую луч, рисуя дымный призрачный профиль.

— Знаю, — кивнул Сергей, сделав незначительную коррекцию. — Здесь и начинается подводный хребет, который открыли в позапрошлом году на «Витязе». Мы немного пройдем вдоль гребня, чтоб опуститься между уступами.

— Высота уступов от шестисот сорока до семисот метров, — сказала Светлана, сверившись с донной картой.

— Итого у нас будет порядка тысячи восьмисот, — подсчитал Сергей. — В пределах оптимума.

— Только не отклонись далеко от шва рифтовой зоны, — напомнил ему Шахазизян. Его прежде всего интересовал узкий провал, дно которого было образовано из расплавленных горных пород. Застывая, они должны были раздвинуть ранее сформировавшиеся плиты. Чем ближе к продольной оси хребта опустится батискаф, тем моложе окажутся изверженные лавы.

«Приземление» прошло плавно, без ожидаемого толчка. Занесенное илом дно выглядело бугристым, словно изрытый кротовыми норами чернозем. Над округлыми кочками проклевывались, исчезая при малейшем повороте луча, перистые венчики червей. Неровные следы зарывшихся в ил моллюсков слагались в загадочную клинопись. Глубоководная обесцвеченная акула показала одутловатое бледное брюхо и, взметнув облачко мути, растворилась, как тень.

Астахов приподнял батискаф и осторожно повел его над самым дном, поминутно справляясь с показаниями приборов. Каменная россыпь открылась значительно раньше, чем ожидалось.

— Стоп, — тихо сказал Шахазизян, хватаясь за рычаги манипулятора.

Откатив несколько камней величиной с футбольный мяч, он ловко подхватил их стальными клешнями и опустил в грузовой отсек.

— Это не конкреции, — уверенно определила Светлана. — Скорее всего, изверженные базальты. Поскребите немножко, — попросила она, указав на ближайшую к иллюминатору сферу.

Карэн Шахазизян круто развернул суставное сочленение и клацнул по гладкой поверхности. На матовой черни едва обозначилась морозная черточка.

— Практически нет осадочных отложений! — радостно удивилась Рунова. — Значит, они совсем молодые, эти шаровые лавы.

— Сколько им, как вы думаете? — спросил Шахазизян.

— Три, самое большее четыре тысячи лет... Наберите еще образцов, Карэн Цолакович, и, главное, грунта.

— Молодец, Сережа, вышел на самый шов! — похвалил Шахазизян, ловко орудуя механическими руками. — Теперь, если можно, давай под прямым углом от хребта.

— На румбе, — покружив над россыпью, Астахов плавно развернул аппарат и со скоростью семи километров в час пошел над норками донных аборигенов.

По знаку Руновой он то и дело останавливался, давая Шахазизяну возможность взять пробы. Мощность рыхлых отложений заметно увеличивалась. «Пайсис» словно двигался против стрелы времени, все далее углубляясь в геологическое прошлое океана. Широкие трещины, занести которые не смог даже осаждавшийся миллионами лет ил, явно свидетельствовали о расползании плит в стороны от рифта.

— Смотри, как расширяется! — подивился Астахов. — Со страшной силой!

— Тут расширяется, а где-то должно сжиматься, — развел руками Шахазизян. — Появление, понимаешь, под океанами молодой базальтовой коры обязательно вызовет сжатие и разрушение старой. Иначе бы наш земной шар раздувался, как мыльный пузырь.

— И такие зоны уже известны? — заинтересовалась Светлана, обычно далекая от тектонических проблем. — Где наблюдается сжатие?

— Конечно, — сказал Шахазизян. — Японский желоб, например. Там тихоокеанское дно неудержимо затягивается под Евразию. Разрушенные плиты базальта с колоссальной силой увлекаются под окрайку материка, где плавятся, погружаясь в раскаленные недра. Такие процессы сопровождаются накоплением просто-таки невероятных тектонических напряжений, отчего и возникают землетрясения.

Настало время связи с «Бореем». Астахов включил рацию и послал свои позывные. При передаче сообщения резко увеличилась нагрузка аккумуляторов и освещение приборов заметно потускнело. Вскоре пришел ответ. База радовалась, что на «Пайсисе» все благополучно, и желала экипажу успешного выполнения научной программы.

Пока автономное плавание в районе рифта протекало без заметных отступлений от первоначального плана, который, естественно, не мог предусмотреть неожиданностей.

Первым предвестником их явился внезапный скачок забортной температуры и, как следствие, уменьшение веса аппарата по отношению к воде. Заметив, что дно отдаляется, Астахов поспешил уравновесить «Пайсис» и принялся методично выяснять причину. Тут-то и выяснилось, что термометр вместо обычных двух градусов выше нуля показывает шесть! Немыслимая температура на такой глубине.

— Где-то поблизости тепловой выброс, — сообразила Светлана. — Скорее возьмите пробу. Могут встретиться аномальные диатомеи.

— Вам не кажется, что прожектора несколько ослабели? — напряженно всматриваясь в вырезанный световым конусом участок дна, спросил Шахазизян.

— Пожалуй, — неуверенно согласился Сергей. — Неужели аккумуляторы садятся?.. Нет, вроде норма, — облегченно вздохнул он, посмотрев на качающиеся стрелки. До красного сектора было далеко. — Какие будут указания?

— Пройдем немного тем же курсом, — предложила Рунова.

Минут через десять температура возросла уже на две десятые градуса, а дно перед иллюминатором еще более потускнело.

— Может, твой амперметр врет? — засомневался Шахазизян. — Или вольтметр?.. Как бы нам не застрять тут навечно.

— По инструкции я обязан всплыть в случае любого непредвиденного осложнения, — как бы рассуждая вслух, произнес Сергей. — Но я уверен, что приборы в порядке. И термометры в том числе. Обидно уходить, не докопавшись. Как полагаете? — Он повернулся к Светлане.

— А вдруг все же аккумуляторы? — упрямо стоял на своем Шахазизян.

— До сих пор у нас не было оснований не доверять приборам, — рассудила Светлана. — Если аккумуляторы в порядке, то сила света могла уменьшиться только из-за прозрачности среды. Я правильно понимаю? Очевидно, мы угодили в мутные слои. Напрашивается единственный вывод. Где-то поблизости извергается лава. Отсюда и неуклонное повышение температуры.

— Или гейзер, — согласно кивнув, подсказал Шахазизян.

— Или грязевой гейзер, — заключила Светлана.

— Почти семь! — Сергей озабоченно покачал головой. — Как бы там ни было, но я в кипяток не полезу. Будем всплывать. Мы и так пробыли под водой девять часов. — И, словно извиняясь, добавил: — Пробы возьмем с корабельного борта.

— Конечно, — Светлана понимала Сергея. С приближением к горячей зоне риск возрастал с непропорциональной быстротой. Но только там, в эпицентре перегретого, сжатого давлением океанской толщи пара, могли скрываться неизвестные науке формы жизни. Простейшие бактерии существовали повсюду: в кипящих серных источниках и антарктических льдах, в облаках и радиоактивных породах. Хотелось угадать, какие защитные устройства сотворила природа, чтобы защитить капельки протоплазмы от убийственного жара субкритической влаги, разъедающей золото и базальт.

Всплытие, занявшее около часа, напоминало фильм, который после просмотра зачем-то пустили наоборот. Вырвавшись из вечного мрака, экран иллюминатора незаметно просветлел, и вновь закружилась вьюга планктона. Только теперь снежинки и градины падали как положено — с высоты.

До поверхности оставалось всего ничего, когда Шахазизян вспомнил про чай и принялся отвинчивать стаканчик термоса. Светлана проворно раздала бутерброды с салями и сыром.

— Оказывается, я ужасно проголодалась! — призналась она, жадно набросившись на еду.

— А я? — потрясая термосом и жуя, еле выговорил Шахазизян.

— Я тоже, — смущенно признался Сергей. — И очень давно. Еще там, у россыпи.

— И молчал! — возмутилась Светлана.

— Нет, это вы оба молчали, а я терпел.

— Настоящий мужчина! — одобрил Шахазизян. — Как вернемся, приглашаю в мою каюту. Надо отметить.

— И копченое мясо с перчиком? — с надеждой спросил Сергей, подбирая крошки.

— И мясо тебе найдем, — пообещал Шахазизян.

— Я, пожалуй, не откажусь от рюмки, — словно прислушиваясь к себе, сказала Светлана. — Мне даже очень хочется рюмочку коньяку! И спать! До безумия хочу спать.

Она так и не поднялась, сразу же завалившись на койку. Сквозь сладкую счастливую одурь слышала телефонные звонки, даже как будто бы стук в дверь, но не нашла ни сил, ни желания вырваться из обморочной власти оцепенения. Так и проспала всю ночь и половину следующего дня.

Вышла только к ужину, где под общий хохот проглотила две тарелки борща и три стакана компота, умяв невероятное — в ее измерении — количество свежеиспеченного хлеба.

Было все, как она хотела. Песчаный берег, казавшийся белым в свете огромной розово-желтой луны. Легкий бриз, вкрадчиво шелестевший в листве. Глуховатый рокот созревших кокосов. Лагуну пересекала залитая медовым глянцем дорожка, и голубое ровное дно, сохранившее извилистые рельефы последней волны, виделось далеко-далеко, до перевернутой пироги, где закруглялся остров.

Светлана незаметно покинула шумное место купания и, бездумно шлепая по воде, ушла на другую сторону. Здесь было еще чудесней, в темном приюте перепутавшихся теней. Море едва угадывалось жемчужным отсветом, просочившимся из таинственной глубины. Колючие заросли смыкались сплошной стеной. И ничего нельзя было различить в двух шагах.

Светлана решила, плюнув на страхи, искупаться в чем была, без осточертевшего гидрокостюма. Долго шла, с наслаж-

дением ощущая бархатистое дно, а когда легкий всплеск омочил ей купальник, погрузила лицо, широко и жадно раскрыв глаза. Она ныряла и плавала и нежилась на спине, отдавшись убаюкивающему покачиванию прилива. Полежав на теплом песке, она набрела на шалашик из пальмовых листьев и повалилась в их благоухающее шуршание. Таинственный шорох, слепые тени, подсыхающие крупинки коралла на исцарапанной спине.

Здесь ее и нашел Гончарук, дыша коньяком.

— Света! — Он сделал попытку обнять, но она выскользнула умело и ушла по прибою, не обернувшись.

XXXIII

Из Комитета по делам изобретений и открытий в ИХТТ пришла бандероль с авторскими свидетельствами. Не без приятного волнения Кирилл взял сине-зеленый гербовый лист, чем-то похожий на облигацию старого образца. Он был прошит шелковой лентой, концы которой скрепляла огненная розетка печати, и выглядел весьма торжественно. К свидетельству прилагались отпечатанные типографским способом описание — с формулой и чертежом установки — и табличка для записей о внедрении. По-видимому, ей предстояло еще долго оставаться пустой. Судя по сложившейся обстановке, внедрением пока и не пахло. Малик второй месяц безвылазно сидел на заводе, но положение с реактором ничуть не улучшалось. Переход от лаборатории к крупномасштабному стенду требовал совершенно нового качества, предвосхитить которое не позволяла никакая теория. Оставался малопродуктивный, несмотря на безотказную простоту, метод «тыка». Попробовать так, переставить эдак, ткнуть сюда, вынуть отсюда...

Кирилл не то чтобы охладел к изобретению, которое отныне находилось в полном распоряжении государства, но оно незаметно отступило для него на второй план. Появилась новая проблема, не менее значительная, а в чисто научном плане — куда более заманчивая. Корват как в воду глядел. К исходу третьего месяца своего ученичества Кирилл не только овладел необходимыми азами совершенно новых для него дисциплин, но и начал выдавать продукцию. Составленный им реферат по состоянию воды, нефти и газа в глубоких недрах органично соединил геологические представления с точными закономерностями физикохимии.

Доклад, с которым Кирилл выступил на расширенном семинаре, вызвал подлинную сенсацию. О Ланском, которого Игнатий Сергеевич упорно называл Лановым, заговорили в смежных организациях, причастных к разведке и добыче неф-

ти. У него сразу появилась масса горячих приверженцев и тайных недоброжелателей.

Переворотив книжные груды, Кирилл, к великому удивлению, обнаружил, что Корват, а вместе с ним и другие, упускает совершенно очевидные вещи. Рассуждая о поверхностном натяжении, затрудняющем движение жидкости в пористых средах, они проглядели температуру. Не приняли во внимание простейшую зависимость, известную еще с восемнадцатого века! В критических условиях поверхностное натяжение падает до нуля. Если взять чистую воду, то на глубинах свыше десяти километров она не будет встречать никаких препятствий при просачивании сквозь пласты. О нефтях уже и говорить не приходится. Их критические параметры были существенно ниже.

Кирилл выписал соответствующие дифференциальные уравнения и вычертил график, на котором падающие к нулевой черте прямые наглядно отображали процесс.

— Идиотская ситуация! — воскликнула Лебедев, едва взглянув на чертеж. — Столько лет толочь воду в ступе!

— Именно воду, — тонко улыбнулся Кирилл.

— Особенно обидно, что подобный ляпсус существует только в теории. На нефтепромыслах отлично знают, что отдача горячих пластов всегда выше. И смешно не знать! Как-то не соотносили одно с другим. Не обрадуется Игнатий Сергеевич.

— Почему? — удивился Кирилл. — По-моему, наоборот! Снят некий почти мистический фактор, и можно ясными глазами смотреть на существо дела. Теперь совершенно очевидно, что главное значение приобретает растворимость.

— Я с вами полностью согласна. — Анастасия Михайловна виновато отвела взгляд. — С научной стороны не может быть двух мнений. Но есть и другая — человеческая, и тут я, право, не знаю, как быть. Видите ли, Кира, — ничего, что я вас так называю? — Игнатий Сергеевич где-то заклинился на порах и капиллярах. Собственно, только этим и можно объяснить ваше триумфальное восхождение. Надеюсь, вы понимаете? Одним словом, требуется максимальная деликатность.

— В чем? — сразу насторожился Кирилл.

— В подходе к шефу. Здесь не так просто, как вам кажется. Во всех учебниках Игнатия Сергеевича указанный фактор выдвинут на передний план. Каково ему будет узнать, что ларчик давным-давно открыт? Наконец, этим немедленно воспользуются противники. Ох как они обыграют! Вы себе даже не представляете.

— Извините, Анастасия Михайловна, но тут именно тот случай, когда любая дипломатия становится аморальной. Дважды два всегда четыре, — привел он излюбленный довод, — и Земля вращается вокруг Солнца. К счастью, теперь

не нужно идти на костер, отстаивая подобные откровения. Игнатий Сергеевич в своем деле бог, и если он чего-то недоглядел по части точных наук, то я не вижу трагедии. В общей картине это лишь штрих, не более. Вполне уместно его уточнить.

— Но умно и деликатно!

— Никаких возражений. Ведь будет гораздо лучше, если мы сами внесем поправку. Иначе, того и гляди, какой-нибудь школьник подскажет. Удара следует ждать с любой стороны. Те же геохимики, которые занимаются гидротермами, могут вмешаться. И чего это вы, братцы-нефтяники, скажут, ковыряетесь вокруг выеденного яйца? Отмалчиваться, по-моему, просто глупо.

— Так вопрос и не стоит. — Лебедева с явным неудовольствием принялась теребить камею на вырезе платья. Главного Ланской так и не понял. Они говорили с ним на разных языках.

— Вы сами ему скажете или лучше мне? — спросил он напрямую, интуитивно заражаясь ее сомнениями.

— Надо хорошенько подумать. С сугубо рациональной точки зрения, действительно, нет повода для терзаний. Вся беда в том, что Игнатий Сергеевич не совсем обычный человек, притом очень больной и по-детски впечатлительный. Никогда не знаешь, как он прореагирует. Скажу вам честно, Кира, я просто боюсь. Он может разволноваться, и тогда не оберешься беды. Два инфаркта — не шутка. Будем смотреть правде в лицо. — Анастасия Михайловна скатала миллиметровку с графиком в трубочку. — Вы его высекли. И не только его. За дело и совершенно заслуженно, но ведь высекли?

— Неужели такой пустяк?.. — Кирилл наконец уяснил ситуацию.

— Тем обиднее! — воскликнула она чуть не со слезами. — Вы уж не обижайтесь на нас, потому что при нормальных обстоятельствах ничего, кроме благодарности, не заслуживаете. Вы, конечно, не ожидали такого приема? Сознавайтесь.

— Не ожидал, — подтвердил Кирилл. — Не скрою.

— Вот видите! Как говорится, вместо спасибо... Но мне бы очень хотелось, чтобы между нами не осталось и тени недопонимания. Поэтому я была с вами вполне откровенна.

— Я понимаю...

— Давайте поступим следующим образом, — приняла решение Лебедева. — Составьте обоснованную записку, с формулами, с этим рисунком и так далее. Сделаете?

— Нет ничего проще.

— И сами идите к шефу. Лучше всего в институт, потому что у него там очередная запарка и на кафедре он почти не бывает.

— Как скажете, Анастасия Михайловна.

— Но до тех пор никому ни слова! Договорились?

— Вы чего-то еще опасаетесь?

— Всего, Кира. — Лебедева доверительно наклонилась к нему. — Фаворская, например, дорого бы дала за ваш график. Особенно после того как вы задели ее на семинаре.

— Я? Задел? — удивился он, силясь припомнить. — У меня и в мыслях не было.

— Было зато в таблицах. Показав температурные пределы существования углеводородов, вы прямо-таки фундамент выбили из-под ее построений.

— Почему?

— Мадам полагает, что основные компоненты нефти сформировались в вулканах.

— Бред какой-то! Выгорят как дважды два.

— Опять дважды два! — с ноткой торжества усмехнулась Анастасия Михайловна. — В чужом монастыре, где не совсем твердо усвоили таблицу умножения, следует держаться осторожнее.

— Молчать в тряпочку?

— Вовсе нет. А вот взвешивать каждое слово я вам настоятельно рекомендую. У Игнатия Сергеевича, несмотря на весь его авторитет, сложное положение. Люди, скажем прямо, не совсем чистоплотные, зорко следят за каждым его шагом... Ваше появление, между прочим, не прошло незамеченным.

— И что же вы предлагаете? — спросил неприятно пораженный Кирилл.

— Ровным счетом ничего. По-моему, мы обо всем с вами договорились, — заключила Лебедева с располагающей улыбкой. — Впредь будьте осмотрительнее, Кира, я желаю вам только добра.

Записку Кирилл подготовил, подкрепив каждое положение ссылкой на авторитетный источник. Он даже нашел подходящее место в корватовском учебнике, словно и впрямь действовал в развитие его положений. Строго говоря, так оно и выходило, потому что Игнатий Сергеевич настоятельно призывал к исследованию капиллярных сил физико-химическими методами.

Однако в «бараке», куда он сразу же поехал, забрав с машинки отпечатанный экземпляр, его ожидала неприятная новость. За столом Корвата, углубившись в бумаги, сидел Северьянов.

— Вы, простите, по какому вопросу? — спросил он, бросив неузнающий взгляд.

— Я к Игнатию Сергеевичу, — почему-то вдруг оробел Ланской. — Он будет сегодня?

— К сожалению, нет. — Дмитрий Васильевич отвел омраченное лицо. — Игнатий Сергеевич болен.

— Что-нибудь серьезное? — вырвалось у Кирилла.

— Боюсь, что да. Его увезли в больницу с острым приступом стенокардии. А вы, собственно, кто?

— Моя фамилия Ланской. Мы еще были у вас вместе с Анастасией Михайловной и Ларисой Антоновной Постор. Помните, Дмитрий Васильевич? — Кириллу было неприятно напоминать о себе.

— Ах да, конечно! — Северьянов выключил мешавшую смотреть вдаль лампу. — Я давно собирался с вами поговорить. Присаживайтесь, пожалуйста.

Кирилл без особой охоты придвинул стул.

— Игнатий Сергеевич очень хорошо о вас отзывался, — начал Северьянов издалека. — Лично для меня это имеет большое значение. Поэтому скажу вам все как есть, чтобы с самого начала была полная ясность. Согласны?

— Конечно, — кивнул Кирилл, ничего хорошего от такого начала не ожидая.

— Тут у нас произошли некоторые события, — Северьянов поморщился, как от зубной боли. — Собственно, вам вовсе не обязательно знать подробности. Подобные истории никому не делают чести. Даже рассказывать противно — невольно сам обмараешься... Короче говоря, Игнатий Сергеевич — человек очень впечатлительный, с обостренным, я бы даже сказал, немножечко старомодным чувством порядочности — написал заявление об отставке.

— Так, — с оборвавшимся сердцем вымолвил Кирилл.

— Министерство сперва воспротивилось, но вы знаете Корвата, он и слушать ничего не захотел. Насилу уговорили его остаться научным руководителем на общественных началах. Оно бы еще ничего, если бы не этот приступ... Не уберегли мы Игнатия Сергеевича! — Северьянов разжал собранные в кулак пальцы.

— И как же теперь.

— Будем молиться на медицину! Но даже если все, стучу по дереву, чтобы не сглазить, обойдется, Игнатий Сергеевич не скоро приступит к работе. Поэтому надо думать, как жить дальше. Для этого я вас и пригласил, — сказал Дмитрий Васильевич, позабыв, очевидно, что Ланской пришел по собственному почину. Кирилл не стал уточнять. Он вообще мало чем интересовался, кроме собственных увлечений, и плохо представлял себе, какую роль играет Северьянов в институтской иерархии. Очевидно, важную, напрашивался вывод, иначе бы он вряд ли сидел в директорском кабинете.

Последние сомнения на сей счет рассеял сам Дмитрий Васильевич.

— Мне поручено принять институт, — объявил он, слегка дрогнув голосом. — Не скажу, что я безумно рад, но нас, как говорится, не спрашивают. Тем более что Игнатий Сергеевич

одобрил решение. Не знаю, как сумею управиться с такой махиной. Страшно даже подумать. Однако глаза боятся, а руки делают. Будем продолжать работу, дорогой товарищ Ланской. Она у нас с вами важная, и в случае чего по головке нас не погладят. В любом качестве — здесь ли, там ли — монгольская тема остается за мной. И я серьезно рассчитываю на вашу помощь.

— Буду рад, если сумею.

— Должны суметь. Глядите, что у нас получается. — Он порывисто обернулся к висевшей за спиной карте. — Сколько разведочных скважин, и ни одна, подчеркиваю, не дала пока промышленного газа. Вы хоть знаете, во что обходится скважина?

— Примерно догадываюсь.

— То-то и оно! До нескольких миллионов рублей. Мы обязаны оправдать оказанное нам доверие. Вас, кажется, Кириллом зовут? Какие будут соображения, Кирилл?

— Извините, Дмитрий Васильевич, но я не совсем в курсе.

— Знаю. — Северьянов задумчиво уставился в облупившийся потолок. — Но вы же помогаете Анастасии Михайловне в изучении красноцветов?

— С физико-химической стороны. Я совершенно не представляю себе, где это можно применить.

— По вашему мнению, процесс реален? При невысоких температурах?

— Вполне. Это доказано теоретически и экспериментально.

— А в природе?

— Раньше я думал, что и в природе. Однако теперь появились сомнения. К сожалению, я был абсолютно стерилен в геологическом отношении и не учел химического воздействия воды, а в природных условиях от него никуда не денешься.

— Поточнее, пожалуйста, — напрягся Северьянов, стараясь уловить главное.

— В реакциях восстановления вода резко сдвигает равновесие влево.

— И что это значит.

— Реакция попросту не идет, — пожал плечами Кирилл, дивясь тому, как это люди не помнят школьной химии.

— Не идет совсем? — Дмитрий Васильевич сделал нажим на последнем слове.

— Практически. Какие-то крохи, конечно, могут прореагировать.

— Но за миллионы лет из крох вырастают горы!

— С такой точки зрения я не рассматривал, — виновато потупился Кирилл, коря себя за узость кругозора. Только теперь он окончательно понял, что геологи, абстрагируясь от второстепенных мелочей, гораздо шире смотрели на мир. В

применении к Земле, вообще к мирозданию такой их подход был во многом правилен.

— Подумайте в этом направлении, — сказал Северьянов. — Причем в пожарном порядке. В природе много чего происходит.

— Я понимаю, что нужен системный подход. Одно дело колба, другое — Вселенная. Постараюсь быстро выдать прогноз с возможным участием водной фазы.

— Совсем другой разговор! — обрадовался Северьянов. — Но на данном этапе мне этого мало. Вы бы не могли попытаться определить направление миграции? На конкретном анализе образцов.

— Попытаться можно, не знаю, получится ли.

— Когда предполагаете вылететь? — Северьянов придвинул перекидной календарь.

— Куда? — недоуменно спросил Кирилл.

— Как куда? — в свою очередь, удивился Дмитрий Васильевич. — В Монголию, конечно. Не на Марс же...

— В Монголию? — одновременно обрадовался и затосковал Кирилл. Ему очень захотелось поехать туда, но постоянное ожидание вестей от Светланы суеверно привязывало к Москве. — А когда можно?

— Не можно, а нужно! — усмехнулся Северьянов, сделав пометку. — Как оформим, так сразу и вылетите. На месте оно всегда виднее. Думаю, это будет полезно во всех отношениях, — сказал он значительно. — Вы хоть и прикомандированы к университету, но числитесь в наших штатах. Пусть в институте тоже знают, что вы не даром едите свой хлеб.

XXXIV

Подлетая к Москве, Доровский испытывал приятное волнение. Впервые за шестьдесят с чем-то лет он возвращался в свой город не «навсегда» — человеку свойственно ощущать жизнь в категориях вечности, — но на короткий срок, обозначенный в командировочном удостоверении. Он прожил, в сущности, суматошную жизнь, и постоянные разъезды с их встречами-проводами стали нормой существования, привычкой.

Вызванный телеграммой президиума на годичную сессию Академии наук, Евгений Владимирович думал о том, что впервые займет деревянное кресло как полноправный участник собрания. Без унизительного ощущения неполноценности и, главное, без зависти, которая нет-нет да и всколыхнется кислотным облачком при встрече с более удачливыми коллегами. Чувство тщеславия, с коим Доровский и не пытался

бороться, на сей раз было полностью удовлетворено. Довольный достигнутым, он уже и в мыслях не покушался на полный академический титул.

В Академгородке ему предоставили крупный отдел в солидном, оснащенном новейшим оборудованием институте, отдельный коттедж среди мачтовых сосен и неограниченные возможности для научного поиска. О чем же еще мечтать? Поручение выступить на сессии с десятиминутным сообщением явилось для Евгения Владимировича пусть маленьким, но необыкновенно чувствительным подарком, притом совершенно нежданным. Его бодрящий холодок пробуждал благодарные воспоминания о юношеской поре, лаская смутными отголосками былых вожделений, давным-давно перегоревшего жадного нетерпения.

Подтрунивая над собственной впечатлительностью, еще способной воспламеняться из-за таких мелочей, Доровский размышлял о том, что все, о чем мечталось когда-то, так или иначе осуществилось, и он должен быть благодарен судьбе. Но под убаюкивающим миротворением подобного рода дум не угасала глубоко запрятанная уверенность в том, что внутренне он совершенно не изменился и еще покажет себя с неожиданной стороны, еще выкинет фортель, который заставит ахнуть сановных старцев.

С такими примерно мыслями и приехал Евгений Владимирович к себе на Чкаловскую. Торопливо расцеловавшись с Марьей Алексеевной, уже высматривавшей его с балкона, он швырнул туго набитый портфель на диван и схватился за телефон. Предстояло сделать уйму звонков и назначить дюжину самых неотложных свиданий. Марлена Ровнина он пригласил в Дом ученых, определив ему время в перерыве между утренним и вечерним заседаниями. Ничто не менялось, не смело меняться в его образе жизни. Он снова был дома, привычный распорядок незаметно облек его, как застиранная, но тщательно выглаженная пижама.

— Опять растолстел, нехорошо. — Доровский увлек Малика в пустующий в обеденные часы кабинет директрисы. — Не годится. Спортом надо заниматься, берите пример с меня. — Он молодецки вздернул плечи, вобрав едва намечающийся живот. — Нуте-с, докладывайте, как жизнь молодая. Что нового?

— Особых новостей нет. — Малик достал из бокового кармана пакет с фотографиями готового стенда. — Возимся потихоньку.

— Ну-ка, ну-ка! — Евгений Владимирович надел очки в тонкой золоченой оправе. — А что? Очень даже солидно. Вполне.

— Правда, нравится? — польщено порозовел Малик. — Это вам не какая-нибудь стеклянная трубочка!

— Силища! — басовито прогудел Доровский. — Что твой атомный котел! И работает?

— С этим хуже, Евгений Владимирович. «Козлы» за «козлами». Едва успеваем выковыривать. Главное, никак не поймешь, в чем закавыка. Иногда шурует, как паровоз, по пять-шесть часов без перерыва. Уже думаешь — все, отладилось, слава аллаху, а оно возьми и встань. Сущее наказание!

— Режим?

— Пробовали и так, и эдак. И угол наклона, и шнек варьировали, и чего только не делали. Вы бы съездили, посмотрели? — Малик поднял на шефа умоляющие глаза. — Мне ваша поддержка во как нужна! Хотя бы для авторитета. Отношения сложные с местной командой. На волоске висим.

— Понимаю, Марлен Борисович, понимаю, но в этот раз никак не получится — расписано по минутам. Попробуем в следующий приезд. Это я вам твердо обещаю. Вы только не теряйте оптимизма. Еще ничего не появлялось в законченном виде. Поверьте моему опыту: наладится. Подобные осложнения в порядке вещей. Временные трудности неизбежны в любом деле. Так и нужно смотреть.

— Я понимаю, — вздохнул Малик. — Да уж больно тяжко, Евгений Владимирович. Сил моих больше нет.

— Это у вас-то нет сил?! — возмутился Доровский. — Здоровяк, мальчишка, кровь с молоком! Что тогда про меня говорить? Но ведь держусь? Вот и вы держитесь... Как диссертация?

— Если стенд пойдет, можно будет попробовать.

— Э нет, батенька! — Евгений Владимирович протестующе погрозил пальцем. — Я таких проб не признаю. Здесь действовать нужно наверняка, а стенд, не сомневайтесь, пойдет.

— Я ведь на технические науки хочу, — сказал Марлен с оттенком вопроса.

— Само собой разумеется, одобряю. Но теоретическая часть и особенно обсуждение результатов должны быть на высоте.

— Кира поможет, он обещал.

— Кстати, где он?

— В Монголии, как ни странно, газ ищет.

— Смелый он парень, — с оттенком неодобрительного удивления заметил Доровский. — Так резко сменить тематику...

— Я бы не сказал, что резко. Он нашел ей применение в геологии. Говорит — интереснее.

— Может быть, может быть, — протянул Доровский. — Однако я рад, что вы продолжаете дружить и сотрудничать.

Он ведь тоже должен защищаться?

— Да, на химические. У него в принципе уже все готово, только времени нет.

— Значит, живет полноценной жизнью, раз времени не хватает, и, следовательно, счастлив.

— Это уж как посмотреть, Евгений Владимирович.

— Счастлив, счастлив! Только не замечает этого до поры. Потом оглянется с высоты прожитых лет и поймет. И вы тоже, Марлен Борисович, вспомните когда-нибудь, каким были безумно занятым и счастливым.

— Наверное. — Малик мечтательно подпер ладонью округлую щеку. — Но пока я чувствую только усталость. Все тороплюсь, тороплюсь, и не знаю куда. В консерватории почитай полгода не был, девок своих почти не вижу. Растут без меня, как трава.

— Отдохнуть хочется? — со скрытой подковыркой спросил Доровский. — Пожить спокойно, как говорят, для себя? Знакомое и вполне понятное желание. Только ведь, дорогой мой, ни уют, ни покой не снимают главного в человеческой жизни вопроса: «Куда?» Праздные жуиры и сонные ленивцы тоже спрашивают себя: «Куда?» Причем много чаще, чем труженики, благо досуг есть. Вы меня поняли?

— Чего ж тут непонятного?

— Тогда не валяйте дурака и достойно делайте свое дело. Пока оно у вас есть, вы ничего, слышите, ничего не упускаете в жизни. За одним исключением! — Доровский хитровато прищурился. — Как бы ни было жестко со временем, не смейте тянуть с защитой. Это не просто ритуальный акт, но необходимый этап, притом не только в научном плане. Степень и ступень почти синоним. С высокой площадки по-новому открываются старые виды. Нет ничего хуже привычки, Марлен Борисович, она порождает нелюбопытство. На скрипочке, чай, давно не пиликали?

— Давно, Евгений Владимирович.

— И совершенно зря! Берите инструмент в командировки. Надо уметь отвлекаться от тупиковых раздумий.

— От тупиковых? — не понял Марлен.

— Природе не присуще понятие цели и смысла в том числе. — Доровский, казалось, убеждал самого себя. — Она слепа и бездумна, а мы, человеки, в своих умствованиях подменяем себя природой, пытаемся мыслить в масштабах вечности. В итоге — тупик. Не лучше ли принять расхожий постулат о том, что смысл жизни в ней самой?

— Допустим, приняли? — с пробудившимся интересом поддержал разговор Малик, хотя лично его подобные темы никогда глубоко не затрагивали. — Что дальше?

— Достойная мыслящего существа определенность. Из чего слагается наша жизнь? Работа, семья, друзья, удовольствия. — Доровский на мгновение прислушался к себе. — Да,

удовольствия, причем в самом широком смысле. Иначе зачем жить? Сам процесс жизни должен приносить радость. Вы в целом довольны своей жизнью, Марлен Борисович?

— В целом доволен, — с готовностью ответил Малик. — Хотя отдельные частности портят мне все удовольствие.

— Что и требовалось доказать! — торжествуя, воскликнул Доровский. — Частности, неудачи, горечь поражения и прочие неприятные штуки входят в условия игры. Без них нет радости преодоления и восторга победы. Пока у вас есть стержневая забота, доставляющая вам, вопреки любым издержкам, удовольствие, вы счастливы. Потому что замыкается круг, и понятия «работа» и «удовольствие» становятся неразличимы. Только тогда в основе своей бессмысленное существование человека наполняется особым, я бы сказал, благородным смыслом.

— Я полностью с вами согласен, Евгений Владимирович, хотя Кира, наверное, понял бы вас намного глубже. Но я парень практический, как говорят, себе на уме. Меня интересуют частности, издержки, по-вашему. В принципе я не возражаю: надо так надо. Но почему бы не свести их до минимума? Чуточку помочь себе и своим близким? Имею право?

— Полное. У вас есть практические рецепты, коль вы такой практический человек?

— Как раз об этом я и хотел с вами посоветоваться! — Зная привычку шефа к многословной риторике, Малик умело перевел разговор на конкретную почву. — Я надумал уйти из института, — заявил он, собравшись с духом.

— Вот те раз! — воспаривший духом Доровский мигом обрушился с облаков. — Только этого мне недоставало! И почему так вдруг?

— Не вдруг, Евгений Владимирович, уже давно об этом подумываю.

— И куда же вы нацелились, друже?

— На завод!

— Как? — Доровский даже поперхнулся от неожиданности. — На какой завод?

— Судите сами, — вкрадчиво заворковал Малик. — В институте я стался в полном одиночестве. Новый завлаб уже косится на меня за постоянные отлучки, и вообще не известно, будет ли возобновлена тема на будущий год. Что я теряю?

— Прежде всего экспериментальную базу, созданную с таким трудом!

— Ничего подобного. В заводской лаборатории прекрасно освоили нашу методику. Практически все необходимые анализы сейчас выполняются только там. Кстати, намного быстрее. Можно сказать, в тот же день. Ведь у них поток, производство. Я уж не говорю о том, что стенд требует постоянного

присмотра. Меня некому там заменить, Евгений Владимирович.

— Допустим, — Доровский уже понял, что Малик не намерен оставить тему, как это сделал Ланской, и немного успокоился. — Но в какой роли вы видите себя там? Вы же экспериментатор, а не инженер, притом химик.

— Да найдут они мне подходящую должность! — Марлен беспечно махнул рукой. — Зато я буду постоянно при деле. На данном этапе все упирается в стенд. Лабораторные опыты себя исчерпали. Самая пора сосредоточить усилия на главном. Если бы мы хоть на режим вышли!

— До этого, как я понял, далеко.

— В том-то и суть! И вместо того чтобы день и ночь возиться со стендом, я занимаюсь челночной дипломатией. Установка неделями простаивает, механики работают спустя рукава, с прохладцей, отношение руководства скептическое. Того и гляди, свернут исследования. Нужен хозяйский глаз. Уверяю вас, что заводчане совершенно иначе станут относиться к делу. А так кто я для них? Гастролер! Приехал и уехал, голова не болит. Зам главного конструктора и без того жалуется, что мы ему камень на шею повесили. Со своей точки зрения, он прав. От основной работы его же никто не освобождал. Долго так продолжаться не может — на голом энтузиазме.

— В ваших аргументах есть известный резон, но в целом — прожектерство, маниловщина. Вредная маниловщина!

— Почему же маниловщина, Евгений Владимирович?

— Да потому, что своими фантазиями вы рискуете оставить нас у разбитого корыта. На чем держится сотрудничество с комбинатом?

— Прежде всего на расположении директора или, говоря иначе, на вашем и Михаила Евгеньевича авторитете.

— Связи, мой дорогой, и вообще личные взаимоотношения фактор важный, но не определяющий. Они могут либо ускорить, либо замедлить объективный процесс, не более. Вы понимаете, что я имею в виду? Если бы за нашим изобретением не стояла принципиально новая технология, причем сулящая выгоды, не помогли бы никакие авторитеты.

— Согласен, Евгений Владимирович. Кира тоже так считает. Но ведь без поддержки нас и загробить могли, невзирая на все выгоды? Очень просто.

— Могли и загробить, — совершенно спокойно согласился Доровский. — Но надолго ли? Пусть не сегодня, а завтра, или даже через год, но мы бы все равно получили свидетельство. Таково свойство объективной истины. Поверьте моему опыту.

— А нервотрепка? А потерянное в бесконечных спорах и обсуждениях время, отнятое у работы?

— Тут я с вами согласен. Поддержка на то и нужна, чтобы сберечь силы и время для главного. Борьба в науке неизбежна. Новое не может утвердиться без борьбы. Элементарная диалектика. — Евгений Владимирович взглянул на часы. — Однако мы отвлеклись. Вернемся к вашим фантазиям. Трудность положения усугубляется тем, что юридическую основу сотрудничества института с заводом составляет хозяйственный договор. Если вы уйдете, он потеряет всякий смысл, превратится в фикцию.

— Но я же останусь при установке! — продолжал упорствовать Марлен, мысленно признав легковесность аргумента.

— В каком качестве? — холодно спросил Доровский. — Тема-то ваша тю-тю...

— Ее и без того прикроют.

— Только на будущий год, а за год можно ого-го сколько сделать. Во-вторых, бабушка надвое сказала. Пусть попробуют! Мы и сами с усами!

— Трудновато мне придется одному, — вздохнул Марлен, раздавленный железобетонными доводами шефа. В Доровском вполне мирно уживались приверженность к философским витийствам с трезвым знанием потаенных пружин и винтиков хозяйственно-управленческого механизма. Крыть было нечем.

— Чего-чего, а легкой жизни пообещать не могу, — согласился шеф чуть ли не с радостью. — Но вы ведь и не искали себе легкой жизни? В науке, к сожалению, на одного с сошкой приходится семеро с ложкой. Вот им действительно живется безбедно. Работенка не пыльная, притом престиж. Однако не нам им завидовать, Марлен Борисович. Это они завидуют нам черной завистью и всячески ставит палки в колеса. Продержитесь уж как-нибудь годик, а там видно будет. В крайнем случае заберу вас к себе вместе с темой. Поедете?

— С превеликой радостью! — растрогался Марлен. — Спасибо, Евгений Владимирович. Признаться, я давно ждал.

— Чего же молчали, если давно? Надо было сказать. Не чужие.

— А нельзя сделать так, чтобы вы тему забрали, а я все же при установке остался, на меткомбинате? — вкрадчиво возобновил натиск Марлен. — Это был бы идеальный вариант.

— Почему вы так думаете? — Доровский мысленно оценил предложенный вариант. — Вас что, действительно туда тянет.

— Тянет, Евгений Владимирович. Чем глубже врастаю в проблему, тем яснее вижу, что мое место именно там. Без металлургов нам не поднять тему. Работы ведь непочатый край, на всю жизнь хватит. И что самое главное, она мне нравится. Я не могу мыслить формулами, как Кира. Мне обязательно своими руками пощупать надо. Я уж не говорю про условия. Всего

за два месяца мы изготовили и опробовали четыре варианта реакторов! Да у нас в институте на это годы уйдут! Это же силища! Могучая техника. Широкие возможности...

— Хорошо, Марлен Борисович, я вас понял, поэтому не надо на меня эмоционально давить. У вас был конкретный разговор с руководством?

— Конкретного не было, потому что я сперва с вами хотел согласовать, но в общих чертах мы с Порфирием Кузьмичом договорились. У меня создалось впечатление, что он отнесется положительно. Даже больше того...

— Допустим. — Доровский задумчиво побарабанил пальцами по краю стола. — Но все равно, раньше чем через год я тему взять не смогу. Надеюсь, это-то вы понимаете?

— Вполне. Я подожду, Евгений Владимирович.

— Жена-то как к вашим завихрениям относится.

— Нормально! — обрадовался Марлен, поняв, что шеф начинает сдавать позиции. — Поедет со мной! И девок возьмем!

— Завидная уверенность, — с затаенной грустью усмехнулся Евгений Владимирович. — Мои вон не поехали... И то правда, сколько мне там осталось? А здесь квартира, дача опять же — надо беречь.

— У них в городе и музыкальная школа есть!

— Ишь чему радуется! Квартира его не волнует, лишь бы музыкальная школа была. — Доровский, словно окончательно отступаясь, покачал головой.

— Для нас это очень важно, — пояснил извиняющимся тоном Марлен.

— Тогда крепись, казак. — Прислушиваясь к прибывающему гомону голосов в коридорах, Евгений Владимирович вновь взглянул на часы. — Ваша задача — продержаться без потерь материальной техники и престижа хотя бы до весны. За этот срок я жду от вас следующего: готовой диссертации в переплетенном виде и по возможности выхода на режим. Договорились?

— Договорились!

— Остальные проблемы решим к обоюдному удовольствию. — Доровский засуетился и, подхватив под мышку неразлучный портфель, бросился к дверям. — Прошу прощения, Марлен Борисович, но надо бежать! Выступаю с докладом...

XXXV

Зима пришла в Гоби тихая и бесснежная. Днем бывало порой даже жарко, но с заходом солнца песчаные барханы цепенели в тисках лютой стужи.

Седьмая буровая расположилась поблизости от заброшенной ламаисткой кумирни. Похожие на собак лохматые львы стерегли разрушенное святилище, слепо таращась на вагончики-балки, доставленные в песчаную глухомань вертолетом. Кроме буровиков, здесь жили трое геологов из комплексной экспедиции. На скважину возлагались большие надежды, и они остались зимовать после окончания полевого сезона. Каждую декаду из соседнего центра прилетал вертолет со сменой. Он подвозил продовольствие, газеты, письма и жизненно важное горючее для движка. О воде, к счастью, заботиться не приходилось. За воротами древнего храма, смотревшими двумя парами супротивных арок на все стороны света, нашли занесенный песком колодец. Его очистили, углубили и поставили электронасос. Вода оказалась немного солоноватой, но вкусной, напоминающей «Ессентуки».

Кирилл делил нары с монгольским геологом Лобсаном Дугэрсурэном. С наступлением темноты, когда выключали движок, они подолгу беседовали у раскаленной печурки, вспоминая Москву, общих знакомых, университет. Узнав, что Дугэрсурэн кончал у Корвата и Анастасии Михайловны, Кирилл сразу расположился душой к этому молодому красивому парню с утонченным и умным лицом. На третий день знакомства, раздавив по случаю воскресного дня бутылочку пшеничной архи под пельмени — бозы, они перешли на «ты».

Собственно, от Лобсана Кирилл и узнал о некоторых примечательных особенностях храмовой архитектуры.

— Вот тут и стояли позолоченные бурханы, — показав на ступенчатое возвышение, заваленное поломанной черепицей и перегнившими брусьями обвалившейся кровли, объяснил он. — На северной стене. Хоть по компасу проверяй.

— Почему именно на северной? — Кириллу захотелось докопаться до сути. — Наверное, это имело особый символический смысл?

— Не знаю, должно быть, имело. Мне дедушка рассказывал, но я почти все забыл. Но север для монголов — самое важное направление. Ты только представь себе, что означала Полярная звезда для кочевника! И вообще старики всегда ждали с севера счастья.

Кирилл осторожно разгреб руками мусор. Среди бесформенных кусков штукатурки, сохранившей первозданную чистоту минеральных красок — на продырявленном потолке, стенах и даже обвитых чешуйчатыми драконами колоннах различались фрагменты росписи, — он нашел осколки тонкой фарфоровой посуды, огарки курительных палочек, ломкие почерневшие останки засушенных цветов.

В помещении пахло тоской запустения и прахом столетий. Бившие сверху косые лучи струями танцующей пыли

ложились на заброшенный алтарь, где под кучей бесформенного хлама лежали последние жертвы, поднесенные неизвестным богам. Рассыпались цветы, выгорело коровье масло в лампадах, жадный ветер пустыни выпил последние капли воды из чаш. Умерли и сами боги.

Сохранился лишь запах. Развеянное почти до неразличимости бальзамическое дыхание курений, можжевеловой хвои и драгоценных смол, привезенных из далекой Индии или Тибета. Оно одно не покорилось хаосу небытия, пробуждая чужую смутную память о караванах, годами ползущих по ледяным кручам, и ослепительном великолепии празднеств.

Со двора долетало жалобное позвякивание колокольчика, чудом уцелевшего на змеином языке выгнутой крыши. Как зов погребенного прошлого, разбуженного порывом ошалелого ветра и вновь ускользавшего в свои недоступные грезы.

Кирилл подобрал обломок руки. Изящно удлиненные пальцы из древней черно-зеленой бронзы соединялись в колечко.

— Что это? — спросил он, любуясь неповторимым совершенством.

— Колесо закона, — объяснил Лобсан. — Вечный круговорот бытия.

— Бодхисаттва? Будда?

— Кто теперь может узнать.

Они вышли наружу. Синея к горизонту, застыли подернутые медной окалиной волны. Барханы вплотную подступали к полуразрушенным стенам. Львы у восточных ворот по горло увязали в песке. Засохшие лиственницы колюче топорщились сучками, спутанными посеревшими клочьями паутины.

— Отчего засохли деревья?

— Перестали поливать, вот и засохли. Дедушка говорил, что в шорохе лиственниц слышно дыхание вечности. Она пролетела, как сон. Часы остановились.

— Что же здесь все-таки приключилось? — Кириллу уже примерещились увлекательные истории, тайны, которые захотелось немедленно распутать.

— Ничего особенного, — равнодушно ответил Лобсан. — Люди перестали кормить лам, и они разбрелись. Тут неподалеку нашли овраг с человеческими костями. Мы их бульдозером засыпали. Раньше знаешь как хоронили умерших? Разрубали на части и скармливали хищным птицам. Остальное бродячие собаки доедали или волки.

— Не разыгрываешь? — усомнился Кирилл. — Зачем?

— Думали, что помогают душам скорее возвратиться в круговорот рождений. Еще мой дед так думал. А теперь нет, никто уже не верит в эти сказки. Дикость сплошная.

— Он жив?

— Дедушка? — Лобсан озарился благодарной улыбкой. — Он у нас еще крепкий. В прошлом году рысь подстрелил. Шапку мне сделал. Теплая!

— Всего два поколения, — Кирилл вновь принялся разглядывать свою находку, — и такие перемены! Просто не верится. Колесо закона, круговорот бытия...

— Старикам казалось, что течение жизни неизменно, и все повторяется, как циклы лунного календаря. Вон, гляди! Лобсан показал на позолоченное колесо на черепичной кровле ворот, поразительно напоминавшее морской штурвал. — Век за веком, оборот за оборотом. Собственно, так оно и было до революции. Зато нынче! — Лобсан запрокинул голову в небо, где радужно кружилась редкая ледяная пудра. — Как ракета! Прямо в пустыню ток привезли. В мезозой врубаемся турбобуром. Что ни день, то открытие.

— Жаль пока, что не по нашей части.

— Да есть он здесь, газ, я стопроцентно уверен. Сейсмология определенно литологические ловушки зафиксировала. Думаю, в аномальности строения дело. Может, висячие залежи? Глубже надо бурить, до самого палеозоя. Так и Корват считает, и наш профессор. Лично я верю.

— Поживем — увидим. Не знаешь, почему буровики замедлили проходку?

— Твердые породы пошли, гранит. Ничего, прорвемся. Ну что, засучим рукава?

— Ага, двинем. — Кирилл бережно упрятал осколок бронзы в карман ватника. — Керны, надо полагать, уже подтащили.

Он сам делал анализы, ограничившись для быстроты степенью восстановления. Наметившаяся закономерность по простиранию и глубине косвенно подтверждала слова Дугэрсурэна. Бурить следовало как можно глубже.

У вагончика их действительно поджидали ящики с образцами, заляпанными глинистым раствором.

— Граниты и есть, — подтвердил Лобсан, очищая рукавом шершавую матовую поверхность. — Гляди, как черные зерна сверкают. Мусковит!

— Чего?

— Слюда. Ты что, минералогию совсем не сечешь?

— Откуда? У нас на факультете и курса такого не было. А это белое что? — Кирилл подкинул на ладони увесистую болванку.

— Ну-ка покажь! — Лобсан попробовал поковырять ногтем. — Вроде похоже на диатомовый песчаник.

— На диатомовый, говоришь? — насторожился Кирилл. — Интересно. У тебя есть микроскоп?

— Должен быть. Тут одна ваша девушка спорово-пыльцевым анализом занималась. Пошли поглядим? — Лобсан кив-

нул на соседний балок. — Только в диатомах навряд ли много железа. Ты особенно не надейся.

— Мне для другого, — нетерпеливо воспламеняясь, заторопился Кирилл. — Давай по-быстрому!

Футляр с микроскопом был замкнут на ключ, но с помощью перочинного ножика легко удалось открыть хлипкий замочек. Глядя на неловкие движения Кирилла, которому редко приходилось пользоваться прибором, Лобсан молча отстранил его и взялся за дело сам. Подключив микроскоп к сети, он соскреб с керна тонкий меловой завиток и, загнав между стеклами, поместил на предметный столик.

— Теперь гляди, — сказал он, поймав увеличение. — Если понимаешь, конечно. Лично я как сдал эту муть, так и забыл. И вряд ли здесь отыщется атлас.

— Что так? — незаинтересованно спросил Кирилл, приникая к окулярам.

— В полевых условиях всякие там диатомы ни к чему.

Кирилл никак не откликнулся на пренебрежительное замечание Дугэрсурэна и вообще вряд ли расслышал его слова. В ярком молочном поле предстала флотилия галактических кораблей, остывших до мертвого холода в своем бесконечном полете. Изысканные топологические конструкции, знакомые до мельчайшей клепки пупырышков. Каприз случайности.

Жадный накат жизненного прибоя перекинул через пространство и время тонкую шелковинку, связавшую затонувший островок и пустыню, дно океана и недра земли. И здесь, и там когда-то сверкали под солнцем озера. Закончив свой цикл, они умерли на веки вечные, запечатлев свое странное сходство. Зачем? Почему? Не ответят мертвые камни.

Кирилл не удивился, хотя и не знал, что толкнуло его на отчаянный поиск. Это не он искал — смешно бы было искать! — тень Атлантиды. Его руками и памятью владели иные руки, иная память. Другие, зеленые очи заглядывали в окуляр через его плечо. Если и была между ними та неразрывная связь, о которой он помнил эти долгие месяцы, то это она себя проявила. Как безошибочный инстинкт, ведущий птиц в заокеанском полете. Как неумирающая надежда.

Непонятное пугающее молчание Светланы, обрывок разговора о ней и каком-то Гончаруке, случайно подслушанный Кириллом на кафедре, вызвали в нем противоречивую реакцию. Он замкнулся в себе, перестав бросать в белый свет телеграммы, почти уверясь, что больше не ждет и ничего не желает. Но какая-то тайная глубина все же не поддалась омертвению. Она и прорвалась теперь благодарной нежностью всепрощения.

— Нашел чего? — спросил Лобсан, нарушив долгое молчание.

— Так, ничего.

— Что-то все-таки видишь, раз прикипел?

— Фотоаппарат есть. — Кирилл нехотя оторвался от микроскопов, тронув пальцами устало сомкнувшиеся глаза.

— Не видно, — Лобсан пошарил по полкам. — Наверное, увезла.

— Достать сможешь?

— Попробую у ребят поспрошать. Почти у каждого камера.

— Мне «Зенит» нужен, зеркалка.

— Это-то ясно.

— Поищешь?

— Если надо, могу.

— Очень надо, Лобсан.

Оставшись один, Кирилл присел на голые нары. Поискав глазами, поднял кем-то забытую книжку. Но не читалось. Растревоженные мысли мешали. Наползали одна на другую, громоздясь, как льдины, и тонули в непроницаемой быстрине половодья.

Вернулся торжествующий Дугэрсурэн, вертя на закрутившемся ремешке кожаным черным футляром.

— Принес. — Он положил аппарат рядом с микроскопом. — «Зенит 3-М».

— То, что надо. Спасибо, отец!

— Пленка двести единиц, но спускового тросика нет.

— Как-нибудь перебьемся.

Кирилл сделал несколько снимков.

— Все же зачем тебе? — Лобсана мучило любопытство. — Идея какая пришла?

— Это не для меня. Для одного человека. Проявить есть где?

— Сандыг и проявит. Его игрушка.

— Вертолет не скоро ожидается?

— В начале недели должен быть. Последняя бочка солярки осталась. Начисто выжгли. Хочешь в Москву отправить?

— Как можно скорее. — Кирилл перемотал пленку и вынул кассету.

— Дней десять будет идти, не меньше.

— Что делать? От нас не зависит. А холодно тут! — Кирилл спрятал в рукава озябшие руки. — Пойдем погреемся?

— Можно. Профессор Майдар опять приехал. Все равно к нам завернет. Он сейчас на буровой.

— Волнуется старик.

— Все мы волнуемся. Как же иначе?

Майдар, с которым Кирилл познакомился еще в Улан-Баторе, подъехал уже в сумерках. Его утепленный «газик» с приспособлениями для движения по пескам на колесах оста-

новился у самого крыльца, вспугнув хилого шакала, привлеченного духом вареной баранины.

— Ужинаете, молодые люди? — Он пригладил седую щеточку усов. — Достойное занятие!

— Садитесь с нами, товарищ Майдар, — пригласил Кирилл, вставая.

— Я уже перекусил немножечко на буровой, но лишний раз не помещает. Умный монгол всегда наедается впрок. Нет-нет! — заметил он движение Лобсана в сторону початой бутылки. — Почки не позволяют.

— Оказывается, и в Монголии есть болезни? — попытался пошутить Кирилл. — На таком мясе и молоке?

— Везде люди болеют, везде, — грустно закивал старый геолог. — Я вчера с товарищем Северьяновым разговаривал. Так он сказал, что Игнатий Сергеевич серьезно болен. Вот уж беда так беда.

— Опять? — вздрогнул Кирилл. — Как же это? — Он беспомощно заморгал. — Когда я улетал из Москвы, он уже поправлялся. К нему в больницу с работой ездили!

— Значит, ухудшение наступило. Бывает, — сказал Майдар.

— Состояние очень тяжелое? — спросил Кирилл в надежде на утешительный ответ.

— Северьянов говорит, очень. Он вам привет передавал, ваш Дмитрий Васильевич.

— Спасибо, — кивнул Кирилл.

— Корват поправится, — уверенно заявил Лобсан. — Я знаю. Он ведь такой... Настоящий батор!

— Два инфаркта — не шутка, — прицокнул Кирилл. — Притом он все так близко принимает к сердцу...

— Да, такой человек, не переделаешь, — с восточным фатализмом вздохнул Майдар. — Думаю, наш газ для него лучше всякого лекарства окажется. Сразу на поправку пойдет... Вы нового ничего не надумали?

— Мы тут посоветовались еще раз с Кириллом Ионовичем, — с важным видом высказался Лобсан, — и пришли к выводу, что действовать надлежит согласно первоначальному плану. Это подтверждается анализом степени восстановления сероцветов. Я принял решение продолжить бурение на седьмой и четвертой, а также возобновить проходку на одиннадцатой. Вплоть до палеозоя.

— Ты принял решение? — чуточку дрогнув уголком губ, переспросил Майдар. — И приказ о возобновлении проходки уже отдал?

— Я хотел сказать, — без тени смущения поправился Дугэрсурэн, — что принял решение внести такое предложение.

— Хорошо, — кротко согласился профессор. — Обсудим.

Пока не выключили свет, они втроем посидели над картой, прикидывая, в каких ловушках мог спрятаться сжатый под высоким давлением газ.

Остановился движок, и стало слышно, как воет на буровой бешено вращающаяся турбина, днем и ночью вгрызаясь алмазными коронками в гранитный чехол.

XXXVI

Прерывисто и низко гудел тифон в серой морозной мгле. Нарядно убранный флажками расцвечивания, под грохочущий в динамиках трансляции торжественный марш входил «Борей» в бухту Золотой Рог.

Экспедиция возвращалась с триумфом. Помимо полностью выполненной программы исследований на ее счету оказалось несколько интересных находок, расширивших представления о Мировом океане. Морфологи выделили неизвестную разновидность погонофор, геологи нашли шаровые лавы. Однако подлинной сенсацией явилось открытие в рифтовой зоне «черного гейзера». В нагретых почти до трехсот градусов грязевых фонтанах, бьющих из донных кратеров, удалось обнаружить неведомые бактерии. Поистине натиск живой волны не знал преград. Жизнь сумела приспособиться даже к околокритической воде, перегретой выше температуры воспламенения целлюлозы. Теперь казалось вполне вероятным, что она сможет существовать повсюду, где есть вода и минеральные соли. Например, на Венере, в каких-нибудь укромных углах.

Окрыленные успехом исследователи с особым нетерпением рвались домой. Светлана Рунова решила улететь первым же рейсом. Ее никто не встречал на причале, и некому было волноваться о ней в московском аэропорту. Когда, закончив обследование атолла, корабль вошел в международные воды, она послала Кириллу радиограмму, объяснив свое вынужденное молчание, но не получила ответа. За все шестнадцать суток пути от Фиджи до Владивостока ей не передали ни строчки.

И хорошо, думала спокойно вполне, что так легко все само собой разрешилось, исчерпало себя, пришло к логическому концу. Немного тошно было от собственной прозорливости и жалко несбывшегося, но знала, что это пройдет. Многое рано или поздно проходит. Светлана успокоилась, окрепла под тропическим небом, накопила запас прочности, необходимый в житейской борьбе. Все ей казалось теперь нипочем. И к странному ощущению, что тебя не ждет на берегу ни одна живая душа, она успела привыкнуть еще до того, как доставили на борт заказанный по радиотелефону билет.

Вместе с билетом Светлана получила оставленные в управлении порта деньги и конверт из плотной бумаги без обратного адреса. С удивлением взглянув на проштемпелеванную монгольскую марку, осторожно надорвала уголок.

В пакете лежало несколько фотоснимков с ее Astrionella Atlantis. И более ничего. Решив, что это милый розыгрыш кого-нибудь из знакомых, занесенных волей судьбы в Монголию, она собрала карточки и уже собиралась засунуть их обратно, как случайно заметила надпись на оборотной стороне: «"Чоноин-шорголга" ("Волчья колыбель"). Верхний мел. Они умерли за сто миллионов лет до нас». Почерк узнала, не успев осознать смысла прочитанного. Торопливо вывалив содержимое сумки на стол, нашла карандашную записку, переданную ей больничной нянечкой. Не терпелось сличить, хоть и знала, что ошибки не будет.

«Какая ж я дура, господи боже мой! — Она тихо всхлипнула, обезоруженная горячей волной и совершенно растерянная. — Какую чушь несла — вспомнить и то стыдно. Пять, десять лет... Только гарантии недоставало. Да откуда я знаю, что станется через год, через месяц? А он ждал, помнил. Да я мизинца его не стою! — Ее словно насквозь прожгло счастливым стыдом. — Чего боялась? Зачем заставляла страдать? — Коридорчик больничный вспомнился, испуганное лицо Кирилла и седина, так больно кольнувшая, на левом его виске. — Тогда и догнал он меня, сравнялся. Пусть будет все, как он захочет, — убежденно решила, ощутив покорную просветленность. — Я ведь женщина. Надо идти, куда поведут, верить надо. А если уже не зовет?..» И рассмеялась, не поверив, и рассыпала фотографии, как карты судьбы.

Такую и застал ее Гончарук, благодарно-зареванную, постучавшись в каюту. В бобровой шапке и коверкотовом зимнем пальто он показался поблекшим и старым. Она даже не сразу узнала его.

— Что с вами, Светлана Андреевна? — спросил с удивлением и тут же благовоспитанно перевел взгляд на застегнутый чемодан и коробки с коллекциями. — Успели уложиться? Зря, Светочка, зря. Неужели даже на банкет не останетесь?

— Рада бы, Герман Кондратьевич, да не могу, — просияла Светлана, виновато вздохнув. — Меня ждут.

— Тогда желаю счастья. Спасибо, как говорится, за службу. В Москве увидимся.

— У меня к вам просьба. — Светлана вручила ему незапечатанный конверт. — Вы, конечно, увидитесь с Наливайко... Передайте ему, пожалуйста. Здесь мои рекомендации насчет устричных и гребешковых плантаций. Я все-таки успела обработать собранный материал.

— А я и не сомневался. Спасибо.

— Это вам спасибо за все, Герман Кондратьевич!

— Рад, что не ошибся в вас, Светочка. — Он помог ей вынести вещи. — Шары, «черный гейзер», будьте уверены, об этом заговорят! Я ведь во все газеты послал...

— Мне тоже было очень приятно. — Она торопливо попрощалась и сбежала, стуча каблучками по железным ступенькам, на заснеженный причал, где уже дожидалось заказанное такси. Сейчас все ее помыслы занимала лишь одна, казавшаяся неразрешимой загадка: почему Кирилл очутился в Монголии?

— Вот и вы наконец, прекраснейшая! — обрадовался Неймарк, пританцовывая возле открытого багажника. — Давайте, давайте! — Он нетерпеливо выхватил коробки с кораллами. — Как бы вам не простудиться в одном-то плащике...

Холода она не ощутила, жадно глотнув морозного воздуха, хоть и странно было увидеть пар от дыхания, запорошенную снегом землю, обледенелые контейнеры. Над эстакадой кружилось вперемешку с голубями и чайками сытое воронье. Жаркое дыхание лагун, пироги и пальмы вспоминались уже как случайно навеянный сон. Возвращение в реальность прошло неотвратимо и жестко, отдавшись стуком захлопнутой дверцы, прощальным лязгом сомкнувшихся за машиной ворот, когда охранник в тулупе, проверив документы, повелительно и небрежно велел проезжать.

— Да, прямо в аэропорт! — подтвердила Светлана.

— Надеюсь, вы довольны итогом, очаровательница? — спросил Неймарк, с любопытством озирая преображенные зимой улицы. Клубы тумана, вырывающиеся из дверей магазинов. Мигающие светофоры на перекрестках. — Я так в полном восторге! Как в сказке побывал, даже не верится.

По-видимому, он переживал сходные ощущения. Но Светлана уже не прислушивалась к себе. Вычислив, какую ниточку следует потянуть, чтобы размотать волновавший ее клубок, она вспоминала московские телефоны, мечтая поскорее очутиться в своем Беляеве, казавшемся и желанным, и милым.

— У вас есть все основания ликовать, — без умолку бубнил охочий поболтать Неймарк. — Штамм, который мы подняли со дна, конечно же, не случайно оказался в горячем гейзере. Если бактерии будут размножаться в лаборатории, я имею в виду специальный автоклав, это явится крупнейшим открытием века. Придется отказаться от привычных взглядов на распространение жизни. Причем не только на Земле, но и в космосе. Со всей определенностью заявляю! Ее потому и не обнаружили до сих пор, что не искали как следует... Почему вы молчите? — Он ревниво покосился на ее застывшее в мечтательной улыбке лицо.

— Я думаю, Александр Матвеевич, — ответила Светлана, не сразу возвращаясь из своего далека, — над вашими словами. Очень интересная мысль.

— Вы в самом деле так думаете? — обрадовался Неймарк. — Впрочем, чему удивляться. Само собой разумеющийся факт. Так что примите мои поздравления.

— Мой вклад слишком незначителен. — Светлана только теперь догадалась, о чем он говорит. — Мы же совершенно случайно наткнулись на «черный гейзер», а все остальное прекрасно проделали без нас.

— О вы глубоко не правы! Тут важен первый шаг, первое слово. Я, например, был бы без ума от радости, выпади мне такое. Однако, увы...

— Не прибедняйтесь, Александр Матвеевич, вам и без того есть чем гордиться.

— Э, и сравнивать нечего! Мы работаем на подхвате. Погонофоры, скажете? Но их открыли еще десять лет тому назад.

— Все-таки новая разновидность. Вашим именем назовут.

— Как-нибудь обойдусь. Так спокойнее. Я, матушка, генетик-вавиловец, битый-перебитый. Мне покой дорог.

— Знаю я, какой вы любитель покоя! Так и лезете в драку.

— Я? Вы, наверное, меня с кем-то путаете. Всю экспедицию я был тише воды, ниже травы.

— Именно поэтому вы решили ввязаться в рискованную дискуссию о личинках? — задорно подмигнула Рунова, вспомнив, как яростно разгромил Неймарк скороспелую гипотезу, с которой выскочила поддержанная Гончаруком Нелли Башмачникова.

— Планктонная личинка во многом определяет структуру стад, место их обитания, механизм воспроизводства. Ведь планктон целиком зависит от направления течений, их температуры, погоды на Земле и хромосферных вспышек на солнце, то есть от всех тех факторов, которыми мы пока не научились управлять. Только теперь благодаря новейшим океанографическим исследованиям мы обрели надежду связать поведение планктона с системами циркуляции воды в океанах. С этого и следует начинать!

— Да-да, именно с этого и следует начинать, — поспешила заполнить паузу слушавшая вполуха Светлана, решив для себя, что начнет с Димы Северьянова, который третий год сидит на монгольской тематике и знает там всех и вся. Она глубоко уважала Александра Матвеевича и обычно с удовольствием выслушивала его пространные объяснения, но от мысли, что придется провести с нами почти сутки, ее охватил нервный озноб.

«Почему так эгоистично счастье? — подумала, не устыдившись. — Не до того мне, право, не до того, но надо терпеть».

Она вытерпела и, промучившись еще ночь в собственной квартирке — уже от неведения и расстройства суточных рит-

мов, — с раннего утра навалилась на телефон. Обзвонив подруг-приятелей, оказавшихся в сфере досягаемости, вызнала новости, восстановив последовательность событий. События оказались любопытными, даже более чем. Но выстраданное в приятном обществе Неймарка решение начать с Димы осталось неизменным.

Он встретил ее на середине кабинета с радушной уверенностью хозяина, хоть и значилось еще на черно-золотой табличке имя Корвата. Они обнялись и с подчеркнутой непринужденностью старых друзей троекратно расцеловались.

— Прибыла, значит, лягушка-путешественница? — Северьянов чуть не насильно запихнул ее в собственное кресло, усевшись на краешке стола. — Читал о твоих подвигах, читал!.. «Есть ли жизнь на Венере?» Кажется, в «Комсомолке»?

— Не важно, — отмахнулась Светлана. — Расскажи лучше про себя. Впрочем, я уже многое знаю и поздравляю от души! Димуля, ты это заслужил!

— Хотелось бы знать, с чем именно ты меня поздравляешь? — Он довольно усмехнулся, покачивая длинной ногой прирожденного баскетболиста.

— Прежде всего с назначением! Ты из нашего выпуска первым взлетел так высоко. Мне, конечно, жаль Игнатия Сергеевича, но, надеюсь, с ним будет полный порядок. А ты молодец! Так держать! Вперед и выше.

— Спасибо на добром слове, Светка. Я знаю, что у тебя это искренне. — Дмитрий Васильевич соскочил со стола и принялся выхаживать вдоль ковровой дорожки. — Но кресло мне досталось то еще! И сидеть неуютно, и встать не дают. Положение, словом, весьма щекотливое. Поэтому лучше не будем. Я тебя умоляю! — остановил он ее протестующий жест. — А вот с чем ты меня действительно можешь поздравить, так это с газом. Мы таки доконали его, Светик!

— С каким газом? — Светлана была так далека от его забот.

— Неужели не знаешь? — удивился Северьянов без тени обиды. — Хотя откуда тебе? — Он небрежно кивнул на карту. — Можешь полюбоваться! Оконтурили месторождение. Не из последних, смею заметить... Ох и дался же нам этот газ!

— Так это в Монголии?! — обрадовалась она.

— Конечно, в Монголии. Где же еще?

— Ой, Димка! Думаешь, я к тебе просто так пожаловала? На тебя полюбоваться?

— Честно говоря, да. — Остановившись возле стола, он выжидательно перегнулся. — Или не заслужил?

— Заслужил-заслужил, Димуля! Прости! — Светлана чмокнула его в щеку и наклонилась за пластиковой фирменной сумкой. — Это тебе, — осторожно разместила среди те-

лефонов внушительные футляры из картона. — Какие-то сигареты, говорят, вполне приличные, и действительно редкостный черный коралл.

— Напросился на подарок.

— Как не совестно! Я просто забыла на радостях. Это, правда, тебе. Ты столько для меня сделал!

— Единственно по причине твоих изумрудных глаз и моей старой любви. — Дмитрий Васильевич взглянул на этикетку. Сигареты были высшего качества: «Данхилл».

— Неправда. Меня ты никогда не любил.

— Зато любил твоих подруг из медицинского. Отличные девочки были! Где-то они теперь? Эх, молодость-молодость...

— Не печалься. Еще не вечер.

— Полагаешь?

— Я тебе точно говорю. Можешь верить!

Они замолчали: он растроганно, она несколько напряженно.

— У меня к тебе дело, Дима, — без ненужных околичностей подступила Светлана, когда схлынул его сентиментальный порыв. — Там у вас, — она показала на карту, — в керне обнаружился интересующий меня диатомовый слой. Хочу съездить.

— Зачем? Я скоро лечу туда. Привезу все, что захочешь.

— Нет, Димочка, мне самой нужно! — взмолилась она с капризной настойчивостью, не одобрив себя со стороны.

— А ты откуда знаешь про керн? — Он насторожился.

— Смотри. — Светлана вынула фотоснимок. — Мне специально прислали.

— Кто?

— Кто-кто! Друзья! Важно не кто, а что, Дима! Это же точно такой вид, который мы подняли в Атлантике.

— Откуда он мог очутиться в Монголии. В верхнем мелу?

— Ты меня спрашиваешь? Самой бы хотелось знать.

— Ну тогда поезжай, если факультет не возражает.

— Конечно, не возражает! — заторопилась она. — Меня быстро оформят — старая виза еще действует. Ты меня подождешь?

— Я-то тебе зачем, Света.

— А вертолет? И вообще транспорт? Неужели ты способен бросить меня одну среди пустыни? Да еще зимой! Помоги, Дима!

— Ладно, беру. Только побыстрей оформляйся.

— Ты прелесть! — Светлана вскочила, но тут же опустилась назад в кресло, потому что в кабинет вошел парторг института Гроханов.

— Игнатий Сергеевич умер, Дима! — крикнул он прямо с порога, совершенно слепой от слез.

— Не может быть! — метнулся навстречу Северьянов.

— Только что позвонили. — Гроханов протянул к нему руки, и они потрясенно застыли, припав друг к другу.

— Слушай меня, Юра, — борясь с душившим его горем, вырвался Северьянов. — Слушай меня! Я никого не хочу винить, но кое-кому придется уйти из института. Со мной они не сработаются! Я тебе точно говорю.

— Какое теперь это имеет значение. — Гроханов попытался вытереть слезы. — Он умер, Дима! Ты понимаешь?

— Смотри! — Северьянов бросился к карте. — Смотри! — исступленно застучал по ней кулаком. — Как маршал! Как солдат-победитель! Умер, как жил, с оружием в руках... Я не прощу, Юра!

Гроханов постоял в горестном отупении и, ничего не ответив, вышел.

— Тебе чего, Света? — Дмитрий Васильевич устремил на нее потухшие, тоскующие глаза. — Ах да. — Он махнул рукой. — Я сделаю все, что надо, иди, Светик, иди...

XXXVII

Впервые в жизни Кирилл увидел мираж. За отшлифованными ветром тяжелыми барханами, поразительно похожими на приплюснутые пирамиды, открылась стеклянная гладь. Ясно различались голые деревья у берега, отраженные в глубине постепенно уходящие сваи и даже причаленные лодки. Призрачное озеро, отчетливо прорисованное в невозмутимой студеной дали, завораживало своей почти осязаемой неизменностью. Как ни петляла между песчаными холмами дорога, оно оставалось на том же месте, не приближаясь и не отступая за горизонт.

— Ты видишь? — обратился Кирилл к Лобсану Дугэрсурэну, насчитав после двух часов пути то же количество свай и лодок.

— Что? — не понял Лобсан, наклоняясь к оконцу.

— Вон там, — нерешительно указал Кирилл на примерещившийся водоем, послушно повторявший повороты машины.

— Так это мираж, — равнодушно взглянув, отвернулся Лобсан.

— Я понимаю, что мираж, но отчего такое поразительное постоянство? Едем-едем, и хоть бы чуточку сместилось.

— Это же не кино! — снисходительно заметил Дугэрсурэн. — Такая атмосфера. Очень сильная рефракция. Особенно здесь, в Чоноин-шорголга. Дорога сплошных миражей.

Как бы в подтверждение его слов, прямо на ходу вынырнул вполне реальный выветренный останец. Шофер резко свернул — вездеход тряхнуло и повлекло по утрамбованной осыпи к остро накрененным базальтовым плитам, торчащим

из-под припорошенного снеговой крупкой песка. Просвет между темно-красными с хмурым свинцовым глянцем скалами открылся в самый последний момент. Последовал очередной бросок, и вновь в раме окна возникла прежняя картина.

— Вот дороги я почему-то не приметил! — поморщился Кирилл, потирая ушибленное плечо.

— Тебе и не обязательно. Лишь бы Сандыг видел. А он знает свое дело, можешь не волноваться.

— Я не волнуюсь. Просто ушибся слегка.

— Лучше держись. — Лобсан показал на скобу. — Нам еще долго кочевать.

Они выехали на одиннадцатую буровую сразу же после митинга, состоявшегося в самом центре. Местное начальство уговаривало остаться на праздник — все же такое событие: первый газоконденсатный фонтан! — но Лобсан был непреклонен. Решение возобновить проходку одиннадцатой лишь с началом весны его никак не устраивало, и он решил заручиться поддержкой буровиков, которые переселились на зиму в соседний аймак.

— Поедешь с нами? — позвал он Кирилла, когда румяные круглолицые красавицы в нарядных халхасских одеждах пригласили гостей на концерт в Дом культуры.

Кириллу хотелось дождаться вестей из Москвы, да и праздник пропустить было жалко, но, зная, сколь многое зависит теперь от одиннадцатой, он согласился без колебаний. Из чисто мужской солидарности. Свою микроскопическую, но, как выяснилось, совсем не лишнюю лепту он уже внес и ничем, кроме дружеского участия, не мог подкрепить упрямую убежденность Дугэрсурэна в продуктивности тамошнего триаса. Само это слово, хоть и звучало заманчиво, было для него таким же туманным, как постоянно мелькающие в разговоре «кайнозой», «мезозой» или «юра». Он и не пытался разобраться в очередности этих, длившихся миллионы лет, геологических эр и периодов, закаменевших пластами доисторической жизни. Только верхний мел, откуда был поднят цилиндрик диатомового песчаника, прочно врубился в память.

Облик пустыни многократно менялся. Опушенная заиндевелой дымкой высушенного морозом дериса, она влекла и пугала немыслимым совершенством оттенков и форм. Базальтовые гряды сменялись иззубренными утесами, утрамбованные в причудливой сетке трещин проплешины тонули в песчаных оранжевых лунках, изборожденных графитовыми завитками серповидных теней. Что-то странное происходило со зрением. Ближние предметы ускользали от взора в текучей расплывчатости, а удаленное поражало геометрической четкостью очертаний. Но порой что-то сдвигалось и рушилось в лишенной воздуха перспективе и на передний план

назойливо вылезали ничтожные, а то и вовсе не различимые нормальным глазом крупицы. Одноликие массы цвета как бы распадались на первозданные элементы, а весь ландшафт представал сотканным из отдельных точек полотном художника-пуантилиста. Каждая песчинка вырисовывалась отдельным кристалликом, вобравшим в себя и тени, и свет, и полную завершенность космоса.

Исчезало различие между большим и малым, между пылающим на горизонте горным кряжем и осколочком халцедона, выброшенным протектором на бубен глинистого такыра.

Все, о чем ворожила пустыня, глухо стеная в ночи, мог рассказать любой камешек или жестяная колючка, впитавшая звездный мороз. Только остановись на мгновение, возьми в руки, прислушайся сердцем.

Вездеход полз по бездорожью, ныряя, как в штормящем океане. Он один и перемещался в застывших волнах, над которыми зависли уснувшие руины заоблачных городищ.

— Не жалеешь, что с нами поехал? — спросил Лобсан.

— Я и мечтать не смел, что увижу такое. — Кирилл насилу оторвал привороженный взгляд от запыленного окна.

— Погоди, еще не то будет!.. Только не надо смотреть так долго — голова заболит.

— И так перед глазами искры танцуют...

— Отдохни малость. Есть хочешь?

— Пожалуй.

Лобсан развязал узелок, в котором оказались сухие пенки и ломоть хлеба. В термосе плескался, исходя приманчивым паром, горячий чай.

— А как же Сандыг? — Стараясь не пролить, Кирилл наполнил прыгающие на откидном столике кружки.

— У него есть, не беспокойся. Обедать не скоро будем. — Дугэрсурэн провел пальцем по карте. — Нам еще ехать и ехать.

— Недаром говорят, что работа геолога — это одна нескончаемая дорога. Я бы вряд ли смог всю жизнь так, но пока мне нравится... У тебя есть жена, Лобсан?

— Не женился еще. У нас знаешь как говорят? «Где любовь, там и забота».

— А девушка?

— Девушка, конечно, есть. Как же иначе? — Лобсан засмеялся. — С девушками легко. Они сами выбирают себе парней. Наши женщины очень самостоятельные. Моя бабка всем домом командует. Дедушка ее до сих пор боится.

— Ты тоже?

— Бабку? Конечно, боюсь. Я ее люблю, Кира. Кого любишь, того и боишься, слушаешь. Нет, мне еще рано жениться. Счастье мужчины — беспредельная степь.

— Тоже народная мудрость?

— Не знаю, так дед говорит.

— Еще знаешь какие-нибудь пословицы? Про любовь?

— Про любовь? — напрягся, вспоминая, Дугэрсурэн. — «Одна головня — не огонь, одинокий человек — не человек». Нравится?

— Как же тогда степь, которая счастье мужчины? — улыбнулся Кирилл.

— Каждый его по-своему понимает, счастье. — Лобсан не поддержал шутки. — Мне еще одна поговорка вспомнилась: «Плохо уложенная ноша — мученье для верблюда, большая любовь — мука для сердца». Не желаю я такой любви. Пустая трата времени и сил. Я знать хочу, а не терзаться.

— Завидую тебе, Лобсан. Ты твердо усвоил, что тебе надо. Я ни от чего не могу отказаться.

За окном быстро темнело. И вскоре одно лишь небо светилось над сплошной фиолетовой тенью, стушевавшей складки песчаных груд и ребра утесов.

— Будем ехать, пока Сандыг сможет, — сказал Лобсан. — Ночью далеко не уйдешь. На фары в пустыне нельзя положиться. Совсем не тот свет. Сколько людей пропало только потому, что на фары надеялись.

Сандыг остановился посреди каменистого плато. Ровные кубических очертаний глыбы плоскими уступами лепились к смутно темневшему отрогу, как сакли в ущелье. Разбросанные по равнине буйными содроганиями коры, они торчали стоймя или подпирали друг друга под острым углом, словно обрушенные надгробья. В рассеянном звездном свете далеко было видно. Прямо по ходу машины пролегла чертой кромешного мрака то ли расщелина, то ли длинная тень от исполинского саркофага, окруженного частоколом покосившихся призм. Скорее всего, она и заставила Сандыга нажать на тормоза. Продвигаться дальше показалось опасно. Изредка выветренные скалы издавали сухой оглушительный треск, летевший сквозь ледяное безмолвие пугающим дробным раскатом. Более гиблое места и вообразить было трудно. Геометрическая безупречность фигур стократно усиливала гнетущее впечатление унизительной беспомощности перед вселенской катастрофой, постичь и измерить которую едва ли мог человеческий разум.

По крайней мере, так ощущал Кирилл, когда он вышагивал возле вездехода, энергичными взмахами и приседаниями разгоняя застывшую кровь.

Справа под россыпью Млечного пути вырисовывались неприступные башни крепости, в которой могли бы жить великаны. Но ни в крепость, ни в громоздящиеся ступенчатыми ярусами дома войти было никак невозможно. Ни окон, ни лазов в отвесном граните, вздыбленном над заваленными щебнем хаммадами и языками песков.

Одно оставалось: забраться в уютный кузов, экономно включив обогрев, и растянуться на жестких сиденьях до утра.

— Тавтай нойрсоорой, — пожелал Кирилл всем спокойной ночи, старательно выговаривая слова, и забылся неглубоким тревожным сном, когда настороженный мозг, скользя сквозь разорванные видения, не забывает о холоде и неудобстве.

Лобсан растолкал его на рассвете. В замороженных окошках едва серело. Ныли суставы, и безумно хотелось спать.

— Почему так рано? — Кирилл с трудом разлепил веки, плохо соображая, где он и что с ним.

— Пора вставать. Скоро увидишь.

Позавтракав всухомятку — в термосе едва набралось по полкружке на брата, — они повыпрыгивали на заиндевелую землю. Камни вокруг дымились тончайшим матовым серебрением. И тишина стояла такая, что поскрипывание шагов отдавалось в ушах протяжным эхом. Сумерки таяли незаметно, и небо было еще совсем холодным, когда в таинственных недрах циклопической цитадели нестерпимой колючей звездой вспыхнуло волшебное зеркало. Не успел Кирилл оправиться он изумления, как загорелось в другом месте, потом в третьем, и пошли взрываться, как по пороховому шнуру, подожженные окна. Еще не окрасился зарей горизонт, а лучезарная пляска охватила всю каменную громаду. Расплавленная пурпурным сиянием, она сквозила дымчатой легкостью пылающих облаков. Стало светло, как в июньский полдень. Воздух наполнился мелодичным звоном, который переплавлялся в свет, словно сталкивались в полете, опадая чудесным дождем, мириады золотистых иголок. Но не успела истаять небесная мелодия, как ущелья отозвались гневным рокотом, переходящим в оглушительный рев. Раскаленные скалы заплясали в неверном мелькании кипящего воздуха и обрушились в бездонный провал, разверзшийся за выщербленным гребнем стены. Вдоль небосклона лихорадочно заметались тени. Полыхнуло зеленым, потом призрачно-голубым, как при электросварке, и над землей прокатилась волна победного грома. Почва под ногами содрогнулась до самых глубин и ощутимо завибрировала в унисон грохочущей цветомузыке. С каждым аккордом неузнаваемо преображался мир.

Кирилл опомнился, когда солнечный шар легко оторвался от зубчатой каймы, всплыв над скальной грядой, пылавшей вишневым накалом остывающего железа. Вспышки погасли. Стена, оказавшаяся отвесным склоном гранитного щита, вновь обрела свою непроницаемую сплошность. Нежно окрасились в красно-оранжевые цвета зари угрюмые башни.

— Что это было? — прошептал он, испытывая счастливое головокружение.

— Баин-Дзак! — засмеялся, приседая и хлопая по коленям, Сандыг. — Баин-Дзак!

— Пылающие скалы, — перевел Дугэрсурэн. — Такие только у нас есть, больше нигде в мире.

— И так бывает всегда? — спросил потрясенный Кирилл, все оглядываясь через плечо на пламенеющие утесы.

— Летом еще красивее.

— Онгоц![1] — Кирилл вздрогнул, услышав за спиной радостный возглас Сандыга.

В небе, где совсем недавно звенели золотые дожди, отчетливо гудел мотор.

— Вертолет! — сказал Лобсан, найдя быстро приближающуюся точку. — Вон там... Хотел бы я знать, кто к нам сюда пожаловал? — усмехнулся он, когда стрекочущий кузнечик завис над вездеходом и начал медленно опускаться. — Только начальства на мою голову не хватало.

— Баин-Дзак! — повторил Кирилл. — Последний день Атлантиды.

В невыразимой клубящейся мгле мерещились, маня и тревожа, властительные связи всего со всем. Музыка, математика, красота. Рождение и гибель миров. Крушение цивилизаций. Жизнь и смерть в разнесенной взрывом Вселенной. Атлантида. Тибет. Невыразимая тоска заключенного в бренную оболочку духа. Трубадурская альба — песня любви.

Как причудливо и нежданно все это соединилось в простеганном золотой нитью мраке кносского лабиринта. Но не было слов, способных ухватить высокую сверхчеловеческую суть и закрепить ее вещим знаком.

---

[1] Самолет *(монг.)*.

Проснись, Фамагуста

Повесть

Пропахший дымом паленого кизяка, старый буддийский монах спустился с башни. Прополоскав рот святой водой из узорного нефритового флакончика, он со стоном разогнул истерзанную радикулитом поясницу и поплелся доложить, что с перевала идет пешком чужеземец. Ни самого перевала, скрытого от глаз горами, ни тем более таинственного ходока, которого ожидали еще два дневных перехода, он, конечно, не видел...

I

Обнаружив, что перевал Лха-ла забит снежной пробкой, Макдональд вынужден был спуститься в ущелье, где в глубоко пропиленном стремительным потоком каньоне, словно в аэродинамической трубе, ревела река. Всего лишь тысяча футов по вертикали, но спуск этот равен был перемещению на тысячу лет назад, стремительному падению в совершенно иное пространство.

Едва кончилась граница вечной зимы, и островки подтаявшего снега стали чередоваться с жесткими кустами белого рододендрона, поворот тропы обозначил ошеломительную смену декораций. Острые контуры непокоренных сверкающих восьмитысячников, яркостью белизны затмевающих облака, властно урезали горизонт. Беспредельная даль, где волнистые матовые хребты всех оттенков синевы постепенно выкатывались нарастающими валами, обернулась пропастью, в которой тяжело и медлительно курился туман. Так всегда бывает в горах, где нет прямых и близких путей, и латеральные дороги обрекают путника на изнурительное кружение в хаотическом лабиринте. Но всему приходит конец, и щебнистая тропа, что так пугающе близко висела над обрывом, неожиданно уперлась в чуть наклоненную стену, тщательно сложенную из темного плоского камня, покрытого сернистой накипью лишайника. Прилепившиеся к склону невысокие башни и культовые обелиски, выступавшие над оградой, казались естественным продолжением гор. Крепость напоминала причудливый монолит, сотворенный ветрами,

или исполинскую кристаллическую друзу, вырванную тектоническим взрывом из потаенных складок и жил. Не верилось, что так может выглядеть человеческое жилье. Обрамленная скальными осыпями неподвижная панорама дышала безмерным одиночеством и вечным покоем.

Форт, помеченный на кроках Макдональда малопонятной надписью «Всепоглощающий свет», отчетливо вырисовывался в пустоте медно-зеленых небес и по мере приближения все более походил на некрополь, где вечным сном почивали неведомые полубоги. И под стать ему была неправдоподобная перспектива, пробуждавшая глухую струну атавистической памяти. В зените незрелым арбузным семечком отрешенно белела луна, а над цепью хребтов пылали предзакатным накалом четыре одинаково страшных солнца, бесконечно преломляясь и жестко дробясь в ледяных плоскостях.

Было на удивление тихо. Безжизненно свисали с шестов молитвенные флаги, и бабочки, раскрыв крылья, как бы намертво прилипли к лиловым лепесткам первоцвета. Шевельнулось смутное желание по обычаю шерпов пропеть благодарственную мантру или, встав на колени, громко, от всей души выругаться.

Испытывая непонятное беспокойство, Макдональд сбросил рюкзак и присел в сторонке на камень с вездесущим тибетским заклинанием «ом-мани-пдмэ хум», обращенным к милостивому бодхисатве с одиннадцатью головами и четырьмя парами рук, всегда готовых прийти на помощь бьющемуся в тенетах иллюзий человеческому существу. Отсюда форт не был виден, и путника тоже нельзя было увидеть из его узких, затененных карнизами окон. Тронув щетину на изъязвленном, покрытом запекшимися корками лице, Макдональд окинул себя критическим оком. Рубашка под оранжевой штормовкой, некогда голубая, а ныне потемневшая от копоти и вся в кровавых отметинах, оставленных пиявками туманного леса, походила на тряпку, которой художник вытирал свои кисти, а ботинки и особенно гетры, раскиснув от влаги, обильно обросли колючками. Оставалось лишь надеяться на то, что жители «Всепоглощающего света» уже встречались в своей жизни с альпинистами, наводнившими в последние годы девственные просторы «Махалангур-Гимал»[1]. В противном случае его примут за волосатого, насылающего несчастья «тельму» и забросают каменьями.

Макдональд развязал рюкзак, посаженный на жесткую раму. Достав завернутый в фольгу кусок шоколада, он без особой охоты погрыз горькое, насыщенное питательными жирами полено, затем вынул портативную рацию системы «Шарп», бережно упрятанную между свернутым спальным мешком, утепленным пухом гагары, и одиночной палаткой.

[1] Дословно. «Горы снежного человека»

Не успел он включить тумблер питания, как в наушничке завыли бури и заскрежетала жесть. Видимо, наименование «Всепоглощающий свет» оказалось пророческим. Радиоволны поглощались тут почти на всех диапазонах. В те же короткие мгновения, когда кое-как удавалось наладить обмен, без которого немыслим современный альпинизм, включалась, причем с точностью хронометра, эта самая скрежещущая помеха, и все тонуло в невыразимом хаосе. Казалось, вырастала металлическая стена, более высокая, чем сами Гималаи, о которую разбивались молящие голоса, погребенные лавиной раздробленной, утратившей какой бы то ни было смысл морзянки.

Мини-компьютер, хотя в этом уже не было особой необходимости, автоматически соединившись с коммуникационным спутником, взял пеленг. На панели недобро замигал рубиновый огонек. Можно было не проверять — источник помех работал где-то за перевалом, который, согласно всем сезонным таблицам, уже должен был открыться для движения, но пока пребывал в снежном плену.

Форт, а точнее, дзонг — это тибетское слово означает не только крепость, но и административную единицу — охранял единственную дорогу, ведущую через перевал в загадочную долину «Семи счастливых драгоценностей». На сотни миль во все стороны света это был единственный населенный пункт, где можно было переждать до конца муссонов и встретить снеготаяние. Располагая не только кроками местности, но и точнейшей картой, составленной по данным космической съемки, Макдональд, однако, не знал, что ждет его там, за чешуйчатой стеной и башнями, похожими на низкоусеченные пирамиды.

Причиной тому были не только скудные сведения, но и застарелая административная неразбериха. Юридически дзонг, чье население составляло ныне всего сотню с чем-то человек, все еще числился суверенным княжеством, связанным с соседним королевством Друк Юл[1] древней феодальной зависимостью. По договору, заключенному не то в семнадцатом, не то в восемнадцатом веке, местный раджа, или как там он назывался, выплачивал центральной власти ежегодную дань в размере четырнадцати с половиной вьюков сушеного сыра, который до самых последних дней считался основным валютным активом страны. Поскольку «Всепоглощающий свет» не имел дипломатических представительств ни в одной из столиц мира, то въезд в него, если таковой был вообще возможен фактически, не лимитировался никакими писаными ограничениями. Это существенно отличало местное законодательство от бутанского, ибо добыть пропуск в Друк Юл было делом практически безнадежным. В страну допускались избранные счастливцы, располагавшие личным приглашением короля или, на

[1] Королевство драконов грома (Бутан).

худой конец, одного из членов королевской семьи. Обойти это железобетонное установление не удалось еще никому. Макдональд знал о случаях, когда давали от ворот поворот даже путешественникам, имевшим письма от самого премьер-министра. Исключение делалось лишь для ламаистского духовенства, искавшего истины под сенью древнего монастыря «Тигровое логово». Макдональд мог только радоваться тому, что посещение запретного королевства не входило в его планы. Ведь даже на самый худой конец, если бутанская юрисдикция целиком распространялась на «Всепоглощающий свет», ничто не мешало одинокому альпинисту разбить свою палатку под стенами дзонга или возле того пихтового перелеска на другой стороне каньона.

«Меновой торговле такой компромисс как будто не помешает», — рассудил Макдональд, надеясь добыть что-нибудь съестное за редкостную здесь бутылку виски и блок сигарет «Кэмел». На кредитные карточки и наличную валюту он, разумеется, не очень рассчитывал. В этом смысле бутанская глубинка была еще более диким местом, чем даже первобытная страна с милым сердцу названием Горы снежного человека.

Макдональд вогнал телескопическую антенну в гнездо, сложил пеленгационную рамку и для надежности, чтобы не отсырели батареи, укрыл рацию в пластиковый мешок. Курить на высоте почти тридцать тысяч футов не слишком хотелось, и он решил сократить свой последний на пути к дзонгу привал.

До цели оставалось всего ничего — перейти на другой берег реки по мосту из пяти бамбуковых стеблей, переплетенных лианой. В обманчивом сиянии многих солнц ненадежное сооружение напоминало паутину, сверкающую капельками росы. Макдональд знал, сколь часто обрывалась подобная снасть, увлекая людей в молочный от пены беснующийся поток. Но выбора не было, и пришлось, сжав зубы, ступить на зеленоватую коленчатую соломину. Она раскачивалась в обе стороны и явственно прогибалась под ногами. Влажные подошвы то и дело соскальзывали, и очень сильно мешал рюкзак за спиной. Руки сами собой намертво впивались в «перила» — такие же бамбучины в тенетах лиан, и к горлу подкатывал тошнотворный ком. Вязкая от шоколада слюна затрудняла дыхание в разреженном воздухе. Даже для опытного альпиниста, каким по праву считался Чарлз Макдональд, доктор электроники и австралийский гражданин, гималайские мосты представляли серьезное испытание. Куда проще было бы перелететь над загнанной в преисподнюю угрюмой рекой по надежно схваченному «фиксами» канату.

Уже на закате солнца, когда один за другим погасли ложные двойники, Макдональд дошел до ворот, сбитых из мощных кедровых брусьев и сберегаемых парой устрашающих

личин в коронах из черепов с пылающими киноварью глазницами. К зажатым в острых оскаленных клыках медным кольцам были привязаны полинявшие лоскутья и желтые от времени и непогод бараньи лопатки, исписанные красивой вязью тибетских букв. Именно по таким закопченным в огне костям местные ламы предсказывают судьбу.

Макдональд не мог знать, что ежевечерняя церемония изгнания злых духов уже состоялась, и дзонг, надежно защищенный теперь от демонов ночи, не раскроет своих ворот до следующего утра.

II

На первых порах пришельца приняли за гостя, хоть он вовсе не имел права на столь высокий ранг, дающий к тому же вполне конкретные жизненные блага. Впрочем, недоразумение сразу же разрешилось, едва Макдональда проводили в покои верховного ламы. Первый контакт принес обоюдное разочарование. Языковой барьер оказался абсолютно непреодолимым. Макдональд, правда, как будто сумел с помощью жестов объяснить, что пришел с гор, но осталось неясным, как истолковал духовный владыка крохотного княжества разыгранную пантомиму. Она могла доставить ему и чисто эстетическое удовольствие. Кто знает... Оставалось лишь молча ждать, что будет дальше. На свои способности к экстрасенсорному общению Макдональд, разумеется, полагался меньше всего.

Пока гость, преодолевая неловкость, оглядывал резные колонны, увитые ярко окрашенными драконами, и свитки с изображениями буддийских божеств, пока дивился золотым чашкам, в которых жарко горело буйволиное масло, сухонький старичок, чем-то похожий на потемневшую от времени сандаловую статуэтку, успел составить о нем свое представление.

— Кипо ре?[1] — осведомился он, проследив взгляд белого варвара, непочтительно вперившего очи в шелковое, расшитое аппликациями покрывало, изображавшее вероучителя Падмасамбаву.

Макдональд вопроса не понял, но счел возможным показать ламе язык. Это считалось здесь чем-то вроде дружеского приветствия. Заметив, что лама носит такую же шапку с золотым набалдашником, как и вышитый на шелку джентльмен с усиками, грозно сжимавший в руках жезл, на который были нанизаны мертвые головы и скелет, Макдональд почтительно склонил голову. Возможно, под влиянием созерцания священных атрибутов он внезапно прозрел и, повину-

[1] Красиво? (*тибет.*)

ясь нежданному импульсу, решился на активное действие. Метнувшись к рюкзаку, оставленному у порога, он извлек бутылку тщательно сберегаемого «Джи энд Би» и, великосветски улыбаясь, преподнес ее хозяину. И это было лучшим из возможных деяний.

Лама учтиво улыбнулся в ответ и знаком подозвал коротко остриженного послушника в таком же, как у него самого, затрапезном красно-коричневом платье, оставлявшем открытым правое плечо. Мальчик шмыгнул куда-то за колонны, неловко задев увешанный пестрыми лентами зеленый барабанчик, и немая аудиенция продолжалась. Макдональд уже со спокойной душой глазел на диковины: череп из папье-маше с тремя пустыми глазницами, сейшельский орех, решительно напоминавший женское лоно, и трехгранный нож, увитый змеей. Сандаловый старичок, не пытаясь более завязать беседу, следил за ним с доброжелательным любопытством.

Монашек вскоре возвратился в сопровождении толмача. Макдональд с первого взгляда распознал в грузном, загоревшем до черноты мужчине шерпа-проводника. Тот вошел в храм, не снимая давно потерявшей форму фетровой шляпы, и лишь сбросил с плеч, связав рукавами у пояса, свою чубу — тибетский нагольный халат.

Мощную загорелую грудь шерпа украшал золотой жетон «Тигра снегов» — высшая для альпинистов награда, даруемая за покорение восьмитысячника. Макдональд знал, что только очень богатый спортсмен может позволить себе нанять подобного проводника.

— Как поживаете? — поздоровался шерп на вполне сносном английском и назвал себя: — Анг Темба... Я вообще-то из Соло Кхамбу, это в Непале, и работаю по контракту.

— Очень приятно познакомиться, мистер Темба. — Макдональд чистосердечно обрадовался и протянул руку. — Насколько я понимаю, вы согласитесь взять на себя роль переводчика?.. Это превосходно! Буду вам очень обязан. — И, поймав выжидательный взгляд, поспешил представиться: — Чарлз Макдональд из Сиднея... Это в Австралии, мистер Темба.

— Высокопреподобный лама Нгагван, — Темба показал на старичка, — хочет знать, как вы сюда попали.

— Охотно объясню. — Макдональд с готовностью зачастил. — Вы, мистер Темба, намного лучше меня знаете горы. Об этом красноречиво свидетельствует ваша награда. — Он кивнул на жетон. — В задачу нашей группы входило предварительное изучение подходов к Сияма-Таре, чтобы попробовать на будущий год организовать восхождение. Я вместе с напарником вышел из базового лагеря на разведку траверса скальной трубы на стыке глетчеров, расположенном всего в трех часах ходьбы. Шли мы не в связке по совершенно ровному плато и не ожидали никаких трудностей. Однако погода

стала портиться. Из ущелий поднялся туман и поглотил все ориентиры. Мы уже решили было вернуться, как вдруг совершенно бесшумно сошла лавина — и нас разметало, как щепки в половодье. Меня тащило, наверное, минут пять, а то и больше. Я несколько раз ударялся о камни и только чудом остался в живых. Когда все кончилось и мне удалось кое-как выбраться из-под снега, туман настолько сгустился, что нельзя было различить собственные пальцы. Переждав почти сутки, пока видимость улучшится, я двинулся по компасу, но почему-то вышел не к лагерю, а на неизвестную мне дорогу. Мои попытки связаться с друзьями по радио оказались безуспешными. В эфире, знаете ли, свирепствовала электромагнитная буря. Это всегда так в ваших местах, мистер Темба? Может быть, и показаниям компаса здесь тоже нельзя верить?

Макдональд выжидательно замолк. Судя по всему, его объяснение выглядело убедительным, а требовательные вопросы в финале явились достойной концовкой. Шерп коротко пересказал ламе эмоционально насыщенную речь пришельца. Старик, видимо, принял ее к сведению и о чем-то кратко осведомился.

— Высокопреподобный лама интересуется вашими планами на будущее, — последовало резюме.

— Скажите высокопреподобному отцу, любезный коллега, что у меня нет пока определенных планов. Я бы хотел сперва прийти в себя, немного подлечиться... Возможно, мне удастся связаться с товарищами, а то они и сами найдут меня...

— Вы намереваетесь остаться здесь или будете добиваться разрешения на въезд в Бутан? — быстро спросил Темба. Название королевства прозвучало в его устах как «Пхутан».

— А разве я еще не в Бутане? — удивленно поднял брови Макдональд.

Его вопрос не был переведен и остался без ответа.

— Мне бы не хотелось куда-либо идти, — со вздохом признался он. — Однако, если местные законы делают мое пребывание затруднительным, я прошу указать место, где разрешается поставить палатку.

На этот раз Темба, судя по времени, пересказал со всеми подробностями. Макдональду даже показалось, что он спорит со стариком, в чем-то горячо его убеждает.

— Как вы оказались в лесу? — Анг Темба скользнул глазами по пятнам на одежде, оставленным долго кровоточащими ранками. — В это время он почти непроходим из-за пиявок.

— Тропа вывела на карниз, который показался мне слишком узким... Пришлось поискать обходного пути. Хоть длиннее, зато безопаснее.

— Безопаснее? Вас могли высосать подчистую. Где вы свернули?

— Сразу же возле каменной пирамиды, куда привязывают ленточки и кладут деньги.

— Даркшед[1], — сказал Темба, обращаясь скорее к ламе, нежели к полоумному бродяге, решившемуся идти лесом в сезон муссонов, когда деревья и травы кишат кровожадными пиявками, готовыми обрушиться на тебя сверху или заползти в ботинки через любую, даже самую узкую щель. — Ваша экспедиция, конечно, работала по лицензии? — спросил Анг Темба, и обрадованный Макдональд готов был поклясться, что этот вопрос шерп задал по собственной инициативе, для подкрепления каких-то своих аргументов.

— О разумеется! Вот мои документы. — Макдональд, приспустив «молнию», вынул объемистый бумажник.

Продемонстрировав словно ненароком левую его часть, которая, как кляссер марками, была напичкана всевозможными кредитными карточками, извлек австралийский паспорт с визами сопредельных государств. Зная, насколько относительны в Гималаях границы, можно было особенно не заботиться отсутствием, вполне понятным, бутанского штампа. В конце концов человека можно не впустить в страну, но нельзя же прогнать его в никуда, ибо вокруг были только дикие вершины, покрытые вечным льдом.

Лама и шерп долго листали проштемпелеванные страницы, обмениваясь то и дело медлительными и совершенно непонятными для пришельца фразами. Макдональд сумел различить только три знакомых слова: несколько раз прозвучавшие «альпинизм» и «Пхутан», а также упомянутая шерпом непокоренная «Сияма Тара». Ледяной трон семиглазой милосердной богини лишь в прошлом году объявили открытым для восхождения. Видимо, повторяя рассказ альпиниста, Темба плавным мановением нарисовал в воздухе горный рельеф и, рубанув ребром ладони, обозначил скальную трубу. Теперь можно было не сомневаться в том, что он выступает ходатаем за попавшего в беду чужеземца.

Лама не то чтобы упорствовал, но и не спешил согласиться. Они настолько увлеклись обсуждением pro и contra, что, казалось, напрочь позабыли о виновнике спора.

— Вы, конечно, можете жить тут сколько захотите, — сказал Темба, обратив наконец внимание на ожидавшего приговора гостя. — Весь вопрос лишь в том, как обеспечить ваше пропитание.

— Но у меня есть достаточно средств! — воскликнул Макдональд, потрясая бумажником.

— Тут дело сложное. — Темба неловко поежился. — Перевалы, как вы понимаете, в снегу, и вообще дороги закрыты по шесть-семь месяцев в году... Короче, с подвозом туго, а местных запасов едва хватает на прокорм населения. Одним словом, вам едва ли удастся купить себе топливо и

[1] Буквально: жестокий палач. Так называется класс устрашающих божеств — охранителей веры — и, соответственно, священное место в горах.

еду, сэр... Может, у вас имеются какие-нибудь вещи для обмена?

Макдональд сделал вид, что задумался.

— Весь мой товар остался в лагере, — он озабоченно почесал затылок, — а здесь только самое необходимое. Впрочем, у меня есть немного сигарет, кое-какие лекарства, каталитическая грелка, без которой я бы мог обойтись... На крайний случай, я готов расстаться с палаткой, спальным мешком и... В общем, кроме рации — это моя последняя надежда, — могу пожертвовать всем.

Едва шерп передал ответ хозяину, как тот, согласно качнув головой, обратился непосредственно к Макдональду.

— Высокопреподобный лама говорит, — шерп не скрывал своего удовлетворения, — что человек не должен расставаться с орудиями ремесла. Вы можете бесплатно питаться в монастыре вместе с монахами, пока не откроются дороги. Высокопреподобный лама хочет поговорить с вами о лекарствах, но это не сейчас, а после, когда будет свободное время.

«А ведь сработало виски!» — Макдональд одобрительно взглянул на великого мага Падмасамбаву, вдохновившего его на гениальный жест доброй воли, и рассыпался в благодарностях.

— Хорошего тут мало, — заметил уже на правах приятеля Темба. — Они едят всего два раза: на восходе и в полдень. И как едят! Вам долго на таком питании не продержаться. Рис и сушеные фрукты бывают только по праздникам, а так все больше горячая болтушка из цзамбы[1]... Конечно, это лучше, чем ничего, и с голоду вы не умрете, но... — Опровергая собственные слова, шерп с сомнением пожал плечами. — Ладно! — последовал решительный взмах руки. — Попробую поговорить с саибом, он, конечно же, не откажет в помощи земляку.

— Как? — искренне удивился Макдональд. — Здесь есть еще австралийцы?!

— Один есть, — уточнил обстоятельный Темба. — Из Соединенных Штатов, штат Филадельфия. — И показал куда-то на север. Очевидно, он исходил из индо-буддийской концепции мироздания, где за центр принималась мифическая гора Сумер.

III

Роберт Смит, уроженец Филадельфии, сыгравшей выдающуюся роль в отделении Североамериканских колоний от британской короны, проживал во «Всепоглощающем свете» уже вторую неделю. В отличие от нежданно обретенного «земляка»

[1] Поджаренная ячменная мука.

он только и думал о том, как правдами и неправдами проникнуть в заповедное королевство. Потерпев неудачу в попытке попасть в Друк Юл из Калимпонга, он предпринял обходной маневр и ждал, когда откроется дорога и можно будет послать новое прошение в столицу Тхимпху. Особых надежд на благополучную резолюцию он, само собой, не питал, но по крайней мере рассчитывал на оживление местного рынка с началом движения. Химик по образованию и ветеран вьетнамской войны, Смит последние несколько лет занимался исследованием ламаистской ритуальной бронзы, которая не переставала подкидывать одну загадку за другой.

Все началось с храмового колокольчика дрилбу, чей удивительно чистый и нежный звук не таял в воздухе в течение долгих минут. Обнаружив в сплаве серебро, золото и даже иридий, Смит попытался воспроизвести рецепт, но успеха не добился. Колокольчик, отлитый по восковой модели, вылепленной с оригинала, получился обычным и особыми акустическими сюрпризами не обладал. Примерно тот же результат ожидал Смита, когда он попытался выплавить металл для маленьких тибетских тарелочек цинь-линь. Оригинал, украшенный изображением хитроумно закрученной «нити жизни», звучал одиннадцать минут после удара серебряной ваджрой[1], а копия упрямо затухала в считанные секунды. Не помогло ни точное копирование состава, ни электронное микроскопированное, ни оксидированное воспроизведение магической «нити жизни», которую тибетцы несколько непочтительно называли «кишками Будды».

И вот однажды, когда университет принял решение закрыть тему, а Смит был близок к отчаянию, анализ на масс-спектрометре показал явственное присутствие в сплаве элемента номер 43 — технеция. Чтобы понять изумление, овладевшее исследователями, стоит напомнить, что еще недавно, в доатомную эпоху, на Земле не существовало ни единого атома этого вещества. Оставалось лишь гадать, как мог очутиться технеций в отливке бутанской работы самое позднее конца восемнадцатого века!

Тему мгновенно возродили к жизни, как из рога изобилия посыпались щедрые пожертвования, а Смит, получив соответствующую стипендию, бросился в Гималаи скупать старинную бронзу. По крайней мере такова была его версия. Едва состоялась короткая церемония знакомства, он поспешил изложить ее незадачливому альпинисту с пятого континента, не предусмотренного создателями индо-буддийского космоса.

Смит прибыл во «Всепоглощающий свет» с караваном из десяти яков, оснащенным стараниями мистера Анга Темба. Договор, заключенный с кавалером ордена «Тигр снегов» в непальской столице Катманду, явился единственной удачей филадельфийского химика, чье душевное равновесие претер-

[1] Ритуальный скипетр в виде пучка молний; дорже по-тибетски.

пело весьма заметный сдвиг из-за нескольких атомов технеция. По крайней мере так показалось Макдональду на первых порах.

Сидя на жесткой шкуре гималайского медведя напротив американца, Макдональд то и дело прикладывался к бамбуковой трубке, чтобы глотнуть горячего пива — местной экзотики. Это было тем более приятно, что в каменной башне, которую арендовал Смит, гуляли ледяные сквозняки, а согревающее питье обладало замечательной особенностью не кончаться. Едва на дне таза показывались черно блестящие зерна сброженного проса, безотказный шерп доливал кипяточку из медного чайника, уютно кипевшего на закопченных валунах очага, и пиршество возобновлялось. Нужно было лишь немного обождать, пока зелье запенится и наберет должную крепость.

Где-то на середине третьего таза Макдональд почувствовал, что горячий алкоголь порядком повытеснил стылую кровь из артерий и капилляров. Последствия подобного химического процесса оказались довольно благотворными. Кинжальные струйки, бьющие из окон, задвинутых изнутри деревянными заслонками, перестали язвить затылок, незаметно развеялась вонь, поднимавшаяся из нижнего этажа, где, паровозно дыша, перемалывали солому яки, и вообще мир обернулся более приятной стороной. Завлекательно благоухали пучки можжевельника на потолочной балке, скворчала сковородка с бобами, заправленными беконом и кетчупом.

— О'кэй, Чарли, — сразу же согласился американец, выслушав грустное повествование о превратностях альпинизма. — Я смогу уступить вам некоторое количество продовольствия... Разумеется, по той же цене, что платил в Катманду.

— Однако мы не в Катманду... — попытался возразить обрадованный Макдональд, но был решительно прерван.

— Ни цента сверх! Это мое решение, Чарли. Что же касается животных, то боюсь, что здесь мне не удастся помочь вам. Даже если ответ из Тхимпху окажется благоприятным, я бы не рискнул расстаться ни с одним из яков. Кто знает, что встретит меня в такой стране, как Бутан?.. Надеюсь, вы не осудите...

— Об этом и речи не может быть! Я и так благодарен вам безмерно.

— Другое дело, если вы захотите пойти со мной. Мы, смею надеяться, с пользой для себя пересечем Бутан с северо-востока на юго-запад и вместе вернемся в цивилизованный мир. Не спешите с ответом, осмотритесь, подумайте... Времени у нас, к сожалению, более чем достаточно.

Макдональд с отказом не торопился, хотя заранее знал, что ни при каких обстоятельствах не пойдет в запретное королевство.

— А почему бы вам не попытать счастья в долине «Семи счастливых драгоценностей»? — попытался он слегка переори-

ентировать американца. — Перевал Лха-ла не сегодня-завтра очистится, и, пока суд да дело, вы бы могли поискать бронзу там.

— Невозможно, — медленно покачал головой Смит. Его рыжеватые вьющиеся волосы в скупом озарении очага обрели медно-красный оттенок. Поминутно поправляя пальцем очки в тонкой оправе, сильно уменьшавшие и без того небольшие, ощутимо косящие глаза, он придвинулся к собеседнику вплотную и тихо, видимо, чтобы не услышал задремавший шерп, уронил: — Не говорите больше об этом.

— Но почему? — послушно понизив голос, спросил альпинист.

— Кое-кто считает, что за перевалом начинается путь в волшебную страну всеобщего счастья. Лучше не дразнить гусей.

Макдональд внутренне напрягся и осторожно отодвинулся в тень. Слова Смита никак не походили на шутку. В каменных углах таился мрак и застоявшийся холод.

Горячее пиво уже давало знать о себе болезненной пульсацией в левом виске и угрожающей слабостью в желудке.

— Вы это серьезно, Роберт?

— Если бы вы знали, сколько я натерпелся с этой бронзой! — круто меняя тему, признался Смит. — Она теперь в моде и стоит довольно дорого. Но если повсюду, будь то Непал или Ладакх, вы можете купить практически любую статуэтку, то здесь, извините, ничего подобного. И я говорю о пустых, неснаряженных отливках. О металле, не более... Вы, очевидно, знаете, что фигурку, прежде чем она станет живым образом, наполняют благовонными травами, свитками с чудотворными формулами, а затем освящают посредством магических церемоний. Уста страшных охранителей юдамов даже мажут жертвенной кровью. Иногда внутрь кладут весьма ценные камни. Невскрытую, в особенности тантрическую, фигуру приобрести поэтому совершенно немыслимо. Да, сэр, немыслимо. Мне не только не удалось купить мало-мальски интересную вещицу, но я не мог взять даже ничтожного соскреба для анализа!

Макдональд с интересом следил за американцем. В своих сетованиях тот, пожалуй, перебирал через край. Срываясь на крик и размахивая руками, он только что не стенал, призывая на местных монахов все кары небес.

— Я притащился сюда только затем, чтобы найти бутанскую, вы понимаете, — именно бутанскую бронзу! Но они ничего не желают продавать! Их не привлекают ни деньги, что еще как-то можно понять в этой дыре, ни вещи. Единственное, на что они еще могут клюнуть, так это спиртное. И тем не менее за две бутылки «Канадиэн клаб» я не смог выменять пару ничтожных музыкальных тарелочек! На Тибетской улице в Катманду их сколько угодно.

— Так в чем же проблема?

— Но мне-то нужны бутанские!

— Ну а если все же попробовать хоть одним глазом заглянуть за перевал? — Макдональд попытался возвратить беседу в нужное русло. — В раю и монахи добрее...

— Тс-с! — Смит предостерегающе поднял палец. — Ни слова более!

Макдональд украдкой поглядел на партнера. Судя по глазам, утратившим последние оттенки голубизны, тот явно дозрел. Да и крохотные зрачки за вогнутыми стеклами расплылись в алкогольном тумане и словно соскочили с оптических центров.

Однако вопреки всему речь оставалась связной.

— Вы даже не подозреваете, насколько фанатичны здешние красношапочные ламы... — Смит изобразил отстраняющий жест и, склонив голову, грузно навис над тазом. Его увязшая в марганцевом зернистом осадке трубка вскипела пузырями пены и захлебнулась. — Одним словом, держите язык за зубами, иначе вы осложните жизнь не только себе, но и мне. Право, я не ищу дополнительных трудностей.

«А он совсем не так прост, этот янки, каким кажется с первого взгляда», — отметил Макдональд.

Привалившись спиной к тюкам, Смит отодвинул остывшее пойло, перевел дыхание и вдруг достал откуда-то новенький корнет-а-пистон. Полилась пронзительная, чуть прерывистая мелодия. Потом американец запел хриплым и довольно приятным голосом. Только песня его оказалась несколько странноватой:

Ты с красоткой усни на росистом лугу,
Пробудись под крестом в Фамагусте

«Фамагуста?..»

Макдональда однажды занесло в этот пропахший жареной скумбрией городишко. Он живо представил себе греческое кладбище, посыпанные слепящей коралловой крошкой аллеи и пыльные, облепленные грязной паутиной кипарисы. Контраст с росистым лугом намечался разительный.

Макдональд встал, ополоснул руки из высокой бамбуковой бутылки и по наклонному бревну с насечками вместо ступенек спустился в хлев.

Лохматые звери, перестав жевать, глухо переступили копытцами и шарахнулись в дальний конец. В настороженных и совершенно диких глазах блестела маслянистая влага. Столь же недобро и тускло лоснился лед, схвативший лужи на дворике. Холодно и безмерно одиноко было в опустелой Вселенной. И лишь на плоской кровле крайнего дома шаталось под ветром пламя костра. Четко обозначенный силуэт монаха в остроконечном колпаке с развевающимися наушниками порой заволакивало дымом. Сладковатая гарь кизяка улетала в не-

ведомые пространства кристальной ночи, где душераздирающе скрежетали терзаемые подвижкой льды.

Демоны тьмы и все злые силы ламаистского ада сомкнули враждебное кольцо у дверей зачарованного королевства.

IV

Небольшой отряд с контрабандным героином полз по гребню, вознесенному на довольно скромную для Гималаев высоту. Одиннадцать суток стрелка авиационного альтиметра подрагивала в основном возле риски 3000 метров. Затем начался постепенный подъем. Легко обойдя отдельные пограничные посты, местонахождение которых было точно известно, начальник дал знак остановиться для короткого отдыха.

Аббас Рахман положил автоматическую винтовку Ми-16 и принялся расшнуровывать рюкзак. Самое время было достать коврик, чтобы встретить восход первой из предписанных мусульманину на каждый день молитвой — ас-субх. Саджад — коврик, привезенный Аббасом из паломничества в Мекку, — лежал под высотным комплектом, защищая пластиковые мешочки с драгоценным порошком. В комплект, весивший около десяти килограммов, входили двухместная нейлоновая палатка, два утепленных спальных мешка, надувные матрасы и легкая спиртовая кухня с пластмассовой посудой. Еду и боеприпасы нес на себе напарник Аббаса, одноглазый Муслим, знавший горы не хуже язычников шикари, служивших в отряде проводниками. Долгой практикой было установлено, что заплечный груз не должен превышать тридцати двух кило, поэтому, за вычетом оружия и снаряжения, на каждого приходилось девять-десять килограммов наркотика. По ценам черного рынка это составляло около восьми миллионов долларов. Столь прибыльный бизнес оправдывал любой риск и любые потери.

На берегу высохшего потока, где сквозь черный гравий прорезались пучки низкорослых голубых ирисов, Аббас расстелил коврик и преклонил голову, обвязанную зеленой чалмой. Ему не пришлось искать Мекку по компасу. Над острыми зубьями скал, над ущельем, залитым сгущенным туманом, вспыхнули золотистые перья. Светозарная Маричи неслась над миром на колеснице, запряженной тройкой розовых поросят, и прозрачные изумрудные диски дрожали по обе стороны всплывающего солнца.

О чем просил всемогущего Аллаха чернобородый пакистанец с вечно сумрачным, изрытым оспой лицом в дивное утро мирского обновления, когда каждый камень лучился животворным нечаянным светом и на глазах прорисовывались сквозь быстро тающие облака лесистые холмы, окруженные прихотливым амфитеатром террас? Чего ждал от вечности по-

слушный раб ишана и мафии? Кто станет прислушиваться к самозабвенному лепету человека, который отбивает поклон за поклоном, простирая руки к разгорающимся зеркалам ледников?

Но если Аббас молил об удаче предприятия и благополучии в пути, его словам не суждено было достигнуть ушей Аллаха.

Иные боги взирали с этих полыхающих радужной пылью высот. Иные уши прислушивались к невнятному шепоту на здешних, оберегаемых молитвенными флагами перевалах, где от чортэня[1] к чортэню, от гомпы[2] до гомпы были исчислены мили и взвешены судьбы людей.

После разгрома восстания в провинции Кам контрабандистам пришлось отказаться от традиционных путей. Рассеянные отряды повстанцев, вынужденные спуститься с гор и искать приюта у соседних народов, создали новую реальность. Загнанные в дикие пустыни и укромные пещеры, оседлавшие самые труднодоступные перевалы, отдельные группки кампа вынуждены были временно отказаться от открытой борьбы. Доведенные до отчаяния люди в поисках еды, оружия и медикаментов лишь изредка выходили на караванные тропы, чтобы атаковать военный обоз, а то просто взять доброхотную дань с купцов.

Воспитанные в традициях уважения к жизни во всех ее проявлениях, кампа не стремились пролить кровь и, получив самое необходимое, надолго исчезали в горах. Однако для влиятельной и превосходно оснащенной опиумной мафии они сделались настоящим бичом. Кампа особенно сурово расправлялись с торговцами «белой смертью».

Свободные от многих предрассудков молодые кампа, хотя и носили на широкополых армейских шляпах кокарды с изображением далай-ламы, не хотели возврата к старому. Они читали Маркса и Сун Ятсена, и у каждого из них были родственники, продавшие тело и душу ради дыма, навевающего сладкие сны.

Пока мусульмане-охранники совершали салят, а кули разогревали мясную тушенку с рисом, начальник отряда — сухопарый, но крепкий старик неизвестной национальности — шептался с двумя голоногими шикари. Одетые в хлопчатобумажные рубахи, выпущенные поверх набедренных повязок, проводники не ощущали холода и были готовы продолжить путь. В один голос они советовали саибу обойти Большое ребро с севера по давно заброшенной тропе, где тибетцы прежде перегоняли на гималайские базары коз, нагруженных мешочками соли. Несмотря на узости, когда идти следовало двойками в связках, это был вполне надежный лэм[3], выводящий

[1] Культовое сооружение.

[2] Ламаистский монастырь.

[3] Дорога (*тибет.*).

прямо к Синему ущелью, где можно переночевать в заброшенной гомпе.

Именно там, перед спуском, когда отряд миновал скалу, до самого верха исписанную священными заклинаниями, а внизу уже показались шесты с молитвенными лентами и хвостами яка, контрабандистов поджидала засада. Они еще шли, разделенные на двойки, потому что подвесной мост сорвало и унесло половодьем, и отряду пришлось перебираться через провал по узенькой перемычке, когда грянул залп. Поначалу показалось, что это сошла лавина, так оглушительно отдались усиленные многократным отражением хлопки допотопных ружей. Тяжелые пули, способные продырявить иную броню, били навылет, высекая из скал колючую каменную муку.

Увидев, что идущие впереди кули ткнулись лицом в снеговую порошу, присыпавшую кое-где голые ветки рододендрона, Аббас с Муслимом залегли, вмятые в раскисшую землю тяжестью рюкзаков. Судя по выстрелам, гремевшим впереди и сзади, отряд находился в ловушке. Заплечный груз, а заодно и веревка не позволяли мгновенно ответить на огонь. Поэтому автоматные очереди хлестнули по каменным нишам, где, скорее всего, прятались кампа, когда добрая половина контрабандистов уже была выведена из строя.

Освободившись от лямок и прочих пут, Аббас укрылся за рюкзаком и, срывая кожу на пальцах, лихорадочно сбросил предохранитель. Пальнув в белый свет, он кувыркнулся и, пригибаясь, начал отступать вверх по щебнистому и мокрому от подтаявшего снега склону. Скорее всего, его должны были бы прикончить именно в этот момент, но Муслим, так и не бросивший громоздкой обузы, внезапно взмахнул руками и упал прямо под ноги напарника. Выронив винтовку, Аббас повалился на снег. Инстинктивно вцепившись друг в друга, они покатились неразделимым комом в самую гущу людского столпотворения.

Потом были обрыв и падение, когда казалось, что пришел конец, но за ударом, за ослепительной болью и потрясением последовал долгий полет в удушливых клубах песка и снега, под треск веток и глухой рассыпающийся рокот камнепада. Аббас очнулся глубокой ночью. Его трясло от холода. Каждое движение отдавалось болезненными вспышками и ноющей ломотой. Закусив губу и сдерживая стон, он тщательно ощупал себя и немного приободрился. Вопреки ожиданию кости были вроде бы целы. За исключением, может быть, ребер: нестерпимо кололо где-то в боку. Собираясь с духом, чтобы приподняться и попробовать встать на ноги, Аббас ткнулся рукой во что-то твердое и, словно обжегшись, испуганно отдернул саднящие пальцы.

Но стужа и почти физическое ощущение подступающей смерти подгоняли к действию. Сначала осторожно, а затем с горячечной торопливостью он ощупал лежавшее рядом тело и

наткнулся на шнуровку. Кроме ожидаемых пластиковых пакетов и жестянок с едой, он обнаружил в мешке Муслима верблюжье одеяло, взрывчатку и смену белья.

Накрывшись одеялом и стараясь согреться собственным дыханием, контрабандист включил карманный фонарик. Воспаленный призрачный свет гипнотизировал взгляд, отвлекая от жутких мыслей. Часы остановились, ночь виделась бесконечной, и не верилось, что удастся ее пережить.

Зноб кое оцепенение, когда ход времени отзывается лишь прерывистым биением пульса, озарила внезапная вспышка.

Аббаса словно током ударило. Выпростав руки наружу, он вновь нашарил откинутый клапан и полез в мешок одноглазого, успевшего проникнуться окружающим холодом и окоченеть. Найдя головую шашку и завернутый в газету смолистый комочек мумиё, которое Муслим принимал при малейшем недомогании, Аббас собрал в кучку все, что только могло гореть, оставил щелочку для дыхания и чиркнул спичкой. В импровизированной палатке разгорелся небольшой костерок.

Тол лениво таял на слабом огне, давая устойчивый жар, проникавший до самых костей. Человек выжил и мог благодарной молитвой встретить восход, чтобы, отогревшись под яростными лучами горного солнца, вновь возблагодарить небо. Только негоже было молиться рядом с трупом. Вначале следовало предать тело земле и совершить омовение. Тем более что лицо и ободранные в кровь руки Аббаса покрывала жирная копоть. Он с трудом перевернул отяжелевшее тело. Грудь Муслима оказалась простреленной в трех местах. Выходные отверстия чернели на спине неправдоподобно большими, опаленными по краям дырами. Одна из пуль вошла в рюкзак и, прошив несколько пакетов с наркотиком, застряла в жестянке бобов.

Раздеть задубевшего одноглазого оказалось еще сложнее. Действуя где зубами, а где штыком, Аббас сумел стащить штормовку, мохеровый жилет и широкие армейские брюки, которые покойный вправлял в гетры. Бережно пересыпав героин из пробитых мешочков в карманы Муслимовой штормовки, Аббас застегнул «молнии» и все добро упрятал в рюкзак. Столь же обстоятельно и неторопливо он снял с неподатливой мертвой руки электронные часы, где безмятежно мелькали цифры, и раздавил каблуком свои. Собрав торчащие из-под снега камни, кое-как засыпал останки. Затем постоял над сиротливым курганом, прочел заупокойную молитву алаль-мейит и, подобрав по дороге винтовку, направился в сторону прямо противоположную той, почти вертикальной, забитой снегом расщелине, которая подарила ему жизнь.

На кроках Муслима значились у Большого ребра только две пунктирные линии. О северном верхнем пути, где полегла вчера бо́льшая часть отряда, следовало забыть навсегда. Оставалась, таким образом, единственная возможность: обог-

нуть Синее ущелье с юга и выйти по гребню на перевал, за которым лежала дорога в Бутан. Других шансов скоро добраться до обитаемых мест не было.

Как далеко и отчетливо виделось с горных высот! По одну сторону, где пламенели освещенные солнцем обрывы, щетинились в дымных провалах колючие леса, залитые в ту пору водой. Там редкими пятнами желтела прошлогодняя хвоя пихт и вспыхивали колючие звезды отраженного света. А еще ниже, за каменными россыпями и зеленью округлых холмов, в бинокль просматривались спасительные кедровники, где в изобилии водилась дичь и было сколько угодно дров для костра.

Аббас не боялся голода. Консервов должно было хватить ему на несколько суток. Главным врагом оставалась ночная стужа. Но прежде чем спуститься в теплые низины, нужно было взойти на снежное плато и найти единственный в округе цепной мост, построенный еще царями Тибета.

Суровая твердыня далекой страны лежала по другую сторону гребня в лиловой дымке, где проявилась надоблачная исполинская тень и пошла за Аббасом, повторяя малейшие его движения.

В Синем ущелье на плоской крыше гомпы трещали, корчились в огне непокорные ветви рододендрона и шипела вода на неподатливых березовых чурбаках. Вперясь в безбрежность, монах-отшельник незряче следил, как прихотливо и бегло свивается дымная струйка, выписывая тающие бесконечные полукольца.

Ветер гнал дым прямо в немигающие глаза, полоскал молитвенные ленты с вещими округлыми письменами и уносил их в невыразимую изначальную пустоту, из которой когда-то возникли стихии.

Но Аббас увидел в бинокль только белесую струйку, исчезавшую в синеве. Она виднелась еще долго и растаяла лишь тогда, когда лэм вывел к рощице низкорослых чернокорых берез.

V

На церемонию приношения в жертву Вселенной собрались все обитатели форта. Кроме тридцати семи монахов, непосредственно вовлеченных в действо, у входа в храм толпились крестьяне, торговцы и четыре солдата, составляющие местный гарнизон. Их непосредственный командир и кормилец, в ранге правителя дзонга, был допущен к алтарю, где перед лицом золоченых будд верховный лама осыпал зерном инкрустированный бирюзой и кораллами ступенчатый диск, концентрические ярусы которого символизировали оболочки иллюзорного мира.

Монахи в алых праздничных одеяниях хором читали священные тексты. Нарочито низкие рокочущие голоса сливались в невыразимое журчание, исходившее, казалось, из обнаженного чрева Майтреи — грядущего Будды. Это была самая грандиозная статуя на высоком, расписанном красным лаком алтаре, где пылали фитиль в растопленном масле и курились сандаловые палочки. Симфонии красок и запахов вторил великолепно отлаженный оркестр. Глухо погромыхивал барабан, завывали флейты, сделанные из человечьих костей, весенней капелью рассыпался звон тарелок и колокольчиков.

Майтрея, которого здесь называли Чампой[1], был изображен в виде добродушного бритоголового толстяка. Еще не пришло его время новым Буддой сойти на грешную землю, и он с дремотной улыбкой взирал на происходящее сквозь благовонный дым, сжимая в руке дорожный узелок.

Исполнятся сроки, с победным громом расколется скрывающая его гора, и он, уже в облике принца, пойдет по гималайским тропам, возвещая наступление эры счастья и справедливости.

Тайный знак колеса и кувшинчик с амритой — напитком бессмертия — метит горные перевалы, дабы не сбился с пути долгожданный. Фарфоровый белоснежный цветок чампы напоит его горьковатым и чистым дыханием в минуту краткого отдыха. Утренняя заря одарит венцом всепоглощающего сияния...

Смолк бормочущий хор. Звон гонгов возвестил о приближении кульминационного момента службы — выноса мандалы. Старшие ламы, взявшись за руки, пробормотали заклинания и, подхватив диск на шелковое полотнище, словно только что выпеченный каравай, поспешили наружу.

Горстка мирян раздалась, люди повалились наземь и поползли за возрожденной Вселенной, целуя следы мудрых своих пастырей и подбирая оброненные зерна. Ведь этот ячмень и эти просяные крупинки, оставшиеся после обряда кормления птиц, обретали чудесное свойство излечивать сто восемь недугов.

На сем служба закончилась, и каждый мог вернуться к своим делам. Однако жители «Всепоглощающего света» не спешили расходиться. Непостижимым образом распространилась весть о том, что минувшей ночью в Синем ущелье вспыхнула кровопролитная война и возле самой гомпы осталась гора трупов. Из уст в уста передавались жуткие подробности бойни. Особое смущение умов вызвало известие об имевшем якобы место случае ролланга[2]. Оживший мертвец, заряженный недоброй силой, в настоящий момент продвигался по направ-

[1] Любящий *(тибет.)*.

[2] Распространенное верование об оживлении трупов.

лению к дзонгу. Добравшись до мира живых людей, он мог принести неисчислимые горести.

Суеверные горцы шептали охранительные заклинания и, что было мочи, вертели молитвенные мельнички, отгоняя беду от себя и от своего дома.

— Поистине наступают новые времена, — пророчествовали монахи. — Близится конец эры страшных иллюзий. Проникнемся же мужеством перенести последние видения. И тогда нам будет дано услышать гром обрушенной горы, из которой выйдет Возлюбленный король с бутоном лотоса.

— А как же будет с демоном, который идет к нам, учитель? — спрашивали мальчики, живущие в монастыре. — Он разрушит дома и предаст нас всех мучительной смерти. Как уберечься? Куда бежать?

— Оставайтесь на месте, — успокаивал лама, обучавший несравненному искусству письма. — Бесстрашие духа — величайшая из заслуг. Смерть — не конец, но только новое начало. Путнику, избравшему благую цель, она дарует высокое рождение в облике счастливого принца, а самым достойным — в рубище аскета, далеко продвинувшегося на дороге спасения.

— Так, так, что ни слово, то жемчужина, — поддакивали отцы и матери маленьких послушников. — Но неужели нет никакого средства защититься от мертвеца, одержимого адской мощью? — И косились с надеждой на воинов, оставивших свои кремневые ружья у подножия монастырской горки.

Но на солдат — вчерашних пастухов и охотников — едва ли можно было положиться. Бедных парней одолевал тот же безысходный, неизъяснимый ужас. Неизвестно, что хуже: клыки мертвеца или нескончаемая пытка в подземном судилище хозяина преисподней Ямы. Трудно быть человеком на этой земле. Как ни старайся, а от грехов не убережешься. Поэтому и рассчитывать на лучшее перерождение особенно не приходится. Надо бы еще хоть немного пожить тут, чтобы искупить вину и не возродиться в теле мерзкого паука или крокодила.

Одним словом, в канун пришествия Аббаса Рахмана обстановка в дзонге «Всепоглощающий свет» была довольно напряженной. Однако случилось так, что, вопреки леденящим кровь слухам и мрачным пророчествам, к воротам крепости подъехал совсем не тот, кого опасались. Вместо людоеда с окровавленным ртом и вытекшими глазами люди увидели очаровательную златовласую даму. Она ехала верхом на пегом муле во главе большого каравана. Следом за ней устало покачивался в седле усатый мужчина в непальской шапочке — топи, а замыкал процессию бродячий йог с посохом в виде трезубца. Шел он по обычаю босиком, перекинув поверх монашеского рубища шкуру пятнистой кошки, очевидно, слу-

жившую ему подстилкой для упражнений. Никто из гостей, включая бутанцев-погонщиков, на адское существо не походил. Напротив, златовласая предводительница — первая белая леди, почтившая посещением «Всепоглощающий свет» за всю историю, могла показаться скорее небесной девой — апсарой.

Но разве демон Мара не соблазнял учителя Шакья-Муни ангельским видением своих дочерей?

Неудивительно поэтому, что малочисленный, но быстро обретший былую доблесть гарнизон не торопился распахнуть заветные ворота. Начались длительные и нудные переговоры, при которых присутствовало все население, высыпавшее на крыши домов и башен.

С первых же слов выяснилось, что усатый господин в непальской шапке свободно говорит по-тибетски и в услугах переводчика, вездесущего шерпа по имени Анг Темба, никак не нуждается. Весть о подобном чуде была воспринята не только с понятным восхищением, но и с опаской. До сих пор все белые путешественники, забредавшие в дзонг, как отмеченные в старинных хрониках, так и двое теперешних, были существами безгласными.

Уж не кроется ли тут изощренное колдовство? Что, если караван и красавица в мужском седле — не более как наваждение, принявшее обличье европейца-людоеда? Или кармическое видение, насылаемое психической силой йога в барсовой шкуре?

— Не сомневайтесь, — отвечал на расспросы часовых усатый господин. — Мы такие же люди из плоти и крови, как вы. Не духи, не демоны, не рабы и не дети рабов. Меня зовут Томазо Валенти и я прибыл к вам с грамотой его величества бутанского короля. — Он потряс в воздухе свитком с восковой печатью. — Это моя жена Джой, — плавным артистическим жестом он представил красавицу. — А за ней, как вы видите, стоит преподобный Норбу Римпоче из обители «Тигровое логово», у которого есть письмо к высокопреподобному верховному ламе.

— Значит, вы идете из Бутана? — изумленно воскликнул смотритель дзонга, суеверно коснувшись ладанки на груди.

— Из самой столицы Тхимпху, — отвечал человек, выдававший себя за какого-то Томазо Валенти.

— Выходит, что перевалы уже открылись?

— Сегодня на рассвете мы проехали последний перевал.

— Но зачем? — Тугодум смотритель никак не мог оправиться от удивления. — После Бутана вы не найдете у нас ничего достойного внимания. Нашим купцам нечего предложить в обмен на ваши товары.

— Мы не торговые люди. Я готов рассказать вам о цели моего приезда в более подобающей обстановке, — с достоинством ответил загадочный гость.

— Ах, конечно, конечно, — засуетился смотритель, не подавая, однако, сигнала поднять засов. — Жаль только, что в дзонге почти не осталось припасов... — обронил он как бы вскользь.

Хитрый администратор явно старался оттянуть чреватое последствиями решение. Возможно, его подозрения еще не вполне рассеялись, а скорее всего, он просто не обладал достаточной властью, чтобы самолично впустить в крепость совершенно чужих людей. Здесь, в стенах «Всепоглощающего света», королевская грамота рассматривалась скорее как влиятельная рекомендация, нежели как приказ, подлежащий неукоснительному исполнению.

— Согласно королевскому повелению, я имею право в любом дзонге брать продовольствие и вьючных животных. — Усатый всадник надменно подбоченился, но тут же, сменив гнев на милость, пояснил: — Правда, в этом пока нет необходимости. Милостью Божьей я ни в чем не испытываю нужды. Мы просим лишь временного приюта, и, смею вас заверить, вы приютите достойных людей...

Стоявшие наверху успели подробно оглядеть пришельцев с ног до головы, и впечатление о них складывалось, в общем, благоприятное. Судя по седине и морщинам, саиб был много старше своей красивой жены. Очевидно, он немало успел повидать, путешествуя в дальних странах, но, обретя знания, не стал мудрецом, отчего затаилась в уголках его неостывших глаз неизбывная горечь. В седле он держался легко и ловко и казался прямодушным, как человек, который научился все понимать, но так и не смог избавиться от суетных желаний.

«К нему можно смело обратиться за помощью, ибо сердцем он наш, — подвел итог своим наблюдениям верховный лама, тайно следивший за переговорами из узкого, прорезанного в каменной толще окна. — Но не следует открывать ему душу, потому что мыслью он совершенно чуждый нам человек».

Тантрический лама Норбу Римпоче, до сих пор державшийся в стороне, безучастно скользнул взглядом по возбужденным лицам людей, шушукавшихся, сдерживая смешки, за спиной тучного смотрителя, и остановился на затененном навесом окне, похожем на букву «т», где таился верховный.

— Эти люди именно те, за кого себя выдают, — удовлетворенно кивнул высокопреподобный, ощутив побудительный импульс, и, сделав знак молоденькому послушнику, распорядился: — Пусть откроют ворота.

Несмотря на твердый тон, он чувствовал себя не слишком уверенно. Что-то он делал не так, как надо, шел наперекор самому себе. Конечно же, он не мог отказать в крыше над головой странствующему садху, собрату, в сущности, из родственного ордена кармапа. Да и по отношению к королевскому гостю следовало проявить должную учтивость.

Казалось, он распорядился единственно верно, а смутное ощущение ошибки все продолжало саднить, и неприкаянные мысли метались в голове, как черные птицы над потревоженным гнездом.

Нет-нет, ему все равно пришлось бы дать приют странникам хотя бы на ближайшую ночь. Если бы не этот внезапный толчок, а вернее, легкое, долетевшее извне дуновение, он бы не стал теперь терзаться.

И еще одна сверлящая забота отвлекала с навязчивым постоянством: не слишком ли много гостей собиралось за стенами «Всепоглощающего света»? Чего это вдруг они повалили сюда один за другим, словно нигде в мире уже не осталось свободного места?

Поклоняясь закону причин и следствий, символом которого стало колесо с двумя оленями по бокам, Нгагван Римпоче не верил в случайное стечение обстоятельств. Начало нынешнему нашествию чуждых существ было положено. Либо ныне, либо в незапамятные времена, когда кто-то, быть может, даже он сам, но в предшествующих перерождениях, совершил непростительную ошибку.

Но какую? Когда? Где?

Из тех двоих, которые уже живут здесь, первый мечтает зачем-то пробраться в Бутан, а второй как будто хочет лишь одного: вернуться домой. И то и другое желание опасений не вызывают. Остается выяснить, чего хотят новые гости.

Высокопреподобный взял с полки хронику, бережно завернутую в золотой шелк, и, перебрав узкие бамбуковые полоски, на которых его предшественники тушью, изготовленной из семи драгоценных веществ, отметили все случаи пришествия чужаков, надел старенькие, закрученные проволокой очки.

За семь с четвертью столетий хронисты зарегистрировали всего девять подобных происшествий. Как тут не страдать душой, как не волноваться.

Старый настоятель раскрыл школьную тетрадку, куда были занесены подробные сведения о пришельцах, и задумался. Можно ли нынче верить словам? Все те прежние, говорили о себе одно, а на поверку выходило совсем иное. «Иначе чем объяснить тогда поразительное однообразие опрометчивых деяний, которое проявляли они все, едва узнав о дороге в долину "Семи счастливых драгоценностей"?» — задал себе вопрос высокопреподобный.

Даже наедине с собой избегал он точных формулировок, думая о стране, лежащей за перевалом Лха-ла. Ведь законченная мысль обладает самодовлеющей силой. Витая в эфире, она может быть уловлена безумцем, злодеем или лжецом.

Следя из окна монастырской библиотеки за вереницей лохматых навьюченных яков, которых погонщики тычками острых зазубренных палок гнали в узкий просвет единственной в дзон-

ге улицы, Нгагван Римпоче решил начать опрос именно с них, погонщиков. Они коренные бутанцы, а следовательно, прямодушны и независимы в речах. Затем можно будет побеседовать с пришлым ламой, который к тому же имеет с собой письмо. И уж после всего, когда составится определенное представление, верховный примет королевского гостя с его красавицей женой. Он, конечно, не сможет глубоко заглянуть в их мысли, но зато, поймав на мелочах, сразу поймет, лгут чужестранцы, как это у них принято, или же говорят правду. От человека, который владеет всеми тонкостями изощренного языка тибетских проповедников, хотелось ждать откровенности, когда сердца стучат в согласном ритме, и нет места потаенной боязни, ибо в основе всякого обмана лежит страх. Его потный, тщетно приглушаемый запах лама Нгагван научился распознавать почти безошибочно.

Он не был до конца уверен, что оба белых — собиратель бронзовых статуэток и заблудившийся альпинист — дали о себе заведомо неверные сведения. Но ложь все же ощутимо присутствовала в их пространных рассказах. Тлетворным, унизительным запашком боязни нет-нет да веяло от их слов.

Лама не знал, принесли ли чужеземцы с собой оружие, но след, несмываемый след пролитой крови, отвратительным шлейфом тащился за каждым из них. Кровь рождала страх, боязнь выливалась ложью.

Нельзя было доверять таким людям.

VI

Вопреки аскетической строгости монастырского устава, Нгагван Римпоче принял странствующего собрата почти с королевской пышностью. Кроме риса, приправленного шафраном и кардамоном, к столу решено было подать картофель с маринованными овощами, бледные, едва проклюнувшиеся ростки гороха маш, кислое молоко и куриные яйца. Если гость сочтет возможным сделать для себя послабление, то верховный лама своими руками разобьет скорлупу и выпустит драгоценное содержимое в чашку мучной болтушки. Это согревает нутро и подкрепляет силы. Выставить заветную бамбуковую бутылочку, где хранилась настоянная на змейках водка, способная в мгновение ока разогнать кровь, он все же не пожелал. Решил ограничиться легким чангом в конических медных сосудах, изобильно украшенных серебряной чеканкой.

Зная, что в некоторых ламаистских сектах нарушение основных запретов не только считается допустимым, но даже возводится в ранг добродетели, верховный лама не хотел выглядеть крайним ортодоксом. Тантрики, а преподобный Норбу, судя по трезубцу и барсовой шкуре, явно занимался йогической практикой, ели мясо и рыбу, пили вино и даже тешили

себя плотской любовью, как того требовал тайный ритуал служения шакти[1].

Верховный, воспитанный в традиции сакьяской школы, не одобрял подобных крайностей, но, соблюдая благоразумную умеренность, ценил изысканность вкуса. Он заранее радовался случаю блеснуть деликатным обхождением, предвкушал приятную поучительную беседу.

По его указанию, в отведенных гостю покоях — крохотной келье с обогреваемым ложем — поставили резной столик для чайного прибора, на случай, если захочется подкрепиться в перерывах между трапезами. Подготовили легкое угощение: печенье с корицей, соленые орешки. Насыщенный целебной силой горный лук и редкостные привозные ягоды личи разложили красивыми горками на расписных тарелках тончайшего китайского фарфора.

В трапезную же, где каменные, грубо побеленные стены постоянно дышали холодом, заранее внесли бронзовые грелки с огненными угольями и можжевеловой хвоей. Золоченое изображение Будды в глубокой нише нарядили в праздничные одежды из индийской парчи, зажгли перед ним семь курительных палочек и сменили воду в жертвенных чашах.

Лучший каллиграф «Всепоглощающего света» лепестками чампы и мирта выложил на скатерти узорную кайму.

Норбу Римпоче, получивший третью степень по медитации после того как провел два года замурованным в темной пещере, не оценил оказанного ему почета. Он вообще не обратил внимания на изощренное гостеприимство, которым его окружили здесь, в крохотном оазисе посреди бескрайней пустыни.

Приученный к холоду и закаленный в скитаниях йог сел подальше от благовонных грелок и почти не притронулся к предложенным яствам. Лишь отведал кислого молока, плеснув немного в кокосовую нищенскую чашу, которую держал при себе. Немного погодя высосал несколько плодов, оставив неповрежденными косточки с зародышами новой жизни, и налег на чай, щедро приправленный маслом, содой и слегка поджаренной ячменной мукой. О яйцах и пиве, разумеется, не могло быть и речи.

Разочарованный, даже раздосадованный хозяин демонстративно осушил почти полный сосуд чанга и вслух пожалел о том, что не позаботился подогреть водки.

Норбу выслушал стариковскую браваду с полнейшим безучастием. Следуя сугубо личным путем внутреннего озарения, он менее всего был озабочен чужими добродетелями или грехами. Точно так же его совершенно не занимала беседа с охочим до метафизических изысков собратом. Он не ведал скуки и не искал чужой мудрости. Если его бесстрастный дух,

[1] Активная сила, творческая энергия Вселенной.

отстоявшийся, как вода в колодце, и волновали какие-нибудь вопросы, ответ на них мог прийти лишь из таинственных сумеречных глубин, полностью защищенных от внешних влияний.

Целиком ушедший в себя, он не поддерживал разговора, хотя ответы давал в достойной манере, не проявляя неудовольствия или спешки. Видимо, просто привык к тому, что в поисках истины люди постоянно докучали ему своими, в сущности, мелочными делами. В равной мере сострадая всем бьющимся в тенетах иллюзии существам, он словно бросал мимолетный взгляд на муравьиное бессмысленное мельтешение и, не вникая сердцем, давал всем и каждому один и тот же ответ. Формула избавления от мук выглядела предельно совершенной и ясной, несмотря на то что следовать ей было едва ли возможно. Да, именно желания, ненасытно когтящие человеческое сердце, вовлекают нас в круговорот страданий, привязывая к призрачным прелестям бытия. Но как приневолить себя к неучастию в этом пестром и заманчивом торжище? Как убить ростки любви и ненависти? Как научиться ничего для себя не хотеть?

Невзирая на различия в трактовке основ буддийского вероучения, оба собеседника знали, что подобная задача не решается на уровне привычной житейской логики. Но если Нгагван Римпоче, достигший высот на весьма почетной ниве учености, преуспел в толковании абстрактных, блистательных в своей отрешенности положений индийской доктрины Навьяньяя, то поклонник тантрических экзерсисов Норбу целиком полагался на погружение — самадхи, где все узлы развязываются как бы сами собой.

Поэтому им нечего было сообщить друг другу. Так ветер пролетает сквозь встречный ветер, как тень, не смешиваясь, покрывает чужую тень.

— Каковы ваши намерения, преподобный? — выказал вежливый интерес верховный лама, хотя уже знал из письма, привезенного Норбу, что тот надеется совершить паломничество в долину.

— Отправлюсь навстречу свету, — гость ограничился простейшим эвфемизмом.

— Еще одна долина на вашем пути, — одобрительно кивнул лама Нгагван. Иносказание получилось нарочито двусмысленным, так как под «долиной» можно было понимать и секретную страну за перевалом, и одну из стадий умственного погружения.

Норбу давалась полная возможность «не понять» скрытый намек и повернуть тему в русло духовных упражнений и прочей близкой ему материи. В этом случае верховный был готов показать гостю уникальные магические мандалы, написанные великими красношапочными ламами. Если же будет выбрана откровенность, и речь коснется таинственных сил, бушующих

там, за перевалом Лха-ла, то Нгагван попробует предостеречь собрата от слепой веры. Майя — это отражение зеркала в зеркалах. Даже порвав цепи санскары и узрев полыхающий свет, человек может запутаться в тенетах иллюзии. Всепоглощающее сияние ослепляет свыкшиеся с мраком подземелья глаза. Взлет к несказанным вершинам может присниться летящему в пропасть.

— Еще одна долина, — сцепив сухие тонкие пальцы, повторил Нгагван. — Еще один перевал... Последний?

Но йог не принял или, вернее, не понял словесной игры.

— Я готов, — просто ответил он, угадав недосказанное.

— Ваша решимость под стать заслугам, — умело польстил старик. — Недаром вам каждодневно слышится плеск волн в море освобожденных энергий... Что касается меня, то я никудышный пловец и вряд ли скоро увижу другой берег.

Какое бы эстетическое наслаждение испытал старый лама, если бы мог надеяться на то, что собеседник понимает его. Каждое слово было как зерно в четках. Рассчитанная на посвященного образная система не столько раскрывала мысль, сколько множила ее бесчисленные оттенки. Давая понять, что не надеется в этой жизни достичь высшего просветления, верховный лама как бы намекал на совершенно иное знание, доступное именно ему, мыслителю, труженику, и ускользающее от интуитивистов, способных не более чем грезить среди ясного дня.

Норбу промолчал с неопределенной улыбкой. Все внешнее им воспринималось как тающий дым.

Слепя огранкой, рассыпались в ледяных испарениях непостижимые шлифованные камни. Складывался мгновенный узор и сразу исчезал, а гулкая пустота долго отщелкивала протяжное эхо. В игре бесчисленных сочетаний замыкались и вновь разматывались зодиакальные циклы, и в случайно повторенной раскладке кому-то снилась, наверное, вспыхнувшая метеором чужая судьба.

То, что для Нгагвана было отвлеченной метафизической категорией, Норбу воспринимал со всей чувственной полнотой. Он был ликующей частицей, летящей сквозь мрак и холод к звездному целому, застилавшему уже весь горизонт. За мгновение до встречи он готовился навсегда забыть однажды навеянный сон, чтобы разом вспомнить все-все и, прочертив небо, рассыпаться невидимой пылью.

— Как же вы доберетесь туда? — с едва уловимой ноткой осуждения спросил Нгагван Римпоче. Он явно давал понять, что не станет помогать человеку, который, увы, не нуждается ни в чьей помощи.

— Богатый саиб, который прибыл издалека с прекрасной апсарой, одетой мужчиной, взял меня в свой караван.

— Что? — едва владея собой, прошептал пораженный старик. — Белые люди тоже хотят проникнуть в долину?

— Они приехали издалека, чтобы увидеть свет.

Верховный мимолетно отметил, что язык Норбу беден и вместе с тем перегружен ненужными оборотами. Но не это взволновало его, совсем не это... Сбывались самые мрачные опасения. Чужие люди собирались, причем совершенно открыто, спуститься в зеленые низины с перевала Лха-ла!

Прямых запретов на это, конечно, не было. Но в течение столетий созрела и четко выкристаллизовалась в сознании поколений традиция, нарушить которую было бы равносильно святотатству.

Удостоиться чести заглянуть за перевал мог лишь бескорыстный искатель истины, всей своей жизнью подготовивший себя к подвигу. А как же иначе?! Вполне возможно, что именно жизнь и была единственной платой за дерзновенную попытку. Недаром же в хрониках «Всепоглощающего света», подробно повествующих о каждом ушедшем за тринадцать столетий в долину, и словом не упомянуто о том, вернулся ли назад кто-то из них или же все навечно остались в «Стране образов» (еще одно иносказание неистощимых хронистов).

Находились и всякого рода проходимцы, которым обычно путем обмана, а то и преступления, удавалось осуществить свои неблаговидные намерения. Иные из них даже возвращались с полдороги и несли на допросе, видимо, в оправдание, несусветную чушь. О том, как с ними обходились потом, хроники повествовали кратко и глухо. Зная обычаи тибетского средневековья, верховный лама был вправе подозревать, что незадачливых авантюристов зашивали в ячьи шкуры и бросали в реку. В лучшем случае им, перед тем как надеть колодки, выкалывали глаза. Разумеется, те времена невозвратимо прошли, но чтобы чужеземец открыто заявлял о своих кощунственных притязаниях, да еще брал в пособники священнослужителя, такого падения нравов старик и вообразить не мог. Он даже лишился на какое-то время речи. Перехватило дыхание, кольнуло в груди и дерганьем отдалось под лопаткой.

— Но ведь вы не дойдете до цели. — Теперь верховный объединил в своем сознании иноземного богача и одураченного им простака йога, проникшись брезгливой неприязнью к обоим. — Вас ожидает плохой конец, низвержение во тьму гнусных перерождений.

— Я дойду, — бесстрастно возразил Норбу.

— Никто не знает дорог в низине.

— Я ощущаю притяжение, как иголка — магнит.

— Там, где сможет уцелеть такой, как вы, — Нгагван не сомневался в словах пришлого ламы и понимал, что тот сумеет преодолеть любые препятствия, — да, где пройдете вы, чужеземец погибнет. Не страшно вам вести на верную смерть других? — попробовал он зайти с другого конца.

— Я никого не веду за собой, — бестрепетно ответил Норбу. — У нас одна дорога, но разные цели. Каждый вправе следовать собственным путем, и никто ни за кого не в ответе.

Возразить было нечего. Норбу Римпоче ни на шаг не отступил от духа и буквы буддийской этики.

— А если чужестранцы одержимы злой волей? — решился высказать предположение старик. — Если они принесут гибель многим живым существам?

— Я не почувствовал этого, — твердо ответил йог.

— Но это чужие люди.

— Он знает наш язык.

— Душа не нуждается в языке.

— Он знает наш закон.

— Знать — это значит жить. Мало просто помнить четыре высокие истины. Ведь даже птицы запоминают слова... Как живут эти люди?

— По-своему... Но он уважает наши обычаи и всем сердцем тоскует о нашем прошлом.

— Завидую вашей способности читать сердца... Хранит ли он в себе три сокровища? — Столкнувшись с твердой уверенностью йога, верховный немного успокоился. Первоначальная неприязнь постепенно уступала место любопытству. Спросив о трех сокровищах — Будде, законе и монашеской общине, старик уже готов был смириться с мыслью, что чужеземец следует путем спасения. Если так, то понятно, почему сам бутанский король согласился взять его под свое высокое покровительство. Такой человек мог, не осквернив святынь, спуститься в долину. На свой страх и риск. Взяв на себя полную ответственность за последствия подобного деяния, которые могут проявиться и через тысячи лет...

— Он ведет себя, как монах? — на всякий случай спросил верховный, интересуясь более формальным обетом, нежели образом жизни. Ему ли было не знать, что правила иных красношапочных сект допускали множество послаблений, вплоть до супружества.

— Как мирянин, — отрицательно мотнул головой Норбу. — И по обычаю своего народа... Но поступает, как почитатель, знающий закон.

— Почему?

— Он слышит зов, хоть и не понимает его.

— Не понимает, но следует. — Старик уже не спрашивал, а утверждал, зарядившись чужой убежденностью. Но если Норбу хранил полное равнодушие, то верховный лама не таил, что в нем светлеет и согревается сочувствие.

— Путь его долог и достоин почитания, — подтвердил йог. — Как и ваше высокопреподобие, он ищет заслуг в учености. Ему ведом тайный язык калачакры[1], мандалы, и знаки

[1] Разновидность тантризма. Провозглашена в 1027 году Адишей.

на наших камнях он читает как великий пандит. Поэтому в «Тигровом логове» его приняли как брата и допустили к участию в диспутах.

— Хоть в том и нет большой беды, но я вижу здесь отступление от устава.

— В чем, высокопреподобный? Человек волен оставить обитель и вновь, если захочет, возвратиться под ее сень. — В подтверждение своих слов Норбу жестом призвал в свидетели землю и небо. — Он три года прожил в монастыре Спиттуг, где получил посвящение и тайное имя, чтобы назвать себя, когда придет пора оставить ветхий дом.

— Вам уже известны сроки? — тихо спросил Нгагван, ощутив на лице, как легкое касание паутинки, неназойливое излучение взгляда.

— Скоро, — безмятежно ответил садху. — Белые люди растают легко и счастливо, как облачка в лучах солнца.

VII

Профессор Томазо Валенти действительно провел несколько лет в Ладакхе и получил высшую степень лха-рамба по буддийской метафизике в старейшем монастыре Спиттуг. После Александры Дэвид Нейл он стал первым европейским буддологом, удостоенным столь высокой чести.

К экспедиции в долину «Семи счастливых драгоценностей» он готовился долго и тщательно, можно сказать — всю жизнь. Если бы не внезапная, как показалось друзьям и знакомым, женитьба на молоденькой аспирантке, поездка могла бы состояться и ранее, но что предначертано, того не миновать: Валенти все же добрался до легендарного дзонга «Всепоглощающий свет». И то, что это случилось именно теперь, в год Воды и Собаки по местному календарю, а не прошлым или даже позапрошлогодним летом, особого значения не имело. Нить жизни, несмотря на причудливые извивы, никогда не раздваивается. Ее можно вытянуть в линию между концом и началом. Или замкнуть при желании в кольцо, где все точки равноценны.

Никогда еще Валенти не переживал столь упоительного душевного подъема. Несмотря на привычные болячки, которыми, как корабль ракушками, обрастает человек к пятидесяти годам, он упивался нежданной легкостью и свободой. Тело с его грешащей экстрасистолой сердечной мышцей и стареющей кровью ощущалось обновленным, почти невесомым. Валенти словно парил над землей, озаренный восходом, и все удавалось, все чудесным образом раскрывалось теперь перед ним. Это было как воздаяние за долгое безвременье, за отравленные тоской и сомнением ночи, за бесцветные дни, отягченные большими и малыми хворями.

Подобное состояние не могло длиться сколь-нибудь долго. Всякий взлет чреват неизбежным падением. Ведь и жизнь человека — не более чем проблеск во мраке.

Рожденный в аристократической римской семье и воспитанный в лучших католических традициях, Валенти был убежденным материалистом. Ни в христианскую вечную жизнь после нынешней жизни, ни в буддийскую цепь перерождений он не верил. Но философское миросозерцание изначального буддизма, свободного от теологических наслоений, безусловно, ласкало его воображение. Горькая истина об источниках страдания, лежавшая в самой основе безутешной религии, не знающей Бога, стала своеобразным утешением в трудные минуты, моральной поддержкой. Одним словом, все говорило о том, что Валенти стоит на своей вершине, и скоро начнется неизбежный спуск. Даже ангельское личико молодой жены с необычным для итальянки именем Джой могло бы лишний раз напомнить о близости закономерной развязки. По опыту близких друзей Томазо Валенти прекрасно знал, чем грозит разница в четверть века. Драматическая эволюция подобных браков протекала у него на глазах.

Но человек не видит, точнее — не желает видеть себя со стороны. И знать умом — одно, а знать сердцем — совсем иное. Томазо был счастлив, упивался сегодняшним днем и не желал задумываться о будущем. Итог для всех одинаков, и глупо отравлять ядом сомнений скоротечную радость, если ты все равно не властен ничего изменить где-то там впереди, за невидимым поворотом дороги.

Не велика, конечно, мудрость, и истина отнюдь не нова, но другого-то не дано, и каждый открывает ее, эту истину, как бы заново, для себя лично. С Томазо Валенти, который привык жить, сжигая сегодняшний день ради вожделенного, постоянно отодвигающегося завтра, подобная метаморфоза произошла только теперь. И это наложило неизгладимый отпечаток как на внутренний мир, так и на линию поведения. Мелочи, вернее, то, что считалось ранее мелочами, как бы обрели реальные масштабы. Это из них поминутно слагалось то «главное», истинное или воображаемое, ради чего жил человек.

К встрече с верховным ламой Валенти отнесся поэтому как к событию первостепенной важности. Приближаясь к заключительному этапу исканий, он окончательно утратил непреложное право исследователя на неудачу. Исправить ошибку или вовсе изменить что-то теперь уже было нельзя. Поэтому Валенти проявил твердость, оставив жену у подножия холма, хотя Джой смертельно хотелось попасть в монастырь. На редкость терпимые буддисты, конечно же, сделали бы исключение для белой леди, но по уставу женщина не должна была переступать запретную черту, и это решило дело.

Высокопреподобный Нгагван назначил аудиенцию в библиотеке, выказав тем самым уважение к научным заслугам ко-

ролевского гостя. Заменив патриарший убор с магическим дорже на темени простенькой скуфейкой, старый лама встретил визитера у самых дверей. После обмена приветствиями указал ласково на почетное место у северной стены, где висела роскошная танка, изображавшая повелителя демонов Данкана, скачущего на винторогом козле по волнам крови. В полном согласии с традицией, Валенти на обеих руках поднес высокопреподобному хадак — синюю шелковую ленту с иероглифическими знаками благополучия и долгой жизни, на которой с трудом удерживал заботливо подобранные дары: электронные часы, жестяную коробку с засахаренными фруктами, цветочный одеколон и янтарную брошь, купленную в московском аэропорту Шереметьево. Янтарь, которым в Гималаях лечили от зоба, ценился много дороже золота.

Старик поблагодарил и скрылся ненадолго в примыкавшей к библиотеке каморке, откуда возвратился с белым домотканым полотнищем и бронзовой фигуркой. Валенти с замиранием сердца признал четверорукую Праджняпарамиту — покровительницу ученых монахов. Позолоченная отливка поражала изяществом линий и тщательной проработкой деталей.

— Да ведь это настоящий шедевр! — восхитился Валенти. — Ей лет двести, не меньше!

— Не знаю. — Лама потер брошь о халат и, как дитя, залюбовался притяжением наэлектризованных ворсинок. — Пусть она принесет вам успех.

Валенти деликатно перевел взгляд на стеллажи, заставленные печатными досками и завернутыми в дорогие материи книгами — стопками несброшюрованных оттисков, украшенных зачастую изысканными миниатюрами. Наверняка здесь хранились и древние, возможно, никому не известные манускрипты, начертанные на листьях пальмы и дуба, вырезанные на пластинках из слоновой кости, золота, серебра. «Удастся ли ознакомиться с этой сокровищницей древней мудрости до похода в долину? — шевельнулась мысль. — Не может быть, чтобы не нашлось хотя бы краткого описания страны, лежащей за перевалом...»

— Как вам понравился Бутан? — вежливо осведомился лама.

— Эта великолепная страна превзошла все мои ожидания, — трафаретно, но с полной искренностью ответил Валенти.

После обмена общими замечаниями и характерными для Востока вопросами о родных местах, здоровье близких и виденных в пути достопримечательностях осторожно приблизились к сути дела.

— Мне бы очень хотелось повидать долину за перевалом Лха-ла, — откровенно высказал заветное желание Валенти.

— Там нет ничего достойного внимания, — сжав тонкие губы, отрезал монах.

— Что же тогда есть? — с мягкой настойчивостью поинтересовался итальянец.

— Пустыня, где витают образы. Более ничего.

— А за ней?

— Пустота, — замкнуто вздохнул лама и вдруг добавил: — Никто не знает...

— По-моему, это различные понятия: неведомое нечто и просто ничто. Вам не кажется, высокопреподобный Нгагван?

— У истины всегда есть два противоположных обличия.

— Ничто и нечто?

— И то, что связывает их воедино.

— Выходит, она все-таки есть, истина? — Валенти, знакомый с трактатами Нагарджуны, Цзонхавы, Адиши и сутрами патриархов секты чань, легко переняв риторический строй верховного, допустил досадную оплошность. Беседа вроде бы текла своим чередом, но взаимопонимание подменилось некой почти ритуальной условностью, когда собеседники вдруг как бы забывают, о чем, собственно, идет речь. Валенти спохватился, но наверстать упущенное уже не смог. Ему было невдомек, что недосказанность проистекает не из умолчания, как это показалось сперва, а из жесткой экономии, присущей логике навьяньяя. На счастье, профессиональная интуиция лингвиста помогла профессору Римского университета без особого урона преодолеть неловкость. — Вы имеете в виду триаду? — нерешительно спросил Валенти.

— Какую? — поднял брови лама, не догадываясь, что итальянец, как обмишурившийся школяр, хочет вернуться к истокам.

— Ничто, нечто и связь.

— Дым и огонь, — с улыбкой подсказал лама.

— Выходит, что связанная с долиной тайна проистекает из неизвестности? — выплыл наконец на поверхность Валенти и жадно глотнул воздуха.

Лама внутренне огорчился. Запоздалый вывод был верен. Но примитивная формулировка лишала его смысла. Вернее, логической опоры, словно случайный ответ попугая.

— Говорят, вы принимали участие в диспутах по вопросам догматики? — спросил высокопреподобный.

— Принимал, — Валенти учел ошибку. — Жемчуг исканий вечен, но жемчужины умирают от времени.

— Или болеют.

— Впитывая испарения хворого тела, — Валенти быстро развил подхваченную тему. — Но юная кровь способна омолодить их своим дыханием. Я не себя имею в виду. — Он смутился, вообразив почему-то, что лама может подумать о них с Джой. — Сама таинственность порой зависит от взгляда на тайну, от личного к ней отношения.

— Так, — безразлично подтвердил лама. Иноземный пандит оставался во многом варваром. Насильственно отделяя

субъект от объекта, он поминутно примешивал свое частное к абстрактному общему. Жаль!

— Значит, я не посягну на святыню, дерзнув спуститься в долину?

— Ваш вывод не вытекает с неизбежностью из посылки, а вопрос уже содержит ответ.

— Какой же, высокопреподобный?

— Я не знаю. Спросите себя... Вы не боитесь?

— Чего?

— Страх проистекает из незнания, будь то обман или самообман. Истина и страх несовместимы. Так вы не боитесь?

— Есть бесстрашие неведения, — попытался перехватить инициативу Валенти.

— Имя ему глупость... Неужели вы считаете себя достаточно подготовленным для такого похода?

— Вы имеете в виду духовную сторону или материальную?

— О материальной после... Вы же отлично знаете, с какой целью монахи умерщвляют плоть. Это борьба, часто бесполезная, с ненасытной привязанностью человека к суетным прелестям, преодоление губительной власти желаний. Попытались вы хоть однажды придушить снедающую вас змею? Измерили бездну внутри себя? Поняли, на что способны, а что никогда, даже под угрозой смерти, не сможете сделать? Как же можно, не зная своих пределов, подвергнуться такому искусу?

— Вы правы, высокопреподобный, — помрачнел Валенти, — хоть я и провел известное время в обители, но жил иными мыслями, чем другие братья. Я всегда испытывал разум и никогда — душу. Но в слабости моей моя же сила. Путь познания чист, а жажда приподнять завесу тайны, хоть и причиняет страдания, как всякая жажда, все же отлична от низменных устремлений. Поэтому, мне кажется, я выдержу искус.

Лама устало прикрыл глаза. Его темное сандаловое личико заострилось, и чеканные черты обрели щемящую привлекательность. Чем можно было ответить на лепет младенца? Разве что искренностью, когда не мучает запах лжи и темная аура пролитой крови не застит глаза, могла расположить к себе эта сумбурная, лишенная внутренней дисциплины речь. Чистоты помыслов достаточно, чтобы избрать благое воздержание от деяний, но ищущий мудрости должен подвергнуть жесточайшему испытанию дух. Да, бесстрашие от неведения — просто глупость. Пришлый садху сказал правду. Дни этого человека уже взвешены и сочтены. Так пусть же концы сомкнутся с началами.

— Когда вы хотите выступить? — с трудом поднимая пергаментные веки, спросил лама.

— Пусть люди немного передохнут и яки откормятся.

— Это разумно.

— Еще нам нужно возобновить запасы муки, риса и сушеного буйволиного мяса для погонщиков. Согласно королевскому предписанию мне разрешено...

— Я знаю, — кивнул монах. — Но наши амбары опустели, и вам придется немного подождать, пока подойдут первые караваны.

— Будем надеяться, что они не промедлят... Там, за перевалом, есть люди? Деревни? Монастыри? — Валенти едва сдерживал азарт искателя.

— Считайте, что ничего этого нет. Так будет лучше для вас. Возьмите поэтому как можно больше еды. Дорог вы, конечно, не знаете совсем?

— Преподобный Норбу Римпоче любезно согласился сопровождать нас.

— Сопровождать или вести?

— Разве это не одно и то же?

— Когда вы поймете, в чем разница, будет уже слишком поздно... Что вы знаете о долине?

— Все, о чем говорится в трудах его святейшества Третьего панчен-ламы и в учении «калачакры», возглашенном Адишей. Кроме того, я подробно проанализировал работы европейских путешественников, Николая Рериха в частности.

— Не знаю, — лама медленно покачал головой. — Но не очень полагайтесь на людскую молву... И вот вам мой совет: если надеетесь встретить рай, готовьтесь к аду.

— Значит, вы не станете препятствовать? — не смея верить удаче, тихо спросил итальянец.

— Кто я, чтобы прервать цепь, где звено цепляется за звено? — с ощутимой горечью спросил лама. — И в каком месте следует разомкнуть кольца?

Невзирая на сухой воздух высокогорья, Валенти совершенно взмок от напряжения. Встреча с верховным и глубоко потрясла, и обрадовала его. Радость превозмогала усталость и начинающийся озноб, когда кожа то горит, как ошпаренная кипятком, то цепенеет от стужи.

Прощаясь с мудрецом, который не знал никаких языков, кроме родного, и даже не подозревал о действительных проблемах, раздирающих современное человечество, Валенти задержался взглядом на красочном свитке, где неистовый Данкан с насыщенными энергией, дыбом встающими волосами летел в золотом пламени и черном дыму. В нижней части иконы художник, наверное, никогда не видевший моря, изобразил синие волны. Из недр водной стихии вырывались три огненных снопа и расплывались на фоне зеленых взгорий четко очерченными грибообразными шапками. О подводных атомных взрывах безвестный богомаз не мог знать ни при каких обстоятельствах, тем не менее струи рвущегося из пучины огня, оттененные яростной белизной раскаленного пара, выглядели столь реалистично, что итальянец едва сдержал

удивленный возглас. Поднятые клубами облачных шляпок, издевательски скалились повитые лентой огня алебастровые черепа. Мертвые кости холмом упирались в море пролитой крови, взбудораженное копытами скачущего козла. Казалось, что неистовый повелитель демонов готов слететь с окаймленного шелком свитка и, как всадник Апокалипсиса, пронестись над обреченной планетой. Но два ламы по бокам, в золотых плащах магов, ниспадающих гофрированными складками с плеч, загоняли тлетворный дух обратно в выбеленные костяки. С их жезлов, как с токарного резца, завиваясь стружкой, стекала неистощимая сила, пронизывающая все и вся, движущая стихиями, зажигающая светила.

Луна и солнце, как того требовали строгие каноны тибетской живописи, отрешенно сияли в снежной голубизне над золотым шишаком божества.

«Самое позднее — конец восемнадцатого века, — безошибочно определил тренированный глаз знатока и коллекционера. — Что это: поразительное предвосхищение или чисто случайное попадание, когда чужое и неведомое обретает игрой случая знакомые черты?» — спрашивал себя Валенти.

Он спустился с холма потрясенным. Это была одна из тех волнующих загадок, которые не устает подбрасывать непостижимое по самой своей природе искусство.

Нгагван Римпоче, затворившись в библиотеке, попытался вернуть привычную уверенность и незамутненность духа. Проведя некоторое время в «лотосовом сидении», когда ступни скрещенных ног неподвижно покоятся на коленных чашечках, а дощечки ладоней касаются подвздошной чакры[1], он сумел остановить подхвативший его изнурительный бег и разобраться в беспокойной сумятице мыслей.

Выходило, что никого из гостей ни при каких обстоятельствах не следовало пускать в долину. Чем скорее оставят они «Всепоглощающий свет» и уберутся восвояси, тем лучше будет для всех живых существ, причастных к сохранению тайны. Другого средства возвратить покой и безопасность обитателям дзонга не существовало. Чужих людей, однако, собралось слишком много, не говоря уже о том, что один из них обладал королевской грамотой и влиятельными рекомендациями.

Верховный вырвал листок из тетрадки и набросал несколько строк, адресованных управителю соседнего дзонга, расположенного в пяти днях пути от «Всепоглощающего света». Лама Надом Лапо, наделенный обширными полномочиями и располагавший внушительным отрядом в семнадцать солдат, мог разрешить все сомнения.

Запечатав послание, верховный вышел на монастырский двор, где шумели, поскрипывая стволами, хмурые лиственницы.

---

[1] Согласно индо-тибетской медицине, средоточие жизненной силы

Ветер рвал флаги с шестов. Наползавшая с северо-запада белесая мгла предвещала затяжное ненастье. На дощатом помосте для кормления птиц стоял сгорбленный тучный монах — местный старожил — и пускал в воздушный поток вырезанных из красной бумаги лошадок.

Где-то далеко-далеко в горах они превращались в живых полнокровных коней, готовых выручить застигнутого непогодой путника.

Верховный лама миновал храм и, обогнув трапезную, возле которой топтались пришедшие за освященным можжевельником миряне, стал осторожно спускаться по вырубленным в скале ступенькам.

Крутая лестница привела его к отшельническим пещерам. Сухой холодный воздух подземелья успокаивающе коснулся разгоряченных висков. Стало темно, но верховный хорошо знал дорогу и не зажег масляную лампу. Всего пещер было четырнадцать, а отшельников осталось лишь двое. Что-то неумолимо менялось в жизни, и люди теряли охоту к обретению вечных истин.

В удаленном гроте, куда почти не достигали чахлые отблески дня, Нгагван различил смутные очертания человеческой фигуры. Обнаженный по пояс затворник сидел на вытертой леопардовой шкуре, вперив неподвижный взгляд в одному ему отверстую даль. Лама, возложив руки на голову грезящего, заставил растаять видения.

— Пойдешь сейчас, — сказал он, вручая послание, и, вновь коснувшись спутанных волос, повел обстоятельный рассказ о дорожных приметах.

Человек задышал глубоко и часто, словно принюхиваясь, и вдруг увидел сквозь непроницаемую толщу знакомую тропу, слюдяной щебень, каменные бедные пирамидки на перевалах и хрупкие снеговые мосты, повисшие над стонущей бездной. В раннем детстве отданный нищими родителями в монастырь, он был подвергнут придирчивому осмотру, определен на роль бегуна, и после многих лет упорных тренировок овладел невероятным искусством горного скорохода — лунг-гом-па. Ныне ему ничего не стоило вскарабкаться на кручи, куда не забирались пугливые улары и одинокие козлы, перемахнуть через расселину, на обрывке лианы перелететь над рекой. Оберегаемый лунатической силой, скороход не знал страха, не ведал усталости и не нуждался в пище. Его единственной задачей было добежать до цели, не останавливаясь перед препятствиями, не теряя времени на отдых и сон. Лишь достигнув цели, он мог умереть, подобно загнанной лошади, если на многодневный марафон было затрачено слишком много невосполнимых запасов энергии.

Методы подготовки бегунов хранились в строгой тайне. Выработанные еще в добуддийские времена при первых царях Тибета, они совершенствовались на тантрических фа-

культетах, передаваемые из поколения в поколение, как вечный огонь. Осколки первобытного знания были сохранены в уединенных обителях, заброшенных в гималайские дебри. Но сколько их было в маленьких феодальных владениях, зажатых между гигантами, сотрясаемыми неотвратимой поступью всеохватного, властно перекраивающего действительность века? Интуитивное, атавистическое забивалось в щели, отступало в ледяные пустыни или корчилось в истребляющем пламени. Многоглавые, многорукие боги, принявшие, дабы победить зло, демонический облик, теряли былую мощь без веры и приношений в опустевших, продуваемых ветрами храмах.

Верховный лама «Всепоглощающего света» безуспешно искал младенцев, пригодных для лунг-гом-па, сберегая своего единственного скорохода на крайний случай. Но теперь, когда окончательно развеялись сомнения, настал черед выпустить последнего голубя в дальний и, возможно, безвозвратный полет. Старик не испытывал ни сожалений, присущих собственнику, готовому ради крайней нужды рискнуть драгоценной диковиной, ни простой человеческой жалости. Ведь судьба мальчика, обреченного, возможно, ради единого взлета на долгое прозябание в темноте, определилась задолго до того, как родители оставили его у монастырских ворот. О чем же печалиться, если у каждого существа свое особое предназначение? Овца дает шерсть, буйволиная матка — молоко, а пчелы откладывают в восковые ячейки целебный мед. Простую записку доверяют голубю, а секретное письмо, которое ни при каких обстоятельствах не должно попасть в чужие руки, — скороходу.

И когда старик снял свои сухие, лишенные веса и теплоты длани с головы юноши, тот уже, подобно почтовому голубю, запечатлел в себе мельчайшие подробности предстоящей дороги. Он безотчетно вышел на свет, который не ослепил его устремленного вовнутрь зрения, и скоро исчез за поворотом, ведущим к соседней пещере, где журчала вода, собираясь по системе лотков в квадратном проеме колодца. Там начинался подземный ход, ведущий за крепостные стены.

Провожая тающую в сумраке тень, Нгагван Римпоче почувствовал, как что-то внезапно сжало, а затем медлительно и неохотно отпустило его затосковавшее сердце. Стремясь единственно к тому, чтобы удержать неизменным былое, оно уловило приближение расставания и затрепетало, как желтый лист на ветру. Ах это тусклое дуновение, гасящее огоньки! В нем слышится наждачный шорох песчинок на золотых ликах богов, грохот и шелест расписанных фресками стен, сползающих в удушливых клубах известки.

VIII

С помощью безотказного шерпа Макдональд заарендовал низкорослую соловую кобылку с длинной челкой и отправился разведать перевал.

— Зачем ты помогаешь ему? — упрекнул шерпа преподобный Норбу Римпоче. — У него черная аура, разве тебе не видно?

— Он подружился с моим саибом... — попытался оправдаться Анг Темба.

— Саид творит свою карму, ты — свою, — предостерег садху. — Никому не дано переложить на чужие плечи ответственность за собственные поступки. Что сделано, то сделано. Будь осмотрительнее в другой раз.

Макдональд тем временем уже беззаботно покачивался в седле, делая от силы две мили в час. Веревочные стремена оказались коротковаты, и ехать с задранными коленками было не слишком ловко. Конечно, ничего не стоило нарастить веревку, но Макдональд примирился с неудобством: когда ноги царапают землю, раздражаешься еще больше.

Зато лошадка была чутка и послушна. Она покорно вступала в прыгающие по камням мутные от тающего снега ручьи. Когда ледяная вода обжимала непромокаемые голенища, всадник непроизвольно подбирал повод и пригибался к холке. Оскользаясь на валунах и упорно противостоя течению, лошадь замирала, но затем самостоятельно находила кратчайший путь, выбиралась на сушу и продолжала трусить по гремящей гальке, под которой, изредка выплескивая наверх грязную пену, бежали талые воды. От подвесного моста, предназначенного только для пеших, если не для обезьян, пришлось изрядно дать лишку. Отмеченные на карте броды вздулись и стали непреодолимыми. Вскипающий опасными гребешками нефритовый поток тащил вывороченные камни и острые, истонченные до невидимости льдины. Всюду виднелись следы пурги, бушевавшей в горах почти беспрерывно трое суток. Течение слизывало края осыпей, несло, громоздя на завалах, поломанные стволы и вывороченные корневища. Сверившись с планом, Макдональд решил спуститься по уже сухому руслу, поросшему мечевидными листьями темно-синего ириса. Последние лужи споро высасывало неистовое горное солнце, и черный гравий, теряя слепящий глянец, на глазах подергивался тусклой пыльцой. Столь же мгновенно тускнели влажные, сходящиеся за спиной лунки следов.

Оловянная яркость неба, жара и монотонное покачивание усыпляли. Макдональд клевал носом, проваливаясь в омуты, наполненные причудливыми видениями, откуда вырывался с болезненно колотящимся сердцем, но, как ни странно, освеженный, готовый, пусть ненадолго, вновь следить за дорогой.

Автоматная очередь застала его врасплох, когда, отпустив поводья, он приник к жесткой, пропитанной терпким потом гриве. Вылетев из седла и вдавившись в крупнозернистый песок, Макдональд успел схватиться за стремя. Издав короткое ржание, перепуганное животное рванулось и потащило всадника за собой. Вновь откуда-то сбоку пророкотал автомат, обозначив грязевыми фонтанчиками роковую черту. Она взметнулась совсем рядом, ударив в лицо острыми брызгами. Подобрав высоко стремя и загораживаясь лошадью, австралиец бочком пополз к ближайшему валуну. И тут же, прямо по верхушке камня, хлестнула еще одна короткая очередь. Унылым посвистом отозвались срикошетировавшие пули. Отступая к укрытию, Макдональд свободной рукой перехватил поводья и, рванув на себя, перекатился через голову. Кобылка вздыбилась и упала на бок прямо перед камнем, который тут же прерывисто полыхнул слюдяным крошевом. Ослепленный каменной пылью, Макдональд на какое-то мгновение оказался без прикрытия. И если бы не лошадь, судорожно приподнявшаяся на разъезжающихся, нетвердых ногах, его бы прошило пулями.

Жмурясь от рези в глазах, задышливо хватая неутоляющий воздух, Макдональд прижался спиной к валуну и слепо нашарил пистолет. Конечно, «вальтер» калибра 5,6 с абсолютно никчемным в сложившейся ситуации глушителем был, по сравнению с автоматом, не более чем игрушкой. Но если уверенный в своей безопасности убийца захочет выйти из-за укрытия и хладнокровно поставить последнюю точку, то его ожидает не совсем приятный сюрприз. Валун позволял организовать оборону. Главное — не дать обойти себя на дальней дистанции.

Когда выровнялось дыхание, Макдональд, плеснув из фляги, промыл глаза. Затем прополоскал горло и вдоволь напился. Теперь он готов был встретить неведомого врага лицом к лицу. Пряча оружие за спину, осторожно обогнул камень и, бросив мгновенный взгляд на галечную осыпь, откуда велся обстрел, нырнул назад. Все было спокойно. Потянулись секунды, отмеренные настороженными ударами сердца. Подстерегая малейшие изменения в нависших над головой скалах, Макдональд напряженно вслушивался в тишину за спиной. Решись противник пойти прямиком, его неизбежно выдаст шум ненароком потревоженного камня. Так прошло несколько невыносимых минут. Затаившийся недруг либо целиком положился на собственное терпение, либо, приходилось брать в расчет и такое, покинул поле боя. Судя по всему, он явно стремился сохранить лошадь. Высунувшись из-за укрытия сначала с одной, затем с другой стороны, Макдональд затаился и приготовился к долгому ожиданию. Он не смел размагничиваться. Первый и такой бесконечный час прошел в напряженном ожидании и полном бездействии. Если это была война нервов, то

соперник подвернулся незаурядный и заслуживал высшего балла. Несколько своеобразная манера вести огонь, в сущности, не выявляла конечных намерений. Лошадь, которая вообще высоко ценилась в горах, могла пойти в придачу к главному призу, к его, Макдональда, голове. Австралиец отложил пистолет и достал из кармана содовую галетку. Человек для того и приходит на землю, чтобы скрасить себе, кто как может, изнурительное ожидание развязки. Пожалев о притороченной к седлу сумке, где хранились жгуты сушеной буйволятины, Макдональд бросил в рот половинку галеты и запил водой. Опустившийся неподалеку пестрокрылый удод с веерным хохолком ловко подхватил крошку и упорхнул за камень. Переложив оружие в другую руку, Макдональд вытер вспотевшую ладонь. Сохраняя зоркую настороженность, он подумал, что спаренный глушитель, пожалуй, лучше свинтить. Коли придется стрелять, то пусть выстрел выйдет достаточно громким. Каждая вторая пуля в обойме была снабжена дополнительным зарядом и разрывалась, ударив в цель, как маленькая граната.

Вынув обойму, он вогнал патрон с оранжевым пояском на самый верх.

IX

Профессору Валенти, который мог бы, подобно ламе Норбу, занять одну из монашеских келий, великодушно позволили разбить палатку у подножия монастырского холма. Обнаружив на юго-западном склоне довольно просторную и защищенную от ветров нишу, супруги Валенти не замедлили натянуть стропы, которые на тибетский манер привязали к тяжелым камням. Так в дзонге «Всепоглощающий свет» возник второй очаг западной цивилизации.

Несмотря на то что с рассвета и до полудня профессор проводил с братьями по дхарме, продолжая углубленное исследование ламаистской обрядности, свои вечерние часы обитатели черного шатра охотно посвящали светским обязанностям.

Роберт Смит, арендовавший единственный в дзонге пустующий дом, сделался не только постоянным гостем итальянской четы, но и великодушным наставником Джой, пожелавшей освоить комбинационные богатства покера. Добродетель обычно вознаграждается, а между тем порок приятен уже сам по себе. По достоинству оценив доблесть, проявленную за карточным столом, равно как и мастерство исполнения итальянского гимна на корнет-а-пистоне, Томазо Валенти скрепя сердце дозволил Смиту сделать анатомический соскоб со своей несравненной Праджияпарамиты. Так, по существу ценой маленького кощунства, было достигнуто дружеское согласие в колонии, объединившей представителей трех континентов. Встречались

почти ежедневно: либо в феодальной башне англосаксов, либо у итальянцев.

На сей раз Смит принес в палатку сенсационную новость.

— Я только что узнал, Том, — поспешил он поделиться услышанным, — что ваш приятель верховный лама довольнотаки коварная бестия.

— А в какой мере это касается нас?

— В самой паршивой. Короче, все наши планы летят к черту... Высокопреподобный, оказывается, тайно отправил курьера к губернатору, чтобы тот помог ему поскорее выпроводить нас куда-нибудь подальше. Ничего себе? Во всяком случае моим надеждам попасть в Бутан теперь окончательно не суждено сбыться.

— И этому можно верить? — огорчилась Джой.

— Не знаю, но весь «Всепоглощающий свет» болтает только об этом.

— Даже так, — не сдержал иронической улыбки профессор.

— Представьте себе... К счастью, у моего друга Тигра что на уме, то и на языке, иначе бы мы пребывали в полном неведении.

Застелив клеенкой шкуру гималайского медведя, которую удачно выменяла на мохеровое платье, Джой заправила сифон углекислотным баллончиком.

— Компари? — предложила она, отвинчивая пробку.

— Да, спасибо, — кивнул Смит, разбавляя рубиновую жидкость водой. — Не знаю, как будет с гостями самого короля, но бродяге Чарли не видать долины как своих ушей. Уж это точно.

— Он еще не вернулся? — спросила Джой.

— Что-нибудь задержало, по всей видимости, — поправляя очки, пожал плечами Смит. — То-то обрадуется, когда возвратится! — В своем неподдельном огорчении американец был столь смешон и по-детски трогателен, что Джой даже захотелось на миг пригладить его торчащие вызывающе рыжие вихры.

— Что-нибудь можно сделать? — обернулась она к мужу.

— Не знаю, — задумчиво протянул Валенти. — Посмотрим, как будут развиваться события.

Прожив с монахами не один год, он так и не удостоверился с полной научной объективностью в их сверхъестественных способностях проникать в чужие мысли. Но в том, что гималайские ламы не умеют хранить свои собственные тайны, убеждался неоднократно. Сведениям, принесенным Тигром снегов, безусловно, следовало верить. Отчаиваться, впрочем, не стоило. На Востоке любые запреты, равно как и разрешения, весьма относительны, поэтому все зависело от конкретных обстоятельств.

— Вы не хотите поговорить с этим бродячим святым? — поинтересовался Смит, придвигая профессору сифон. — Может быть, удастся узнать какие-нибудь подробности?

— И раскрыть, что нам все известно? — Валенти с сомнением пощипал ус. — Не преждевременно ли?

— Как насчет чего-нибудь перекусить, Роберто? — Джой переместилась в дальний конец, где на деревянном, сбитом на скорую руку помосте сверкал хромом новехонький примус и громоздились разноцветные пирамиды консервных банок.

— Если только легонько.

— Для нас с вами я могу сделать омлет с превосходными древесными грибами, которые меня научила готовить одна местная дама. Подойдет?

— Вполне. А синьор профессоре?

— То же, но без грибов.

— Как, и это нельзя?!

— Увы, — улыбнулся Валенти, — подагра.

— Грибы, артишоки, спаржа, а также бобы, — дала подробное разъяснение Джой, — для нас табу. Сплошные пурины.

— Сочувствую, — рассеянно кивнул Смит. — Однако вернемся к нашим проблемам... Я не могу позволить, чтобы меня вышвырнули отсюда, словно надравшегося щенка из приличного заведения. Слишком многое поставлено на карту.

— Я думаю, — многозначительно ухмыльнулся Валенти. — Это ведь не шутка: технеций в старинной бронзе! Однако не станете же вы силой врываться в чужую страну?

— И это вы говорите ветерану вьетнамской войны? — невесело пошутил Смит. — Разумеется, мне остается лишь утереть сопли... Но, видит Бог, я не сдвинусь с места. И если предстоит подохнуть от голода, то ответственность за это я заранее возлагаю на зловредного старикашку.

— Надеетесь, что президент введет в действие силы быстрого реагирования? — насмешливо прищурился Валенти. — Вы случайно не на ЦРУ работаете?

— Очень может быть, — с полной серьезностью откликнулся Смит. — Но вам меня не расколоть. Так и знайте, в новом воплощении старик превратится в скунса.

— Если вы умрете голодной смертью? — на всякий случай уточнил Валенти.

— Да, если я отдам здесь концы, — подтвердил американец. — Пусть мне дадут взять пробы, и я немедленно смоюсь.

— Как бы вам самому не превратиться в жабу, — погрозил пальцем Валенти. — Никто не пойдет ради вас на святотатство, и вы знаете это не хуже меня. Весь комизм вашего положения в том, что высокопреподобный так и не понял и, наверное, никогда не поймет, что вам, собственно, нужно... Такие перлы, как масс-спектрометрия, технеций, качественный анализ и прочая заумная чушь, поверьте, ничего не говорят его сердцу. Моему, сознаюсь, тоже.

— Я отдаю себе отчет в том, что на меня смотрят как на полного идиота! — признал Смит. — Даже Тигр подозревает, что я малость сбрендил... — Он покосился на подаренную ламой статуэтку, украшавшую, как положено, северную сторону палатки. — Но продать какой-нибудь пустячок, причем за хорошие деньги, они могут? Хотя бы несколько штук!

— Однако у вас аппетит!

— Вероятность успеха прямо пропорциональна числу проб, — погрустнел американец. — Азы методики любого эксперимента.

— Я понимаю, — сочувственно вздохнул Валенти.

— Может быть, в долине люди окажутся посговорчивее?

— Не уверен, что там вообще есть люди.

— А почему бы вам не взять меня с собой? — Смит загорелся внезапной надеждой. — Раз мне все равно нет дальше ходу, я бы с удовольствием натянул старику нос. Хотя бы из принципа!

— Насколько я понял, наше путешествие тоже находится под вопросом. Или нет?

— А зачем вам дожидаться, пока какой-то немытый тритон или трипон, не знаю точно, порвет ваши королевские грамоты? Что вам мешает выступить завтра, послезавтра, наконец?

— Многое, — отрицательно покачал головой Томазо Валенти. — Во-первых, еще недополучено продовольствие, во-вторых, не подобрана вьючная амуниция... Но не это главное. Суть в том, что меня принимают здесь как друга, и я хочу остаться им при любых обстоятельствах.

— Даже если вас, грубо говоря, вытурят?

— Это их право, мистер Смит. Устраивает нас или же нет подобное положение, но это их право.

— Ничего не поделаешь. — Американец помрачнел. — Думаете, мне не понятны высокие чувства? Очень даже понятны... Восток, если ты однажды дал слабину, выворачивает тебя наизнанку. Вроде бы ничего не изменилось, а ты уже совсем другой человек...

Джой ловко разложила аппетитно нарезанный омлет по одноразовым тарелочкам из фольги. Оранжевые желтки делали ноздреватую массу удивительно похожей на арбузную мякоть, а черные вкрапления грибов еще более увеличивали сходство.

— Я поставила на огонь воду, — предупредила она. — Кофе, Роберто?

— Если можно, чай. На этой чертовой высоте кофе почти не заваривается.

— Не беда. Я научилась приготовлять превосходный капучино. У нас еще остались сухие сливки.

— Вы упомянули о Востоке, Смит, — напомнил Валенти.

— Я провел во Вьетнаме семнадцать месяцев, а этого хватит на две жизни.

— Вам пришлось принимать участие в боевых операциях? — сочувственно осведомился Валенти.

— Практически нет, хотя совершенно случайно я заработал шальную пулю и как следствие — «Пурпурное сердце». Наша база находилась в Дананге. В мою задачу входило снабжение авиасоединений жуткой дрянью под кодовым названием «Оранж-196». После того как дефолиант распыляли со специально оборудованного вертолета, листья чернели и съеживались, как от огня.

— Зачем? — Джой удивленно раскрыла глаза. Ее тщательно накрашенные ресницы затрепетали, как у куклы.

— Чтобы нашим парням было видно, где прячется вьетконг, — пояснил Роберт. — Я думаю, это все знают... Загвоздка, однако, в том, что после оранжевого дождичка увядали не только цветочки. Я слышал, что в некоторых семьях все еще родятся уроды.

— Какой ужас! — воскликнула синьора Валенти.

— Когда от наших парней, которые методично обрабатывали джунгли в провинции Анзянь, я узнал, что мы чуть не потравили целый уезд, то сразу решил, что надо сматываться. — Порывистым жестом Смит выхватил бумажник и достал поляроидный снимок, на котором была запечатлена молодая привлекательная женщина с девочкой на руках. Обе были в одинаковых золотистых туниках с высоким стоячим воротом и смотрели прямо на зрителя. Взгляд удлиненных непроницаемых глаз казался испуганным и смущенным, словно снимок был сделан в самый неподходящий момент. — Мне повезло. Я не только сумел благополучно демобилизоваться, но и кое-что вывез с собой в Штаты. Моя жена Лиен, — пояснил Смит. — Мы обвенчались в Сайгоне по католическому обряду, а Биверли родилась уже в Филадельфии.

— Божественное лицо! — восхитился Валенти. — Словно фарфоровое. Посмотри, Джой, какая изысканность черт.

— Настоящая принцесса! — одобрила синьора Валенти.

— Если уж вьетнамка красива, — нехорошо усмехнулся Смит, — то, как говорят, наповал. У нас многие женились на местных, не я один... Парни прямо-таки балдели.

— Их можно понять, — кивнул Валенти, возвращая карточку. — Примите мои поздравления.

— Ничто не проходит бесследно, — отвечая на какие-то свои мысли, уронил Смит и спрятал бумажник. — В одном прелестном местечке, которое называется «Встреча гор и вод», я набрел на разбомбленную пагоду, где нашел в груде обгорелого мусора обомок бронзовой статуи... Одним словом, это была моя судьба. Когда я впервые стретил Лиен в «Нефритовом дворце», где крутили кино для летчиков, то меня будто током ударило. Тот же дремотный тягучий взгляд из-под по-

луопущенных век, та же всепрощающая улыбка бодхисатвы. — Резким взмахом руки Смит согнал с лица невидимую паутинку. — Удивительно, верно?

— Художникам свойственно брать за образец реальный, так сказать, прототип... — начал был профессор, но вдруг осекся, остановленный внезапной догадкой. — Простите меня, Роберт, но ваша жена...

— Да, — подтвердил коротким кивком Смит. — Они погибли при посадке в аэропорту Гонолулу.

— Бедненький мой! — Глаза Джой переполнились слезами.

— Все, хватит! — отрезал Смит. — Так вы возьмете меня в свою команду, Том?

— Он еще спрашивает! — темпераментно жестикулируя, упрекнула итальянская синьора. — Мы просто счастливы будем, если вы пойдете с нами.

— Во всяком случае я сделаю все, что от меня зависит, — несколько менее определенно пообещал Валенти.

Вернувшись уже в сумерках к себе в каменную башню, Смит застал там Макдональда. Собрав станок, австралиец собирался побриться при свете электрического фонарика.

— А мы ждали вас еще третьего дня, Чарли. — Смит крепко пожал протянутую руку. — Вас что-нибудь задержало?

— Лошадь, будь она проклята. — Макдональд выразительно кивнул на брошенное у входа седло. — Пока я искал подходящий брод, она, видимо, не устояв на скользких камнях, полетела в воду. Течение жуткое, всюду водовороты, острые, как бритва, обломки скал... Представляете себе мое состояние? Беднягу прибило к берегу в трех милях ниже. Чтобы хозяин не подумал худого, пришлось отрезать уши. — Он похлопал по нагрудному карману. — Есть, знаете ли, у наших фермеров такой странный обычай...

— Боюсь, что приключение обойдется вам тысячи в полторы, — предупредил Смит, уже знакомый со сложной системой расчетов, которые вел его шерп с местными пастухами. — Не меньше.

— А что делать? — развел руками Макдональд.

— Значит, вы так и не добрались до перевала?

— Даже не смог перебраться через реку. Ей-богу, проще было пойти пешком через мост. Я так и сделаю в другой раз.

— Не загадывайте, дружище. У меня есть для вас веселые новости.

X

С первых же слов американца, потрясенного азиатским коварством, Макдональд понял, что настал его час. Счастливый случай, на который он не переставал надеяться с того

самого дня, когда наткнулся на заснеженный, полыхающий рыжими сполохами перевал, покорно давался в руки.

Смита даже не пришлось уговаривать. Исподволь проведенная работа увенчалась блестящим успехом. Понадобился всего лишь эмоциональный толчок, и упрямый янки, бредивший Королевством драконов грома, загорелся столь же пылким стремлением проникнуть в загадочную долину. Тайная идея Макдональда незаметно стала его идеей.

Теперь он приглашал Макдональда в попутчики!

Решено было выступить как можно скорее, не дожидаясь сомнительных результатов посольства к трипону. Дабы лишний раз укрепить решимость ниспосланного свыше компаньона, Макдональд подсунул ему медную бляху в виде скрещенных молний — двойной дорже, предусмотрительно открепленную от седла. Упомянув вскользь о том, что магический амулет якобы привезен из долины, он не замедлил дезавуировать слух. Как и следовало ожидать, Смит оказался более восприимчивым к положительным доводам. Опровержения, построенные на огульном отрицании, он пропустил мимо ушей и клюнул на бронзовую приманку. Его терзали опасения, что в самый последний момент поход может сорваться, и придется с пустыми руками возвращаться на заокеанскую родину. Воистину сладок запретный плод.

Как и было условленно между новыми компаньонами, Смит объявил смотрителю дзонга, что не может более ждать разрешения на поездку в Тхимпху и поэтому хочет вернуться в Непал.

— Какую дорогу предпочитает саиб? — спросил, получив такое же уведомление, шерп.

— Это надо решить сейчас же? — нахмурился американец, не желая лгать без особой нужды.

— Разумеется, сэр. От дальности пути зависит количество провианта. — Анг Темба был неприятно поражен легкомыслием патрона. — Количество животных — также. — Ничего не поделаешь, приходилось напоминать очевидные истины. — И погонщики должны заранее знать, куда предстоит идти.

— Вы целиком и полностью правы, мистер Темба, — Смит приложил руку к сердцу. — Но, видите ли, я бы хотел немного порыскать вокруг... Может быть, если удастся, спуститься в долину с перевала Лха-ла, а уж затем пройти в Мустанг по гребню... Вы не возражаете?

— Как будет угодно саибу, — равнодушно согласился проводник. — Только я не знаю этой дороги.

— Не беда, мистер Темба. — Смит покровительственно похлопал верного Тигра по плечу. — Поищем вместе, на худой конец, всегда можно вернуться.

— Тогда нужно рассчитывать на самый далекий путь.

— Мы так и сделаем.

— Придется еще прикупить продовольствия.

— Что нам мешает? — Американец олицетворял благодушие и жизнерадостность.

— Сегодня как раз базар...

— Превосходно! — обрадованный Смит оборвал шерпа на полуслове. — Не будем терять времени.

Прибывшие с первым караваном торговые гости разложили свои товары прямо под крепостной стеной. Статный сикким с красным, как кедровая древесина, лицом привез мешки отборного риса и чайный лист. Сопровождавшая его коротко остриженная красотка с золотым кольцом на левом крыле мило приплюснутого носика, ловко орудуя мерной корзиной, уже отсыпала положенную долю монахам и весело болтала с соседками. Непальские лимбу выставили на продажу черное просо, крохотные початки кукурузы и всевозможные коренья: розовый ямс, маниоку, серые пупырчатые клубни имбиря. Печальный сикх в голубом тюрбане дремал над ящиком с самоцветами. Кроткие кираты доставили из долины Катманду картофель, цзамбу и всевозможные ритуальные поделки: трехгранные ножи пурбу, которыми танцующие ламы поражали злых духов, молитвенные мельнички, статуэтки.

Отливки были свежими и весьма примитивными. На таких искушенных знатоков, как Валенти и Смит, они не произвели впечатления. Однако истосковавшиеся жители «Всепоглощающего света», одобрительно цокая языком, быстро расхватали товар. Для них любой базар был праздником.

Смит сказал Тигру, что хотел купить побольше рису и цзамбы, а сушеные абрикосы, буйволиное мясо, фасоль и плиточный чай тот может взять по своему усмотрению.

Анг Темба тут же вынул миниатюрный калькулятор и принялся манипулировать кнопочками. Мелькание неоновых цифр на дисплее доставляло ему явное удовольствие. Изредка загибая пальцы и что-то шепча, он несколько раз подводил итог, но оставался, видимо, недоволен, и церемония повторялась.

— Мне это будет стоить двадцать семь больших монет, — наконец назвал он общую сумму.

— А мне? — с улыбкой спросил Смит, уже знакомый с местной расчетной системой.

Шерп вновь прибег к электронному колдовству и посредством сложнейших вычислений вынес окончательный приговор:

— Восемь тысяч четыреста двадцать непальских рупий.

«Восемьсот сорок два доллара», — мысленно перевел Смит.

По сравнению с затратами на вьючных животных это была сущая безделица.

— Я попрошу вас, мистер Темба, запастись солью, — Смит отсчитал десять сотенных бумажек, — табаком и мылом для носильщиков, а также взять побольше сушеного творога.

Шерп молча спрятал деньги и пошел искать менялу, чтобы купить у него нужное количество серебра.

На гималайских базарах одинаково охотно принимались монеты независимого Тибета и британской Индии, французского Индокитая и маньчжурской династии Цинь, а также полновесные николаевские рублевики, тугрики с монгольским знаком соембо и просто слитки с китайскими клеймами.

Чем оплачивал драгоценные активы минувших эпох покоритель Чо-Ойю, Смит не интересовался. Возможно, шерп брал серебро под проценты или же погашал долги поставкой дефицитных товаров. Целиком и полностью полагаясь на опыт и честность проводника, американец предпочитал не совать нос в чужой бизнес. Разногласия возникли поэтому не на финансовой почве.

— Мы можем выступить завтра? — спросил Смит, когда с закупками было покончено.

— Послезавтра, — категорически заявил Анг Темба.

— Хорошо, но понадобится еще одна лошадь.

— Кому?

— Мистеру Макдональду, альпинисту. Он любезно согласился сопровождать нас.

— Нет, саиб.

— Чего именно нет? — попытался уточнить Смит. — Подходящей лошади?

— В нашем контракте ничего не сказано о мистере Макдональде, сэр.

— Но я не потребую от вас никаких специальных услуг! — воскликнул изумленный Смит. — Наконец мы можем сделать соответствующую добавку к контракту. Надеюсь, здешние власти не откажутся скрепить соглашение?

— Дело не в этом, сэр, — неохотно признался шерп. — Однако мне бы не хотелось сопровождать мистера Макдональда в долину.

— Но почему, мой друг? Почему?!

— Как вам сказать, сэр... Одним словом, это было бы мне неприятно.

— Лично вам, Темба, или кому-то еще? — помрачнев, спросил американец. — Надеюсь, между собой мы можем быть вполне откровенны?

— Да, я очень уважаю вас, сэр, но знающие люди находят, что у мистера Макдональда черная аура. Ему не следует идти в долину.

— Жаль! — огорчился Смит. — А я-то, простак, дал ему слово... Как же быть?

— Наверное, надо подумать, сэр?

— А знаете что, дорогой мистер Темба, не будем пока ничего решать. Какое-то время все равно уйдет на подготовку, затем, я полагаю, нам придется предварительно разведать броды... Мы ведь не пойдем через мост?

— Нет, сэр. Он не выдержит яков.

— Вот видите... Мне так думается, мы проявим разумную осмотрительность, если проведем рекогносцировку.

— Согласен, сэр.

— Мистер Макдональд хорошо знает горы. Думаю, что он справится.

— Но это не выход, сэр.

— Почему? Я так считаю, что если человек присоединился в пути к твоему каравану, то ты за него не в ответе.

— Простите, сэр, но есть разница...

— Хорошо, мистер Темба, — переменил тему Смит. — Отложим этот разговор до другого раза. Когда вы будете готовы к походу?

— Послезавтра.

— Вот и отлично! Я же тем временем подумаю, как нам быть с этим Макдональдом. Возможно, мне удастся его отговорить... А ламы не смогут помочь? Снять или там развеять эту самую ауру? Я слышал, такие вещи делаются.

— Для лам нет ничего невозможного, сэр.

— Значит, договорились! — Смит еще раз дружелюбно потрепал шерпа по плечу и присел перед стариком тибетцем, торговавшим темными кристаллами поваренной соли и колобками мыла, напоминающего речную глину. — Этого добра, думаю, нам тоже стоит прихватить... Пригодится для обмена.

— Я уже взял.

— И пива, Темба! Побольше деревяшек с этим замечательным напитком!

— Конечно, сэр, — просиял шерп, превыше всех земных благ ценивший чанг.

Бамбуковые, косо срезанные по верхушке колена с хмельным кисловатым напитком продавались возле самых ворот, где расположилась вместе со своими яками большая семья лепча — загадочного народа, почитающего предков и птицу улар. Старик со спутанными волосами и куцей седой бороденкой, видимо, глава клана, сидя в сторонке, чертил на земле магические фигуры — янтры. Не принимая участия в оживленной торговле, он то сердито спорил с невидимым собеседником, то заливался тихим довольным смехом.

Шерпа, разом закупившего весь товар, он встретил неприязненно.

— Черная петля вьется над твоей головой, глупец! — Старик закашлялся, разразился проклятиями и босыми заскорузлыми пятками принялся стирать роковые знаки.

Веселый гомон вокруг разом утих, и улыбки сменились испугом. Молодые лепча сконфуженно прикрыли лица. Вместо того чтобы приветить столь выгодного клиента, дами[1] обру-

[1] Колдун.

шился на беднягу чуть ли не с проклятиями. Должно быть, незадачливый шерп, сам того не ведая, совершил нечто ужасное.

Анг Темба непроизвольно вздрогнул и, сунув руку за пазуху, коснулся охранительного амулета. Когти медведя и тигра помогут отвести зло. Нужно лишь незаметно выбросить черно-белую бусинку от дурного глаза.

Он отдал серебро и, подозвав кули, поспешил покинуть нехорошее место. Но что-то остановило его, заставило оглянуться. Старый лепча, бормоча под нос, пускал по ветру белые петушиные перья. Глаза безумца оказались тусклыми и зеленоватыми, как незрелые ягоды можжевельника. Таких бусин не было в охранительных четках шерпа.

Встретив потерянный взгляд жертвы, прорицатель издевательски засмеялся.

— Торопись, пошевеливайся! — Он принялся подскакивать на месте, судорожно сжав кулачки.

Анг Темба с усилием отвернулся и, словно преодолевая встречный ветер, побрел прочь. Перед внутренним оком маячила черная петля с острыми разметанными в обе стороны косицами, точно такая, как на тибетской гадательной доске.

У коновязи, где австралиец Макдональд помогал синьоре Валенти выбрать запасного мула, бедный шерп завертелся волчком и прямиком через заросли тамариска кинулся к воротам. Так хорошо начавшийся день заканчивался на редкость плохо. Непрошенные встречи пророчили беду.

В гомпе на монастырской горе он отдал буддам все оставшееся серебро и попросил верховного ламу поскорее отвести порчу.

Сандаловый старичок коснулся сухими прохладными пальцами склоненной, коротко остриженной головы проводника и пробормотал очистительные мантры. От его прикосновения на душе сразу стало легко и покойно.

— Пришлый дами наколдовал мне смерть, — пожаловался Анг Темба, храня надежду на пересмотр приговора.

— Смерти нет, — успокоил его лама. — Есть только прошлое, будущее и сорок девять дней бардо меж ними. Не бойся, иди...

— Может, мне расторгнуть контракт с саибом из страны Америки? — спросил шерп, благодарно ткнувшись лбом в расшитые бисером монашеские сапоги.

— Я отвечу тебе в должное время, — несколько помедлив, пообещал Нгагван Римпоче.

Отпуская повеселевшего проводника, верховный лама подумал о том, что бегуну с вестью от трипона пора бы и воротиться.

XI

Пока не кончились припасы и не исчезла надежда добыть лошадей или яков, Аббас решил остаться в горах. Он боялся идти с оружием и драгоценным грузом в неведомое селение к неверным, стерегущим «Долину гурий», где, как он слыхал, можно получить райское удовольствие, не прибегая к наркотику.

Разделав штыком оставленную гяуром кобылу, он наготовил, слегка подкоптив на костре, вяленого мяса. Оно вышло, правда, немного жестковатым, но пахло вкусно, не в пример буйволиному. В сухом и чистом воздухе высокогорья ему не грозила порча.

Невдалеке от камня, где сумел укрыться от верной смерти австралиец — Аббас не делал различия между гяурами и всех их звал на один лад, — нашлась удобная пещера, а на широком галечном берегу валялись застрявшие ветки и даже целые стволы, так что можно было не опасаться за квартиру, отопление и свет.

Подстерегая очередного всадника или небольшой охраняемый караван, неизбалованный, привыкший к труду и лишениям пак исправно молился, со вкусом ел и подолгу спал. Торопиться было некуда. Если его сочтут убитым в Синем ущелье, то можно будет припрятать товар и годика через два осторожно пустить в дело. Даже десятой доли хватит на всю оставшуюся жизнь.

Скуки Аббас не ведал и мог часами следить, как бежит, ворочая камни, река, как закатывается солнце, похожее на разбухшую от крови пиявку, как парит на воздушных потоках, высматривая жертву, орел. Царственная птица ведь тоже не спешит камнем упасть на землю. Ее зорким глазам все открыто оттуда. Они не пропустят ни козла, ни сурка, ни даже маленькую полевку.

Аббасу из его убежища видна развилка пустынных дорог. Он вовсе не жаждет крови и, если представится случай примкнуть к добрым людям, предпочтет мир. Как-никак в горах лучше держаться кучкой. Слишком много случайностей подстерегает здесь одинокого бродягу. Гяур, которого неведомо зачем пощадило небо, этого не знал и чуть было не расстался с жизнью.

Аббас проследил сквозь оптический прицел весь его путь — от камня до ворот крепости. Глупый человек зачем-то отрезал у мертвой лошади уши. Вспомнился рассказ отца о том, как охотились в старину за людьми, полакомившимися хотя бы однажды мясом улара. Уши таких бедолаг, поджаренные в арахисовом масле, считались верным лекарством от оспы. Китайский лекарь давал по восемь ланов серебра за штуку. Но теперь с оспой на земле, кажется, покончено, а лошадиные уши не годятся даже на амулеты. Если бы австра-

лиец вздумал забрать мясо, пришлось бы его все-таки пристрелить, но он взял только седло, и Аббас, позволив ему уйти, поступил разумно и справедливо.

Остыло металлическое сияние над горной цепью, фиолетовая непроглядная мгла поглотила извивы дороги, погасли ледяные пики, и лишь клокочущая река, как выключенная люминесцентная трубка, еще давала знать о себе спорадическими неверными вспышками.

Аббас взял коврик и спустился к воде почтить молитвой аль-иша наступление ночи. Прибрежная галька уже мерцала звездными искорками. От несущегося потока, где взрывались и таяли в черном стекле буруны, веяло пронзительной свежестью и промозглой тоской.

Когда, пробормотав положенные стихи, Аббас совершал итидаль — выпрямление после заключительного поклона, за спиной у него вспыхнул фонарик. Стоя на коленях в световом эллипсе, разом погасившем звезды, и пену, и водяную летящую пыль, он так и застыл с поднятыми руками.

— Встань, — прозвучала негромкая команда.

Аббас поднялся вместе с лучом.

— Руки за голову. Повернись.

Теперь фонарик бил прямо в глаза. Аббаса внимательно разглядывали из темноты.

— Зачем ты стрелял в меня? — последовал после продолжительного молчания нежданный вопрос. — Ведь это ты убил мою лошадь?

Пак лишь вздрогнул и облизнул пересохшие губы.

— Это вышло случайно, не так ли? — последовал новый вопрос.

— Да, сэр, — с трудом ворочая языком, подтвердил контрабандист. — Я целился в вас, сэр.

— Почему же ты не довел дела до конца? — В спокойном, уверенном голосе проскользнула насмешливая и даже как будто дружелюбная нотка. — Отвечай, не бойся...

— Не знаю, сэр, — подумав, честно признался Аббас.

— Ведь тебе была нужна только лошадь, не правда ли? Охота за мной не входила в твои намерения?

— Нет, сэр, не входила... Я бы мог убить вас, сэр, когда вы снимали седло или потом, на дороге, но не сделал этого.

— И напрасно. Теперь бы тебе не пришлось стоять вот так, ожидая решения своей судьбы.

— Ваша правда, сэр.

— Ей-богу, ты мне нравишься, парень. У меня такое впечатление, что мы еще можем с тобой подружиться. Как полагаешь?

— Хотелось бы, сэр.

— Можешь опустить руки... Кто ты?

— Меня зовут Аббас Рахман, сэр.

— Как оказался здесь?

— Отбился от каравана.
— От какого?
— Торгового, сэр. Я был охранником.
— Как это случилось?
— Сошла лавина. Я чудом уцелел.
— Ах лавина! — и в голосе допрашивающего прозвучала насмешка. — И в каком же месте она сошла?
— На подходе с Синему ущелью, — через силу выдавил из себя Аббас, интуитивно прозревая, что ложь не принесет ему пользы.
— Какие товары везли купцы?
— Разные, сэр... Я не интересуюсь чужими делами.
— Значит, героин ты прихватил на собственный страх и риск? — Пластиковый мешочек тяжело шлепнулся под ноги контрабандиста.
Аббас вздрогнул и подобрался, готовясь к прыжку из светового круга, но голос властно пресек этот еще неосознанный, почти инстинктивный порыв.
— Стоять на месте! — последовало суровое предупреждение. — Не то заработаешь пулю.
— Слушаюсь, сэр. — Аббас успокаивающе поднял руки. — Я не сделаю ничего плохого.
— Вижу, что с тобой можно иметь дело, — голос коварного гяура, успевшего, как видно, обшарить пещеру, снова стал дружелюбным. — Расскажи мне все как есть, и тогда мы подумаем, как жить дальше.
— Это не мое. — Аббас осторожно тронул ногой мешочек. — Я взял по ошибке чужой груз.
— Меня не интересуют наркотики. И вообще я не из полиции, можешь не опасаться.
— Ах так, сэр...
— Итак, что же на самом деле случилось в Синем ущелье?
Аббас помолчал, собираясь с мыслями, затем обстоятельно и абсолютно правдиво рассказал о засаде и обо всех последовавших после перестрелки событиях. Благо их было не так уж и много.
— Теперь вернемся к началу, — внимательно выслушав контрабандиста, предложил человек с фонарем. — Зачем тебе понадобилась лошадь?
— Зачем вообще человеку лошадь? — пожал плечами Аббас. — Я хотел поскорее вернуться домой.
— Приятно убедиться, что наши планы совпадают... У меня к вам деловое предложение, мистер Рахман, — уважительно обратился незнакомец. — Не хотите ли поступить ко мне на службу, чтобы, совершив маленькое путешествие, вернуться в цивилизованный мир?
— О таком я не смел даже мечтать! — Аббас задохнулся от радости и, молитвенно вскинув руки, упал на колени. — Готов быть вашим верным рабом, сэр!

— Зачем же рабом? Будете выполнять привычную работу. И хотя вы, как я мог убедиться, не нуждаетесь в деньгах, точнее — перестанете в них нуждаться, когда, так сказать, реализуете продукцию, я готов оценить ваши услуги... Скажем, две тысячи долларов. Устраивает?

— Да вознаградит вас Аллах!

— Отлично! С этой минуты вы у меня на службе, мистер Рахман. Можете встать или, если угодно, оставайтесь сидеть. Я вам верю... Завтра сюда подойдет небольшой караван, к которому мы оба присоединимся. Чтобы все сошло гладко и не возникло ненужных расспросов, я подготовил для вас небольшую легенду. Надеюсь, вы знаете, что это такое?

— Конечно, сэр. Раз уж я занимался такими делами...

— Поскольку мне понравилась ваша идея насчет лавины, то я беру ее за основу. С той лишь разницей, что оба мы альпинисты и работаем в одной экспедиции, исследующей подходы к Сияма-Таре. Устраивает такой вариант?

— Вполне, сэр. Как прикажете, сэр.

— К вашему сведению, меня зовут Чарлз Макдональд, и вы не ошибетесь, если станете называть меня по имени. Договорились?

— Как пожелаете, мистер Макдональд.

— Тогда поживее скатывайте свой коврик — и поспешим подняться в вашу обитель. От реки тянет ледяной сыростью, и будет куда приятнее, если оставшиеся детали мы спокойно отработаем у костра.

Ночь пролетела в трогательном согласии. Аббас не уставал подбрасывать в огонь можжевельник, и благовонный тяжелый дым, пронизанный жгучими искорками, низко стлался над остывшей землей.

Перед самым рассветом Макдональд, проверяя новообретенного помощника, позволил себе забыться. Поплотнее закутавшись в одеяло, он незаметно достал «вальтер» и притворился спящим. Уронив голову на грудь, зорко следил сквозь неплотно прикрытые веки за сменой теней, напряженно ловил каждый звук.

Но Аббас вел себя образцово. Когда ветер менял направление, он даже пытался отгонять от уснувшего хозяина дым. Видимо, предложенные условия его вполне устраивали.

Приближался гималайский рассвет. Сквозь пепельный сумрак проступили кромешные тени вершин. Синим застывшим дымом обозначились повисшие в серебристой пустоте облака. Потом началась игра невыразимых полутонов и в стремительно светлеющем небе, как спицы гигантского, набиравшего обороты колеса, промелькнули теплые розоватые проблески.

Костер больше не ослеплял, но мир внизу еще пребывал застывшим и черно-белым. Клокотала укутанная паром река. Покрытая изморозью тропа вдоль щебнистой осыпи выглядела невесомой паутинкой. Макдональд не поверил своим гла-

зам, когда на дороге возникла расплывчатая фигура. Бросив мгновенный взгляд на своего действительно задремавшего напарника, он приставил к глазам бинокль. К развилке действительно приближался человек. Судя по всему, это был местный житель. Передвигался он довольно быстро, но не как спортсмен-марафонец, а словно бы скользил, едва касаясь земли.

— Аббас! — Макдональд бесшумно поднялся и растормошил похрапывающего пакистанца. — Ну-ка взгляните туда. — Перебросил благоразумно упрятанную в спальный мешок Ми-16 с оптическим прицелом.

Мгновенно пробудившийся контрабандист привычно вскинул оружие.

— Маджнун[1], — определил он после долгого наблюдения. — Им движет чужая воля. В этой стране, где люди подобны демонам и поклоняются ансабам[2], такое бывает. Я слышал не раз от старших товарищей.

— Что такое маджнун? — спросил Макдональд, не опуская бинокля.

— Человек, в которого вселилась злая сила, сэр.

— Вот как?.. А что, очень точно... А ну-ка сними его.

— Как это... снять, сэр?

— Огонь! — тихо скомандовал австралиец.

XII

На прощание Роберт Смит преподнес верховному ламе полугаллоновый термос, вызвавший настоящую сенсацию среди местной элиты, а управителя дзонга, представлявшего короля Друк Юл, одарил совершенно ненужной тому, но все же занятной кофеваркой из термостойкого стекла.

Лама, испытывая одновременно смутную тревогу и облегчение, пометил в своих тетрадках, что пришелец из страны Америки намерен подняться к Большому ребру и, обогнув ледник, направиться в Мустанг.

От более точной детализации маршрута Смит уклонился, избегая заведомой лжи. По совету Макдональда, загодя отправившегося на разведку бродов, он, завалив проводника бесконечными хозяйственными поручениями, пригласил в качестве толмача итальянца.

Вольно или невольно, но европеец проявит сочувствие, если коллега неожиданно окажется в затруднительном положении. К придиркам местной администрации, погрязшей во мраке средневековых обычаев, он тоже отнесется совершенно иначе, нежели суеверный шерп, воспитанный в страхе перед

[1] Одержимый.

[2] Идолы, кумиры.

кармой и жуткими порождениями гималайской фантазии: демонами, дакинями, ожившими мертвецами или снежным человеком.

Ни лама, ни представитель бутанской власти ничего не могли возразить против внезапной и потому особенно подозрительной перемены намерений незваного гостя. Вестей от трипона все не было, а человек, имевший непальскую визу, мог поступать по своему усмотрению.

— Вы как пойдете? — вкрадчиво поинтересовался управитель дзонга. — Через перевал или сразу возьмете вверх, в горы?

— Вверх? — Смит принял озабоченный вид. — В это время? Боюсь, снеготаяние может серьезно осложнить путь.

Не отвечая на поставленный вопрос прямо, он все же давал понять, что предпочитает дорогу через Лха-ла.

— Почему бы вам не дождаться, пока сойдут ручьи и установится более благоприятная погода? — участливо спросил лама.

— К сожалению, я и без того потерял слишком много времени. — Смит сокрушенно развел руками. — Вот если б вы согласились помочь мне получить пропуск в Бутан... — Он не договорил, всем своим видом показывая, что лишь с крайним сожалением вынужден отказаться от первоначального плана.

Лама и управитель дзонга невольно переглянулись. Оба прекрасно знали, что этот никому не ведомый чужестранец никогда не получит королевского разрешения. Создавалось впечатление, что он избрал новую тактику, не оставив своих надежд, пытается чуть ли не шантажировать властителей «Всепоглощающего света».

Смит, ловко воспользовавшись трудностью ситуации, говорил, однако, вполне искренее. Бутанская бронза по-прежнему оставалась для него манящей реальностью. Она перевешивала своей осязаемой тяжестью туманные мечтания о каких-то неведомых сокровищах легендарной долины.

— Я буду ждать сколько понадобится, — без особой надежды заверил он. — Вы поможете мне?

Правитель дзонга сделал вид, что любуется диковинным подарком. Он и вправду не видел доселе, чтобы вода могла кипеть в прозрачном стекле.

— От меня ничего не зависит, — вынужденно признался верховный лама, оказавшись в одиночестве.

— Вот видите, господа, — пожал плечами Смит.

Профессор Валенти, безотчетно способствовавший неуловимыми тонкостями перевода победе американца над его загнанными в угол оппонентами, счел необходимым разрядить возникшую неловкость.

— Моего ученого коллегу, — слегка поклонившись верховному, он дал понять, что говорит на сей раз от себя лич-

но, — интересуют рецепты выплавки бутанской бронзы. И ничего более. Не так ли, мистер Смит? — бегло улыбнулся он, переходя на английский.

— Совершенно точно, — подтвердил американец.

— Если бы вы, высокопреподобный, могли посодействовать нашему другу в приобретении необходимых образцов, то, я уверен, он бы не торопился с отъездом и у вас не было бы оснований для тревог. — Как и хозяева, Валенти предпочел не называть вещи своими именами и ни разу не обмолвился насчет долины, хотя прежде говорил о ней совершенно открыто.

Создавалось впечатление, что из всех присутствующих один только Смит не посвящен в тайну. Подобная атмосфера намеков и недомолвок помогла ему с честью выйти из трудного положения. Формальный запрет уже сам по себе предполагал частичное разглашение тайны, на что ни лама, ни управитель никак не могли пойти, дабы не отягчать свою карму. Получалось, что за все последствия отвечал лишь один Смит, силой обстоятельств принуждаемый к роковому шагу, но вовсе об этом не осведомленный. Буддийская этика почти не оставляла места для вмешательства в столь сложную ситуацию, чьи концы и начали замыкались, очевидно, в кромешной тьме предшествующих рождений.

«Не зная всех узлов и хитросплетений нити судьбы, где остановиться, в каком месте спрямить петлю, — рассуждал лама, — не проще ли предоставить безумца собственной незавидной судьбе? И так ясно, что бежит он навстречу неотвратимому, и сильный йог Норбу Римпоче чует запах крови в прошлых его следах».

— А где другой гость, спустившийся с гор? — спросил верховный, для которого, конечно же, не остался тайной самовольный уход Макдональда. — Он еще вернется сюда или у вас назначена встреча?

На столь прямой и ясный вопрос нужно было отвечать без уверток. Ложь все равно обнаружится рано или поздно, и это отрежет все пути назад.

Смит почувствовал себя неуютно. Мало ли что встретится им в той проклятой долине? И вообще Гималаи не такое место, где можно сжигать за собой мосты.

— Я впервые увидел мистера Макдональда лишь здесь, во «Всепоглощающем свете». — Он отвечал, обдумывая каждое слово, как на детекторе лжи, опутавшем все его существо чуткими электрическими щупальцами. — И не берусь толковать чужие намерения.

— А разве вы не условились с ним о совместном путешествии за перевал? — От четких вопросов сандалового старичка веяло лютой стужей, хотя держался он столь же безразлично-благожелательно, как всегда.

Не приходилось гадать, откуда черпал верховный свои сведения. На Востоке, где путешественник кровно зависит от

переводчиков, проводников и прочих, имеющих глаза и уши, но непостижимых в своей отгороженной глубине людей, нет секретов.

— Мы много о чем говорили с ним, но окончательно еще ничего не решено.

— И где же состоится наконец окончательное решение? На перевале или сразу же у реки?

— Затрудняюсь сказать, — через силу выдавил Смит.

— Ну что ж, позвольте пожелать вам успеха, — безмятежно заключил Нгагван Римпоче и, перевернув пустую чашку, дал знак об окончании аудиенции. Взяв реванш в словесном поединке, он посчитал, однако, уместным предупредить напоследок: — Все же подумайте лишний раз, прежде чем подвергать себя немыслимой опасности.

Каждой по́рой, каждой кровинкой ощутил Смит опаляющий ветер этого последнего перед окончательным уходом предупреждения. И всколыхнулась где-то на самом дне невыразимая атавистическая жуть, и суеверная память вихрем взметнулась. Не шевельнув и пальцем, он внутренне рванулся назад, зная уже, что свершилось необратимое и не соскользнуть с подхватившей его колеи, где, как по ледяному желобу, неслись, набирая немыслимую скорость, чьи-то бесконечно чужие сани.

Валенти, участвовавший в беседе довольно поверхностно и почти целиком погруженный в круг собственных забот, тоже ощутил в это мгновение прилив неизъяснимой щемящей печали и неожиданно усомнился в себе. На самом ли деле готов он к той встрече, что манила его в течение долгих лет, и, главное, по-прежнему ли он хочет ее? И не нашлось ясного ответа, и не отпускала тоска.

Выручило, как всегда в тяжелую минуту, бесстрашие знания, кристальная ясность продуманной истины. Вершина жизни давно осталась за спиной, и спуск не сулил уже особых открытий. Едва промелькнула привычная мысль и все логически из нее вытекающее, как стало легко и прозрачно.

Роберт Смит тоже быстро взял себя в руки. Вспомнив о дочери и жене, о своем неприкаянном одиночестве, он трезво прикинул, много ли весит ноша, которую готовился бросить в чаку надмирных качающихся весов. Решил, что не слишком. Пришло успокоение, но прежняя жажда докопаться во что бы то ни стало до загадок поющей бронзы исчезла. Стало ясно, что подлинной страсти по сути и не было. Он лишь разжигал в себе некое подобие ее, дабы насытить беспросветную пустоту, подгонявшую бежать сломя голову на край света.

Вот он и приблизился к этому самому краю. Стоит ли шарахаться теперь обратно, чтобы вновь переживать свою унылую неприкаянность?

Лама видел, что ему удалось смутить белых людей. Однако, каждый по-своему, они сумели, сохранив достоинство,

преодолеть страх. В глазах буддиста это было бесспорной заслугой. Интуитивно прозревая, что пришельцы обрели мужество, черпнув из темного колодца отчаяния, он простился с ними теплее, чем намеревался вначале. Даже пробормотал охранительную мантру и начертал в воздухе сокровенный знак. Пусть не светились их глаза бескорыстным исканием, но зато в речах не ощущалось тлетворного привкуса лжи, за которой прячутся мелочные, всегда сиюминутные вожделения. Примирившись с безнадежностью, зияющей в конце пути, эти люди хотели увидеть, прежде чем умереть. Да, они не были искренни и хитрили, но кто располагал властью остановить их?

Верховный по-прежнему собирательно воспринимал чужаков, не усматривая достойных внимания различий. Профессор Валенти, успевший снискать своими обширными познаниями добрую славу, сильно пал в его мнении, представ в роли переводчика. Привычная жестикуляция латинянина явилась в глазах старого настоятеля очевидным проявлением пристрастности, пробудив утихшие было подозрения.

Проводить Смита вышли все от мала до велика. Кутаясь в желтые тряпки, мальчишки-послушники жадно потягивали последние подаренные на прощание сигареты. Хозяйки вынесли шарики масла, завернутый в тряпицу окаменелый горох и немного дикого меда в коробе из ротанга.

Наступили последние минуты. Анг Темба уже вывел за ворота яков, украшенных пестрыми лентами, старый согбенный монах, окурив людей и животных можжевеловым дымом, набросил на плечи склонившегося в поклоне американца белый прощальный ходак. Нетерпеливо ржали, предчувствуя дальний поход, лошади, взбрыкивая, отгоняли слепней. Храмовая прислуга, выстроившись на стенах, провожала гостя хриплым пением длинноствольных раздвижных труб. Их варварский рев поразил Смита какой-то первозданной мощью и безнадежностью. Они словно заживо отпевали уходящих. Гребенчатые шапки трубачей, столь похожие на шлемы героев Троянской войны, колыхались в такт натужно раздуваемым щекам. Полоскались на ветру шафраново-алые монашеские одежды, и пальцы моливших о благополучии в пути соединились в прощальном касании.

Даже старый лама показался в дверях библиотеки и, спустившись на несколько ступенек, поднял четки, благословляя.

Все казалось Смиту неповторимым и вещим. Он навсегда покидал причудливый милый мирок, к которому успел прикипеть сердцем, и его томило ощущение нереальности. Вот он сделает шаг, еще один, и все растечется в небе, словно мираж, или навсегда захлопнется в складках нездешних пространств и небывших времен.

Повинуясь нахлынувшему чувству, он, как рыцарь, уходящий в крестовый поход, взмахнул белым шарфом, прощаясь с

верховным, и, подбежав к Джой, куртуазно встал на одно колено. Она подняла его, поцеловала в лоб и, не сдержав слез, осенила крестным католическим знамением.

Смит обнял Валенти, оседлал свою покорную лошадку и выехал за ворота.

Догоняя растянувшийся караван, он вынул блеснувший червонным жаром корнет-а-пистон и заиграл любимую мелодию, которая рвала и нежила его потерянное сердце: «Ты с красоткой усни на зеленом лугу...»

Ни разу не обернувшись, он не видел, как проскользнул в распахнутые ворота темный призрак с кровавой раной в груди. Шарахнулись в стороны люди, открывая дорогу к лестнице, и незрячий лунатик начал медленно подниматься, нащупывая нетвердой ногой очередную ступень. Добравшись до площадки, где стоял верховный, он уронил испачканный кровью свиток и рухнул у ног властелина, чтобы обрести долгожданный покой, ибо умер еще несколько часов назад, когда разрывная пуля с оранжевой головкой развороти ла ему грудную клетку.

XIII

На третьи сутки караван, к которому у реки присоединились Макдональд с Аббасом, достиг заповедной рощи, посвященной богине Матери, откуда начинался долгий подъем на перевал.

У камня, выкрашенного пылающей киноварью, где в прежние времена приносились человеческие жертвы, Анг Темба дал знак остановиться и спешиться. Взяв предназначенные дары, погонщики робко ступили под сень замшелых вековых пихт. Лес был наполнен глухим перезвоном капель и шуршанием черных пиявок, так и кишевших в опавшей хвое. Ползучая крапива и ржавые папоротники льнули к оплетенным лианой стволам. В темных отстоянных лужах сновали скользкие головастики. Причудливые больные грибы, словно мертвые кости сквозь труху похоронных ящиков, упорно лезли на свет.

Из чистого любопытства Смит последовал за своими людьми. Стараясь не смотреть под ноги, где шевелился осыпанный иглами перегной, он вдохнул напитанный прелью застоявшийся воздух. Едва заметная тропка вскоре вывела на поляну с нагромождением плоских каменных плит, напоминавшим мегалитические руины. Но человеческая рука не прикасалась к этому первозданному хаосу. Лишь зияющие провалы гротов были помечены скупыми знаками неведомых, канувших в небытие народов.

Заметив, что в одной из верхних пещер затеплился свет, Смит вскарабкался на ближайшую скалу и стал подниматься

по циклопическим ступеням. Молельня, в коей гималайцы зажгли свои курильные палочки, напоминала скорее дьявольское капище, где устраивали пиры каннибалы. Неровные стены и закопченный, окутанный паутиной свод были покрыты изображениями немыслимых монстров. Окровавленные клыки и когти терзали бледную человечью плоть, оскаленные черепа тяжело провисали на гирляндах и перевязях, сплетенных из тонких зеленых змей, волосатые ведьмы пожирали младенцев, черные грифы несли в клювах пучки вырванных глаз, и повсюду в чашах из мертвых голов дрожала и пенилась кровоточащая масса.

На грязных, засаленных алтарях, насквозь источенных термитами, тускло лоснилась старинная бронза. При виде изображений тантрических охранителей у Смита захватило дух. Он узнал четырехликого Дэмчока, застывшего в неистовых объятиях с шакти, Хаягриву с лошадиной головой на макушке, Ваджрапани в облике птицеголового Гаруды, попиравшего омерзительных гадов.

Этим неповторимым фигурам поистине не было цены. И, главное, они никому не принадлежали! Их никто не охранял, и лишь редкие путники наполняли позеленевшие алтарные чашечки хмельным араком и буйволиным маслом. Стоило выждать, покуда уйдут погонщики, и Смит становился полным хозяином здешних сокровищ: мог взять соскобы или вообще унести с собой любой предмет. Но он не решился даже прикоснуться к бронзовым изваяниям, чьи истлевшие одежды стали приютом для слизняков и насекомых. Недели, проведенные за стенами «Всепоглощающего света», не прошли даром. Смит ощутил в себе упорную сдерживающую силу. Обозначилась резкая граница между тем, что дозволено и чего ни при каких обстоятельствах нельзя совершить.

Бросив в чеканную курильницу, украшенную узором из семи драгоценностей, полдоллара с профилем застреленного президента, он, страдая от полнейшей растерянности, покинул гоингханг — святилище темных духов.

Чем выше возносилась гремящая щебнем тропа, тем чаще встречались мутные ручейки и запутавшиеся среди кустарников грязные ледяные обсоски. Чуть ли не на каждом шагу, демонстрируя немыслимое богатство оперения, вспархивали и прятались в сплетениях выбеленных корней фазаны.

Перед закатом, когда отвесную стену справа окрасил теплый печальный отсвет, караван достиг высшей отметки. По обе стороны распахнулась завораживающая даль. В притихшем холодеющем воздухе едва колыхались молитвенные ленты и выцветшие флаги, косо воткнутые в каменную пирамиду. Отдавая привычную дань хозяевам гор, погонщики тяжело попрыгали на землю, чтобы принести в жертву припасенный камешек: окатанную яшму, захваченную на переправе, кусок

кремня с красивой прожилкой или окаменелый, круто изогнутый рог.

Скалы, похожие на обломки ребер исполинских ящеров, и крупные валуны были расписаны бесчисленными изображениями богов. Талые воды местами смыли не всегда стойкие краски, оставив на камнях разноцветные подтеки. Увенчанная возвышенность и бескрайние круги небес ощутимо дышали вещим смыслом и что-то тайно нашептывали растревоженной, ждущей близкого откровения душе. Но смутен тяжкий сон камней, невесомо касание ветра, ласкавшего прошлогодние травы, и потому не выразима ни мыслью, ни словом вековая тоска. Лишь через зрение, если есть на то воля Ратнасамбхавы, будды огня, проникает в душу послание вечности.

Пестрые лики в радужных нимбах — бессмертные сокровища, явившиеся в лотосовых цветах. Рукотворные образы с безумным совершенством довершили лаконичное творение стихий. Все пришло в равновесие и замкнулось само в себе. Ничтожнейшая песчинка и та предстала неотъемлемой частью неразрывного целого, где навеки соединились космос и человек.

Недоставало сил оставить эту темную груду с тряпицами флагов, вокруг которой медленно кружилась облачная голубизна. Но как окаменеть, не теряя памяти, какими вечными очами впитывать эти зовущие дали, где в смене дня и ночи вершится круговорот светил?

И все не случайно, и ничто не проходит мимо: блеск породы на свежем изломе, напитанная последними лучами капля, повисшая на чахлой былинке, колеблемый ветром мохнатый и тусклый цветок...

Повинуясь прихлынувшему к горлу накату, Смит снял именной военный браслет, ставший для него охранным амулетом, и швырнул его к подножию пирамиды. Титановая сталь жалобно звякнула, пробуждая уснувшую память.

Как ослепительно распахнулась вселенская бездна на спуске! Смиту показалось, что он вырвался на свободу после долгого блуждания в подземных лабиринтах. Разноголосица хлынула в его оглохшие уши, где треск пулеметов тонул в разрывах, в неотвязном шелесте ядовитых дождей.

Он понял все о себе и о мире, чтобы в то же мгновение навсегда о том позабыть. Осталось лишь ощущение взлета.

Напрасно четырехрукая богиня Дуккар на скале указывала дорогу к сокровищам духа. Он не понимал языка ее изысканных рук. Напрасно принц Майтрея с чортенем на голове приберег для него кувшинчик бессмертной влаги. Он не заметил сосуда, спрятанного в цветах. Не для него сиял жемчуг исканий в тонких пальцах задумчивых далай-лам.

Ехавший следом Макдональд, слегка поколебавшись, бросил в общую кучу шариковую ручку — ничего более подходящего у него не нашлось — и принялся беззаботно посвистывать.

Один лишь Аббас с презрительной усмешкой проехал мимо языческого холма и, только увидев пустующую сторожевую вышку, благодарным взмахом огладил бороду.

— Все-таки мы опередили их! — довольно усмехнулся Макдональд. — На башне ни души. Так что пока все идет, как задумано. А вы сомневались!

— Согласитесь, что на то были известные основания, — неохотно откликнулся Смит.

— Солдаты занимают помещение, как только открывается перевал, но я рассчитывал на то, что трипон обычно не торопится, и проходят недели, прежде чем появляется караул.

— Да, Чарли, вы выиграли ваши двести баксов.

— Дело не в пари! — довольно усмехнулся Макдональд. — Просто, когда получается в точности так, как мыслилось, я испытываю чисто эстетическое наслаждение. Идея организует действительность, мой дорогой. Дух правит законами мироздания.

— К сожалению, не всегда...

— Всегда, если все точно рассчитано.

— Но ведь нас могли и опередить, — вяло возразил Смит, придерживая лошадь на спуске.

— Никогда! — самодовольно рассмеялся Макдональд.

— Даже если бы прибыл гонец?

— Но он не прибыл, дружище, и в этом все дело. Более того, он не прибудет никогда.

— Может быть, — равнодушно дернул плечом Смит.

За вышкой и порядком загаженной кордегардией открылось кладбище, где обрели последний приют безымянные пилигримы. Одни ушли в вечный круговорот, раздолбанные клювами трупоедов, других умчали вешние воды или погребли каменные лавины. Тусклый щебень и жалкий холмик, засыпавший чьи-то случайно обнажившиеся по весне кости, стал общим памятником всем им: грешникам, праведникам, глупцам — всем искателям рая и авантюристам.

Заночевать решили на перевале, чтобы с рассветом произвести детальную разведку спуска. Предоставив погонщикам установку палаток, шерп принялся разбирать снаряжение, деловито раскладывая блоки, молотки, ледовые крючья и карабины, в которые пропускается веревка.

Несмотря на заверение саиба, что мистер Макдональд прошел обряд очищения и даже получил благословение лам, он держался замкнуто и отчужденно. Опустошая деревяшки с чангом, придирчиво разматывал каждую бухту, с ожесточением пробовал на разрыв. Ничему нельзя было верить: ни вещам, ни обещаниям.

Утром, когда приутихла сумятица первых лучей, сплетавших иллюзорное кружево, приступили к осмотру склона. Путь из весны в лето лежал через пространства зимы. Северное расположение и тень блистательной Сияма-Тары задержали снега почти на всем протяжении трассы. Плотный устоявшийся фирн на пологих участках сменялся скальными отвесами и ледовыми языками, едва прикрытыми осыпями. Местами искалеченный подвижниками глетчер был угрожающе вспучен и топорщился причудливыми оплывшими башенками, которые альпинисты прозвали «грешниками». В бинокль с контрастным оранжевым светофильтром ясно различались мутные взвихрения вьюг. Над хаосом выкрошенных скал и разрушенных морен гуляли, судя по всему, ураганные ветры.

— М-да, картинка, — озабоченно поцокал языком Макдональд. — Признаться, я ожидал лучшего.

— Как полагаете, мистер Темба, осилим спуск? — без особой надежды обратился Смит к шерпу, не отнимавшему бинокль от глаз.

Отрицательный ответ он готов был встретить чуть ли не с радостью, настолько бесперспективным рисовался спуск. Недаром ламы с удивительным постоянством твердили, что из долины нет выходов.

Проводник досадливо отмахнулся и, метнувшись к «жандарму» — отдельно стоящей на гребне скале, ловко вскарабкался на верхушку.

— Хорош! — Макдональд завистливо покачал головой. — Лично мне спуск представляется возможным, но это будет дьявольски трудная работенка. Придется выложиться сполна, док. Вы готовы?

— А что делать? — развел руками Смит. — Однако боюсь, что настоящие трудности подстерегают нас именно внизу, когда мы, по вашим словам, «выложимся» и будем годны разве что в богадельню... Ведь вы, Чарли, даже не представляете себе, в какую авантюру ввязались.

— А вы представляете?

— П о ч т и не представляю. — Смит сделал заметное ударение.

— Думаете, есть разница?

— Колоссальная! Для вас, альпийского волка, там, — Смит ткнул пальцем вниз, — всего лишь неизвестная долина, для меня, скептика-фаталиста, несуществующий мир.

— Может, ради исключения, поясните?

— Если, с Божьей помощью, доберемся туда, — последовал энергичный кивок в сторону долины, утопавшей в индиговой тени, — сами сообразите.

— Вы ведете себя, как наш друг прелат, — криво усмехнулся Макдональд. — К чему столько таинственности?

— Просто не хочу остаться в дураках, — упрямо отрезал Смит, устремляясь навстречу шерпу. — Ну как?

— Попытаемся, саиб, — довольно уверенно пообещал Анг Темба. — Есть два-три тяжелых участка, но мы возьмем их свободным спуском на двойной веревке.

— С последующим выдергиванием «дюльфером», — профессионально уточнил Макдональд. — Не так ли, мистер Тигр?

Анг Темба и ухом не повел, полностью игнорируя не в меру общительного австралийца.

— Как вы думаете, снег подходящий? — озабоченно поинтересовался Смит. — Я ведь полный дилетант в этом деле, и мой скромный альпинистский опыт ограничивается скалами в Йосемитской долине.

— Могу обещать вам бесподобное глиссирование с опорой на ледоруб, — небрежно отмахнулся Макдональд. — Вы согласны со мной, мистер Темба?

Шерп лишь бросил в рот мятную резинку и принялся меланхолично жевать.

— А как же животные? — озабоченно спросил Смит, чтобы заполнить неловкую паузу.

— Попробуем спустить. Если уцелеет хоть половина, то считайте, что повезло, саиб. Ведь все равно погонщики останутся здесь.

— Их нельзя уговорить? — Макдональд как бы не замечал оскорбительного молчания шерпа. — Ни за какие деньги?

— Отвечайте же, мистер Темба, — нахмурился Смит.

— Нет, сэр, — сквозь зубы процедил проводник. — Они помогут нам спуститься и отправятся домой. Но через четыре недели вернутся и станут ждать нас в течение пяти дней. Если мы найдем другую дорогу и не придем, они уйдут совсем. Так договорено, и вы это знаете, сэр.

— Ничего не поделаешь, — поморщился Макдональд. — Надеюсь, что мы все же управимся за четыре недели.

— Тогда погонщики не покинут нас до самого Мустанга, — успокаивающе заметил Смит. — Анг Темба прав: таковы условия.

— Вы проливаете бальзам на мои душевные раны, — холодно кивнул Макдональд. — Черт бы побрал эту дикую Азию вместе с ее вонючими яками и... — Он не договорил, склонившись над картой. — Надо заняться разбивкой маршрута, — последовало деловитое пояснение.

Потом было пятьдесят три часа изнурительной, до дрожи в сведенных судорогой мышцах, работы, прерываемой коротким забытьем в одиночной палатке, чудом прилепившейся к неглубокой расселине. Впрочем, нет, ночь длилась почти бесконечно, прокрадываясь в липкий горячечный бред вкрадчивым шорохом крупки, зубовным скрежетом и воем ведьм. Потом примерещилось длительное скольжение по снежной доске, голубые царапины в затвердевшей на ветру и солнце

глянцевитой коре и обжигающий, пронизанный радужным сиянием вихрь. Это было какое-то безумное ослепление, когда останавливается дыхание и нет сил даже на то, чтобы заметить боль кровоточащих ногтей и сожженных веревкой ладоней. А где-то совсем рядом, но все же в недосягаемой дали, рвались канаты, перетертые острым сколом камней, и развьюченные ревущие яки летели в дымящуюся бездну.

— Кале пхе![1] — срывая голоса, перекликались проводник и погонщики. — Я ла! Ма ла![2]

И доносились обрывки изысканной ругани Чарлза Макдональда.

И то и другое было одинаково непостижимо уму и только тревожило забитые снегом уши неясным отголоском то ли уже случившегося, то ли неотвратимо надвигающейся трагедии.

Но все обошлось на удивление благополучно, если не считать, конечно, двух потерянных яков и лошади, которую пришлось пристрелить: бедное животное провалилось в занесенную снегом трещину и поломало ноги.

Лагерь разбили на скорую руку и, опрокинув по стаканчику неразбавленного виски, залезли в спальные мешки. Погружаясь в блаженное забытье, Смит услышал шипение и упоительный дух варева, которое готовили бутанцы-погонщики. Раскаленные камни в чугунке с крупно нарезанными кусками мяса и тугими ядрами горного лука выгнали обильный сок и исходили дразнящим паром.

«Конина», — успел понять Смит, с трудом ворочая в тесном коконе разбитые кости.

XIV

Проснулся он незадолго до полудня с давно позабытым ощущением счастья, хоть по-прежнему ныли суставы и саднили кровяные мозоли на руках.

Немилосердно жарило солнце, но травы вокруг еще были в росе, наполняя бодрящий воздух медовым хмелем. За ручьем, прыгавшим по молочным с ржавыми подпалинами валунам, слепил коралловой белизной конус гигантского гейзера. Покрытые ноздреватыми выпарами соли проплешины купались в тяжелых парах, изредка пробулькиваясь сердитыми пузырями. Легкий ветерок доносил тогда йодо-бромную вонь, и на языке ощущался отчетливый привкус фотоэмульсии. Но зато дальше, насколько хватал глаз, расстилалось все то же духмяное поле, и округлые кочки были усыпаны земляникой, и цвели курчавые гиацинты в сырых овражках.

[1] Не спеши! *(тибет.)*

[2] Вверх! Вниз! *(тибет.)*

Когда же менялось направление ветра, над долиной разливалась тревожная, порочно-сладостная струя таволги. Ее кремовые плюмажи хлопьями пены качались на сине-зеленых волнах.

— «Ты с красоткой усни на росистом лугу...» — насмешливо пропел Макдональд, увидев, что чудаковатый янки наконец пробудился. — А здесь и в самом деле рай! Даже воду для бритья не пришлось греть — взял прямо из гейзера... Жаль вот, яичек нет.

— Можете отварить на завтрак фазана. Их тут видимо-невидимо.

— И жаворонки! — Разнеженно жмурясь, Макдональд запрокинул голову к небу. — Вы хоть знаете, как называется это прелестное местечко? На моей роскошной карте тут белое пятно.

— Белое пятно? — открывая банку с ветчиной, Смит накололся о заусеницу и принялся зализывать ранку. — Боюсь, что вы, сами того не ведая, попали в точку. Судя по всему, это Белый остров. Конусы из глауберовой соли — верная примета его границ. Так что поздравляю, Чарли.

— Тоже мне радость, — пренебрежительно фыркнул Макдональд. — Подумаешь!

Подобрав жир со сковородки лепешкой из цзамбы, он допил кофе и побежал к ручью. Полюбовавшись на мерцающую золотой пыльцой форель, трепетно противостоявшую течению, прополоскал горло и вымыл руки.

— Холодная! Даже зубы ломит.

— Ледниковая... Ну что, пора в путь?

— Да, будем собираться. — Макдональд включил рацию и настроился на привычную волну.

— Воет? — поинтересовался Смит.

— Как сонм чертей. — Австралиец привычно взял пеленг. — Курс, таким образом, прежний — сто десять.

— Пусть будет так. — Смит не без труда выпрямился, ища шерпа, который где-то далеко за ручьем пас на изобильных травах уцелевших животных. Погонщики, надо полагать, ушли еще на рассвете.

Сумерки застали отряд в пути. Небо над зазубренным краем обнимавшего долину хребта еще блистало всеми оттенками ранней зари, а здесь, в полынных, разом погрустневших полях, без дорог и примет человечьего быта, неудержимо густела темень. Холодеющий воздух стригли летучие мыши. Лунный желатин скупо плавился на металлических, окаймленных иглами листьях.

Откуда-то налетели тучи комаров. Сразу вспухли, наливаясь болезненным жаром, искусанные веки. Но едва лишь Смит подумал о том, что следовало бы хорошенько обмазаться гирудином, как задул ненавязчивый ветерок и разогнал кровососущие эскадрильи.

— Словно по заказу! — удовлетворенно отметил Макдональд. — Пора, однако, позаботиться о ночлеге... Постойте, да это никак огонек!

Милях в полутора от них действительно подрагивал какой-то теплый зовущий свет.

— Похоже на газовый факел, — озабоченно пробормотал Макдональд, вглядываясь в темноту.

Смит вынул из кожаного футляра бинокль.

В сероватом овале возникло дымное пламя и кусок озаренной им красноватой стены.

— Факел. Вы снова попали в точку, Чарлз, — прокомментировал Смит. — Только не газовый. Скорее всего, это горит масло, освещая вход в дом.

— Вы с ума сошли, Бобби, откуда здесь взяться дому?

— Больше того, это вилла. Притом с портиком, тонкими дорическими колоннами и беседкой. — Чем пристальнее Смит всматривался, тем яснее проявлялись в его окулярах различные подробности: листья аканта на резных капителях, балясины, вазоны, мраморные бюсты на перилах веером расходящейся лестницы. — Готов поставить голову против дайма[1], что это римская вилла, если только я не позабыл, чему меня учили в колледже.

— Вы с ума сошли, — изменившимся голосом повторил Макдональд.

— Не знаю, как вам, Чарли, но мне почему-то страшно. — Смит спрыгнул с замученной лошадки и передал бинокль. — Взгляните-ка сами.

Хотя на груди австралийца болтался чехол с не менее сильным «цейсом», он послушно протянул руку и бегло оглядел скупо обозначенные в ночи лестничные марши, легкие контуры перистиля, фонтан и статуи, похоронно белеющие в непроглядной тени.

— Очень похоже на виллу Адриана, куда я забрел однажды, блуждая среди развалин римского форума... Даже цветущие герани в глиняных горшках.

— Вам виднее, я не был в Риме.

— Самое смешное другое. — Макдональд поежился, словно преодолевая внутреннее сопротивление. — Несколько минут назад я почему-то подумал о ней... Нет, не о вилле вообще, а, как бы поточнее сказать, о бренности нашего существования, что ли... И мне вдруг вспомнилась мощеная выгнутая дорога, арка, уж не помню чья, не то Тита, не то Константина, черт их разберет.

— Странное, однако, совпадение.

— Более чем... Не могу сказать наверняка об этой самой вилле, но развилины в рощу масличных деревьев, откуда я смотрел вниз на фрагменты уцелевшей колоннады, я видел

[1] Десятицентовая монета.

точно. Потом я вроде бы захотел спать, подумал о наших дорожных мытарствах, слегка пожалел себя и напрочь позабыл о римских древностях. Если бы не это дьявольское наваждение, я бы и не вспомнил...

— Думаете, дьявольское? — невесело спросил Смит.

— Разберемся на месте.

— Здесь могут быть дома? — обернувшись, крикнул Смит. — Как вы считаете, мистер Темба?

— Дома могут быть везде, где только живут люди, — невозмутимо отозвался шерп. Заметив, что саиб и его подозрительный друг спешились, он отъехал в сторонку и раскурил длинную тибетскую трубку с серебряным запальником.

— Вполне резонно, — хмыкнул Макдональд.

— А люди здесь живут? — продолжал расспрашивать Смит, словно старался протянуть время.

— Не знаю, саиб. Я тут никогда не был.

— Но там впереди дом!

— Вижу, сэр.

— И он не кажется тебе странным?

— Дом как дом. Видно, живут богатые люди.

— Можно подумать, что наш чичероне днюет и ночует у римских цезарей, — пробормотал Макдональд.

— Мне, знаете, не до шуток, — оборвал его Смит.

— Мне тоже, Бобби, но с шуткой оно как-то легче... Так мы едем или подождем до утра? Когда станет светлее?

— Едем, — буркнул Смит, устыдившись своей нерешительности. — А все-таки мне страшно, — признался он минуту спустя. — Не по себе как-то.

— Но не страшнее, чем во Вьетнаме? — Макдональд догнал его и затрусил вровень. — Или там, среди ледяного хаоса, когда, как бечевки, лопались полипропиленовые канаты?

— Это другой страх, Чарли, поверьте.

— Я понимаю, что другой. Но жизнь-то все та же? Наша с вами жизнь? А раз ставка не меняется, то можно продолжать начатую игру. Или я не прав?

— Правы, потому что мне не только боязно, но и любопытно.

— Еще бы! Римская вилла в сердце Гималаев!.. Нонсенс.

— Вы уж слишком категоричны, Чарли. Всякое бывает. Античный мир сталкивался с индийским буддизмом не так уж и далеко от здешних мест. Кушаны там всякие, Бактрия, Согдиана... Бытует даже легенда, что одну из гималайских долин до сих пор населяют потомки солдат Александра Македонского.

— Бросьте этот ученый вздор, Бобби! — Макдональд нетерпеливо вырвался вперед. — Если интуиция мне не изменяет, — бросил, не оборачиваясь, — то нас ожидает вовсе не Македонский, разрази меня Бог.

— Скоро увидим! — крикнул Смит, догоняя.

Оставшийся путь они проделали молча и вскоре приблизились к двухэтажному особняку, грубо выкрашенному под цвет закопченного кирпича.

Это был странный дом, скорее частично недостроенный, нежели разрушенный. Непонятной своей незавершенностью он, пожалуй, более всего напоминал декорации где-нибудь в Голливуде, хотя нигде не обнаружилось ни скрытых лесов, ни всевозможных стропил или хотя бы подпорок. И все же трудно было отделаться от впечатления, что видишь один лишь фасад, за которым просто нет места для внутреннего пространства. Описав полный круг и не обнаружив ничего, кроме глухой, притиснутой чуть ли не к окнам стены, Смит вновь подумал о дорогом макете, поразительно ловко копирующем действительность.

— Надо быть полным кретином, чтобы снимать здесь кино, — проворчал он, привязывая лошадь к балюстраде. Она была действительно мраморная, с прожилками и трещинками.

— Весь вопрос только в хрустиках. — Макдональд привычно посучил пальцами, отсчитывая невидимые банкноты. — Войдем?

Они стали неторопливо подниматься, недоверчиво ощупывая каждую ступень. Факел в бронзовом держателе, вмурованном справа от распахнутой двери, бросал дрожащий, многократно изломанный клин.

— Ждите нас здесь, Темба! — крикнул Смит, прежде чем переступить через высокий порог.

— Глядите — «salve!»[1] — кивнул Макдональд на латинскую надпись у входа. — Так и есть: римская.

Они вошли и сразу очутились в атриуме, мертвенно озаренном луной, летевшей сквозь облачный флер прямо над открытым прямоугольником потолка.

Внешнее впечатление оказалось обманчивым. Невзирая на секущую плоскость стены, вилла была достаточно просторной. Пустые помещения веяли застоявшимся холодом и запустением. Повсюду валялась битая черепица, обломки кирпича, окаменевшие комки какой-то скрепляющей, похожей на цемент массы. И вновь нельзя было разобраться, что это: залежалый строительный мусор или следы разрушения.

В каком-то покое, скорее всего триклинии, Макдональд, вспомнив про фонарик, осветил потолок.

— Будь оно проклято! — чертыхнулся он сквозь стиснутые зубы, когда наткнулся на поразительный по смелости эротический фриз. Вспыхнувшие в электрическом свете краски выглядели удивительно свежими и яркими.

— Вы случайно не пуританин? — вкрадчиво поинтересовался Смит, любуясь затейливостью фривольных сценок.

---

[1] «Привет».

— Скорее наоборот... Но пусть меня разорвут на кусочки, если точно такие картинки я не видел в Помпее, в доме, куда пускают только мужчин.

— Ну и что с того? Это, так сказать, вечные сюжеты. — Смит весело рассмеялся. — Здесь, в Гималаях, всюду можно встретить нечто подобное. Разве вы не видели тантрических статуй?.. У меня словно гора с плеч упала.

— Почему?

— Не знаю, — протянул Смит. — Но после этого, мне кажется...

— Пусть вам не кажется, — грубо оборвал его Макдональд. — Вы были в Помпее?

— Нет. Но вы зато, кажется, перебывали везде?

— Так вот, — не обращая внимания на шпильку, отрывисто бросил Макдональд, — здесь точная копия, один к одному.

— Это еще ни о чем не говорит, Чарли, если мы возьмем хотя бы то же кино, то замысел...

— К черту кино!.. Просто я вспомнил, топча этот мусор, как гулял однажды в мертвом городе.

— Лучше б вы нигде не гуляли! — погрустнел Смит. — Но как бы там ни было, а здесь имеются вполне подходящие комнаты, и нам дается шанс провести ночь по-человечески. Лично мне осточертела палатка, в которую надо влезать на карачках.

— Будь по-вашему... Зовите Тигра, меня он все равно не послушает.

— Одну минуту! Осмотрю только верхний этаж. Не боитесь поскучать в темноте или пойдем вместе?

— Валяйте, — вздохнул Макдональд, отдавая фонарик.

Американец скоро обнаружил внутреннюю лестницу и, обшаривая светом малейшие закутки, двинулся в обход пустых анфилад. Скользили тени по голым стенам, скрипел песок под ногами.

Неожиданно осветилась дверь, ведущая то ли на плоскую крышу, то ли на крытую галерею, но за низким переходом — Смиту пришлось пригнуться — обозначился угол и просторная зала за ним.

В самом центре возник необъятный, высеченный из цельного монолита стол, заставленный бронзовыми фигурками. Смит зажмурился и закусил до крови губу, пытаясь стряхнуть чары. Он с первого взгляда узнал юдамов, которых видел в пещере. Сердце болезненно сжалось и вдруг замерцало частыми, но неглубокими биениями. Накатило удушье, и выступил липкий холодный пот. Чувствуя, что сейчас грохнется на пол, Смит попытался нащупать ускользающую стену, как неожиданно все прошло, словно мигом подействовало чудодейственное лекарство. Дыхание выровнялось, сердце вернуло привычный ритм, и пропала дурнота, от которой он едва не потерял сознание.

Но если бы только это! Пошевелив просохшими пальцами, Смит не почувствовал привычного жжения. Кровоточившие пузыри непостижимым образом пропали. Сделав для проверки несколько энергичных приседаний, он убедился, что одними мозолями чудесное исцеление не ограничилось: суставы и мускулы покинула ломота. Испарилась с молниеносно высохшим потом.

Несколько успокоившись, Смит вновь нацелил фонарик на стол, то ли взятый напрокат из римских бань, то ли позаимствованный из прозекторской.

Впрочем, мысль о столе лишь самым краешком задела сознание. Все внимание, обостренное необычностью ситуации, предельно настороженно сосредоточилось на бронзе.

В этом загадочном доме не просто повторялся набор устрашителей из гоингханга. Смит мог поклясться, что видит сейчас перед собой абсолютно те же фигуры, которые не без сожаления оставил в роще богини Матери.

Вот покровительница беременных Лхамо, скачущая на взнузданном змеями муле: на ней те же потертости, та же черно-зеленая патина покрывает ее ужасающий лик и белый труп, что она пожирает, в той же бессильной позе зажат в оскаленных острых клыках. Или Дэмчок, прозванный «Добрым счастьем»... Чаша-череп в его руках инкрустирована волнистым кораллом, изображающим кровь, и волны эти, их узор и даже застарелая пыль — точно такие, как в капище. Столь полное совпадение невозможно, немыслимо. Не существует полностью идентичных отливок. Калачакра — «Круг времен», Махакала — «Всепожирающее время», и Сангдуй, и магический Хаягрива — все они неведомой силой перенесены из леса за перевалом в этот дом приведений.

«Что, если вожделение?» — страдая, подумал Смит.

Макдональд вспомнил о римских раскопках и расчищенной от пепла Помпее лишь походя, но он, Роберт Уоррен Смит, думал о бесценной бронзе почти постоянно.

И вот, пожалуйста, бери — она твоя!

Он, конечно, возьмет все статуи до единой. Чем бы ни пришлось расплачиваться потом, возьмет, не пропустит удачу, хоть и попахивает от этого дела преисподней.

Впрочем, Смит не верил в ад: ни до, ни после Вьетнама.

От прикосновения к литому металлу стало немного зябко. Он поежился и, переложив из руки в руку фонарик, увидел задвинутую в угол чугунную грелку. Точную копию той, которая когда-то в незапамятные времена согревала гостиничный номер, где они с Лиен провели свою первую брачную ночь.

Смит сел на пол и задумался, крепко зажав пальцами уши, в которых хрустальным колокольчиком, причудливо меняя тональность, плескался нежный незабываемый голос.

XV

Мертвый бегун лунг-гом-па ожил на второй день пребывания экспедиции Валенти на Белом острове.

В отличие от первой группы, синьор Томазо стал лагерем на лужайке близ гейзера. Черный тибетский банак с плетеной линией жизни над входом натянули в зарослях кипрея, где убаюкивающе жужжали невиданные голубые шмели. Справедливо решив, что йодо-бромные ванны полезны для его подагры, профессор нежился в горячей луже, с умилением взирая на яков, пережевывавших молодую полынь: зеленая пена вязко свисала с волосатых, на редкость тупых морд. Перед долгим переходом и скоту положена передышка. Одним словом, обстановка в лагере была вполне идиллическая. Джой, взявшая на себя роль прелестной пастушки, загорала на всякий случай подальше от фыркающих чудовищ, сбросив и без того чисто условное бикини.

Один лишь Норбу Римпоче, медитируя на леопардовой шкуре, занимался привычным трудом в то дивное утро, сладкого, как говорят итальянцы, безделья.

После длительных водных процедур и полного очищения посредством бинта, пропущенного через весь пищевод, йог выполнил несколько труднейших асан и застыл в абсолютной неподвижности. Воспарив над пространством и временем, его дух покинул бренную оболочку и устремился в космическую беспредельность. Поднимаясь от простейшего к сложному и перелетая из одной долины, нездешней само собой разумеется, в другую, прилежный визионер принялся вызывать видения, предписанные искателям нирваны, чему обучился, сидя на мучной болтушке и чистой воде, в подземелье монастыря «Тигровое логово».

Устремив взгляд туда, где должен был находиться большой палец правой ноги, и различив его внутренним зрением, он представил себе, как с пальца сходит кожа, отваливается гниющее мясо и обнажается белая кость. Так, последовательно освобождаясь от плоти, он из надзвездных бездн мог различать каждую косточку своего скелета.

Прежде чем узреть свет, предстояло, как положено, пройти сквозь тьму собственной смерти. Таков был смысл упражнения. Обратив себя в мертвеца, йог начал превращать в скелеты все существа, населяющие Вселенную. Он ясно видел, как под влиянием его всемогущей воли громоздится гора костей. Они трещали, лопались, обращались в пыль, но гора продолжала расти, захватывая все видимое пространство. И тогда вдруг взметнулось пламя, мгновенно пожравшее отвратительный холм смерти.

Когда Норбу впервые удалось вызвать подобную фантасмагорию, он не выдержал и потерял сознание. Вернее, впал в нескончаемый кошмар, из которого невозможно было вырвать-

ся. Смятенное сердце рвалось от боли и ужаса, а проснуться, одолеть наваждение не удавалось. Нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой. Казалось, что оцепеневшее тело превращается в глыбу льда.

Из мрачной бездны его вывел наставник. Объяснил неопытному созерцателю, что тот не вполне освободился от вожделений и привязанностей мира, и предписал новый ряд видений. И тогда фантастические чудовища заполнили подземелье, отвратительные демоны с гнилостным дыханием и гнойно сочащимися очами, клыкастые ведьмы, гребенчатые драконы и змеи окружили несчастного узника с разных сторон.

Вновь взметнулось очистительное пламя, и Норбу Римпоче впал в то же бессознательное состояние, когда человек ощущает себя бесконечно несчастным и ничего более не сознает.

После этого он проболел несколько дней, мечтая о смерти. Но все это осталось в далеком прошлом. Теперь же для Норбу избавиться от страшилищ было не труднее, чем выпить чашку воды перед дыхательной гимнастикой.

И вот настала минута, когда созерцатель увидел яркую звезду, выплывшую из самых недр его собственного, полузасыпанного песком скелета. За ней тянулся шлейф из пылающих шариков. Норбу Римпоче начал считать их и насчитал ровно сорок. Это было, как учил наставник, верным признаком совершенного освобождения. Никогда еще Норбу Римпоче не испытывал такой удивительной свободы. Видения повиновались без малейшего внутреннего усилия. Сказывалась, очевидно, близость святых мест.

Норбу Римпоче не успел опомниться, как из его лба выкатилась светлая жемчужина и, упав вниз, пронзила землю и другие оболочки мироздания: воду, ветер и жаркий огонь. В тот же миг тело созерцателя сделалось невесомым и прозрачным, как лед. Исчезли кости и вся внешняя видимость. Но это продолжалось недолго. Достигнув пятой стихии — пустоты у края Вселенной, жемчужина, подобно хвостатой комете, описала исполинскую дугу и, полыхнув несказанным светом, вошла в пупок.

Это было зерно лотоса. Из него тотчас же проклюнулся росток, распустился чудесный бутон, открывая спрятанное сокровище.

Видеть будд научил йога тот же наставник, множество раз заставляя воображать образ божества во всем его величии и красоте.

И опять без всякого усилия будды начали выходить из надбровной точки, откуда прежде выкатилась жемчужина. Их было бесчисленное множество, и они заполнили собой все миры, стихии и Землю, ставшую золотой и прозрачной, как

стекло. Таким же сверкающим и чистым сделалось и тело сидящего на шкуре Норбу, когда в него один за другим стали возвращаться будды.

Устремляя мысль в область сердца, счастливый созерцатель научился извлекать будд и оттуда. Один за другим выходили они наружу с сапфировым знаком молнии в руках, чтобы вскоре вернуться обратно. Венцом всего был сапфировый лотос с золотой чашечкой, выросший из пупка. На нем покоился будда созерцания, и из его пупка тоже выходил лотос, на котором сидел новый будда. И не было конца этой гирлянде лотосов и будд.

А затем случилось чудо, недостижимое прежде. Пятицветное сияние окружило чело созерцателя, сверкавшее ярче драгоценных камней. Он узрел облако, на котором парил Амитабха, из чьих уст вылетали лотосы и сыпались благодатным дождем.

Когда же Земля и небо совершенно скрылись за их ароматной завесой, из пупка вышли львы и пожрали магические цветки. Закусив последней чашечкой лотоса, царственные звери скрылись в пупке Амитабхи, а сам он спрятался в голове удачливого йога.

Конечно, выполненный урок был из самых простых, хотя и прошел он поистине с виртуозным блеском. Норбу не только не ощущал никакой усталости, но, напротив, чувствовал себя совершенно обновленным, готовым на новые подвиги.

Однако, сосредоточившись для перехода к более высоким степеням самадхи, открывающим сущность пустоты и небытия, йог ощутил непонятное противодействие. Посторонняя темная сила вторглась в его видения, разрушая сверкающую, воздвигнутую в абсолютной пустоте конструкцию.

Раздосадованный помехой, бродячий монах поднял голову и, прозрев для окружающего мира низших иллюзий, заметил темнолицего гонца с зияющей раной в груди, который окончательно умер семь дней назад у ног верховного ламы. Вне всяких сомнений, Норбу видел перед собой того самого бегуна, который успел вручить запачканное кровью послание трипона, советовавшего задержать до подхода солдат обоих белых пришельцев, не чиня при этом помех королевским гостям.

Оживший лунг-гом-па медленно, но неуклонно приближался к лагерю. Он как бы плыл над серебристой, колеблемой ветром травой. Казалось, его наводила на людское жилье некая сила, подобно тому как наводится на самолет ракета, улавливая тепло работающих двигателей.

Преподобный Норбу о ракетах и самолетах, понятно, не знал почти ничего, но зато превосходно разбирался в других вещах. Он сразу понял, что стал свидетелем ролланга — воскрешения трупа, — и требуется немедленное вмешательство, пока могильный жилец не наделал вреда.

От зоркого йога не укрылись ни слепые остекленевшие глаза трупа, ни ужас белой леди, которая словно окаменела в бесплодной попытке прикрыться жалкой полосочкой красного шелка.

Томазо Валенти, отдыхавшего после лечебной процедуры, провидение избавило от леденящего кровь зрелища, но именно он должен был стать первой жертвой злобного выходца, неумолимо надвигавшегося на черный банак.

Мускулистое, безупречно развитое тело йога молниеносно распрямилось и, как отпущенная пружина, подскочило над землей.

В два прыжка Норбу оказался между палаткой и одержимым, обежал его кругом и дунул прямо в неживое лицо, крикнув при этом:

— Хри!

Мертвый пошел волнистой дрожью, как отражение на воде, и, расслоившись полосками, растаял без следа.

Норбу был поражен в самое сердце.

«Если это ролланг, — думал он, — то куда мог деваться труп? Если кармическое видение, то почему оно разрушилось от простейшего заклинания»?

Кто мог ему ответить?

Джой лежала в глубоком обмороке, а профессор Валенти даже не подозревал о беспримерном поединке между светом и тьмой, который свершился в каких-нибудь двух шагах от его изголовья.

Делая выписки из «Вишну-пураны», имевшей непосредственное отношение к цели его путешествия, он как раз остановился на пророчестве:

«Живущие в месте Калапа, исполненные великой йогической мощи, в конце кали-юги восстановят...»

Что именно восстановят в конце кали-юги, то есть нынешнего и самого темного периода в истории человечества, он так и не записал.

Душераздирающий вопль очнувшейся Джой едва не сбросил ученого с раскладушки.

Кое-как успокоив рыдающую женщину, он заставил ее сделать добрый глоток бренди.

— Ты пережарилась на солнце, милочка, — с полной уверенностью объяснил Валенти, когда Джой оказалась способной хоть что-то воспринимать. — Вот тебе и привиделась всякая чертовщина.

— Ничего мне не привиделось! — продолжала она стоять на своем. — Можешь спросить у него, — указала дрожащей рукой на отважного спасителя.

Сидя в позе лотоса, Норбу лениво перебирал коралловые четки.

— Кармическое видение, — по-тибетски прокомментировал йог, остановившись пока на наиболее вероятной версии.

— Вот видишь, — обрадовался Валенти. — Всего-навсего кармическое видение! А я тебе что сказал? Ты нажгла головку, и тебе примерещилось... Говоришь, он растаял в воздухе, этот кадавр? Значит, его и не было вовсе.

— Но ведь и он видел! — все еще стуча зубами, ожесточенно защищалась Джой. — И ему померещилось?

— Массовая галлюцинация, — с небрежностью авторитета отмахнулся профессор. — Такое случается на Востоке. Я читал.

— Ах ты читал! Он читал, видите ли! А я, к твоему сведению, видела собственными глазами. — Она отерла кулачком вновь выкатившуюся злую слезу.

— С тобой сейчас трудно говорить, кошечка, — страдая, вынужден был временно отступить Томазо Валенти. — Успокойся, приди в себя, и мы продолжим нашу маленькую дискуссию. — Он даже отмерил пальцами крохотный промежуток. — Уверен, что здравый смысл восторжествует.

— Дурак! — впервые назвала так мужа молодая синьора.

— Ты перепугана и поэтому не в себе! — непроизвольно повысил голос Валенти и помрачнел, замыкаясь.

— А я разве спорю? Но ведь ты даже не желаешь понять по-че-му, — яростно сдув со лба упавшую прядь, произнесла она по складам. — По-че-му именно я испугалась!

— Ну, почему, почему?

— Да потому, что я все время думала об этом несчастном! Не знаю отчего, но мне было безумно жаль его! Он умер, как преданная собака, готовая по знаку хозяина броситься в огонь, в ад — не знаю куда! Понимаешь?

— Допустим, ну и что?

— Вот он и явился ко мне, потому что не мог успокоиться даже в могиле.

— Ты-то тут при чем?

— При том! Монах даже не взглянул на него и, взяв письмо, переступил через тело, а я пожалела и...

— Вздор! Бабские бредни! — вспылил нетерпеливый, как все подагрики, Валенти. — У тебя слишком разыгралось воображение. Советую проглотить пару таблеток зодиума. Вы куда? — спросил он по-тибетски, заметив, что Норбу встал и перебросил через плечо шкуру.

— Мне пора.

— Но ведь мы решили сделать небольшую передышку!

— Меня зовет дорога. Тянут святые места.

— Вы, право, застали нас врасплох, преподобный, — заметался Валенти, нервно потирая руки. — Может быть, обождем хоть до утра? А то так, знаете ли, внезапно...

— У вас своя дорога, у меня — своя.

— И вы так просто готовы нас бросить? Посреди дикого поля?.. Ну что ж, выбирайте любого яка, а мешки с цзамбой...

— Я так дойду, — отрицательно покачал головой йог. — Теперь мне, чувствую, не понадобятся ни яки, ни продовольствие.

— Вы из-за этого?.. — Валенти поежился. — Из-за кармического видения?

— Возможно, оно не было кармическим.

— Что же тогда?

— Видение санскары. Частицы света, принявшие облик. Это шимнусы — противники нирваны — омрачают наши глаза. Пусть успокоится белая леди: ничего не было.

— Как ничего? — Валенти удивленно оттопырил нижнюю губу, что являлось знаком полнейшей растерянности.

— Так — ничего... Нет ни света, ни глаза, но лишь одна пустота. Поэтому и духа не было.

— Стоп, стоп! — запротестовал подкованный в метафизических прениях профессор. — Но ведь и пустота, так сказать, санскритская шуньята, тоже тогда не более чем личное представление? Вам придется это признать, преподобный.

— Это так, — согласился Норбу. — Она сначала была, а потом не будет, прежде не была, а затем является. Ее порождает лишь сила видения которая и есть единственная истина. Как разлившиеся воды обнимает она прошедшее, настоящее и будущее.

— Самадхи беспредельного видения! — как ребенок обрадовался профессор, горя нетерпением поймать оппонента в ловушку. — Так, так, так, дражайший коллега... Однако, мой друг, на иной, уже высшей ступени сила видения тоже покажется вам призраком. Завися от посторонних субстанций, она вместе с ними является и вместе с ними исчезает, как слух, когда нет звука, как обоняние без запаха.

— Верно, — подтвердил йог, даже не заметив логического капкана. — Вожделение — обман, форма — обман, пустота — обман, и сила видения — тоже обман. Успокоение в небытии. Но в дьявольском хороводе петух, свинья и змея кусают друг другу хвосты. Миры людей, богов, животных, ад и небесные чертоги — все обращается вокруг этого центра. Вожделение, ослепление и ожесточение — вот три зла, заслоняющие нирвану. Вожделение — худшее из них. Это оно слепило из частиц света отвратительный призрак.

Йог поднял трезубец и, не прощаясь, зашагал на восток, с уклонением к югу, и лиловые соцветия кипрея легко сомкнулись за усатой кошачьей мордой, спущенной со спины.

Молчаливые и растерянные возвратились супруги Валенти в палатку.

На раскладушке, где профессор оставил свою работу, лежал полотняный свиток.

Валенти рассеянно развернул его и не поверил своим глазам. Перед ним лежал расчерченный на четыре разноцветных сектора круг, объединивший видимые стихии. Вписанный в

квадрат с тупичками по центру каждой из сторон он символизировал абстрактный космос. Однако отвлеченная диаграмма была привязана к реальной местности: зеленая, пронизанная венами ручьев земля, навьюченные караваны, ползущие к облакам по невидимым серпантинам, и заснеженные горы, образующие кольцо, словно зубцы алмазной короны.

Вверху, где солнце и луна, были изображены юдам Калачакра и Третий панчен-лама. Три белых круга очертили границы небесной обители, где под высокой с загнутыми концами крышей дремотно улыбался грядущий мироправитель Майтрея. Все семь счастливых драгоценностей владыки Чакравартина располагались победным венком.

Это была знаменитая секретная мандала, скорее всего на прощание оставленная преподобным Норбу. Валенти всюду искал ее, но не смог напасть даже на след сокровенного свитка.

И вот теперь он здесь, у него! Но радость обретения отравило сомнение, холодным ключом просочившееся сквозь неведомые пласты.

В центре мандалы примерещился, словно на редкостную картину наложилась другая, давно знакомая, еще один ненаписанный круг из петуха, свиньи и змейки.

«Вожделение? — спросил себя профессор. — Вожделение и жажда познания?»

Не было ответа.

Пустые чаки весов, нарисованных звездами, покачивались в ночном небе.

Как незаметно пролетел день!

XVI

Постоянно видоизменяясь, как бы перестраивая неуловимо для глаза внешние очертания и внутреннее убранство, вилла обволакивала гостей непривычным уютом, навевала странные сны. Теперь ее окружал старый запущенный сад с гротами и пустырями, где в зарослях дурмана свивали ленивые кольца редкостные Эскулаповы змеи.

И, подобно паутине, окутавшей сухой чертополох, души людей незаметно обволокла легкая наркотическая вуаль. Както уж слишком быстро притупилось любопытство и пропало желание вновь и вновь испытывать заколдованный оазис, где угадываются, воплощаясь порой в самые неожиданные формы, подсознательные стремления.

В увитых виноградной лозой беседках ждали игроков колоды карт и шахматные доски с точеными фигурками из нефрита. Но только партии никак не составлялись. Разобщенные, ушедшие в себя путешественники в одиночку раскладывали сложные пасьянсы либо разыгрывали хитроумные комбина-

ции, не нуждаясь в общении, не испытывая желания поделиться сокровенными мыслями.

Вилла, блиставшая новой амарантовой окраской, словно разделилась на изолированные ячейки, где уединились затворники, позабывшие о прошлом, потерявшие цель. Неведомый повар готовил и сервировал изысканные яства, способные усладить самый взыскательный вкус. Столь же призрачная, но деятельная прислуга пеклась об удобствах и чистоте. Вместо прежних надбитых горшков с геранью, лестницу украшали хрустальные мисы с нильскими лотосами и золотыми рыбками, а все следы упадка и запустения словно стерла невидимая рука.

Так исчезают начертанные мелом слова на школьной доске, так проваливаются в забвение остывшие образы.

Над опаленными солнечным жаром розами трепетали захмелевшие нектарницы. Но обильные росы не просыхали в прохладной листве, не знали устали фонтанчики, разбросанные в укромных уголках сада. Порой в их мраморных чашах играло ледяное вино, менявшее, повинуясь невысказанному капризу, вкус и букет, порой пиво — от пльзенского до портера, но чаще кока-кола и апельсиновый сок.

Однажды Смит и Макдональд обнаружили в триклинии заросшие окаменевшими морскими желудями амфоры, но так и не узнали, что в них: было лень открывать.

«Сантуринское? — спросил себя Смит. — А может, фалернское?»

«Оливковое масло, скорее всего», — решил Макдональд.

И они позабыли о запечатанных битумом сосудах, которые исчезли, как невостребованное молоко, на другое утро. Лишь непритязательный Анг Темба, приникая губами к живой струйке фонтанчика, всегда обнаруживал один и тот же напиток: холодный чанг. И это ничуть не удивляло его. Значит, таков нрав здешних, расположенных к людям, духов. Об иных, куда более изощренных дарах, шерп даже не подозревал и спал поэтому глубоко и спокойно. Он не слышал, как звенят по ночам струны санура и рокочет бубен в келье Аббаса, как до рассвета не затихает там непонятная возня, женский визг и хохот. Готовя на завтрак привычную болтушку, проводник ни разу не задумался над тем, откуда берут еду остальные. Обнаружив как-то на рассвете в чаше из оникса горсть медовых фиников, шерп мимоходом отведал диковинных фруктов, показавшихся слишком приторными, и позабыл про них. Пора была гнать яков на пастбище. Если саиб позволяет себе валять дурака, то проводнику тем более следует помнить о своих обязанностях. Ведь он на службе, и зарплата ему начисляется каждый день...

Анг Темба ошибался, полагая, что патрон просто-напросто бездельничает.

Смита преследовали голоса. Они окликали его из-за деревьев, звали, вели за собой по пыльным запутанным дорож-

кам. Когтистые стебли ежевики полосовали кровавым пунктиром лицо и руки. Пахла жимолость, и стояли в полете одурелые мухи, а знакомые зовы заманивали все дальше, где за ржавой колючей проволокой мерещились совершенно иные ландшафты: рисовые поля, заросшие тростником русла цветущих рек и берег моря с пальмами и хижинами из жалких циновок. Где-то там, в кромешной тьме свайной хижины, рождался неотвязный, не дававший покоя ни днем ни ночью призыв. Попасть туда было никак невозможно: проволочные спирали «концертино» с лоскутными клочьями и загаженными нечистотами электронными датчиками кончались у обрыва, залитого облачными клубами, а та, иная, страна словно бы висела над всем, как миражное озеро посреди прокаленной пустыни.

Но жаловалась мелодия корнет-а-пистона, сопровождая тихий смех и влажный, переворачивающий душу шепот. Если бы не проволока с подрагивающими сторожками, ловящими запах пота, и не начиненная шариковыми минами красная спекшаяся глина, Смит бросился бы туда и поплыл в волнах опалесцирующего тумана...

В это утро он проснулся поздно и торопливо позавтракал, не особенно задумываясь над тем, откуда взялась еда: миска блинчиков по-сайгонски, желеобразное черепашье мясо и остро пахнущий рыбный соус ныок-нам с колечками тонко нарезанного красного перца. Утолив пожар в горле чашкой золотистого чая с лепестками лотоса, пробуждающими воспоминания, он надел фланелевую пижаму — откуда она взялась? — и вышел навстречу зову. Небо больно сверкнуло в глаза сквозь налитые млечным соком ветки чампы. Сбросив за ночь все листья, они ветвились, как оленьи панты, образуя прихотливый узор, скрывавший ниспадающие ступени.

Спустившись в сад, Смит пошел напрямик через заросли ежевики и жимолости, чтобы поскорее оказаться у проволоки, отрезавшей дальнейший путь.

Медлительные богомолы, замаскированные под сухие сучки и зеленые листья, падали на плечи, вцепляясь в застиранную ткань. Хрупали под ногами раздавленные улитки.

Перекрываемые напевом голоса вели к цели, словно радиомаяки.

Макдональду достался на завтрак горячий буайбесс по-марсельски и превосходные остендские устрицы с лимоном и льдом. В серебряном ведерке с львиными мордами зеленела замороженная бутылка «Дом Периньон», 1929-го, благословенного для Шампани года.

И сразу начались привычные игры.

Едва Макдональд пригубил бокал, как вкус вина неуловимо переменился. Это было уже не сухое шампанское с зеленоватым свечением, а, пожалуй, сильно разбавленное виски, когда особенно отчетливо различается дымный привкус вере-

скового торфа. Неужели, потаенно желая одного, он тем не менее все же хотел другого?

«А почему бы и нет, черт возьми! Душа и тело не всегда согласовывают свои намерения. Организм лучше знает, что ему требуется, и если он выбрал виски, то так тому и быть... Нельзя ли малость покрепче?»

Процент алкоголя мгновенно подскочил. Оттенок жидкости в тяжелом с массивным донышком стакане, который трансформировался из бокала, стал заметно гуще.

«Отлично! — одобрил Макдональд работу невидимых сил. — "Хэнки Баннистер", — определил он сорт. — Хотя уместнее был бы "Джонни Уокер" с черной этикеткой».

Он не удивился, когда обнаружил на дне золотой соверен с изображением Джорджа Третьего, точно такой, как на бутылке «Хэнки Баннистера». Монета оказалась на поверку подозрительно легковесной. Она была отштампована из какого-то анодированного пластика, причем только с одной стороны — реверс напрочь отсутствовал. Оказывается, услужливый дух, а заодно с ним и сам Макдональд не знали, как выглядит настоящий соверен. Бутылочная этикетка с аверсом, на котором был изображен джентльмен в завитом парике, едва ли могла стать эталоном для подражания. Задача получалась трудная и одновременно заманчивая. Если все существо Макдональда, подвизавшегося долгое время в районе Средиземноморья, хранило память о шедеврах тамошней кухни, то, скажем, о золоте помнила лишь голова. Пришлось дать невидимым силам урок, вызвав в памяти условное представление о ядре, сложенном из семидесяти девяти протонов и ста восемнадцати нейтронов с конфигурацией внешних электронов $5d^{10}6s^{1}$.

Язык науки оказался более доступным, и монета обрела требуемую тяжесть и звон: хотя по-прежнему оставалась без оборотной стороны. Ничего не поделаешь — Макдональд никогда не держал в руках настоящей гинеи. Не сумел он вообразить и как выглядят луидоры, дублоны, пиастры и прочие ипостаси золотого тельца, чья антикварная ценность подчас намного превышала стоимость проклятого металла.

Но если нельзя обогатиться за счет древности, то отчего бы не подзаработать на материале? Не успела эта вполне здравая идея оформиться, как на пол со звоном посыпались односторонние кругляши. Вскоре их стало так много, что пришлось усилием воли остановить золотой дождь. Нечего было и думать, чтобы вывезти отсюда столь непомерную тяжесть. Алхимическое, абсолютно чистое по составу золото следовало немедленно уничтожить.

Рассуждая с холодным прагматизмом, Макдональд решил упростить процесс и, вынув из бумажника стодолларовую банкноту, принялся штамповать из воздуха копии, произвольно меняя серии и номера.

В течение получаса он заработал около двух миллионов, что удалось определить, причем весьма приблизительно, после подсчета, длившегося много более получаса.

Следующая серия экспериментов была поставлена на алмазах. Мысленно сформулировав задачу из области кристаллографии — решетка кубической сингонии из атомов углерода, связанных в октаэдр, Макдональд стал обладателем гигантского монокристалла, раз в шесть превосходившего «Кох-и-нура», «Кулинана» и «Орлова», вместе взятых. Став таким образом владельцем несметного состояния, сконцентрированного в столь малом объеме, он не остановился на достигнутом и поспешно обрушил на стол груду великолепно отшлифованных — превалировала двойная огранка — бриллиантов, мечущих во все стороны голубые, оранжевые, всех цветов радуги-вспышки.

Созерцание сокровищ погрузило Макдональда в состояние непреходящей эйфории. Впрочем, умопомрачительный процесс воспроизводства опьянял не меньше, чем сверкание граней, в которых воплотились все прелести мира.

Остановиться оказалось не так-то просто. Не в силах отвести восхищенного взгляда от невиданной горы камней, Макдональд время от времени подбрасывал какой-нибудь новый шедевр: то ограненный «маркизой» бриллиант, то исполинский невиданный изумруд в несколько тысяч каратов. Порой же, как привередливый коллекционер, менял оттенки, наполняя алмазы синей, розовой, непривычно зеленоватой водой.

Сделав над собой усилие, едва не стоившее кровоизлияния в мозг, австралиец в конце концов уничтожил банкноты и гинеи. Тяжеловесная громоздкость и всегда индивидуальный состав золота могли неожиданно подвести, и от номеров на долларах тоже порядком попахивало уголовщиной. Нет, ничто в мире не могло сравниться с камнями. Они были чисты и абсолютно незапятнанны в буквальном смысле слова.

В течение считанных часов Чарлз Макдональд сделался мультимиллионером, побив самые безумные рекорды, занесенные в книгу Гиннесса. Оставалось убедиться, что все это не бред, и хорошенько поразмыслить, как половчее выскочить из другой, к сожалению, не столь боговдохновенной игры...

Радоваться было рано. Сокровища, подобно золоту ведьм, могли обернуться золой, а смерть неотступно дежурила за плечами. Стряхивая оцепенение, Макдональд глянул на часы и ужаснулся. После спуска в долину прошло целых десять дней! Что он делал все это время, чем занимался? Мозг заволакивала радужная завеса.

Рассеянно пропустив сквозь растопыренные пальцы пригоршню кристаллов, Макдональд различил в калейдоскопическом кружении граней многолучевую звезду, которая, загнув лучи, сложилась в непревзойденный по совершенству шлифовки многогранник. Равного ему не только не было, но и вообще не могло быть на белом свете.

Но ничего не изменилось на заваленном бесценной продукцией столе. Бог или дьявол, послушно выполнявший любые мысленные приказы, безмолвствовал. Возможно, ему просто наскучила однообразная игра.

Что ж, тем более пора приниматься за дело.

Макдональд наладил рацию и, послав закодированный сигнал, подключился к спутнику связи. Приборы показывали устойчивый контакт, но посторонний источник — эпицентр находился где-то совсем рядом — надежно глушил информационный обмен. Заколдованная долина, словно нейтронная звезда, беспрерывно смыкала вокруг себя пространство эфира. Лишь один мелодично попискивающий сигнал отчетливо различался в сумятице шумового фона. Посылавший его передатчик тоже находился где-то поблизости и, следовательно, был недоступен для приема извне. «Информационная тюрьма», — усмехнулся Макдональд, сделав отметку на карте.

«Надо идти дальше, — подумал он, складывая пеленгационную рамку. — И поскорее закончить затянувшуюся партию. Развязать все узлы, внезапным разменом фигур добиться пата... Где Смит? Где Аббас?»

В комнате Смита, скупо исполосованной хлеставшим сквозь жалюзи солнцем, отстаивался душный сумрак. Бронза, надежно упрятанная в пенопласт, хранилась в еще не заколоченных фанерных ящиках, обитых жестью. Вид архаической упаковки, сложенной в дальнем углу, подействовал на Макдональда успокоительно. Дары Мнемозины обросли как бы добавочной плотью. Для себя он тут же избрал дюралевые контейнеры с откидными запорами и множеством скоб, с помощью наручников пристегивающихся к запястьям.

Чтобы заглянуть в жилище Аббаса, пришлось выйти на внутреннюю галерею и обогнуть атриум. Пронзительные, скорее заунывные, нежели веселые, звуки восточной музыки служили надежным ориентиром. Тихонько толкнув дверь, Макдональд заглянул внутрь.

Две прелестные, едва прикрытые газовыми складками девицы, подняв руки, меланхолично кружились под звуки невидимого оркестра. Их обильно умащенные прелести жирно вспыхивали в косом луче. В одной из танцовщиц Макдональд узнал Роситу Лиарес, завоевавшую в прошлом году титул Мисс Вселенная, другая оказалась неведомой эфиопкой или нубийкой и отличалась особой округлостью форм.

Сам Аббас возлежал на роскошном хорасанском ковре и, опираясь локтем о мутук, лениво посасывал наргиле.

На золотых чеканных блюдах были разложены всевозможные липкие с виду сласти, припудренные солью фисташки и освежающие язык семена. Сквозь спущенные зачем-то с потолка муслиновые драпировки просвечивали какие-то узкогорлые кувшины, инкрустированные самоцветами сабли, кремниевые

пистолеты и желтые от времени, окованные серебром слоновые бивни. Над многочисленными курильницами сонно вился удушающе ароматный дымок. До рези в глазах пахло мускусом, сандалом и розовым маслом.

Из всех пришельцев Аббас оказался наиболее последовательным. Создав некое подобие мусульманского рая, он стойко придерживался достигнутого образца. Подернутые маслянистой негой зрачки пакистанца были устремлены в пустоту. Макдональд осторожно прикрыл дверь.

Смита он застал, как обычно, на пустыре, мусолящим серебряный мундштук корнет-а-пистона. «...под крестом в Фамагусте», — разливалось окрест заунывное эхо.

Загаженного обрыва и проволочных спиралей не было и в помине. За ржавыми прутьями забора расстилалась, сливаясь с пыльным горизонтом, щебнистая пустыня. Сквозь легкую дымку лиловым бархатом проступали далекие вершины. Очевидно, американец сам уничтожил больное видение памяти.

— Что здесь произошло? — спросил Макдональд, машинально счищая с прутьев ржавый налет.

— Как вам сказать? — Смит поморщился, поправляя очки. — Я нашел пластиковую взрывчатку и капсюль-детонатор...

— Нашли? — со значением переспросил Макдональд.

— Словом, обнаружил за завтраком у себя на столе, — уточнил Смит.

— И решили проделать проход в заграждении?

— Пожалуй...

— А т а к, — австралиец сделал ударение, — разве так оно не поддавалось?

— Не знаю, не пробовал.

— Почему?

— Не пробовал, и все, — досадливо дернул щекой Смит. — Пластикат натолкнул меня на идею. Я вставил в детонатор огнепроводный шнур...

— Вы ничего не говорили про шнур.

— В самом деле? Однако он тоже у меня оказался... — в некоторой растерянности заморгал Смит.

— Допустим, ладно, — буркнул Макдональд, с трудом отводя взгляд от чуть косящих, едва тронутых синькой глаз.

— Я сделал все как надо, и даже обжал капсюль плоскогубцами...

— Откуда плоскогубцы, черт подери?

— Не знаю. — И вновь трепет рыжих ресниц выдал растерянность. По всей видимости, Смит еще не очнулся вполне и не отдает себе отчета в том, откуда и почему возникают предметы.

— Продолжайте, — махнул рукой Макдональд.

— Одним словом, я действовал по правилам, но взрыва почему-то не последовало, хотя шнур задымил... Когда огонь

добрался, по моим соображениям, до детонатора, проволока исчезла, испарилась, словно ее не было.

— Ее и не было здесь... до вас.

— Да, я понимаю... Вместе с ней растаяла и пропасть, залитая туманом.

— Короче говоря, произошло то, чего вы желали?! — выкрикнул Макдональд, убеждая больше, нежели спрашивая.

— Вероятно, — не слишком уверенно ответил американец. — Я не помню... Теперь.

— А бронза у вас в комнате? Вы ее сами упаковали?

— Кажется...

— Своими руками сколотили ящики? Обили их жестяной полосой? У вас есть молоток? Гвозди?

— По-моему, есть, — напряженно вспоминая, кивнул Смит. — Были в одном из вьюков...

— Черта с два были! — раздраженно передразнил Макдональд. — Что я, не знаю наш груз?.. Ящики, кстати сказать, сколочены без единого гвоздика. Я проверил.

— То есть как это?

— А я знаю?.. Может быть, склеены чем-то...

— В этом нужно хорошенько разобраться, Чарли, — озабоченно потряс головой Смит, словно сбрасывая сонную одурь. — Я очень хочу сохранить свою бронзу.

— И я тоже, — непроизвольно признался Макдональд.

— Как, и у вас появилась бронза?

— Нечто в этом роде, — австралиец неопределенно покрутил в воздухе пальцем. — И я, право, не менее вас озабочен сохранностью, а вернее, стабильностью... груза.

— Эти вещи реальны, Чарли, — понимающе кивнул Смит. — Во всяком случае они построены из атомов, как мы сами, как окружающая нас природа... У меня есть портативный спектрометр, я проверял.

— Звучит обнадеживающе, ежели вам не приснилось все это: статуэтки, проверка, спектрометр.

— А ваша жизнь не приснилась вам, Чарли? Что, если мы снимся сами себе?

— Ну, такое вообще не поддается проверке. Поэтому бог с ней, с философией. Я, знаете ли, до самого последнего момента был убежденным материалистом, хотя и посещаю, ради приличия, приход... Изредка, надо сказать, и весьма...

— Я тоже, коллега, но раньше у меня не было ни малейшей надежды на, так сказать, иное существование.

— А теперь? — с неожиданным волнением тихо спросил Макдональд.

— Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется... Ах я не знаю, что мне кажется, Чарли, но я безумно дорожу возникшим предчувствием... Тенью...

— Каким предчувствием?

— Не хочется говорить. Не обижайтесь.

— Боитесь спугнуть?

— Может быть.

— Внезапно проснуться посреди привычного убожества?

— Не убожества — ада.

— Пустая игра словами.

— Нет, Чарли, мое кредо. Зная, что впереди у нас только небытие, легче переносить страдания, согласитесь.

— Мы живем в аду, искупая чужие грехи, но, по счастью, наш приговор не бессрочен?

— Можно сформулировать и так.

— Банально.

— Жизнь человека вообще довольно банальна и порядком бессмысленна, вам не кажется? С бессмыслицей, кстати, так же трудно примириться, как и с собственным уничтожением. Невольно спрашиваешь себя: зачем?

— И у вас есть подходящий ответ?

— Еще несколько дней назад я бы с полной уверенностью ответил «нет», Чарли, а теперь — не знаю.

— Значит, вам примерещился призрак рая. Как дурачку Аббасу, соорудившему этакий, знаете ли, уютный серальчик. С Аббаса что взять? Болван, темный, полуграмотный человек, но вы-то. Бобби, понимаете, что эти девки умеют лишь страстно стонать да вскрикивать по-птичьи в надлежащий момент?.. И ничего более.

— Какие девки, Чарли? — Смит изумленно раскрыл глаза.

— Такие, — проворчал Макдональд. — Золотые, бронзовые, пропади они пропадом... Вы долго намерены здесь прохлаждаться? — спросил он, круто меняя тему. — Не пора ли в дорогу?

— Зачем?

— То есть как это зачем? — поперхнулся от возмущения Макдональд. — Да очнитесь же наконец, Бобби! Мы потеряли бог знает сколько времени. Надо наверстывать!.. Или вы предпочитаете возвратиться?

— Возвратиться? — Смит задумчиво пожевал губами. — Пожалуй, нет. Мне бы хотелось побыть здесь немного, хотя бы из любопытства.

— Тогда собирайтесь живее! — заторопился Макдональд, обретя наконец привычную форму. — Где ваш бесценный Тигр?

— Но, право, Чарли, я совсем не расположен лететь куда-то сломя голову. Оно найдет нас и здесь.

— О чем это вы, Бобби? Какое «оно»?

— Право, не знаю... Однако все, что только должно случиться, не минует нас, мне так кажется... Не лучше ли тихо подождать? Мне хорошо тут, Чарли.

— Поступайте, как знаете. — Макдональд не скрывал раздражения. — А я поспешу навстречу, хотя бы из любопытства, простите за плагиат!

— Зачем же так, право... Если вы настаиваете...

— Не настаиваю, — вкрадчиво поправил Макдональд. — Прошу. Мне кажется, нам не следует медлить. «Оно» торопит нас и словно бы обещает, что, чем дальше, тем... — Он внезапно осекся и дернул напарника за рукав. Ветхая фланель треснула и расползлась.

— Что? — спросил было Смит, но, натолкнувшись глазами на синий, изрядно помятый «лендровер», поперхнулся и замолк.

Машина стояла в каких-нибудь двадцати ярдах и отбрасывала на землю геометрически четкую тень.

— Вы этого хотели? — тихо спросил приунывший Макдональд.

— Нет, не знаю... А вы?

— И я не знаю, хотя, скорее всего, виноват я... Что ж, пошли.

Приблизившись к «лендроверу», он слегка замешкался, безотчетно ища ручку передней дверцы. Замок открылся, но не сразу, а с некоторым замедлением. Так же постепенно, словно проявляясь на фотобумаге, возникли шкалы и стрелки на приборном щитке, торчащий в замке зажигания латунный ключ. Макдональд уже было собрался повернуть его, как в приспущенное окно ворвался удивленный возглас Смита:

— Но ведь это же монолит!

— Что? — не понял Макдональд.

— А то, что капот начисто приварен к корпусу, а колеса — к крыльям! — возмущенно воскликнул Смит, но сразу, словно испугавшись чего-то, виновато поправился: — Ах нет, я, кажется, не заметил зазора... И колеса тоже...

— Так, — озабоченно выдохнул Макдональд, угадывая остальное. — Попробуйте приоткрыть капот. — Он откинулся, сосредоточенно нахмурив брови, отводя внутренним невероятным усилием мысль от проклятого автомобиля. — Что там? Что?! — нетерпеливо выкрикнул он, изо всех сил стараясь отвлечься от жестяного скрежета впереди. — Отвечайте быстрее! — потребовал, когда поднятая крышка закрыла небо.

— Ничего, — помедлив, отозвался Смит, у которого вдруг запершило в горле. — Темная пустота... То есть что-то там, кажется, прорисовывается... Воздушный фильтр, бобина, аккумулятор, но только без клемм...

— Достаточно, — устало вздохнул Макдональд и, толкнув дверцу ногой, спрыгнул на гравий. — Все равно такая машина никогда не сможет ездить.

— Да, — угрюмо кивнул Смит. — «Оно» не знакомо с элементами машиностроения.

Они поняли друг друга с полуслова.

— Мы знаем обо всем слишком расплывчато, чтобы вообразить каждый винтик и каждую шайбочку, — усмехнулся Макдональд.

— Система питания, — поддакнул Смит. — Жиклеры...

— Электросхема, смазка, — уже веселее подхватил Макдональд.

— Допуски! — улыбнулся в ответ Смит. — Резьбы!

— Такое не под силу одному человеку.

— Если только он не работает в конструкторском бюро у Форда.

— Придется навьючивать яков, Бобби!

— Видно, уж так, Чарли... Пойдем по пеленгу?

— Самое верное дело, хотя я не прочь скорректировать маршрут с синьором Валенти. Они уже близко.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

— Это не ответ, Чарли.

— Вы не осудите меня, если я признаюсь, что поставил перед уходом «клопа»?

— «Клопа»?

— Надеюсь, вы представляете себе, что это значит?

— Микрофон для подслушивания?

— Зачем такие страсти? Всего лишь миниатюрный передатчик, Бобби, не более того. Я прикрепил его к седлу миссис Джой и поэтому знаю, разумеется, приблизительно, где сейчас находится самый прелестный задик на тысячу миль вокруг.

— Кто вы на самом деле, Чарли? — растерянно спросил Смит, протирая очки кусочком замши.

— Это действительно имеет для вас значение? — Макдональд устало махнул рукой. — Сейчас? Здесь?

XVII

Супруги Валенти набрели на римскую виллу, когда приготовления к походу были в самом разгаре.

Анг Темба едва успевал поворачиваться, навьючивая своенравных, успевших отвыкнуть от груза животных. Угрожающе набычившись и роя копытами землю, яки упрямо пятились, всячески стремясь избавиться от ненавистных пут. Смит в который раз пожалел, что остался без погонщиков, опытных, терпеливых, до тонкостей изучивших норов лохматых прислужников Ямы.

— Не кажется ли вам, дружище, — пошутил Макдональд, — что наши сборы скорее напоминают корриду?

— Я не был в Испании, — не поддержал веселого настроя Смит. Всю ночь его преследовали кошмары. Провалявшись почти до полудня, он все равно не выспался и раздражался теперь от каждого пустяка.

— А что вам мешало съездить хотя бы в Мексику?

— Жизнь, — односложно бросил Смит, помогая шерпу грузить ящики.

Различив дальний перезвон колокольцев, он предостерегающе поднял руку и прислушался.

— Я так думаю, это наши друзья, — как всегда мгновенно сориентировался Макдональд. — Здесь не разминешься...

Вскоре маленький караван уже входил в гостеприимно распахнутые ворота виллы.

— Может быть, нам лучше расположиться неподалеку? — Профессор с нескрываемым удивлением разглядывал цветущий сад, жадно вдыхая горьковатую прохладу осыпавшихся пятилепестковых цветов чампы.

— Жаль портить такое великолепие!

— Пустяки, — пренебрежительно отмахнулся Смит.

— Не поручусь, что сей цветущий оазис не растает, как мираж, едва мы затворим за собой калитку, — заметил Макдональд, снимая с седла красавицу Джой.

В элегантно потертых джинсах и синей широко распахнутой рубашке мужского покроя — с карманами и погончиками — стройная полногрудая итальянка выглядела особенно привлекательно. От нее веяло волнующей свежестью степных трав и здорового конского пота.

— Надеюсь, для нас найдутся свободные номера? — взяв кейс с бижутерией и косметикой, Джой одарила Смита чарующей улыбкой.

— Для вас, синьора, приготовлены президентские апартаменты, — перехватил инициативу Макдональд. — Спасибо, что почтили выбором именно наш отель.

— Как он называется?

— «Амарантовая вилла», — проявил находчивость Смит, слегка раздосадованный, что его оттеснили. — Категория «пять звездочек».

— Кухня по выбору! — коротко хохотнул австралиец.

— Вот как? — Оживленный румянец на обветренном личике Джой поблек. — Я правильно вас понимаю?

— К сожалению, миссис Валенти, — с печальным сочувствием кивнул Смит.

— Мне нужно привести себя в порядок, — мгновенно замкнувшись, бросила она и бочком прошла мимо мужчин к лестнице. — Я не заблужусь?

— Выбирайте любую комнату, — посоветовал Смит, не сделав даже попытки проводить даму.

— Коллекции? — поинтересовался профессор, царапнув ногтем притороченный к вьюкам контейнер.

— Надеюсь, — несколько неопределенно отозвался Макдональд.

— Значит, с вами тоже происходили всякие чудеса? — Валенти придирчиво окинул оком античные колонны, явно барóчные окна и нелепый готический аркбутан, полускрытый каминной трубой. — Конечно, друзья мои, т а к о г о не может быть. — Разминая занемевшие ноги, он слегка помассировал

икры и принялся энергично вышагивать вдоль гравийной дорожки. — Я не знаю подобных построек.

Статуи из каррарского мрамора с их вековыми черными трещинками и сглаженными временем очертаниями не понравились ему еще больше.

— Это не Греция, — отчеканил он хорошо поставленным голосом профессионального лектора, — не Рим эпохи упадка и, уж конечно, не Гандхара, на что хоть в какой-то степени можно было рассчитывать. Это жалкая слепая эклектика, порожденная развитой, но нечеткой памятью. И я готов согласиться с вашим прогнозом, мистер Макдональд. Наваждение, надо думать, развеется, едва исчезнет питающий его источник.

Испытывая сложное чувство разочарования и вместе с тем облегчения, Смит, как загипнотизированный, последовал за итальянцем. В отличие от них с Макдональдом, предпочитавших изъясняться полунамеками, профессор Валенти излагал свои выводы с научной беспощадностью и прямотой. Он словно бы размышлял вслух, оценивая первые результаты потрясающего эксперимента, где сам же и был подопытным кроликом.

— Но все-таки что это? — преодолевая неясное внутреннее сопротивление, спросил Смит, сбивая щелчком улитку, прикорнувшую на ягодице Психеи. — Объективная реальность или массовый гипноз?

— Я ничего не исключаю, — не без удовольствия отчеканил Валенти, — хотя предпочитаю последнее. Ради спокойствия духа. Именно ради спокойствия, к сожалению, а не на основе объективного анализа, как вы могли ожидать.

— Понимаю вас, — участливо вздохнул Смит. — Вполне понимаю... Анг поможет вам разместить животных, — махнул он рукой, подзывая шерпа. — Если эти роскошные розы придутся по вкусу якам, мы не станем возражать. Верно, мистер Темба?

По молчаливому уговору решено было провести эту ночь на вилле, с тем чтобы утречком выступить всем вместе. Чем больше людей, тем надежнее. Да и день считай что сгинул. Солнце уже заметно клонилось к гребенчатой кайме исполинского цирка, и жесткие с металлическим привкусом краски смягчила бархатистая тень.

После коллективной трапезы, где на стол почти демонстративно выставили только свои, до последней крупинки проверенные припасы, безмолвно игнорируя постороннее, Макдональд спустился с сигарой в сад. Хотелось в одиночестве посмаковать редкостную регалию, скрученную из лучшего кубинского табака, и поразмыслить.

В просветах между деревьями, остывая, серебрилась щебнистая равнина. Где-то там, далеко за стеклянистыми волнами перетекающего воздуха, ждала разгадка. Шевельнулось пред-

чувствие, что судьба доведет его до последнего края и бросит околевать где-то в непостижимой близости откровения.

Макдональд зябко поежился и швырнул зашипевший окурок в банку с голубыми лотосами из безмерно далекой нильской дельты. Не причуду воображения, не гривуазный изыск увидел он в декадентских больных цветках, закрывшихся к ночи, но вызов, неприкрытое издевательство кошки, сторожащей отпущенную мышь.

Возвращаясь к себе, он услышал задышливую возню и включил неразлучный фонарик. Одурманенный Аббас с искаженным напряженной гримасой лицом, в кровь исцарапанным ногтями, тащил куда-то из последних сил упиравшуюся Джой. Она застыла на миг, завороженная светом, прикрыв локотком распахнутый ворот, и с неестественной медлительностью заскользила вдоль стены по направлению к галерее.

Испустив нутряной клекочущий хрип, Аббас вырвал из ножен вороненый клинок и по-кошачьи сжался для сокрушительного прыжка, но Макдональд нырнул ему под ноги, перехватил руку с оружием и резко рванул ее в сторону. Хрустнули оборванные связки, но, прежде чем пакистанец успел осознать затопившую все его существо сумасшедшую боль, Макдональд нанес несильный, точно рассчитанный удар в висок. Едва ли это было нужно, но, действуя почти инстинктивно, он не мог остановиться на полдороге.

Взвалив на плечо обмякшее тело, Макдональд оглянулся по сторонам, ища пропавшую Джой.

— Животное, — процедил он сквозь зубы, тяжело опуская на ковер обездвиженную ношу.

Нубийка и королева красоты без устали кружились по комнате, сизой от кадильного дыма, давя каблучками жирную пахлаву.

— Прочь! — хлопнул в ладоши Макдональд, разгоняя прелестниц по углам, как боксеров после удара гонга. — Воды!

Бесцеремонно переступив через опавший газовый шарф, нубийка подала ему узкогорлый сосуд с выгнутым, как лебединая шея, носиком. Макдональд привел пакистанца в чувство. Мысленно сосредоточившись на перевязочном пакете, он попробовал сгонять за ним другую красотку, только она ничего не поняла, беспокойно встрепенувшись в своем углу.

Пришлось сходить самому. По-видимому, пакистанец не ощущал сильной боли. Во всяком случае Макдональд застал его мирно спящим. Кровавые полосы, оставленные коготками Джой, чудесным образом затянулись и едва угадывались на темном, изрытом оспой лице. Оставалось только накрепко прибинтовать искалеченную руку к груди и предоставить Аббаса его судьбе. В сущности, теперь он был совершенно не нужен австралийцу. Пусть пока отлеживается, может быть, пригодится на обратном пути...

Собираясь на другое утро в дорогу, он остановил пристальный взгляд на Джой, седлавшей каракового, нетерпеливо переступавшего забинтованными бабками мула. Ничто в облике итальянки не напоминало о вчерашнем инциденте. Сменив пропыленную рубашку на защитную блузу в стиле сафари, она весело щебетала, скармливая лошадям сахар с ладони.

Почувствовав, что за ней наблюдают, Джой обернулась и, увидев Макдональда, просияла дежурной улыбкой красивой, уверенной в себе женщины.

Караван тронулся, гремя щебнем и разноголосо позвякивая боталами. Облако пыли обозначило его след в первобытной пустыне, иссиня-черной под утренним небом.

— Ну, как прошла ночь? — осведомился Макдональд, поравнявшись с Томазо Валенти.

— Лучше не вспоминать, — нервно поежившись, отозвался профессор. — Единственный сухой остаток от всей фантасмагории — так это то, что я ощущаю себя абсолютно здоровым. — Он отрешенно сосредоточился, прислушиваясь к себе. — Совершенно, знаете, позабытое чувство...

— Я рад за вас, профессор.

— Неужели моя подагра решилась предоставить мне полную свободу? — Валенти залихватски подкрутил усы. — Или выгуливает, сволочь, на длинном поводке?

— Надейтесь на лучшее, — посоветовал австралиец.

— Ты слышишь, детка? — ликующе воскликнул профессор, обернувшись к едущей следом жене. — Я не чувствую подагры!

— Думаешь, помогли гейзерные ванны?.. О я так счастлива, дорогой!

Макдональд вновь подивился самообладанию итальянки. Нехотя отводя взгляд от ее отдохнувшего, великолепно ухоженного лица, он увидел ярко-оранжевую точку, которую просто нельзя было не заметить на аскетическом фоне пустыни.

Наведя бинокль, Макдональд не без удовольствия узнал бродячего йога в неизменной леопардовой шкуре, наброшенной поверх монашеского платья. Остановившись в нескольких шагах от «лендровера», он, опираясь о трезубец, внимательно рассматривал незавершенное изваяние.

И вдруг «лендровер» исчез с горизонта.

Монах по-прежнему стоял на своем месте, недвижимый, как изваяние, а кубообразной глыбы, отбрасывавшей короткую тень, не стало.

Макдональд, как ужаленный током, выпрямился в седле и обернулся. На спине приотставшего яка успокоительно блестело дюралевое зеркало контейнера.

XVIII

Норбу Римпоче ощущал себя каплей, подхваченной вешним потоком. Напитанные светом струи несли его к вечному океану, где сливались воедино все реки земли.

Безначальный и бесконечный, заполняющий собой неисчислимые миры, Ади-будда, как звездная бездна, распахивался в конце пути. И гасли, едва царапнув твердь, метеоры, и навсегда размыкали звенья жестокие цепи причин и следствий.

Вожделенная нирвана, блаженное ничто, в котором растворялись души, уставшие блуждать в лабиринте перерождений, рисовались странствующему йогу как звездная ночь, отраженная в быстротекущей реке. Этот устойчивый образ был навеян не столько метафизическими откровениями тайных учений тантризма, сколько эвфемизмами, к которым так или иначе приходилось прибегать ламаистским богословам в их заранее обреченных на неудачу попытках представить себе непредставимое.

Вездесущность Будды, учили Норбу наставники, заключается в духовном теле, которое и есть абсолютная пустота. Эта божественная эманация присуща всем живым существам, но подавлена в них бренным материальным началом. Сиюминутные устремления, ничтожные заботы о насущном, отвлекая от вечного, вращают колесо страдания, имя которому мир. Даже тела небожителей не свободны от круговорота санскары. Лишь подвижник, выбравший путь пратьека-будд, способен еще при жизни проникнуть в освобождающее от плена иллюзий ничто.

Медитационные экзерсисы приносили Норбу день ото дня крепнувшее осознание своей личной причастности к абсолюту, нерасторжимой связи с одухотворяющей мироздание силой.

Здесь же, в долине, где даже самые сложные упражнения удавались с поразительной легкостью, Норбу окончательно уверовал в близость «другого берега», как именовалась нирвана в священной «Дхаммападе».

Завороженный нездешним сиянием, он шел через пустыню, не ведая зноя и жажды, не ощущая усталости, не нуждаясь даже в кратком ночном отдыхе. Ничтожные препятствия в виде нескольких странных, следовало сознаться, не описанных в соответствующих трактатах фантомов лишь укрепили йога в верности избранного пути.

Разве не смущал коварный демон Мара видениями, то кошмарными, то прельстительными, самого учителя Шакья-Муни? И разве не победил в себе сомнения великий аскет, рожденный принцем?

Выросший в Трансгималаях, Норбу Римпоче никогда не видел автомобиля, но, разумеется, кое-что слышал об этих «повозках дьявола», отравляющих воздух тошнотворной гарью и нещадно давящих живых людей.

«Лендровер», за которым не было и тени следа от колес, произвел на него гнетущее впечатление. Вне всяких сомнений, коварные шимнусы продолжали строить козни. Поставив на пути босоногого аскета адскую колымагу, они задумали свернуть его с благой дороги. Так нет же, не бывать этому никогда!

Норбу вызвал в воображении устрашающий облик юдама, чье имя тайно носил, и, заполнив пустыню до самых дальних гор человеческой и конской кровью, воздвиг медный остров, на котором могущественный покровитель мог проявить свою мощь. Теперь следовало произнести про себя чудотворную тарни — сокровенную формулу, побуждающую владыку к действию.

«Ом-ма-хум-сва-ха!» — пробуждая творящий космос, замкнулись в непостижимые разумению фигуры магические слоги.

Охранитель взмахнул мечом, море пошло волнами, и нечестивое творение поглотила пучина. Затем все до последней капельки крови впитал раскаленный щебень.

Покончив с очередной проделкой шимнусов, Норбу Римпоче обратил просвещенное внимание на развалины, окруженные засохшим кустарником и черными, словно обуглившимися стволами неведомых деревьев. Он впервые видел такие уродливые колонны из белого камня, похожего на затвердевший сыр, и такие без всякой на то надобности заверченные лестницы. Недаром обнаженные изваяния подозрительно смахивали на дакинь — любительниц крови. Опытного охотника за чертовщиной ничем не проведешь! Йог сразу догадался, что перед ним убежище прета — омерзительных созданий, обреченных за грехи на вечный голод.

Преисполненный отваги, как Дон Кихот, завидевший ветряную мельницу, он подтянул сползшую с плеча шкуру и устремился в атаку. Фортификационные сооружения врага человеческого были не в силах сдержать праведный натиск. Ороговевшие пятки топтали колючую проволоку, растирая ее в кирпичную пыль, а ломкие лепестки штамбовых роз опадали, как сажа, от невесомого касания монашеского плаща. Волосатые пауки-птицеяды, оплетшие провалы арок, поспешно забились в дыры и трещины. Богомолы, попадав с ломких ветвей, притворились мертвыми.

Блуждая в сумрачных коридорах, заваленных битым камнем и кусками обвалившейся штукатурки, Норбу заметил светлый клинышек под неплотно прикрытой дверью, чудом сохранившейся средь развала и запустения.

Дверь отворялась внутрь, и монах, осторожно нажав на нее плечом, не без любопытства заглянул в комнату. И то, что внезапно открылось в сандаловом дыму, до глубины души потрясло бедного отшельника, привыкшего, казалось бы, к лицезрению всевозможных фантасмагорий и давно победившего плоть.

С первого взгляда узнав в тройке пляшущих апсар[1] белую леди, с которой ехал из «Тигрового логова» в дзонг «Всепоглощающий свет», Норбу понял, что даже шимнусам не под силу подобное чародейство. Очевидно, сам Мара, демон смерти и темного вожделения, вознамерился скрыть за ложной завесой картины «другого берега». И этот бородатый служитель зла — Норбу сразу разглядел в Аббасе реальный человеческий образ — послан, чтобы питать своей жизненной силой омерзительных духов, принявших женское соблазнительное обличье. Всматриваясь в отуманенные курениями очертания, йог не знал, чему больше дивиться: белой леди, услаждавшей бесстыдным танцем головореза в чалме, или невиданной дьяволице с темной, как старая китайская бронза, кожей. Эта адская шакти была прекраснее всех! Она танцевала, дразня острым розовым язычком, с наслаждением, в самозабвенном порыве, и каждый мускул, каждая складочка ее налитого неистовством тела упруго дрожали в такт танцу. Казалось, что миры рождаются и гибнут под ногами этой богини, черной, как Кали, властительницы любви и смерти. Ни шимнусами, ни прета не под силу было сотворить подобное наваждение.

Собрав все мужество, Норбу Римпоче твердо переступил через порог. Оставляя на голубом ворсе ковра отпечатки пропыленных подошв, он внедрился в мистический хоровод и, улучив мгновение, дунул в лицо чернокожей. Прямо в ее чувственный, плотоядно оскаленный рот, где огненно трепетало жало.

Безотказное заклинание разрушило образ, сотканный из частиц света. Используя эффект внезапности и сотворив в помощь себе сияющую сапфиром проекцию нирманического[2] будды, отважный воитель распылил на внечувственные элементы вторую апсару и погнался было за третьей, кощунственно скопированной с доброй леди Джой, но был остановлен угрожающим толчком в спину.

Аббас, не успевший довести свой сераль до канонической четверки, жаждал мести. Столь скоропалительное сокращение не только угрожало ему полным одиночеством, но и было прямым вызовом, непозволительным вмешательством в святая святых.

Очнувшись от первоначального шока, он вскочил на ноги, зубами сорвал повязку — боли в прибинтованной к телу руке не ощущалось — и схватил неразлучную Ми-16. Приперев монаха к стене, точно жука булавкой, он, не отводя оружия, спросил:

— Ты кто?

Норбу языка белых людей не понимал и потому безмолвствовал.

---

[1] Небесная танцовщица.

[2] Иллюзорный будда.

— Отвечай, или я проделаю в тебе такую дырку... — Не находя подходящих слов, Аббас не закончил угрозы и на всякий случай повторил вопрос по-китайски.

Но для медитирующего, а потому не шибко преуспевшего в учености монаха речь северных соседей тоже была тайной за семью печатями.

Вероятно, Норбу Римпоче, даже если бы он обладал необходимыми лингвистическими навыками, едва ли снизошел до беседы с посланцем преисподней. Приневоленный к абсолютному бесстрашию постоянным лицезрением леденящих кровь картин гибели мира, он не боялся смерти. Здесь, в преддверии блаженного несуществования, она мнилась желанным знаком скорого освобождения.

Он без слов понял, что означает и на каком языке говорит давящий под левой лопаткой металлический холодок. Мгновенный переход к вечному несуществованию от мучительных коловращений санскары именно теперь казался легким и соблазнительным. Без томления, которым перед расставанием смущает душу земная преходящая прелесть, но и без нетерпения Норбу Римпоче ожидал выстрела.

Он ощутил, как безжалостно кромсает его совершенную плоть разрывная пуля на выходе, с первым прикосновением стали, за много растянутых мгновений до того, как Аббас Рахман клацнул предохранителем, за целую кальпу до заключительного движения руки, отмеченной клеймом убийства.

Зная по опыту, что в маленьком раю, которого удостоился за искреннюю веру и благочестие, все будет так, как ему захочется, и бессловесные гурии вернутся по первому зову, Аббас не хотел смерти языческого дервиша.

Наслышанный о мощи здешних колдунов, он до дрожи боялся их кровожадного гнева. По здравом размышлении дервишу, из чистой глупости сунувшему свой нос в чужие дела, следовало бы попросту дать коленом под зад. И тут же забыть о нем под усыпляющий рокот струн и сладостные извивы гурий, не знающих, что значит прекословить мужчине. В этом зачарованном дворце, где время остановило свой бег и болезни не властны над человеком, можно позволить себе великодушный каприз.

Однако и с вызовом, брошенным его мужскому достоинству, Аббас не мог примириться. Обуреваемый противоположными порывами, он простоял довольно долго, пока занемевший палец сам собой не надавил на спусковой крючок.

Аббас мог поклясться именем Аллаха, что не хотел этого.

Перед вспышкой, молниеносной, как проблеск затвора в мгновенной съемке, Норбу привел дух в состояние безраздельного отвращения к любым проявлениям чувственной жизни. Он погасил в себе все человеческие желания и даже то высшее устремление к слиянию с непостижимым.

Подкрепляя решимость привычным видением громоздящихся до неба, где незакатно сияли луна и солнце, костяков, он не давал сознанию, скользящему у самых границ памяти, окончательно кануть в небытие. Образ грозного повелителя смерти удерживал его у края бездны. Пытаясь объять всю непомерную власть Ямы и сгибаясь под ее ношей, Норбу очищал душу от накипи желаний, как очищают тело от скверны и нечистот.

И тогда краеугольные основы мироздания, которые человеческий мозг воспринимает раздельно, соединились для него в неизреченную общность. Слились стихии и соответствующие им цвета, направления в пространстве и отвечающие за них за всех чувства и органы чувств человека, и знаки зодиака, и локопалы — хранители мира, и будды созерцания, эманирующие этот призрачный мир.

Он летел в бездонную непроглядную яму, смутно помня последним трепетом угасающей памяти, что это и есть шуньята, единственно сущая пустота.

XIX

На четвертые сутки объединенный отряд пересек пустыню и вышел к реке, слепо мечущейся в каменном хаосе. Над отуманенным ущельем, где терялся последний извив, дрожала сумрачная радуга. Горы, заслонившие половину Вселенной, поднимались прерывистыми уступами. Сразу за галечным мысом и лесистыми высотами на другом берегу темнели помеченные снежной клинописью хребты. Их самые дальние, бесплотные почти ярусы незаметно переходили в неправдоподобную, лишенную проблесков и теневых складок завесу. И только вершина, вознесенная над встающим где-то по ту сторону солнцем, слепила глаза мастерски отмеренным хрустальным сколом. Никем не покоренная вершина Сияма-Тары.

Смит, ехавший впереди, направил лошадь вдоль берега. Остальные бездумно последовали за ним. Прожитые в долине дни наложили на людей неизгладимый отпечаток одиночества. Притупилось любопытство, почти исчезло желание говорить друг с другом, делиться впечатлениями, обсуждать планы. Ощутимое присутствие некой силы, сторожащей спрятанные в потаенной глубине образы и движения, порождало взаимную отчужденность. Но было и иное — прямо противоположное. Мысли, которые каждый таил в себе, нередко оказывались созвучными, и принятое кем-нибудь решение возникало как бы итогом общих раздумий, молчаливо согласованным выбором. Так, собственно, произошло и на сей раз, когда Смит, бегло окинув местность, повел караван в ущелье.

Невесомая водяная пыль приятно освежала лицо. Несмотря на высокую влажность, дышалось легко и как-то на удивление сладко. На губах чувствовалась то ли первозданная свежесть высокогорных проталин, то ли медвяная роса альпийских лугов. Шум бегущей воды, разбивающейся о глянцевитые валуны, и рокот гальки сливались в однообразную убаюкивающую мелодию. Сами собой закрывались глаза, уставшие от поляризованного света, завороженные радужным переливом над влажными скалами и дымкой редколесья.

Выхода из ущелья не было. Поток, растекаясь на просторе пенными прядями, безнадежно терялся во мраке пещер.

Один за другим всадники спешились, вручив поводья шерпу. Согнав навьюченных яков в кучу, Анг Темба раскупорил бамбуковую бутылку с чангом. Допив до последней капли, он опустился на корточки и принялся чертить на земле янтры, защищающие от злых чар. Затем, повернувшись лицом к горам, пропел заклинания, надвинул шляпу на нос и почти демонстративно погрузился в дремоту. Разве он не предупреждал заранее, что не знает здешних дорог?

Скользнув взглядом по вертикальной стене, источенной кавернами и до блеска отшлифованной талыми водами, Валенти вынул бинокль и нацелил его на грот, затянутый почти сплошной сетью ползучих растений. Над сводом ясно виднелся высеченный и слегка оконтуренный охрой конь с лучезарным чандамани[1] на высоком седле. Сам по себе счастливый символ еще ничего не значил и едва ли служил дорожным указателем. Скорее всего, просто отмечал кому-то памятное место.

Валенти развернул сокровенный свиток и попытался сверить его с местностью. Стилизованная гора на танке и один из ручьев, исчезавших в недрах, могли бы подсказать верное направление. Трудность заключалась, однако, в том, что мандалу нельзя было с полной уверенностью сориентировать по странам света. Верх ее мог указывать и на восток, и на юг, а цвет, отвечающий направлению, зачастую обманывал.

Пока профессор колдовал над свитком, Макдональд развернул рацию и настроился на нужную частоту. Приближалось время, когда включался неведомый источник, успевший снискать репутацию надежного ориентира.

— Не размять ли немного косточки? — блаженно сощурился Смит, увлекая Джой в сторону от реки. — Прелестное местечко! — подхваченный волной неожиданного влечения, кивнул он на каменную россыпь с жалкими пучками травы. — И даже цветы есть!

Она молча пошла рядом, не разделяя преувеличенных восторгов спутника. Однако и в ней что-то неуловимо переме-

[1] Легендарный камень, исполняющий все желания.

нилось. Захотелось раскрыть душу, облегчить откровенным признанием глубоко упрятанную растерянность.

— Вам не надоело блуждать по горам и пустыням? — спросил Смит, вручая скромный букетик розовых первоцветов.

— Не то слово, Роберт! — бросила она в сердцах. — Будь моя воля, я давно бы вернулась назад. Но вы же видите, Томазо невменяем!

— Как я, как Чарли, как все мы, — невесело пошутил американец. — А что делать?

— Делать, конечно, нечего, — Джой раздраженно тряхнула головой. — Нужно обязательно разбить лбы о стену, в которую мы так кстати уперлись! — Поправив разметавшиеся волосы, она безнадежно махнула рукой. — Какая же я была дура!

— О чем вы, Джой! — Смит участливо коснулся ее плеча. Тонкий запах духов и нежданная острая нежность перехватили дыхание.

— Так. — Она вновь отчужденно замкнулась. — Пустяки, Роберт, не обращайте внимания.

— А мне-то казалось, что вы совершенно счастливы, — словно бы оправдываясь, прошептал он.

— Вы ошибались, — сухо заметила Джой, поворачивая назад, но внезапно замерла на месте. — Что это, Роберто? — прошептала, указывая на небо.

Смит поднял голову. Там, в студеной, продутой дикими ветрами синеве, всходила неведомая планета. Резанув глаза металлическим блеском, то зеркальный, то почти черный чуть сплюснутый шарик косо прочертил небосвод и скрылся за нерушимой и вечной стеной льда. Пораженный американец успел лишь увидеть, как пересеклись на нем, образовав косой крест, колючие лучи еще невидимого солнца[1].

Макдональд, поймавший в этот момент вожделенную помеху, так и застыл на месте с поднятой головой и полуоткрытым от удивления ртом. Один только Валенти, сопоставлявший синий сектор дхяни-будды[2] Акшобхии, ответственного за восточные пределы мироздания, с камнем чандамани на конском седле, ничего не заметил.

— Видели?! — воскликнул Смит, подбегая к компаньону.

Макдональд молча затряс головой.

---

[1] По-видимому, именно это явление описал Н. К. Рерих в книге «Сердце Азии»: «И мы замечаем: на большой высоте что-то блестящее движется от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольдта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: "Знак Шамбалы"».

[2] Будда созерцания *(санскр.)*.

— Что это... было? — прошептал он, замедленно обретая дар речи.

— Любите научную фантастику? — брезгливо ухмыльнулся Смит.

— Ну, люблю!

— Тогда вы все и так знаете.

— Неужели...

— Да-да, это самое! — нетерпеливо перебил Смит. — Космический корабль, автоматический зонд, аварийный буй — думайте, что хотите.

— Вы тоже были свидетелями, джентльмены? — приблизился со свитком в руке Валенти, которому Джой успела поведать о происшествии. — Полагаете, летающая тарелочка? — Он насмешливо блеснул зубами.

— А вы? — хмуро спросил Смит.

— Лично мне, хоть я и не был счастливым очевидцем, более по душе иное объяснение.

— Какое же? — отчужденно полюбопытствовал Смит.

— Припомните-ка учение калачакры. — Профессор довольно потер руки. — Истинно сказано: «Знаками семи звезд отворятся врата...» Вот, извольте. — Он ловко развернул свиток. — Эта река, — показал лазуритовую жилку, тянущуюся среди беленых горбов, — течет на юг...

— На юго-восток, — уточнил Макдональд.

— А вы откуда знаете? — изумился Валенти.

— Знаю, — мягко, но с той неподражаемой властной интонацией, которая обычно отбивает охоту к дальнейшим вопросам, констатировал Макдональд. — Мы пойдем туда, если, конечно, сумеем, — уверенно добавил он и, спохватившись, предупредительно улыбнулся. — Вы, кажется, что-то хотели сказать, профессор?

— Я? — Валенти сдвинул брови. — Ах да, в самом деле! — Мгновенно восстановив мысль, он прояснел взором. — Просто я хотел поздравить всех нас, джентльмены, с прибытием в Шамбалу. Ты слышишь, Джой? — Найдя взглядом жену, стоявшую у воды, тут же успокоился и забыл о ней.

— Куда? — недоверчиво прищурился Макдональд.

— В Шамбалу. В Беловодье. В Калану! Итак, джентльмены: Калагия! Приди в Шамбалу! Был явлен последний знак, еще раз поздравляю. Надеюсь, после всего, что с нами случилось, вы не станете сомневаться?

— Я лично не стану, — уныло поморщился Смит, поправляя очки.

— А я тем более, — ободряюще подмигнул ему Макдональд. — Благо вообще первый раз слышу о Шамбале.

— Честно говоря, я до последнего момента не верил, — признался Валенти. — Полагая, что Шамбала — это искаженное Чампала, то есть перевал Майтреи, я считал ее своего рода метафорой.

— А ваша экспедиция? — напомнил Смит. — Стоило ли переться в такую даль ради метафоры?

— Должен же я был убедиться в своей правоте? — Валенти недоуменно развел руками. — Игра, поверьте, стоила свеч. Теперь я знаю, что Шамбала — это не только духовное возвышение, но и...

— Что? — с нескрываемой горечью прервал его Смит. — Что «и»?..

— ...некий комплекс феноменов, которые предстоит исследовать, — как ни в чем не бывало докончил Валенти.

— Браво, профессор! — Макдональд изобразил аплодисменты. — Я целиком на вашей стороне.

— Ничего себе «феномены»! Значит, все, что с нами случилось, было обманом чувств? — то ли с вызовом, то ли с обидой спросил Смит.

— А вы как думаете? — весело ушел от ответа профессор.

— Я так не думаю, но и за обратное поручиться не могу.

— Вполне разумно. Целиком солидарен.

— Если все обман, наваждение, — Смит безнадежно махнул рукой, — то должно допустить, что и «последний знак», как вы поэтично выразились, мог нам просто привидеться. Или нет?

— Вы правы, мистер Смит, — выдержав долгую паузу, признал Валенти. — Недаром в двойственности проявляется иллюзорность мира, как учат толкователи «Махаяны». — Он коротко хохотнул, давая понять, что шутит. — Собственно, и в лхасском монастыре Морулинг, и в Ташилхуньпо, где хранится безымянный труд Третьего панчен-ламы[1] давно пришли к тому, что есть две Шамбалы: небесная и земная...

— Простите, джентльмены, но мне бы хотелось знать более точно, в какой из них мы находимся? — Макдональд с улыбкой прервал ученый монолог. — Я еще жив или уже умер?

— Остроумно! — Валенти одобрительно похлопал австралийца по плечу. — Тогда по коням, друзья, и не будем строить скороспелых гипотез.

Необычайное явление встряхнуло воображение и развеяло на время гнет отчуждения. Отбросив опасения, люди готовы были вновь и вновь обсуждать увиденное. Хотелось верить, что во тьме, где каждый блуждал в одиночку, обозначился спасительный луч. Но только кратким и неуверенным было его обманчивое мерцание.

— Погодите, — встрепенулся внезапно Смит и показал глазами на Джой. Она тихо плакала, стоя возле резиновой лодки, неведомо как оказавшейся на пустом берегу.

---

[1] Упомянутый манускрипт был издан в Англии под заглавием «Путь в Шамбалу».

— Не может быть! — невольно схватился за сердце профессор.

— Увы, — возразил американец. — К сожалению.

— Вы этого хотели, Бобби? — резко спросил Макдональд.

— Сомневаюсь, — отрицательно мотнул головой Смит.

— Значит, вы? — повернувшись к итальянцу, Макдональд, как пистолет, нацелил указательный палец.

— Кажется, хотя точно не поручусь...

— Трехсекционная шестиместная лодка типа «Форель», — определил Смит. — Специально предназначенная для горных рек. Вы видели прежде что-нибудь подобное?

— Да, — кивнул Валенти, машинально обкусывая ногти. — У меня была точно такая же, когда мы исследовали истоки Меконга.

— Развитое воображение, — оценил Макдональд.

— Остается испытать, какова она на плаву, — усмехнулся Смит. — Экипаж подан.

— Все-таки это ужасно! — всхлипнула Джой.

— Или прекрасно, — успокоительно попенял Валенти. — Как не стыдно, ай-яй, милочка!

— Я ни за что не сяду в эту лодку. — Джой нервно закурила. — Хватит с меня...

— Но почему? — огорчился Валенти.

— Так. — Смяв недокуренную сигарету, она присела на гладкий валун и принялась наблюдать за оживившимся с восходом движением по муравьиной тропе.

— Возможно, миссис Валенти будет удобнее остаться с Ангом? — попытался разрядить возникшую напряженность Смит. — Они смогут подобраться к пещерам по карнизу.

— Полагаете, лошади пройдут? — Внимательно оглядев в бинокль крутой склон со свежими следами обрушений, Макдональд недоверчиво покачал головой.

— Кто-то ведь забрался туда, чтобы высечь коня с чандамани? — деликатно возразил Смит. — Конечно, идти кружным путем много дольше, но мы их подождем.

— Если все равно придется ждать, то зачем разлучаться? — Макдональд одарил профессора сочувственной улыбкой. — Или резиновая галоша задела вас за живое?

— Вы правы, — подумав, согласился профессор. — Задела... Мне кажется, мы не должны уклоняться от подобного приглашения, если хотим хоть что-то понять.

— И я так считаю, — горячо поддержал его Смит. — Это как обряд инициаций, который необходимо пройти, чтобы получить доступ к тайнам.

— Или тест, — одобрительно кивнул Валенти.

— Обряд! Тест! Не можете ли вы изъясняться понятнее? — нарочито возмутился Макдональд. — Я не против такой игры, но, прежде чем ввязаться, предпочитаю усвоить правила и оценить степень риска.

— Боюсь, что это игра без правил, — со скрытой горечью заметил Смит.

— Почему? — не согласился итальянец. — У меня скорее создалось впечатление, что мы ведем диалог с неким компьютером, который пытается оценить нас по всем параметрам.

— И даже позволяет корректировать техническое задание на дисплее? — поддразнил Макдональд.

— И превосходно! — Валенти благодарно сложил ладони. — Это лишний раз доказывает, что перед нами не всезнающий бог. Он тоже учится, совершенствуется...

— А жаль! — процедил сквозь зубы Смит. — Я бы предпочел бога... Будду, Христа, даже Люцифера, но только чтоб кто-то был!

— Зачем вам это? — Валенти сочувственно взглянул на американца.

— Иначе все бессмысленно: мы, наши метания, вся эта дикая кутерьма, которую именуют жизнью.

— Ну и что? — по слогам отчеканил профессор. — Природе не присущи ни смысл, ни цель. Будьте благодарны за то, что именно вам выпал проблеск во мраке, и не бунтуйте против нерушимых законов бытия. Ведь вы редкий счастливец, Роберто, несмотря на все ваши горести.

— Я? Счастливец?! — возмутился американец.

— Ти-ти-ти! — осадил его профессор. — Вы, я, мистер Макдональд, моя жена. Во-первых, все мы могли вообще не родиться, а во-вторых, нам выпало счастье столкнуться с непостижимым. Будем же радоваться. Вы согласны со мной, мистер Макдональд?

— Допустим, хотя и точка зрения Бобби мне чем-то близка. Я бы тоже с радостью уверовал в Будду, если бы он был.

— Что касается Будды, я имею в виду Гаутаму, отшельника из рода Шакьев, то он действительно был и благополучно скончался в свой срок. Но едва ли вам подойдет его вера.

— Почему? — с вялым интересом осведомился Макдональд.

— Хотя бы потому, что не обещает личного бессмертия. Философский буддизм, к вашему сведению, куда безутешнее атеизма. Он отнимает у человека не только надежды на будущее, но даже эту, единственно реальную, жизнь. Согласно доктрине дхарм, мы лишь пузыри, случайно промелькнувшие в быстротекущих водах.

— Так оно и есть, — с полной убежденностью заявил Смит.

— Тогда против чего вы восстаете?

— Мне дано было осознать себя, Вселенную, тех, кто мне дорог, и я не могу смириться с беспощадным уничтожением

всего... И вы не можете, Том, и вы, Чарли... Я не верю в спокойную мудрость. Даже звери не хотят умирать.

— Вот именно — звери! — многозначительно подчеркнул Валенти. — Будем же выше зверей, ибо нам дан высший разум... Я полагаю, мы возьмем с собой лишь самое необходимое?

— Если только эта посудина вообще способна плавать. — Макдональд небрежно дал понять, что присоединяется к большинству. — У меня тоже создалось впечатление, что его всемогущество весьма ограниченно. Он способен создать только то, что хорошо знает сам.

— Или то, что по-настоящему знаем мы. — уточнил Валенти.

— В том-то и загвоздка, что мы по-настоящему не знаем почти ничего... Поэтому я предлагаю сперва хорошенько испытать галошу.

— Принято! — Валенти удовлетворенно взмахнул рукой. — Ты слышала наш разговор, дорогая? — наклонившись к жене, тихо спросил он по-итальянски.

— Слышала, — хмуро кивнула Джой, убирая былинку, перегородившую муравьиную трассу. — Только я хочу домой, Томазо. Ты не вправе удерживать меня против воли.

— Но я не могу отпустить тебя одну!

— А я и не поеду одна. Мы возвратимся вместе. Проводи меня хотя бы до перевала, а там поступай, как знаешь.

— Теперь? Когда до разгадки остался последний шаг?! Это жестоко, девочка!

— Жестоко доводить меня до умопомешательства! — крикнула она шепотом. — Как ты не понимаешь?

— Хорошо. — Валенти обреченно склонил голову. — Дай мне еще пять, от силы шесть дней, и мы вернемся.

— Ты хочешь обследовать пещеры?

— Там обязательно должен быть проход.

— И ты уйдешь, даже не попытавшись заглянуть? Не верю!

— Я дал слово и держу его. Только шесть дней, от силы неделя...

— Ведь все равно мы ничего не поймем, только еще больше запутаемся в кошмарах! — Она отвернулась, скрывая вновь переполнившиеся слезами глаза. — Это так жутко — ощущать себя муравьем!

— Муравьем! Почему муравьем, дорогая?

— А разве мы не муравьи для них, Томазо? Не подопытные букашки?

— Ты думаешь...

— Да-да! — Она всхлипнула, сжав кулачки. — Ты сам знаешь, кто это...

— В том-то и дело, что не знаю. Могу лишь догадываться.

— Знаешь, — Джой указала на сверкающую под солнцем вершину, — ты же видел их там.

— Положим, я-то как раз и не видел...

— Не надоело притворяться? — Она раздраженно повела плечом. — Нет, мой дорогой, ты прекрасно все понимаешь.

XX

Пороки конструкции и скрытые в материале дефекты обнаружились слишком поздно, когда ничего уже нельзя было изменить. Сначала не выдержало весло, и, едва Макдональд попытался миновать скалу, на которую их неудержимо несло, алюминиевая лопасть, чиркнув о камень, отвалившись, пошла на дно. Некоторое время почти неуправляемая лодка сравнительно благополучно влеклась по течению, натыкаясь на валуны и царапая надувные борта о всевозможные шероховатости и острые кромки.

Когда же, получив рваную рану, суденышко накренилось и приняло сотню литров ледниковой воды, выяснилось, что резина не держит давления и драгоценный воздух невозвратимо улетучивается сквозь микроскопические поры.

— Вы имеете хоть малейшее представление о корде, о структуре эластомеров? — не удержался от упрека Макдональд, чувствуя, что безнадежно промок.

— А вы? — стуча зубами, огрызнулся Валенти.

— Черт бы побрал вашу выдумку! — Вконец продрогший австралиец налег грудью на приспущенный борт, отчего лодка качнулась в другую сторону и, заполоскав на стремнине днищем, вдруг легла на бок.

В мгновение ока люди и груз были смыты турболентной струей. Их завертело в неистовом водокруте, ударило о скальный створ, где кипела нечистая пена, и понесло, то затягивая в бездонные омуты, то выталкивая на поверхность.

Первым очнулся Макдональд. Отодвигаясь от огня, порядком подкоптившего ему правый бок, он со стоном перевернулся. Едва понимая, что с ним, уставился на озаренный багровыми отсветами каменный свод, откуда срывались, падая в гулкую пустоту, тяжелые, как стальные шарики, капли. Затем он увидел костер и два распростертых тела поодаль, над которыми клубился пар. До рези в глазах пахло пометом летучих мышей. С трудом проглотив рвотную спазму, австралиец подполз к лежавшему ничком Валенти и попытался его перевернуть. Истратив в бесплодных попытках остаток сил, оставил грузного итальянца в покое. Отлежавшись немного, он с радостью обнаружил, что избитое тело перестало болеть, дыхание восстановилось, а сердце обрело привычный ритм.

Вскоре он смог без особого труда встать и оглядеться. Оба его спутника, были, по-видимому, живы, потому что, переменив положение, сумели самостоятельно отодвинуться от кост-

ра. Они либо пребывали в глубоком обмороке, либо беспамятство незаметно перешло в сон.

Часы, побывав в ледяной купели, стали, несмотря на гарантированную водонепроницаемость. В далеком проломе входа подрагивали чуть различимые звезды.

«Сколько же времени прошло?» — спросил себя Макдональд, и по тому, как засосало под ложечкой, понял, что много.

Уловив дразнящий аромат поджариваемого мяса, одолевший мышиное зловоние, он нашел сложенный из закопченных камней грубый очаг, где томилась, истекая шипящим соком, здоровенная баранья нога. Немного поодаль доходило до нужной кондиции сакэ, разлитое по японскому обычаю в оловянные кувшины, а в глиняном горшке лоснился обильно политый оливковым маслом рис, перемешанный с мидиями.

Жадно глотнув теплую водку прямо из горла, австралиец сплюнул на зашипевшие угли и злобно сквозь зубы выругался.

Оказавшись волей судьбы в Токио, он пил такую же мягкую и чуть сладковатую жидкость, которую подогревали точно в таких же старинных сосудах. Но это было бы еще полбеды. Хуже обстояло дело с ризотто, которым Макдональду довелось однажды полакомиться в Фамагусте.

Припомнив дурацкую песенку Смита, он крепко задумался. Здоровый инстинкт подсказывал, что нужно как можно быстрее сматывать удочки.

«Если только не поздно. — Он с отстраненной трезвостью оценил положение. — И не было поздно вчера, позавчера и еще тогда, на римской вилле...»

Нудно царапнуло сожаление о контейнерах, оставленных на попечение шерпа, и почти сразу же болезненно затрепетала надежда. Мысленно повторив параметры алмазной решетки, Макдональд сосредоточился на огранке и, как там, на вилле, зримо представил себе мерцающие груды, и голубые искры, и радужный нестерпимый муар.

Но ничего не произошло на сей раз. О н и — теперь Макдональд думал во множественном числе — явно пресытились однообразной забавой.

Непрошенная, совершенно дикая мысль ожгла лицо перегретым паром.

«П о ж е л а л, — просочились в душу слова, как болотная жижа сквозь щели прогнившего пола, — и продал душу, и больше нет дороги назад».

Какая, однако, чепуха лезет в голову... Прочь глупости! Спокойно поесть, стараясь получить удовольствие, просушить на огне одежду и спать, спать...

Пробудился он поздно, когда в кипящем солнечном жерле мелькали упоенные безграничной свободой стрижи, а порож-

дения мрака — нетопыри, сложив костлявые крылья, висели вниз головой в темных дырах.

Смит и Валенти уже поднялись и что-то нехотя ели у остывшего очага. Вчерашний всплеск, когда так хотелось выговориться, до чего-то совместно дойти и ощущение общности кружило головы непривычным хмелем, испарился, оставив лишь сожаления об излишней откровенности, будто тягостное похмелье. Словно опасаясь неосторожно проговориться о чем-то бесконечно постыдном, люди спрятались под привычными масками и замкнулись в себе.

Дальний рассеянный ореол явно указывал на сквозной проход, но никто не проявлял вчерашней лихорадочной спешки, сменившейся внезапным оцепенением, заторможенностью души.

Туманные мечты, непроизвольные надежды, неконтролируемые разумом желания — все стало безмерно опасным. Привычная, протекающая как бы вне нашего «я» работа разума уподобилась слепому блужданию по минным полям. Каждую минуту мог произойти роковой взрыв. Опасность таилась в соседе, в себе самом, а больше всего — в откровенности, когда спадали оковы и усыпали невидимые сторожа.

— Как вы себя чувствуете, Чарли? — с великосветской предупредительностью осведомился Смит, заметив, что компаньон не спит.

— Благодарю вас, а вы?

— Отлично, Чарли, как всегда... Вы не голодны?

— Нет. — Все сразу припомнив, Макдональд решил, что не стоит тянуть с развязкой. — Я, знаете ли, решил выйти из игры, джентльмены. Поворачиваю назад.

— Возможно, вы и правы. — В голосе итальянца проскользнуло облегчение. — По-своему, разумеется. А вы, Роберто, не изменили решения?

— Я пойду с вами, Том.

— Тогда прошу вас, дружище, позаботьтесь о Джой! — Валенти порывисто наклонился к австралийцу, собиравшему разложенную на камнях одежду. — Если я, если мы, — поправился он, — не возвратимся, скажем, через неделю, помогите ей, ради Бога, вернуться в цивилизованный мир.

— Сделаю все, что смогу, профессор, — пообещал Макдональд. — Можете на меня положиться, хотя я уверен, что мы вскоре увидимся.

— Мы не увидимся, — как бы про себя, но достаточно громко промолвил Смит.

Очнувшись прежде других, он почти ощупью обследовал туннель и обнаружил площадку, откуда начинался не слишком удобный, но вполне приемлемый спуск в зеленую благоухающую долину. С высоты птичьего полета отчетливо были видны дикие мускатные рощи, фисташковые леса с чуткими оленями и необъятный луг, перерезанный извилистой лентой реки. А

дальше, слепя радугой, шумели голубоватые водопады, и белые лотосы в заросших прудах счастливо трепетали под ветром, и капли, вспыхивая звездой, перекатывались в чашах восковых совершенных листьев. Прямо из воды, где жадно сновали пестрые рыбы, и стрекозы, распластав слюдяные крылья, дремали на всплывших с рассветом кувшинках, поднимались изъеденные веками ступени. Бесконечная лестница с драконами вместо перил вела в гору, теряясь в зарослях буйно цветущей чампы.

Вдохнув прохладный, напитанный сумасшедшим благоуханием ветер, Смит упал на колени и, сложив ладони, как когда-то учила мать, пробормотал благодарственную молитву. Забытые с детства слова сами собой пробудились в мозгу и наполнились обновленным, неосознанным прежде смыслом.

Он уже знал, что там, на вершине, в непроницаемой тени старого баньяна, его ждут и взволнованно готовятся к скорой встрече. И лишь чувство долга заставило его вернуться в сырость и смрад пещеры, чтобы навсегда попрощаться со спутниками.

Проводив Макдональда, Смит и Валенти начали деловито собираться в дорогу. Оказавшись вскоре на площадке, профессор закрылся от солнца рукой. За мускатными рощами, за рекой с ее водопадами и лотосовыми старицами, за горой, накрытой одиноким баньяном, многоствольным, как лес, Валенти увидел пять заснеженных пиков.

Эта была великая Канченджунга[1], и где-то там, у подошвы, окутанной клубами желто-зеленых паров, скрывался тайных вход в заповедную страну. Серебристо-серый титановый шар с неуловимым голубоватым отливом бесшумно скользил в завороженной тишине.

— Это сур, — с мимолетной улыбкой пояснил Валенти, направив бинокль на ядовитое облако. — Он охраняет Шамбалу.

— Вот как! — безучастно ответил Смит.

Еще совсем недавно одно лишь упоминание о таинственной стране ввергало его в лихорадку догадок, но теперь он и так знал все, что должен был знать, не испытывая потребности делиться с другими. Прежняя жизнь окончательно померкла, а вместе с нею умерло любопытство.

— Я уверен, что мы сумеем одолеть эту последнюю преграду! — Сдерживая радость, профессор с нарочитой медлительностью убрал бинокль.

— Да сопутствует вам удача, Том. — Смит ободряюще сомкнул пальцы кольцом. — Уверен, что все будет о'кей.

— Разве вы меня покидаете? — Валенти разом увял. — Но почему, Роберто?

[1] Канг-чен-цзод-нга, или «Пять сокровищ великих снегов».

— Так надо, мой добрый учитель. Мы расстанемся с вами вон у той лесенки... Видите? Она вся усыпана белым цветом.

— Я найду вас там на обратном пути? — с нажимом спросил Валенти, заглянув Смиту в глаза.

— Не знаю... — Смит отвел взгляд. — Попробуйте...

— Что ж, пойду один. Я должен узнать, что там, и я узнаю.

— Меня тоже постоянно подгоняло беспокойное чувство долга. Но теперь, Том, я окончательно понял, что никому ничего не должен. Даже себе самому.

— И не почувствовали себя беднее?

— Беднее? Вы шутите, Том! Я сделался нищим, обобранным до последней нитки!.. Но это подарило мне удивительную свободу.

— Тогда прощайте, дружище. Мне нечего вам больше сказать.

— Прощайте, синьор!

Они обнялись, постояли, приникнув друг к другу с минуту, и разошлись, ибо для каждого нашлась своя ниспадающая тропа.

XXI

Джой уже не хотела этих ночных встреч, с их надрывом и горькой изнурительной нежностью, не достигавшей зенита. Но Гвидо всякий раз заставал ее врасплох, возникая в глухой предрассветный час, когда явь безнадежно отравлена свежей памятью сновидений. И она не находила в себе сил прогнать его.

Ощутив чужое присутствие, Джой с тихим стоном разлепила припухшие веки и включила фонарь. Гвидо сидел у изголовья, пристально разглядывая ее всю, еще не совсем проснувшуюся, с розовой отметиной на виске и спутанными волосами.

Его тонкие пунцовые, как у девушки, губы были слегка раздвинуты в той неуловимой ироничной, чуточку грустной улыбке, которая так волновала когда-то Джой. Как всегда, на нем были белые вельветовые джинсы и черная, с закатанными рукавами, плохо выглаженная сорочка.

Таким он запомнился ей в их последний вечер на улице Кондотти. Можно было подумать, что с тех пор прошли не годы, а считанные часы... Натянув на себя плед, Джой краем глаза глянула на его смуглые волосатые руки. Нет, он явно не страдал от холода и, невзирая на ночные заморозки, продолжал разгуливать налегке. Очевидно, делал это сознательно, чтобы лишний раз уязвить напоминанием.

Глупый... Разве сможет она позабыть о том, как зашаталась под ней земля? Как почернело, съежившись, небо и все

наполнилось такой до тошноты безысходной болью, что даже на плач не хватало дыхания? Если бы разреветься тогда и поползти по полу, разбивая в смертной тоске костяшки сведенных судорогой пальцев. Если бы кричать ему прямо в лицо все то, что рвало ее на части! Но не получилось. Очень уж он был бледен, и жалко подрагивала пушистая родинка на его подлой щеке. Он ведь спешил поскорее закончить дело, волновался, бедняжка...

Да залей она слезами фаянсовый умывальник или в кровь размажься по потолку и стенам, он все равно бы ушел от нее. Ничего нельзя было изменить ни тогда, ни потом. Едва он, давясь, покончил с каштанами, купленными на площади Испании, и забарабанил пальцами по клеенке стола, Джой уже знала, что ей предстоит услышать, и даже догадывалась, в каких словах. По какому же праву смеет он о чем-то напоминать, лезть с упреками, требованиями? И знала — смеет. И с замиранием ждала, чувствуя, как от пальцев на ногах поднимается наркотический холодок. Ей не было неприятно, скорее, наоборот, она испытывала отрадное забытье. Страдал, да и то наплывами, один только мозг, проигрывая в который раз заезженную пластинку, а остальное, в чем еще держалась душа, онемело под местной анестезией.

При свете дня Джой отдавала себе отчет в том, что ее преследует наваждение — и здесь, в неизведанных дебрях, нет и не может быть никакого Гвидо. Успокаивая себя, она даже пыталась вообразить его таким, каким он стал, наверное, в действительности: слегка полысевшим, обрюзгшим, с округлым брюшком.

Но жизненная реальность видения, его полная осязаемость и достоверность были сильнее доводов рассудка. Тем более что в краткие минуты свиданий критическое начало как бы оставляло Джой, отступая в сумерки подсознания. И все же она решилась на небольшой опыт, украдкой испачкав белые джинсы губной помадой. Когда на другую ночь Гвидо явился с красной полоской на заднем кармане, простроченном узорным швом, она прекратила сопротивление. Признать себя сумасшедшей Джой, разумеется, не хотела. Против этого явно свидетельствовали как собственные ощущения, так и те странные происшествия, о которых она сумела кое-что узнать от других.

Для верующей, хоть и не слишком набожной католички куда проще было смириться с существованием рая, где исполняются мечты, чем с умопомешательством. Вопрос о том, почему даже в стране блаженных люди продолжают страдать и мучить друг друга, не слишком долго занимал синьору Валенти. Во-первых, это был чужой рай, созданный для существ, лишенных благодати искупления, во-вторых, она, Джой, находилась в самом расцвете лет и не достигла той грани, за которой для человека уже не остается никаких тайн.

— Скажи мне правду, — взмолилась она, кое-как причесавшись и приведя в порядок глаза. — Ты жив или же умер и теперь преследуешь меня, неизвестно за что?

— Я жив, и ты это знаешь, — глухо ответил Гвидо, осторожно беря ее руки в свои. — Озябла как! — Он попытался согреть ей пальцы дыханием.

И это тепло, и пар из его рта убеждали сильнее любых слов. Тем более что и слова звучали как-то особенно. Да и не звучали они вовсе, а словно бы, минуя слух, под действием одного лишь взгляда всплывали в мозгу.

Как можно было не поверить т а к и м словам!

— Зачем же ты мучаешь меня? — простонала Джой, касаясь губами его вьющихся жестких волос. — Что я тебе сделала, Гвидо?

— Ты не мне, ты себе сделала, — вновь отозвался в ней его голос. — Зачем, ну зачем ты вышла замуж за старика?!

— Ах, опять ты об этом.

— Да, опять и опять!

— Но он вовсе не старик!

— Пройдет пять лет, от силы десять лет, и он превратится в развалину.

— А разве я останусь на месте? Разве я не состарюсь с ним рядом, глупыш? Такова судьба человека.

— Нет, тебе еще долго быть молодой, — убеждал Гвидо, и все в ней вторило: «Правда! Правда!» — Ты подумала, что станешь делать тогда? Как жить? Как справляться с собой, еще молодой, неостывшей, ты задумывалась об этом? Отвечай!

«Как он прав! — обмирала внутренне Джой. — Он словно читает мои мысли!»

— По какому праву ты требуешь от меня ответа? — пыталась она противостоять на словах. — Кто ты такой наконец?!

— Ты знаешь, — глухо отвечал он.

— Знаю, — тихо смирялась она, ибо была перед Богом женой этого человека и совершила непростительный грех, дав святые обеты другому.

— Вот видишь!.. Что же ты сотворила с собой, Джозефина?

«Но разве ты не покинул меня? — хотела спросить она в свою очередь. — Разве не бросил, как старую тряпку, ради первой попавшейся?..»

И как тогда, в их мансарде на улице Кондотти, язык не повиновался Джой. Взметенные горестной вспышкой расхожие понятия: «тряпка», «бросил» и то омерзительное, обидное, что вовсе не отлилось в слово, все это было чужим, посторонним. Пошлость не смела касаться ее безмерной потери, пятнать грязью ее безжалостно раздавленную мечту. И немота, и подкативший к горлу прилив.

— Что ж ты молчишь, моя родненькая? — всхлипывал он у нее на груди. — Я же так любил тебя!

— Ты? Любил?!

— Если ты видела, что я ошибаюсь, то почему не остановила, почему не вернула меня?

— Почему?

— Да, почему?

— Разве можно хоть что-то вернуть? Или ты не переступил через меня, мертвую?

— И ты поверила!

— Как не поверить своим глазам!

— Лучше бы выколола мои! Отчего ты не дождалась меня? Зачем так непоправимо поспешила?

— Я не знаю, как отвечать тебе! — прокричала она сквозь слезы, растопившие смерзшийся в горле ком. — Пожалей меня хоть немножко...

— А ты меня пожалела? Я вернулся и не нашел тебя в нашем доме... Ты думаешь, мне было легко?

— Бедненький...

— Это все, что ты можешь!

— Чего же ты хочешь, скажи!

— Пойдем домой.

— Но у нас с тобой нет больше дома.

— Если есть мы, значит, будет и крыша.

— Но я не одна... теперь, милый.

— Разве ты любишь его?

— Он мой лучший, единственный друг.

— Это только слова. Ты его никогда не любила.

— Что же нам делать, когда все так безнадежно запуталось?.. Ты ведь тоже женат, мой родной?

— Это уже не имеет значения... Важно только одно: хочешь ли ты, чтобы мы опять были вместе?

— Разве можно зачеркнуть прожитые годы? Вернуться в прошлое, словно в оставленный дом? В нем живут чужие люди. Для нас не осталось там места.

— Наш дом ожидает нас, Джозефина.

— Какой дом, мой бедный Гвидо? Нашу квартирку под крышей заняли другие жильцы. Я видела их однажды.

— Где?

— У самых ворот. Они вышли гулять с детишками.

— Значит, ты приходила на нашу улицу?

— И не раз.

— Я тоже часто приходил туда, надеясь увидеть тебя, Джозефина. И ждал на площади, сидя на ступеньках, где молодые художники рисуют портреты туристов.

— И я там сидела, знаешь, возле того вазона с померанцем, но ни разу не повстречала тебя... Как ты не побоялся прийти сюда, прямо в палатку, мой Гвидо?

— Я знал, что твой муж оставил тебя.

— Он скоро вернется, самое позднее на третий день.

— Не обманывай себя: он никогда не вернется. Дай мне руку, и я уведу тебя отсюда, потому что одна ты погибнешь. Ты не можешь остаться одна, Джозефина.

— Куда ты тянешь меня? Пусти! Мне страшно...

— В наш дом, дорогая, где я так долго томился в одиночестве, поджидая тебя... Но ты не узнала его.

— Ты говоришь о «доме образов»?

— Не знаю, что это значит.

— Но так назвал Томазо амарантовое палаццо, где я нашла... Это правда, что ты ждал меня там, Гвидо?

— Я знал, что ты вернешься в наш дом, Джозефина.

Утром Джой отыскала шерпа, успевшего опустошить четыре деревяшки чанга.

— Я собираюсь проведать тот дом, мистер Темба. Мне надоело целыми днями ждать и томиться от безделья. Хочу немного проветриться.

— Возьмете яков, мадам?

— Предпочитаю оставить их на ваше попечение. Когда вернется мистер Валенти, скажете, где я, договорились?

— Но я не ожидаю мистера Валенти, мадам, я обязан ждать мистера Смита. — Анг Темба включил дисплей времени на калькуляторе. — Еще четыре дня, мадам. На пятое утро я свободен.

— Это все равно, ведь они ушли вместе... Словом, вы знаете, где меня найти.

— Понятно, мадам. При любых обстоятельствах я зайду за вами на обратном пути. Прикажете принести седло?

— Будьте настолько любезны, мистер Темба, — кивнула Джой, погладив подошедшего пегого мула. — А я пойду собираться.

Она сумела выехать часов около десяти и к полудню пересекла границу пустыни, где негде было укрыться и переждать зной. Безоблачное небо и отраженный от покрытого марганцевым загаром щебня жесткий металлический свет сыграли с неопытной наездницей привычную шутку. Несмотря на широкополый «стетсон» и солнцезащитные очки, темнеющие с увеличением освещенности, она еле держалась в седле. Отяжелевшие веки неудержимо слипались, в висках и затылке ощущалась свинцовая ломота.

Заметив одинокую фигуру, отбрасывавшую густую длинную тень, Джой сперва подумала, что это ей только кажется. Зажмурив измученные глаза, она подождала, пока немного померкнут багровые пляшущие круги, и осторожно приоткрыла трепещущие ресницы. Тень не исчезла. Подхлестнув мула, Джой вскоре поравнялась с изможденной старухой, бредущей неведомо куда по раскаленному камню.

Придержав повод, она хотела было о чем-то спросить убогую странницу, но так и не сообразила, о чем. Голова гудела, как надтреснутый колокол, и сознание заволакивал вязкий туман. Проехав мимо и почти позабыв о встрече, Джой вдруг резко натянула поводья. Тупой пулей ударила в сердце и мозг убийственная догадка.

Джой поняла, кого неосознанно напомнила ей оборванка в разодранной синей блузе и вытертых джинсах. Это была она сама и в своей же одежде, но разом постаревшая лет на пятьдесят или сорок.

Как та мегера в одной из ячеек безысходного колеса человеческих мук, она тащилась на неведомую живодерню, уподобясь потерявшему всякую память скоту.

Джой долго смотрела вслед уходящему будущему.

«Томазо! Любимый, единственный, — шепнула сквозь сомкнутые губы. — Сколь многое ты приоткрыл для меня... Жаль только, поздно. Прости».

Не только разумом, всем существом своим она поняла страшную истину: в этой долине не было смерти для тех, кто боялся умереть.

XXII

Обследовав систему гротов, Макдональд убедился, что попал в ловушку. С обычным при ясной погоде усилением снеготаяния вода в реке поднялась и залила нижние галереи. Теперь, чтобы одолеть встречный напор и добраться до входа, требовался по меньшей мере моторный бот, а не резиновая галоша. При известном усилии выбраться из пещеры можно было только по потолку, подобно мухе или какой-нибудь ящерице. Макдональд зажег факел и придирчиво осмотрел сочащийся влагой сталактитовый свод. Работа предстояла немалая. Чтобы надежно забить скальные крюки, необходимо было расчистить хрупкие карстовые натеки. И все это должен совершить Макдональд своими собственными руками. После случая с резиновой лодкой не следовало полагаться на «игру ума». Одно дело нарисовать в голове алмаз — чистое вещество с простой структурой, другое — тот же синтетический каучук, точной формулы которого не помнил даже дипломированный химик Смит. Ткани, канаты и прочие полимерные материалы, прочность которых роковым образом зависела от ничтожных дефектов структуры, отпадали поэтому напрочь. Вспомнив случай с веслом, Макдональд вынужден был отвергнуть и сплавы. Он едва ли знал достаточно хорошо их кристаллическое строение и элементарный состав. Получалось, что в помощь себе ему нельзя было «построить» не то что машины, но даже простейшего аппарата, вроде дельтаплана или, допустим, воздушного шара, которому можно без опаски доверить собст-

венную жизнь. Ведь как там ни мудри, а между тонущей лодкой и стремительно падающим стратостатом есть некоторая разница. Особенно жаль было расстаться с идеей дельтаплана. Но Макдональд, хоть убей, не мог припомнить ни единого параметра. Даже угла атаки он не знал, хоть и склонялся к ста десяти градусам. Ничего мало-мальски стоящего на таких основах, разумеется, не создашь. От мысли воспользоваться выходом, ведущим к площадке, с тем чтобы перемахнуть затем через хребет, пришлось отказаться.

Задумавшись, он попытался заново осознать такие понятия, как «желать» или даже «мыслить», но они ускользали от него, превращаясь в оболочку, лишенную какого бы то ни было содержания.

«Как уязвима, однако, цивилизация, — мелькнуло в голове. — Стоит только исчезнуть справочникам, и человеку придется создавать все заново, как какому-нибудь Робинзону».

Сверхкомпьютер, если только это действительно был инопланетный корабль, по-разному реагировал на мысленный импульс. Порой, ориентируясь на мимолетное движение где-то в подкорке, он создавал стабильные образования невообразимой сложности, а иногда допускал грубейшие ошибки в самых элементарных вещах. Экспериментируя на досуге в различных областях, Макдональд окончательно убедился в том, что наибольшей устойчивостью отличаются именно самопроизвольные реакции невидимого хозяина долины. Снимая слепок с подсознания, он как бы самого себя тешил занятным развлечением, тогда как выполнение точных инженерных заданий было для него чем-то вроде досадной рутины.

«Валенти прав, — подумал австралиец, отбивая молотком первый сталактит, — с нами играют, как кошка с мышью, испытывают, просвечивают насквозь».

Он ни минуты не сожалел о том, что не пошел со Смитом и итальянским профессором до конца. Не его дело распутывать такие головоломки. У каждого свой бизнес в этой короткой жизни, и следует держаться собственной стаи, иначе пропадешь ни за грош. Как ни притягательны тайны мироздания, они не для него. Пусть над ними ломают головы профессионалы. Незачем ввязываться в чужие игры. Он и без того позволил себе зайти слишком далеко. О другом следует думать, совсем о другом. Не суетясь, точно рассчитывая каждый шаг, нужно расчистить себе обратный путь. Если вода к тому времени не спадет, он как-нибудь выберется по своду. Первый крюк, благодарение небу, вошел в камень достаточно хорошо и держится крепко. Альпинист такого класса, как он, может положиться лишь на собственные силы. Тем более что ему есть с чем возвратиться домой. Главное — навести на цель, а там покатится по накатанной дорожке, спутники, вертолеты, специальные экспедиции. Они мигом выполнят всю черную работу, на которую не хватит, наверное, и целой жизни, а там

уж и вычислительный центр подключится, разложит по полочкам, подведет окончательный баланс, ясный, как дважды два, итог, где не останется места для загадок и каждому будет воздано по заслугам. За спиной Макдональда стоит мощнейшая организация, располагающая самой современной техникой и неограниченными средствами. И это единственное, о чем стоит помнить денно и нощно.

Макдональд выполнил задание за одиннадцать недель, не считая времени, потребного на акклиматизацию и изучение обстановки. Но пока добытая им бесценная информация оставалась вещью в себе. Исход феноменальной операции, которую наверняка станут потом изучать в разведывательных школах, зависел от таких несущественных мелочей, как крюки, веревка или переправочный блок.

Задним числом и как бы со стороны переосмыслив свои действия, Макдональд выдал себе положительную оценку. Даже временное умопомрачение на римской вилле оказалось необходимым для построения общей картины. Это был своего рода эксперимент, без которого последующие передряги могли закончиться весьма печально. Зная или по крайней мере догадываясь о существовании бдительно следящего ока, Макдональд поостережется, например, заложить в пещере B^1, чтобы направленным взрывом сбросить преграждавшую путь воду. Не сделает он и рискованной попытки уничтожить атомным ударом источник радиопомех, хотя ничего не стоит «создать» пару полушарий из того же плутония или урана-235 и усилием воли свести их где-нибудь поблизости от летучего шара. Нет! Даже думать об этом опасно. Совершенно не известно, как ответят они на агрессию, пусть мысленную... Воистину мозг не знает стыда. Попробуй прогнать овладевшую им идею. Сопротивляется, проклятый, не признает никакого насилия. Нет в мире силы, способной запретить думать.

Почти помимо воли представилась небесная лазурь над снеговой цепью, перекрестье лучей на сером металле и черные сходящиеся полулуния с обеих сторон. И как перекрывшая все прицельная рамка, тут же откуда-то схема явилась: ядро, слепленное из положительных (94) и нейтральных (145) тяжелых частиц, электронные оболочки ($5f^{6}7s^{2}$) и то, что за всем этим конкретно скрывается...

Только закусив руку до крови, сумел Макдональд избавиться от навязчивого видения. Вновь переключившись на самооценку, он пришел к не слишком утешительному выводу, что если до эпизода с галошей вел себя в общем правильно, то все последующие его действия были сплошной цепью ошибок.

И опять промелькнул развеянный было мысленный комплекс. Совершив непостижимый оборот, он утвердился в созна-

[1] Взрывчатое вещество.

нии и заплясал, как надоедливый столб мошкары, перед внутренним оком. Сознавая с ужасом, что для любой системы, знакомой с научной абстракцией, его видение содержит исчерпывающую информацию, Макдональд стиснул зубы.

Он не смел думать о таком! Но даже глухая боль, отозвавшаяся под пломбой, не помешала ему ответить на вопрос, вынырнувший из бездны, где формы и слова не сопрягались с вещами и образами.

«Почему плутоний? — спросил он себя. — Не уран?»

И понял, что остановился на этом изотопе только вследствие мысленной ассоциации с батареей, питавшей станцию слежения. Причины и следствия замкнулись в круг, как железный обод на шее колодника.

Макдональд пришел в себя от звякнувшего где-то совсем рядом железа. Запалив новый факел, он быстро нашел крюк, вывалившийся из дыры, пробитой с таким трудом. Это было по меньшей мере странно, хоть и не бросало вызова законам природы. С присущей ему настойчивостью Макдональд выбрал новое место и принялся методично сбивать известковую накипь. Он сумел прогнать нежелательное видение, не догадываясь еще, что собственный недреманный разум приготовил ему новый капкан.

Мысль, заставившая его бессильно опустить занесенную для очередного удара руку и выронить зазвеневший молоток, отлилась в законченную формулировку.

Если информация о долине не могла быть донесена с помощью радиоволн, то ее вряд ли удастся передать другими средствами. Человека, вернее, его незабывающий мозг легче держать в плену, чем неуловимый квант электромагнитного поля.

Ощутив себя пожизненным узником, Макдональд заметался по узкому коридору, наполненному свистом и рокотом прибывавшей воды. Мысли расползались и опадали сморщенными лоскутьями, как воздушные шарики, не долетевшие до чистого неба без плафонов и проводов. Воля к сопротивлению была подрезана на корню.

И только пятнышко сумеречного света, долетавшего с вольных благоуханных просторов, куда он не пожелал ступить, серело впереди робкой надеждой.

«Испить предназначенное до донышка...»

XXIII

День, по-зимнему короткий и хмурый, хоть и пахли промороженные ветки весной, угасал на глазах. Смит едва успел погрузить бидоны с кленовым соком, как небо в просветах между деревьями, а вместе с ним сугробы и оплывшие шапки на елках поглотила густая синька.

Заиндевелые лошадки покорно фыркнули, дохнув паром, нехотя стронулись и, увязая в снегу, вытащили сани на дорогу. Сухо чиркнули полозья, врезаясь в заледеневшие колеи, задребезжали, соприкасаясь помятыми боками, наполненные бидоны.

Эти знакомые до слез звуки и запахи, эта знобкая дрожь натруженного тела воспринимались как бы отдельными фрагментами забытого, но бесконечно милого целого.

Даже дорога, проложенная в вермонтском лесу, узнавалась не сразу, а отдельными отрезками, когда открывалась поляна, скупо подсвеченная луной, и заколоченный домик на ней с остроконечной башенкой или выплывал поникшим крылом заброшенный трамплин.

Смит и знал, и не знал, куда везут его поскрипывающие сани. Вспомнив одинокую сахароварню, когда показались выдыхавшая искры труба и малиновое оконце, он испытал легкий наплыв разочарования. Казалось, что он обманулся в приметах, суливших иную встречу. Но некогда было прислушиваться к себе. Как и там, в лесу, его и здесь подгоняла работа, увлекая на новый памятный след. Сняв запотевшие очки, Смит сощурился на свету, жадно вдыхая бередящие запахи. И стали предвестьями встречи жар печи и ее раскаленный зев, сводящий с ума дух клокочущего сиропа и пар, оседающий на заледеневшем стекле. Время сгущалось, как терявший живую влагу сироп.

Гудящее жерло печи, прикрытое раскаленной заслонкой, превратилось вневременно, как во сне, в камни, где рушились прогоревшие угли. На коврике, уткнув ласковую морду в вытянутые лапы, чутко дремала старушка Сэнди. Он долго смотрел на собаку, приоткрывшую преданный глаз, не догадываясь обернуться, а когда все же повернул голову, то не испытал потрясения, найдя всех в сборе.

Наверное, сознавал тайно, что такого просто не может быть. Однако они сидели все вместе, как это бывает на снимке, положив руки на стол: отец в старой фуфайке, мама в халатике и Лиен в золотистом своем аозае с маленькой Биверли на руках. Щечки девочки были помечены диатезом, а глаза, переполненные недетской печалью, не мигая следили за мерцанием углей.

Смит не помнил, как оказался за столом, как коснулся чутким пальцем желтых пятен на маминой похудевшей руке. Ловя хоть проблеск узнавания в непроницаемой глуби зрачков, он наклонился к отцу, и тот ответил ему слабой улыбкой.

— Где же ты был так долго? — с тихим упреком спросила мама.

И в самом деле, где же он был? Страдая от тягостного недоумения, Смит не мог припомнить ни прожитых лет, ни отдельных событий. Он не знал, зачем вообще понадобилась

эта трагическая разлука, не понимал, как мог жить вдалеке от родных, терзаясь неизвестностью: живы они или нет? В той непредставимой теперь дали он как будто догадывался, что остался совсем один, но точно не знал об этом, хоть и стремился узнать, кто и когда умер. Впрочем, нет, временами он подозревал, что обманулся в предчувствиях, что кого-то еще можно спасти, и, плача, рвался на помощь сквозь сны.

— Мы так ждали, а ты все не шел, — не повернув воскового лица, произнес отчужденно отец.

— Да, очень ждали, — скорбно кивнув, подтвердила Лиен.

— Думали уже, что ты нас не застанешь, — мама медленно убрала руку.

«Разве вы собрались уезжать?» — хотел спросить Смит, но грудь как цементной коркой схватило, не продохнуть.

И все же до них дошли его недоумение и обида, потому что отец удрученно кивнул, а мама, всхлипнув, поднесла смятый в комочек платок к уголку глаза. Ее лицо неуловимо переменилось, и Смит, ища опору принудил себя вспомнить фотографию, которую носил с собой. Произошла невидимая коррекция, сморщившая пространство, и все восстановилось.

— Ты мог не застать нас, — подтвердила тайные опасения мама, обретя узнаваемые черты, и неслышно добавила: — Совсем.

— Мы даже начали забывать тебя, — с присущей ей прямотой призналась Лиен.

«И ты тоже стала забывать, детка?» — рванулось из окаменевших глубин.

— Я сперва позабыла, папа, — шевеля припухшими, насквозь просвечивающими пальчиками, потянулась к нему дочь. — А теперь вспомнила.

Смит догадывался, что необходимо совершить невероятное усилие и дать выход отчаянию, не позволявшему ни говорить, ни дышать. И только он начал прозревать, как это сделать, откуда-то взметнулся, раздув припорошенные пеплом угли, леденящий ветер.

«Почему они говорят со мной как бы по очереди? — спросил он себя. — Не все сразу, перебивая друг друга, как это бывает при долгожданной встрече?»

«Не спрашивай мертвых, — кольнуло в сердце напоминание. — Они ничего не могут рассказать о себе».

Смит догадывался, что еще способен последним усилием напитать угасающие тени и, скользнув в их призрачный круг, остаться здесь, пока не развеется в мировом пространстве его живое тепло.

Соблазн был велик, хоть и не осталось сомнения в том, что дорогие образы не знают речи. Вылепившая их сила не обладала властью одарить духом и памятью глину. Свобода выбора

оставалась за ним, Смитом, и он не пожелал затвориться в вечном молчании наедине с собой.

Комната с погасшим камином потускнела и обрела сумеречную прозрачность.

И вскоре луна, безупречная и мертвая, как зеркало в магическом уборе винторогого козла, разогнала последние тени. Зыбкая дорожка, умастив антрацитовый щебень, обратила пустыню в озерную гладь.

Над невидимым горизонтом, словно поддерживая рыжее гало вокруг луны, висела снеговая кайма.

Смит уже знал, что пойдет туда, в эти дикие горы, окутанные парами тяжелых металлов. Все то, что кропотливо собирал его мозг и раскладывал затем по ячейкам во сне, нежданно сложилось в некую, пока химерическую систему. Между отрывочными сведениями и намеками обозначились причинные связи, за которыми проглядывала, вернее, предощущалась разгадка.

Робко, словно пробуя зыбкую почву, Смит всей душой устремился навстречу ее освежающему дуновению. Он прошел сквозь жаркий лабиринт, наполненный видениями, прорвался сквозь бред. И вместе с развеянными чарами пали оковы мысли. Еще не решаясь на смелый полет к дальним высотам, где мерещилось освобождение, Смит жадно ухватился за первую же опору, которую так вовремя подсунула память. Оставалось лишь удивляться, как он, химик-профессионал, сразу не распознал, чем именно вызван необычный цвет паров, скрывавших заповедные входы. Только медь в соседстве с ураном могла дать столь характерный спектр!

Смит, разумеется, помнил о том, что в Африке геологами был открыт природный реактор, где тысячелетиями протекал замедленный цепной процесс. Само собой напрашивалось предположение, что нечто подобное могло иметь место и здесь, в предгорьях Канченджунги. Оно давало естественное объяснение следам технеция в меди, составлявшей основу бутанской бронзы. Подобно атомным грибам на танке с Данканом на винторогом козле, скачущем сквозь дым и пламя, технеций мог служить предостережением, оставленным в назидание человечеству более развитыми собратьями. Хоть и коробила Смита очевидная фантастическая банальность подобного построения, но сфероид над горами, глушение радиоволн и прочие таинственные особенности долины придавали ему известную убедительность.

Предупреждения об опасности были достаточно ловко закамуфлированы, чтобы не сразу бросаться в глаза. Их предстояло открыть, причем на самых разных уровнях мышления и культуры. Миф с его изощренной символикой и обрядами посвящений обращался к первобытному инстинкту. Масс-спектрометрия будила трезвый разум, и от зримого, но не поддающегося поверхностной расшифровке образа встревоженная

мысль возвращалась невольно к двусмысленной суеверной молве, окружавшей долину.

«Может быть, не только здесь, — думал Смит, совершенствуя логическую конструкцию, — но и на других планетах законсервирована, с учетом местной специфики, память о катастрофах, положивших предел эволюции разума во Вселенной? И кто бы ни принес сюда эту столь изощренно сокрытую информацию — последние небожители или их хитроумные автоматы, доступ к ней не мог получить недостойный».

Что-то подсказывало Смиту, если только все это не было очередным наваждением, что он прошел почти все мыслимые испытания и остановился теперь перед заключительным, наиболее важным тестом.

«Смешные детские грезы, — сказал он себе, — последние сны человечества, летящего в невиданную, непредставимую эру...»

И пробудилась мелодия, и почудился милый тоскующий зов, долетевший из призрачных недр того зимнего леса.

Только голым можно было идти вперед. Выпотрошив душу, стерев память, содрав коросту с мозговых извилин, приученных повторять... Требовалось срочно придумать нечто совершенно необычайное, все равно, что именно, но замыкающее логическую цепь. Даже заведомо неверная, но хоть как-то обнимающая хаос фактов гипотеза могла стать если не кормчей звездой, то опорой для разума, готового впасть в наркотический омут.

Итак, долой якоря, прочь цепи.

Великий Архитектор, в чье существование Смит никак не мог поверить, должен был знать все и, как следствие, не нуждался в проверках и тестах. Древнее колдовство тоже следовало без сожаления отсечь, ибо оно никак не сочеталось с летательным аппаратом. Поэтому бог с ними, с расхожими стереотипами, переходящими из поколения в поколение, как истертые одноцентовики. От набивших оскомину пришельцев, от благодетелей из далекого прошлого и столь же далекого будущего отказаться было труднее, но Смит сбросил за борт и этот балласт.

Неизведанное, с чем еще никогда и никому не приходилось сталкиваться, показалось ему пустотой.

Полная луна — прародительница мистерий — звала ступить на неведомый путь, все выше вознося над горизонтом смутный радужный ореол.

«Фамагуста», — пришло на ум знакомое слово, и как бы в рифму ему отдалось потонувшим колоколом: «Холакауст»...

Смит заметил, как по краям голо возникли пятна непроглядного мрака. Медленно сходясь к невидимому центру, они вошли в освещенное поле, словно две половинки земной тени. Подумав, что сильная рефракция ночного гималайского неба могла столь причудливо исказить картину обычного

затмения, Смит мысленно увидел голубой в белых облачных завитках шарик, повисший в черной пустоте между далеким, вскипающим вихрями солнцем и крохотной желтой луной. Единственный живой островок зачем-то летел среди вечного неодухотворенного холода, пронизанного ливнями смертоносных частиц.

Мысль о том, что Земля могла расколоться, неприятно кольнула его, хоть и показалась нелепой.

— С перевала движется караван, — доложил наблюдатель верховному ламе. — Это они вернулись.

— Все? — несказанно удивился старик с лицом потемневшей сандаловой статуэтки.

— Их совсем мало, — равнодушно ответил монах, кутаясь в алое одеяние.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЫЛАЮЩИЕ СКАЛЫ
Повесть
5

ПРОСНИСЬ, ФАМАГУСТА
Повесть
241